

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 1 (17) 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Табарев А.В. Obsidian в неолите Приморья 2

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

- Матюхин А.Е. Среднепалеолитические комплексы Русской равнины, содержащие двусторонне обработанные орудия 7

- Козинцев А.Г. Сунгирь: старый спор, новые аргументы 19

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Кубарев В.Д. Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии 28

- Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая 39

- Вадецкая Э.Б. Новое о таштыкских погребальных масках 51

- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае 65

- Полосьмак Н.В., Трунова В.А. Волосы из пазырыкских могил (рентгенофлуоресцентный анализ с использованием синхротронного излучения) 73

- Хан Н.А. История одного сосуда (к вопросу о денежном счете Древней Руси XIII века) 81

ЭТНОГРАФИЯ

- Бяуло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов 89

- Соболева С.В., Октябрьская И.В., Ульянова М.В., Лавряшина М.Б. Системная оценка современной этносоциальной ситуации на Северном Алтае в связи с проблемой коренных малочисленных народов (по материалам исследований в Турочакском и Чойском районах Республики Алтай) 102

- Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая половина XX века) 115

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

- Ямал – земля второго солнца (фотоистория о ненцах) 121

АНТРОПОЛОГИЯ

- Дробышевский С.В., Богатенков Д.В., Трусов А.В. Лобная кость человека из села Дядькова (Рязанская область) 132

- Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным 143

ПЕРСОНАЛИИ

- Вадим Александрович Ранов – живая легенда среднеазиатской археологии каменного века 151

- Валерий Трофимович Петрин 153

РЕЦЕНЗИЯ

- Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование 155

- НОВЫЕ КНИГИ 158

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 160

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903.21

А.В. Табарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: tabarev@archaeology.nsc.ru*

ОБСИДИАН В НЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ

Вулканическое стекло (обсидиан) использовалось в подавляющем большинстве индустрий тихоокеанского бассейна начиная с периода первоначального заселения территорий прибрежного и островного мира человеком современного типа. Месторождения обсидиана и сформировавшиеся на основе их эксплуатации многочисленные региональные и локальные индустрии образуют своеобразный “обсидиановый пояс Пасифики”.

Первые в отечественной практике комплексные геолого-археологические исследования роли обсидиана в древних культурах финального палеолита – палеометалла проводятся в Приморье с начала 1990-х гг. и в настоящее время успешно развиваются в рамках нескольких проектов [Вулканические стекла..., 2000; Кузьмин и др., 1999; Табарев, 1996, 1997, 2001].

Особое место в современных исследованиях занимают технологические разработки – изучение способов добычи сырья, его распространения от источников, сферы использования и эволюции приемов обработки.

В то время как финальнопалеолитические техники обработки обсидиана (микроклиновидная, бифасиальная, резцовая) неоднократно и детально описаны по материалам целой серии памятников Приморья [Кузнецов, 1992; Кононенко, Клюев, 1998], неолитические освещены не в полной мере.

Обсидиан встречен во многих известных неолитических комплексах прибрежной и континентальной частей Приморья: Рудная Пристань (Тетюхэ), Моряк-Рыболов (Пхусун), Валентин-перешеек, Мустанг, Майхэ (Олений), Осиновка, Краскино, Сенькина Шапка, Сопка Харинская, Ханси II, Гладкая I (Зайсановка) и др. Из обсидиана изготавливали самые различные инструменты (ножи, сверла, наконечники, скребки). Встречаются и уникальные образцы, например нож из дымчато-голубого обсидиана (памятник Олений II, слой 4 в пункте В) [Бродянский, 1987, с. 143].

Обсидиан эксплуатировался в рамках нескольких техник расщепления и оформления орудий. Весьма показательна в этом отношении небольшая коллекция из фондов Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) – материалы раскопок 1956 г. на памятнике Гладкая I (Зайсановка).

Этот памятник в устье р. Гладкой при впадении в бухту Экспедиции известен с 1953 г. по разведкам и стационарным исследованиям [Андреев, 1957, 1960; Окладников, 1955, 1958, 1959, 1964]. И А.П. Окладников, и Г.И. Андреев писали о возможности выделения здесь жилищных конструкций различного типа и отмечали необычайно яркий набор изделий из обсидиана. Лишь незначительная часть этих изделий была опубликована. А.П. Окладников и Г.И. Андреев по-разному датировали комплекс. Первый практически сразу отнес Гладкую к неолиту, а второй – сначала к эпохе бронзы (XVI – XII вв. до н.э.), а затем к зайсановской культуре “зрелого” неолита (вторая половина II тыс. до н.э.). Obsидиановая индустрия в коллекции ИАЭт СО РАН представлена 84 артефактами, которые подразделяются нами на ряд категорий (табл. 1). Подавляющее большинство составляют пластинчатые отщепы (58,2%) и их фрагменты (18%), полученные при расщеплении крупных и средних нуклеусов аморфного типа (рис. 1 – 3). Правильных, призматических, пластин практически нет, остатки ударных площадок на пластинчатых отщепах не свидетельствуют о специальной подготовке ядрищ. А.П. Окладников и Г.И. Андреев особое внимание уделяли ножам на пластинчатых отщепах, оформленным плоской одно- или двухрядной ретушью по одному или двум краям (лезвиям). Г.И. Андреев приводит результаты осмотра обсидиановых ножей с Гладкой С.А. Семеновым, который определил их как ножи для резания мяса [Андреев, 1957]. Пластинчатые отщепы с ретушью из материалов 1956 г. вполне могли исполь-

Таблица 1. Obsидиановые изделия в коллекции памятника Гладкая

Категория артефактов	Кол-во	%
Пластиначатые отщепы с ретушью	49	58,2
Фрагменты отщепов	15	18
Истощенные ядрища	8	9,5
Микронуклеусы	2	2,4
Обломки микронуклеусов	2	2,4
Наконечники	8	9,5
Всего	84	100

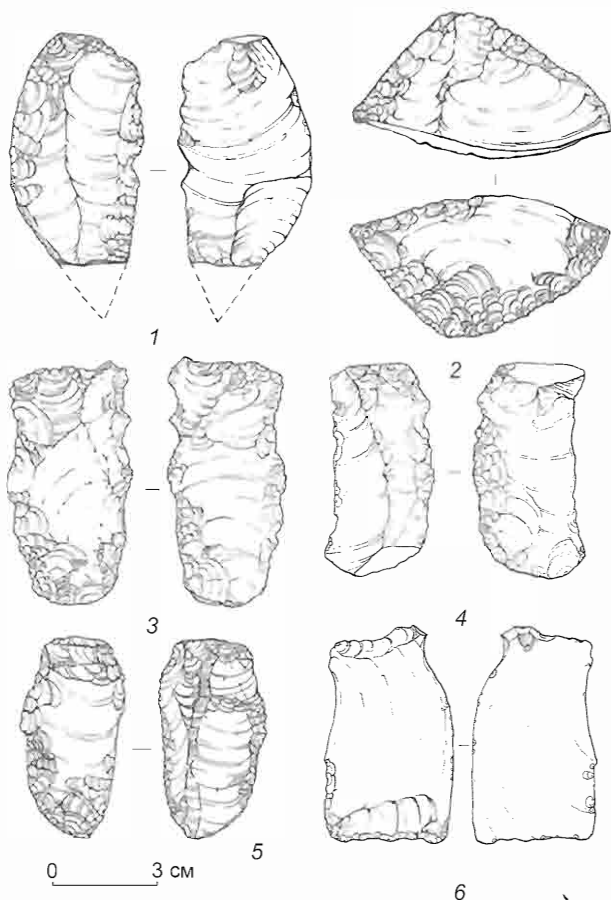

Рис. 1. Obsидиановые отщепы с ретушью. Памятник Гладкая.

зоваться и как режущие орудия, и как скребки или скребла. В коллекции Гладкой отсутствуют характерные для неолита формы небольших концевых скребков [Окладников, 1964]. Отдельные орудия морфологически могут быть трактованы как инструменты проникающего действия – “проколки”, “провертки”. Техника получения пластиначатых отщепов, доминирующая в коллекции, не связана с использованием каких-либо портативных приспособлений, но, несмот-

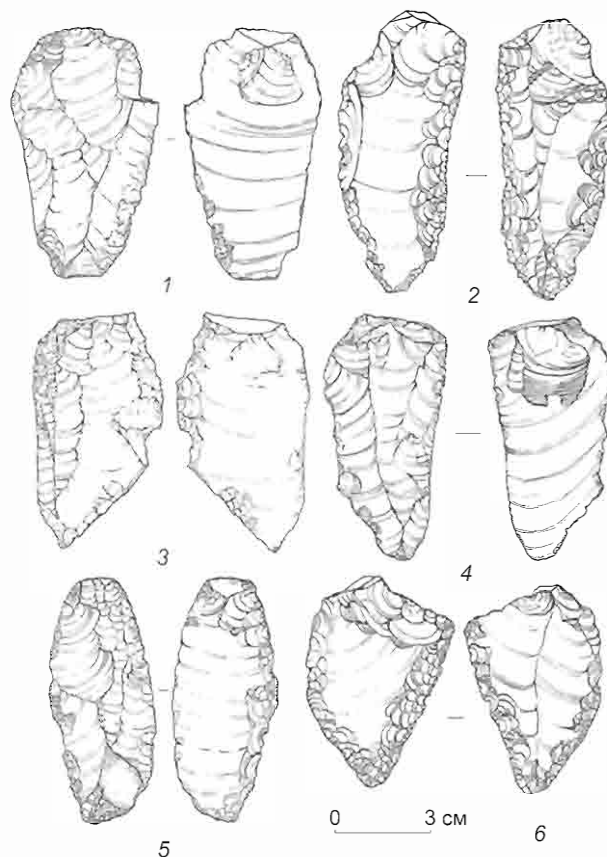

Рис. 2. Obsидиановые отщепы с ретушью (ножи). Памятник Гладкая.

ря на кажущуюся простоту, требует определенных навыков и знания сырья. Наряду с ней фиксируется и би-полярная (“контрударная”) техника. Несколько изделий (отщепов или же истощенных нуклеусов) подработаны ретушью и являются примерами орудий типа *pieces esquillees* (рис. 4, 1 – 3).

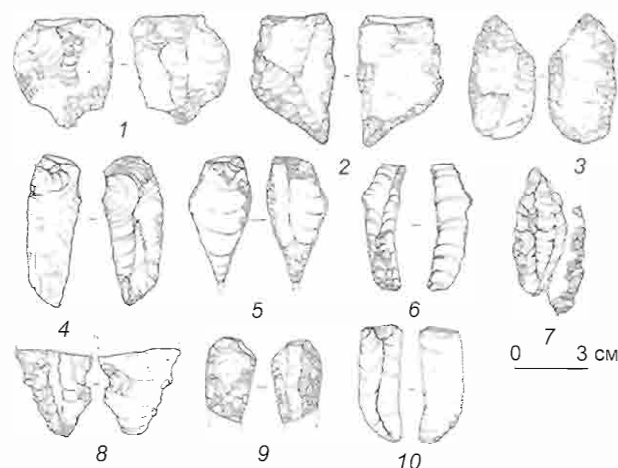

Рис. 3. Obsидиановые отщепы с ретушью. Памятник Гладкая.

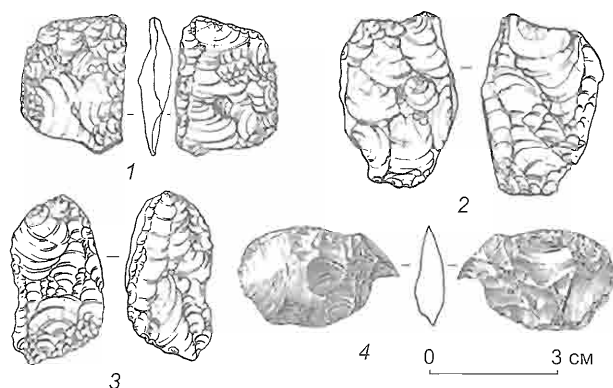

Рис. 4. Obsидиановые орудия типа *pièces esquillées* (1 – 3) и фрагмент двусторонне обработанного изделия (4). Памятник Гладкая.

В отличие от микроклиновидной и микропризматической техник, хронологически привязанных к финалу палеолита и неолиту, биполярная не требует использования специальных портативных устройств и ее применение гораздо шире. Впервые ее особенности были отмечены еще в начале XIX в. при описании орудий типа *pièces esquillées* (*splintered pieces*). Впоследствии богатое разнообразие археологических и этнографических примеров биполярной техники получило отражение в многочисленных исследованиях европейских и североамериканских специалистов [Barham, 1987; Hayden, 1980; Joslin-Jeske, Lurie, 1983; Kuijt, Prentiss, Pokotylo, 1995; Le Blanc, 1992; Shott, 1989; Van Riet Lowe, 1946; и др.]. До сих пор продолжается достаточно активная дискуссия по поводу различных составляющих биполярной техники. Существует несколько вариантов реконструкций технологических цепочек расщепления сырья, наработан достаточный экспериментальный материал, проведены интересные этнографические наблюдения. Большинство исследователей сходятся на том, что построить единую классификационную сетку для реконструкции биполярной техники нельзя. В конкретных археологических культурах, при определенной сырьевой базе индустрий, различном сочетании нескольких видов сырья она будет иметь те или иные региональные или локальные особенности. При этом решающую роль играет все-таки именно сырьевой фактор. Наиболее эффективен путь реконструкции биполярной техники для отдельных коллекций и археологических комплексов. В то же время, несомненно, существуют основные параметры (характеристики) для выделения данной системы расщепления в индустриях.

В основе биполярной техники лежит использование эффекта двойного импульса при раскалывании (расщеплении) тел с изотропными качествами. Идеальным сырьем для демонстрации биполярного расщепления яв-

ляется обсидиан в галечных конкрециях со следами активной поверхностной дефляции. Галька ставится на плоскую наковаленку с небольшим углублением для лучшей фиксации, при этом ее максимальный линейный параметр ориентируется вертикально. Расщепление осуществляется легкими ударами плоским галечным отбойником (на котором также есть углубление) по верхнему концу гальки с фиксацией противоположного на наковальне. Причем эта фиксация не должна быть предельно жесткой, ибо величина встречного импульса может превысить предел прочности продуктов расщепления. В качестве исходной заготовки в некоторых случаях могут использоваться и истощенные ядрища, и просто подходящие по размеру куски сырья. В зависимости от ряда факторов (качества сырья, размеров гальки, силы импульса и др.) в результате расщепления можно получить две различные по размеру части или половинки гальки (полусфероиды), несколько долей (в т.ч. плоский срединный сегмент), единичные отщепы с галечной коркой, даже сколы с микропластинчатыми характеристиками. Не исключено, что галька вообще расколется на непригодные части или лишь слегка выкрошится по концам. Далее возможны самые различные варианты: оформление орудий или микронуклеусов на продуктах расщепления, продолжение снятия отщепов с нуклеуса, оформление орудий на срединных сегментах и др. Причем при дальнейшей эксплуатации исходной гальки или ее частей возможна смена площадки и фронта с поворотом по вертикальной и горизонтальной оси на 90° и 180° .

Очень интересным представляется вопрос о том, насколько регулируем со стороны мастера процесс расщепления и предсказуемы виды получаемых продуктов. Проведенные нами серии экспериментов наглядно показывают, что, действительно, при определенном умении можно сводить к минимуму потери сырья, до предела срабатывая ядрище, используя затем его для переоформления в орудия, максимально четко оформляя инструменты на отщепах и сколах. Однако это вовсе не значит, что мы можем поставить данную систему расщепления в один ряд с высокотехнологичными системами микропластинчатого, пластинчатого и даже отщепового типов. Наибольший контроль над результатами биполярного раскалывания достигается при условии качественного сырья, а в археологических материалах как раз представлено в основном обсидиановое сырье среднего и низкого качества, с множеством внутренних каверн и дефектов. Очень важно также определить, какое место занимала биполярная техника в каменной индустрии и что было приоритетным фактором ее применения – наличие в сырьевой базе только галечного обсидиана, использование обсидиана как редкого качественного импортного сырья, производство определенных видов изделий или же мак-

симальная утилизация всех продуктов расщепления и т.д. В каждом из этих случаев вопрос о степени технического контроля будет иметь разный подтекст. Правильнее, на наш взгляд, говорить, что все многообразие вариантов расщепления гальки было предсказуемым.

Еще более интересен вопрос о присутствии в материалах памятника Гладкая артефактов, связанных с *микропластинчатой техникой*. В коллекции имеется великолепный образец истощенного микроклиновидного нуклеуса на отщепе с высоким фронтом (рис. 5, 1). Его аналоги широко представлены в финальнопалеолитических комплексах Приморья, Японии и Кореи. По мнению ряда исследователей, такая форма характерна для заключительного этапа развития микроклиновидной техники 11,5 – 10,5 тыс. л.н. Кроме этого присутствуют и другие фрагменты микронуклеусов, менее типологически выраженные (рис. 5, 2, 3). Нам представляется, что подобные находки могут, в первую очередь, свидетельствовать о многокомпонентности комплекса Гладкой.

Техника бифасиальной обработки использовалась при изготовлении мелких наконечников стрел ромбической, треугольной и листовидной формы. Все наконечники выполнены на отщепах. Среди других изделий с двусторонней обработкой отметим необычный фрагмент овальных очертаний (см. рис. 4, 4). Возможны два варианта его интерпретации – декоративный (обломок фигурки) или орудийный (обломок орудия). Хотя первая трактовка весьма заманчива, мы все-таки склоняемся ко второй, предполагая, что перед нами часть рукояти “кнопчатого” ножа – категории орудий, представленной в целом ряде неолитических комплексов Северной Японии. Наиболее яркий тип таких изделий – ножи-сэкихи с рукоятью-“пуговкой”, которые известны с раннего дземона. Исследователями предполагается и определенная декоративная роль ножей-сэкихи, поскольку они могли подвешиваться на шею или пояс, о чем свидетельствуют остатки смолы или асфальта на рукоятках [Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982].

За 50 лет, прошедшие со времени обнаружения памятника Гладкая, других ярких комплексов с обсидиановой индустрией неолитического времени в Приморье не зафиксировано. Ближайшие аналогии материалам Гладкой отмечаются на территории Корейского полуострова. Большое количество обсидиановых орудий на пластинчатых отщепах и отщепах известно по памятникам Оссани, Купонги, Санморонги-7, Помый-Кусок, Сопхохан, Нонгпори и др. [Бутин, 1979; Бродянский, 1987; Nelson, 2003]. На стоянке Помый-Кусок, где выделено до шести периодов обитания от 4,5 тыс. л.н. до рубежа эр, в отдельных жилищах найдено по 250 – 270 пластин и орудий на пластинчатых отщепах. На памятнике Нонгпори в ходе подъем-

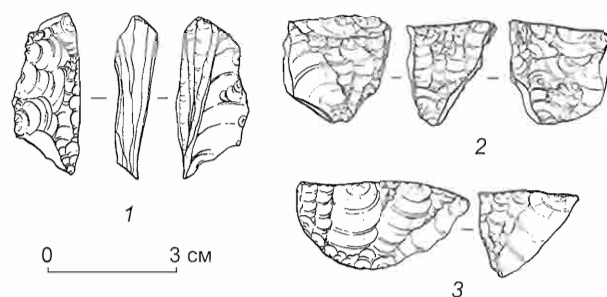

Рис. 5. Микронуклеусы из обсидиана. Памятник Гладкая.

ных сборов и раскопок раковинной кучи было собрано более 2 500 обсидиановых артефактов вместе с изделиями из кости (шильями, иголками, рыболовными крючками, гарпунами) [Arimitsu, 1962; Nelson, 2003].

Согласно результатам геохимических анализов, проводившихся с целью идентификации источников обсидиана, найденного в археологических контекстах Приморья, наряду с местным сырьем (галечного характера) в индустриях использовалось и импортное [Вулканические стекла..., 2000]. Основным источником импортного обсидиана был вулкан Пэктусан на территории КНДР близ границы с Китаем. Впервые это сырье отмечено в континентальных районах Приморья еще в финале палеолита ок. 12 – 10 тыс. л.н. С началом эпохи неолита оно проникает в прибрежную зону и фиксируется в комплексах, датируемых 9 – 3 тыс. л.н. В табл. 2 приводятся данные о наличии импортного обсидиана

Таблица 2. Обсидиан из района вулкана Пэктусан в прибрежных памятниках эпохи неолита Приморья

Номер образца	Памятник	Расстояние от источника, км
KU047	Ханси	250
KU048	»	250
KU049	»	250
KU050	»	250
KU150	Бойсмана-2	300
KU151	»	300
KU152	»	300
KU153	»	300
KU008A	Гладкая	300
KU008B	»	300
KU008C	»	300
KU008D	»	300
KU008E	»	300
KU008F	»	300
KU008G	»	300
KU003A	Пхусун	600
KU034	Ефстафий	600
KU141	Монастырка-3	700

на памятниках Южного и Восточного Приморья. Расстояния, на которые посредством обмена, специальных экспедиций или в процессе постепенных перемещений населения был перенесен обсидиан, весьма внушительны. До памятников Южного Приморья (Бойсмана-2, Гладкая, Ханси) от района вулкана Пэктусан порядка 250 – 300 км, а до памятников Восточного Приморья (Ефстафий, Пхусун, Монастырка-3) – 600 – 700 км по прямой. Реальный же путь обсидиана в виде преформ, заготовок или законченных изделий был значительно длиннее, повторял особенности рельефа, зависел от климата и специфики хозяйства. Механизмы эксплуатации источников, характер распространения вулканического стекла и сопутствующих технологий его обработки в неолитическую эпоху на юге Дальнего Востока России еще предстоит расшифровать.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность своим дальневосточным и американским коллегам М.Д. Гласкоку, А.А. Крупянку, Я.В. Кузьмину, С. Нельсон, А.Н. Попову, В.К. Попову и С. Шекли за плодотворное сотрудничество и обмен мнениями по проблемам изучения вулканических стекол в археологических комплексах. Особая благодарность графику Ю.В. Табаревой за иллюстрации к настоящей публикации.

Список литературы

- Андреев Г.И.** Поселение Зайсановка I в Приморье // СА. – 1957. – № 2. – С. 121 – 145.
- Андреев Г.И.** Некоторые вопросы культур Южного Приморья III – I тысячелетий до н.э. // МИА. – 1960. – № 86. – С. 136 – 161.
- Бродянский Д.Л.** Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 276 с.
- Бутин Ю.М.** Новые материалы по археологии Корейского полуострова (стоянка Помый-Кусок) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 126 – 134.
- Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу.** Культуры каменного века Северной Японии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 208 с.
- Вулканические стекла Дальнего Востока России:** геологические и археологические аспекты. – Владивосток: Дальневост. геол. ин-т ДВО РАН, 2000. – 168 с.
- Кононенко Н.А., Ключев Н.А.** Новые докерамические комплексы в Приморье (к проблеме культурных связей в эпоху камня) // Историко-культурные связи между коренным населением тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. – Владивосток: Ин-т ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1998. – С. 162 – 170.
- Кузнецов А.М.** Поздний палеолит Приморья. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – 240 с.
- Кузьмин Я.В., Табарев А.В., Попов В.К., Гласкок М.Д., Шекли М.С.** Геохимическая характеристика обсидиана Приморья (Дальний Восток России) и источники сырья // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Материалы конф. – Улан-Удэ, 1999. – С. 464 – 465.
- Окладников А.П.** Археологические исследования в Приморье в 1953 г. // Сообщения ДВФ СО АН СССР. – 1955. – Вып. 8. – С. 3 – 13.
- Окладников А.П.** Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953 – 1956 гг. // Сборник статей по истории Дальнего Востока. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 5 – 80.
- Окладников А.П.** Далекое прошлое Приморья. – Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1959. – 392 с.
- Окладников А.П.** Неолит Южного Приморья // Материалы по древней истории Сибири. – Улан-Удэ: СО АН СССР, 1964. – С. 221 – 231.
- Табарев А.В.** Роль керамики и обсидиана в финальнопалеолитических культурах юга Дальнего Востока России // Керамика как исторический источник. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1996. – С. 59 – 61.
- Табарев А.В.** Обсидиановые пути древнего Приморья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы 5-й годовой итоговой сессии в Институте археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 128 – 131.
- Табарев А.В.** Особенности универсальных, специализированных и “высоких” технологий в обсидиановых индустриях Пасифики // Диковские чтения. – Магадан: Изд-во СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 53 – 57.
- Arimitsu K.** Chosen Kushimemon Doki no Kenkyu (The comb pattern pottery of Korea) // Publications of the Department of Archaeology, Kyoto University. – 1962. – Vol. 3. – P. 108 – 111.
- Barham L.S.** The Bipolar Technique in Southern Africa: A Replication Experiment // The South African Archaeological Bulletin. – 1987. – N. 42. – P. 45 – 50.
- Hayden B.** Confusion in the Bipolar World: Bashed Pebbles and Splintered Pieces // Lithic Technology. – 1980. – Vol. 9. – P. 2 – 7.
- Joslin-Jeske R., Lurie R.** Seeing Bipolar: A Blind Test // Paper Presented at the 48th Annual SAA Meeting. – Pittsburgh, 1983. – Off-print. – 12 p.
- Kuijt I., Prentiss W.C., Pokotylo D.L.** Bipolar Reduction: An Experimental Study of Debitage Variability // Lithic Technology. – 1995. – Vol. 20 (3). – P. 116 – 127.
- Le Blanc R.** Wedges, Pieces Esquillees, Bipolar Cores, and Other Things: An Alternative to Shott's View of Bipolar Industries // North American Archaeologist. – 1992. – Vol. 13. – P. 1 – 14.
- Nelson S.M.** Cultural and Environmental Change in Coastal Korea // Paper Presented at 5th World Archaeological Congress. – Washington, D.C., 2003. – Off-print. – 8 p.
- Shott M.J.** Bipolar Industries: Ethnographic Evidences and Archaeological Implications // North American Archaeologist. – 1989. – Vol. 10 (1). – P. 1 – 24.
- Van Riet Lowe C.** The Coastal Smithfield and Bipolar Technique // South African Journal of Science. – 1946. – Vol. 42. – P. 240 – 246.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.2

А.Е. Матюхин

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: matyukhin@svs.ru*

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РУССКОЙ РАВНИНЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ДВУСТОРОННЕ ОБРАБОТАННЫЕ ОРУДИЯ*

Введение

Территория Русской равнины, как известно, была заселена в домустьерское время, начиная с минделя или с минделя – рисса. При этом укажем на такие памятники, как Королево-1 в Закарпатье [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 25 – 65]**, Хрящи и Хутор Михайловский в долине Северского Донца [Праслов, 1968, с. 22 – 56; 1984, с. 97 – 98; 2001, с. 13 – 22]. Индустрии двух последних памятников не содержат двусторонних изделий. В комплексах 5в, 5а и 5 Королева-1 (их хронологические рамки от рисса I – II до рисса II – III [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 47 – 55]) выделены бифасы, а также листовидные острия. Индустрия грота Выхватинцы в Приднестровье имеет более или менее надежную хронологическую привязку (рисс – вюрм) и содержит помимо других изделий небольшое число бифасов микокского облика [Анисюткин, 2001, с. 107 – 114; Анисюткин, Кетрару, 1999]. Листовидные острия здесь не представлены. В других комплексах Приднестровья, в частности местонахождений Кишлянский Яр [Анисюткин, 2001, с. 71 – 78] и Великий Глубочек [Сытник, 2000, с. 114 – 119], бифасиальные формы встречаются редко. Единичные бифасы ашельского облика известны из Макеевки, Артемовска, Амвросиевки в Донбассе [Праслов, 1984, с. 99; Колесник, 1998, с. 7 – 8].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 02-06-80462а.

** В последние годы предпринята попытка, основанная лишь на общих соображениях, пересмотреть хронологию ранних комплексов с тенденцией их “омоложения” [Кулаковская, 1999, с. 153 – 158].

Мустьерские памятники более многочисленны. В России это Хотылево-1 в Брянской обл. [Заверняев, 1978], Калитвенка-1а в долине Северского Донца [Матюхин, 2000], Непряхино [Захариков, 1993, 1999] и Волгоградская стоянка [Замятнин, 1961; Праслов, 1984, с. 107, 120; Кузнецова, 1985, с. 7 – 11]. На территории Украины назовем следующие памятники: Рихта [Смирнов, 1979; Кухарчук, 1989], Житомирское местонахождение [Месяц, 1962, с. 54 – 55; Кухарчук, Месяц, 1991а, б] в Украинском Полесье, Антоновка-1 и 2 в Донбассе [Гладилин, 1976], Пилипче XI в междуречье среднего течения Днестра и Буга [Сытник, 2000, с. 114 – 128], а также Стинка-1 в Черновицкой обл. [Анисюткин, 1969, 1972]. Перечисленные памятники получили широкое освещение в литературе. Однако многие вопросы, связанные с определением их функционального типа и археологического возраста, типологией и интерпретацией двусторонних форм, остаются открытыми. Они будут в центре внимания нашей статьи.

В последние годы заметно изменились подходы к изучению каменных изделий. Исследования приобрели комплексный характер: широко используются планиграфический, типологический, технологический и функциональный методы. Такой подход предполагает классификацию, описание и эмпирическую интерпретацию археологических объектов [Матюхин, 2001а]. Описание предполагает не только учет основных морфологических и метрических параметров, но также детальную фиксацию морфологии изделий, что создает начальную базу для технологического и функционального анализа. Интерпретация каменных изделий во многом зависит от типа памятника (поселение, мастерская, стоянка-мастерская и т.д.). Если в инвен-

таре поселений преобладают готовые орудия, т.е. функционально значимые, то в материалах мастерских и стоянок-мастерских – незаконченные, неполучившиеся орудия, т.е. технологически значимые. Последнее в определенной степени создают трудности при классификации и интерпретации изделий. Бифас из мастерской, являющийся незаконченным изделием, например наконечником, можно отнести и к другим типам орудий, скажем скребкам. Наглядно об этом свидетельствуют материалы позднелептинеолитических мастерских по изготовлению листовидных и треугольных наконечников в долине Северского Донца (Бирючья Балка) [Матюхин, 1994; Matioukhine, 1998a, б; Матюхин, 2002a]. Очень часто незаконченные орудия попадают в группы “разные” или “неопределимые”, “сомнительные” и т.п., составляя при этом значительный процент.

Важное значение при изучении изделий имеет понятие “модель орудия”, предполагающее определение места орудия на уровне класса, отличия его, например, от нуклеуса, а также типовой принадлежности, различия, к примеру, бифаса и двустороннего острья, скребла и остроконечника [Матюхин, 1995, с. 16 – 17]. Большое значение здесь имеет учет степени законченности орудия. Говоря о модели орудия, необходимо фиксировать основные структурные элементы изделия (у нуклеуса – рабочей и тыльной поверхности, ударных площадок, боковых краев; у орудия – верхнего и нижнего концов, боковых краев с установлением рабочего, аккомодационного и пассивного участков). На основе этого можно показать, что данный предмет, несмотря на грубую обработку, относится к нуклеусам, а не к орудиям. В случае с орудием ставится цель определить, является ли оно законченным или незаконченным, неполучившимся, пробным и т.п. Таким образом, классификация и типолого-морфологическое изучение орудий должны быть целенаправленными.

Технологическое (как, впрочем, и детальное типолого-морфологическое и функциональное) исследование является одной из форм эмпирической интерпретации. Оно направлено на выявление технологических признаков, толкование морфологии предметов и реконструкцию технологических процессов [Матюхин, 1999б; 2001a, с. 35]. Здесь используются такие понятия, как “законченные”, “незаконченные”, “неполучившиеся”, “пробные орудия”, а также “редукционная (типолого-технологическая) последовательность”, “редукционные (типолого-технологические) ряды”, “технологический контекст”, “стадиальные формы” и др. [Матюхин, 1995, с. 25 – 26; 1998, с. 25 – 27; 2001a, с. 35 – 44]. Цель технологического анализа сводится к тому, чтобы изучаемые изделия, их форма предстали как процесс, как совокупность причинно-следственных связей. Необходимо найти

место, с одной стороны, отдельному признаку в системе “орудие”, с другой – предмету в последовательной цепи процесса изготовления или использования орудия. Другими словами, такого рода анализ изделий направлен на выявление их примерного содержания и значения. Мы намерены придерживаться изложенных методических принципов при изучении каменных орудий из упомянутых ашельских и мустьерских комплексов Русской равнины.

Краткая характеристика индустрий памятников

Ашельские памятники

Королево-1, горизонты 5в, 5а и 5 (по: [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 47 – 65; Gladilin, Sitlivy, Tkachenko, 1995]). Показательно, что кроме двусторонних листовидных острий (рис. 1, 4 – 6) во всех индустриях выявлены зауженные бифасы, в т.ч. листовидной формы (рис. 1, 7, 8). Отмечены грубые и относительно тщательно обработанные экземпляры. Любопытно и то, что бифасы довольно длинные. Наибольшее число двусторонних острий обнаружено в горизонте 5а – 18 экз. Целые орудия единичны. Явно преобладают их обломки. Длина целых орудий в пределах 8,3 – 15,8 см, ширина – 2,8 – 4,0 см, толщина – 1,0 – 2,8 см. Размеры самого крупного и выразительного листовидного острья составляют 15,8 × 4,5 × 1,7 см (рис. 1, 6). Среднее значение отношения ширины к толщине у всех двусторонних наконечников составляет 2,99. Оно выше, чем у многих мустьерских и позднелептинеолитических образцов. Вообще, эти цифры нуждаются в интерпретации: измерялись изделия как совершенные, так и незаконченные и, вероятно, неполучившиеся. К тому же важен тип исходной заготовки: отщеп, желвак, плитка, обломок и т.п. Этим показателем нужно пользоваться осторожно. Укажем, что для некоторых двусторонних наконечников Королева-1 характерны правильные очертания и тщательная обработка.

Великий Глубочек-1. Двусторонние формы происходят из горизонтов III и IIIб, связанных с ашелем [Сытник, 2000, с. 108 – 140]. В инвентаре горизонта III выделено десять обломков двусторонних наконечников (рис. 1, 2, 3) и четыре бифаса (один целый и три фрагмента). Бифасов слишком мало, чтобы уверенно говорить об их ашельской морфологии (рис. 1, 1). Соотношение ширины и толщины у них составляет 2,2 – 2,7. Интересно, что один из обломков тонкий в сечении и толщина его примерно одинаковая по всей длине. Некоторые наконечники зауженные и имеют относительно регулярную обработку. Поскольку оба горизонта с находками потревожены, есть основания ставить под сомнение их ашельский возраст.

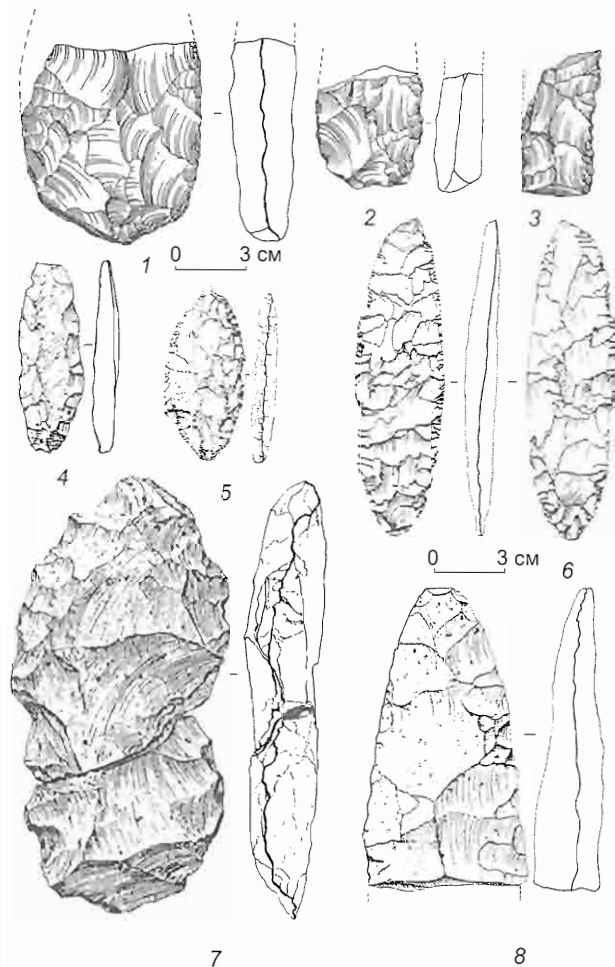

Рис. 1. Каменные орудия с памятников Великий Глубочек (1 – 3, по: [Сытник, 2000]) и Королево-1 (4 – 8, по: [Гладилин, Ситливый, 1990]).

Мустьерские памятники

Рихта. Памятник расположен в Житомирской обл. в Украине. Находки выявлены в переотложенном состоянии. Кроме леваллуазских и параллельного плоскостного принципа скалывания нуклеусов выделены ядрища с объемным расщеплением. Следует также обратить внимание на большое количество пластин, скребков, в т.ч. на пластинах.

Орудийный набор включает бифасы, листовидные острья, орудия с частичной двусторонней обработкой, а также односторонние скребла и остроконечники. К бифасам мы причисляем орудия с полной или частичной двусторонней обработкой, имеющие соответствующую структурно-морфологическую модель [Matioukhine, 1990, p. 143; Матюхин, 1995, с. 16 – 17]. К ним нами отнесены не только собственно бифасы (рис. 2, 5 – 7), но также орудия с двусторонней обработкой, имеющие относительно регулярную ретушь

по одному или обоим краям, правильные или асимметричные очертания (рис. 2, 1). Эти орудия многие исследователи, в частности В.Н. Гладилин [1976, с. 66 – 76], Ю.В. Кухарчук [1989, с. 23 – 28], относят к ножам. Попутно отметим, что термин “нож” занял прочное место в номенклатуре палеолитических орудий. В ряде работ приводится его типологическое определение (см., напр.: [Bosinski, 1967; Колосов, 1979б; Гладилин, 1976, с. 66; Гладилин, Ситливый, 1990, с. 13; Кухарчук, 1989, с. 23 – 28; 1994, с. 66 – 76; Кулаковская, Козловский, Собчик, 1994]). Сделана неудачная попытка отделить ножи от скребел на основе угла лезвия [Гладилин, Ситливый, 1990; Кухарчук, 1994]. “Нож” – функциональная категория, и выделение таких орудий должно осуществляться только в ходе функционального изучения. Бифасы, имеющие обработанные или необработанные грани, целесообразно называть бифасами со спинкой [Schild, Wendorf, 1977, p. 35 – 43]. Более правильным следует считать и использование термина “асимметричные бифасиальные орудия”.

Многие бифасы Рихты представлены обломками. Они удлиненные, тонкие в сечении (рис. 2, 5 – 7). Некоторые бифасы типологически неверно причислены

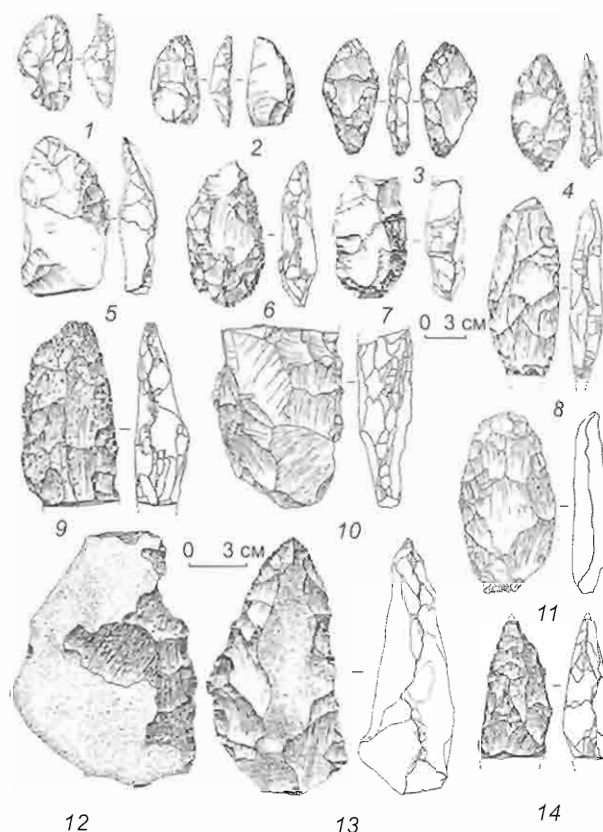

Рис. 2. Каменные орудия с памятника Рихта (1 – 8, по: [Кухарчук, 1989]) и Житомирского местонахождения (9 – 14, по: [Кухарчук, Месяц, 1991а]).

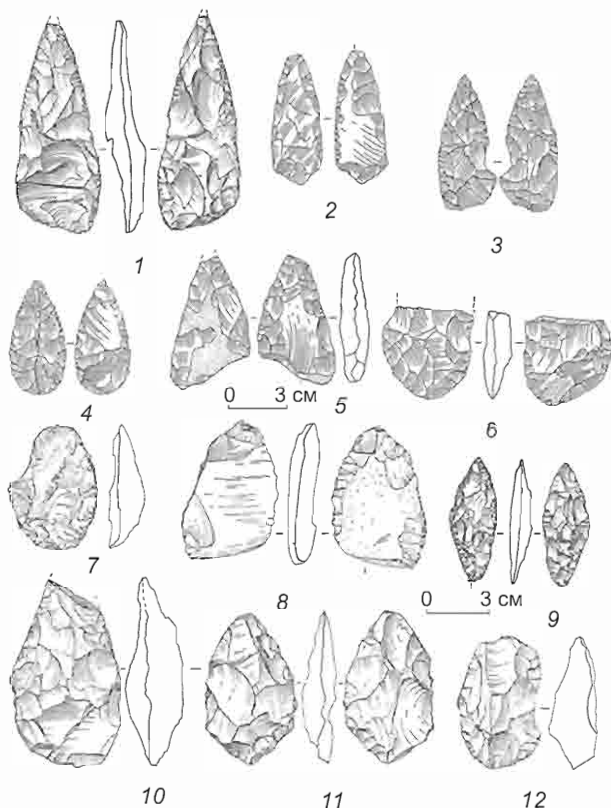

Рис. 3. Каменные орудия с памятников Стинка-1 (2 – 6, по: [Анисюткин, 1972]), Антоновка-1 и 2 (1, 7 – 12, по: [Гладилин, 1976]).

к ножам (рис. 2, 6). Кроме симметричных выделены асимметричные бифасы, которые имеют регулярную обработку. Характерно присутствие отщепов с базальным утончением. Орудия с частичной двусторонней обработкой отнесены Ю.В. Кухарчуком [1989, рис. 8, 4, 5] к ножам (рис. 2, 2). У некоторых из них отмечено утончение основания. Орудия, обозначенные как колуны, типологически невыразительны. Это, скорее, крупные орудия с частичной обработкой. Наконечники имеют листовидную, подтреугольную и копьевидную форму (рис. 2, 3, 4, 8). Некоторые изготовлены из отщепов.

Житомирское местонахождение. Располагается недалеко от г. Житомира. Находки собраны на поверхности и в покровных отложениях холма. Изделия, связанные с верхней частью отложений, не патинированы или имеют слабую патину, глубже сохранность артефактов гораздо хуже. Предметы собраны по всей длине холма. Это два важных момента, позволяющих судить об археологическом возрасте находок. Многие исследователи [Праслов, 1984, с. 108; Кухарчук, Месяц, 1991а, б; Koukharchouk, 1995; Колесник, 1998, с. 13] разделяют материалы памятника на ашельский и мустьерский комплексы. Главным критерием признается характер сохранности изделий.

Ю.В. Кухарчук выделил один ашельский и два мустьерских комплексов. Археологические критерии перечисленные авторы не учитывают.

Во всех комплексах отмечены одни и те же типы орудий: бифасы, двусторонние наконечники, колуны, скребла, “ножи” и др. Каких-либо различий в морфологии и размерах бифасов и наконечников, по сути дела, нет. Бифасы представлены в основном фрагментами (рис. 2, 9, 10). Целых экземпляров мало. Большинство бифасов зауженные, относительно тонкие в сечении (рис. 2, 11, 13). Листовидные наконечники массивные (рис. 2, 14). Многие двусторонние формы отнесены исследователями памятника к ножам (рис. 2, 11). В действительности речь идет об овальных, сердцевидных, удлинённых, листовидных и других бифасах. Изделия, названные секачами, правильнее называть желваками с регулярной и нерегулярной обработкой (рис. 2, 12), а колуны – нуклевидными орудиями. В индустрии памятника мало асимметричных форм.

Стинка-1. Памятник расположен у с. Атаки Черновицкой обл. на правом берегу Днестра. Согласно Н.К. Анисюткину [2001, с. 46], в инвентаре нижнего слоя насчитывается свыше 400 орудий. По нашему мнению, их число должно быть значительно сокращено за счет изъятия предметов с сомнительной ретушью.

Двусторонние формы представлены небольшим числом бифасов и листовидных острий. Все бифасы зауженные, сломаны (рис. 3, 5, 6). Листовидные острия имеют сплошную и частичную двустороннюю обработку (рис. 3, 2 – 4). Кроме названных двух типов двусторонних орудий, фигурирующих у Н.К. Анисюткина, в ходе изучения коллекции Стинки-1 нами были дополнительно выделены обломки орудий с двусторонней обработкой, мелкие бифасы, орудия с частичной двусторонней обработкой, нуклевидные орудия, отщепы уплощенные и с базальным утончением. Этим изделиям Н.К. Анисюткин дал другие наименования. С типологической точки зрения многие из них невыразительны и могут быть отнесены к ряду неопределимых.

Антоновка-1 и 2. На обоих памятниках культурный слой не сохранился. Коллекции содержат около 13 тыс. предметов. Преобладают нуклеусы параллельного плоскостного и радиального принципа расщепления. В то же время показательны объемные нуклеусы. Многие обломки с двусторонней обработкой отнесены В.Н. Гладилыным [1976, с. 45 – 48, 88 – 89] к пренуклеусам, а также к “сомнительным” и неопределимым орудиям. Кроме того, некоторые грубые бифасы и атипичные орудия с двусторонней обработкой названы им архаичными или протопризматическими нуклеусами. Отдельные двусторонние “скребла-ножи” оправданно относить к бифасам (рис. 3, 12),

атипичным орудиям с двусторонней обработкой (рис. 3, 8), уплощенным отщепам и отщепам с базальным утончением. Причем среди бифасов следует выделять относительно симметричные и асимметричные формы (рис. 3, 10 – 12). Отмечены бифасы со спинками. В коллекции много выразительных односторонних и частично двусторонних скребел (рис. 3, 7). Готовых или почти готовых наконечников мало (рис. 3, 1, 9).

Пилипче XI. Памятник связан с устьем р. Ничлавы, притока Днестра. Культурный слой разрушен. В инвентаре кроме односторонних выделены скребла с частичной двусторонней обработкой, бифасы (рис. 4, 11), бифасы частичные, атипичные орудия с двусторонней обработкой (рис. 4, 10). Бифасы в основном зауженные и небольших размеров. Многие изделия сломаны. Для орудий характерна грубая обработка. Общее число двусторонних наконечников 20 экз. [Сытник, 2000, с. 284]. Они листовидной и подтреугольной формы (рис. 4, 12). Практически все более или менее выраженные орудия представлены обломками.

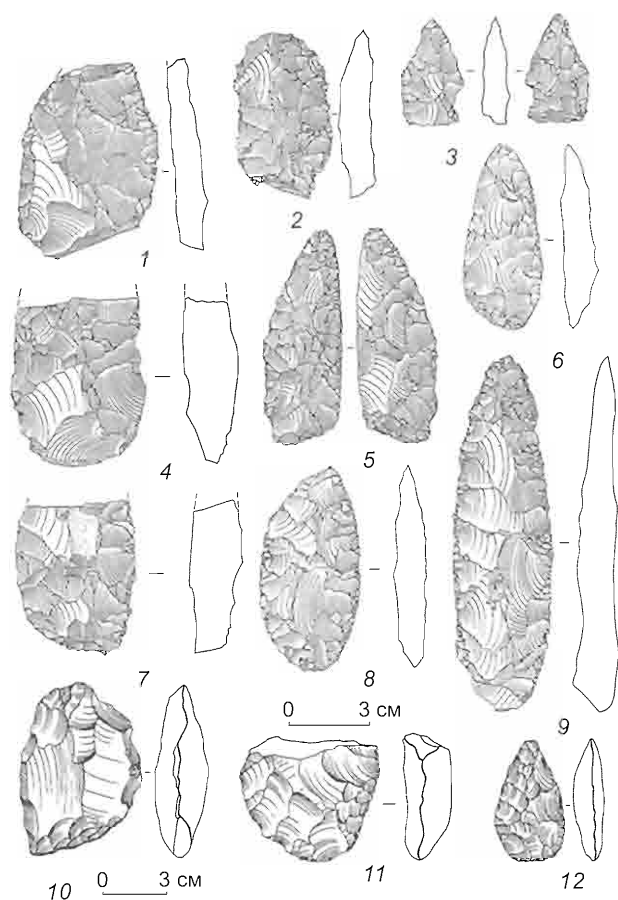

Рис. 4. Каменные орудия с памятников Хотылево (1 – 9, по: [Заверняев, 1978]) и Пилипче XI (10 – 12, по: [Сытник, 2000]).

Хотылево. Культурный слой на данном памятнике не сохранился. Ф.М. Заверняевым [1978] были выделены два комплекса изделий: аморфный и ашело-мустьерский. Отнесение предметов первого комплекса к артефактам вызывает сомнения. Это сильно поврежденные уплощенные обломки кремня. Типичные двусторонние формы здесь отсутствуют.

В инвентаре мустьерского комплекса присутствуют орудия с односторонней обработкой (преимущественно скребла), листовидные и подтреугольные бифасы, различные асимметричные бифасиальные формы, нуклевидные орудия, листовидные острия. Немало двусторонних форм отнесено Ф.М. Заверняевым к ножам (рис. 4, 2, 5, 8). Прежде всего отметим, что многие орудия этого комплекса, в т.ч. двусторонние формы, сильно повреждены, поэтому морфология отдельных структурных элементов орудий, в первую очередь верхнего и нижнего концов, нарушена, в частности, заостренный (треугольный) конец стал овальным или выпукло-выемчатым. Это, безусловно, осложняет классификацию и описание морфологии такого рода орудий. Большинство бифасов тонкие в сечении и имеют листовидные очертания (рис. 4, 1, 2, 4, 7). Они оформлены крупными сколами и такой же ретушью. Важное место в коллекции занимают удлиненные и одновременно зауженные бифасиальные орудия. Некоторые из них имеют симметричные, другие, наоборот, асимметричные очертания. Отмечены также относительно укороченные орудия подобного рода. Одни изделия следует причислить к наконечникам (рис. 4, 6, 9), другие – к асимметричным бифасам (рис. 4, 5, 8), третьи – к угловатым скреблам и остроконечникам (рис. 4, 3). Они, как правило, тщательно обработаны. Число листовидных острий незначительно.

Калитвенка-1а. Памятник расположен в окрестностях станицы Калитвенская Каменского р-на Ростовской обл. [Матюхин, 2000]. Значительная часть находок имеет вторичное залегание. Однако многие предметы выявлены в четких стратиграфических условиях и демонстрируют хорошую сохранность. Переотложенные изделия повреждены в разной степени. В индустрии обоих горизонтов насчитывается более 16 тыс. изделий.

Орудия исключительно интересны, хотя многие из них типологически невыразительны и могут быть зачислены в группу “разные” или “неопределимые”. Типичные скребла в обоих горизонтах отсутствуют. Выделены единичные скребки, несколько сложных скребел: с утонченной спинкой, уплощенные и с базальным утончением, а также конвергентные и двойные (рис. 5, 1, 4). Остроконечники не характерны для этого комплекса. Бифасиальные формы, за исключением упомянутых выше нескольких сложных скребел, включают бифасы (рис. 5, 5), орудия с частичной дву-

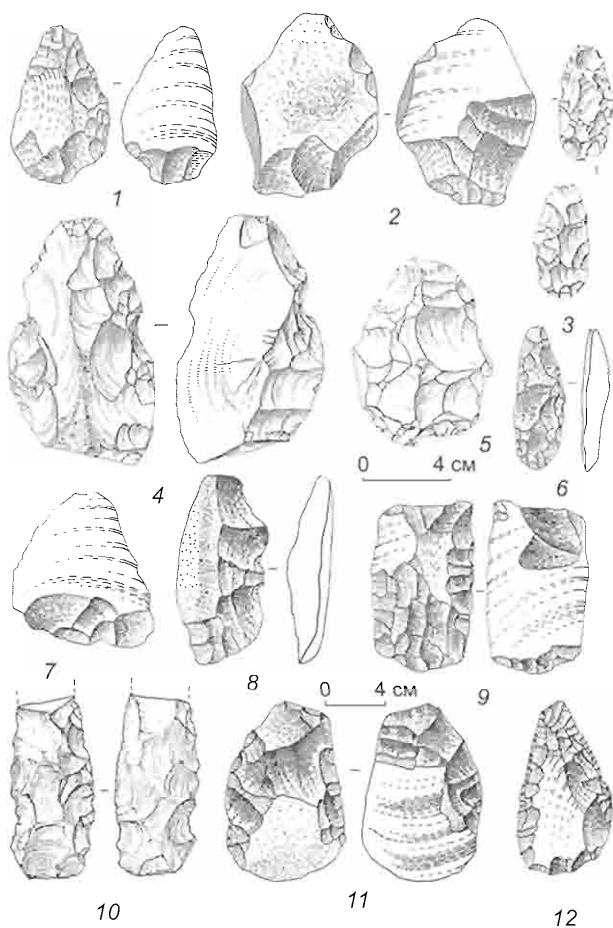

Рис. 5. Каменные орудия с памятников Калитвенка-1а (1 – 6) и Калитвенка-1, участок 2 (7 – 12). По: [Матюхин, 1999а, 2000].

сторонней обработкой, нуклевидные изделия и обломки орудий с частичной двусторонней обработкой. Кроме того, назовем уплощенные отщепы и отщепы с базальным утончением (рис. 5, 2).

Большинство орудий с двусторонней обработкой представлены обломками. Они имеют грубый облик. У значительной части орудий, изготовленных из отщепов, отмечено базальное утончение (рис. 5, 1, 2). В ходе обработки орудий широко практиковалось уплощение (рис. 5, 4). Двусторонние наконечники в коллекции обоих горизонтов немногочисленны (рис. 5, 3, 6).

Калитвенка-1 (участок 2). Это небольшой по площади участок, на котором кроме нуклеусов и сколов собраны орудия с двусторонней обработкой. Предметы располагались на поверхности склона балки. Среди орудий выделены следующие типы: бифасы, крупные конвергентные (рис. 5, 12) и двусторонние скребла, орудия с частичной двусторонней обработкой (рис. 5, 11), уплощенные скребла (рис. 5, 9), нуклевидные формы, крупные уплощенные зубчатые ору-

дия (рис. 5, 8), отщепы с базальным утончением (рис. 5, 7), монофасы и др. Как видно из приведенного списка, в коллекции присутствуют главным образом нетипичные или специфические формы. Следует обратить внимание на скребла, а также уплощенные зубчатые орудия. Типичные скребла или скребки отсутствуют. Двусторонние наконечники единичны (рис. 5, 10).

Непряхино. Изделия изготовлены из кварцита. Хронология памятника пока не ясна. Имеются затруднения и с определением археологического возраста индустрии. Исследователь памятника А.П. Захариков [1999; Zakharikov, 2002] считает ее переходной от мустье к позднему палеолиту. В коллекции присутствует много односторонних и частично двусторонних скребел, в т.ч. боковых одинарных, двойных, конвергентных и угловатых (рис. 6, 7). Отдельные скребла весьма выразительны. Однако наиболее характерная черта индустрии – наличие разнообразных двусторонних форм, общее число которых, по нашим наблюдениям, составляет более 200 экз. Кроме бифасов и листовидных острий следует выделять нуклевидные формы, орудия с частичной двусторонней обработкой. Среди последних обратим внимание на крупные плитчатые обломки с негативами относительно круп-

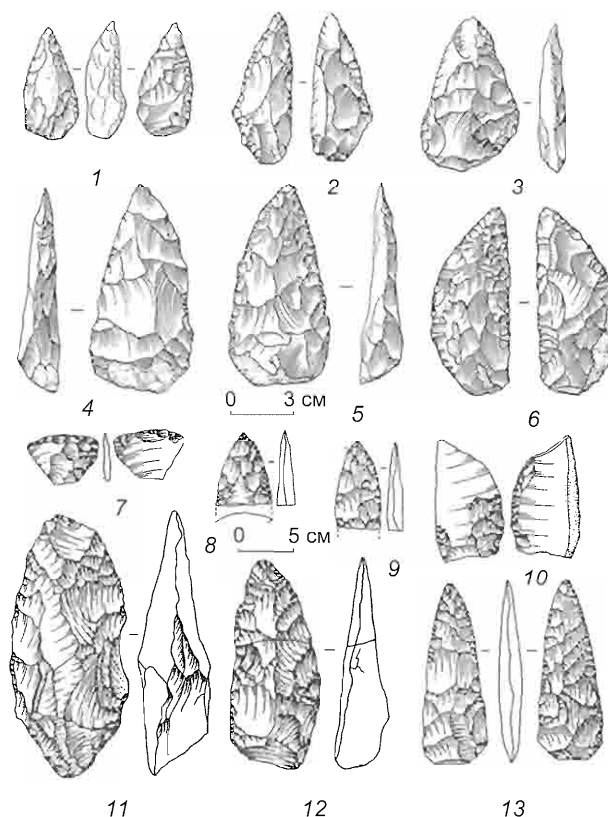

Рис. 6. Каменные орудия с памятников Волгоградская стоянка (1 – 6, по: [Праслов, 1984]) и Непряхино (7 – 13, по: [Захариков, 1993]).

ных и мелких сколов по двум боковым краям. Бифасы имеют листовидные, подтреугольные и подсердцевидные очертания (рис. 6, 11, 12). В коллекции немало частичных бифасов. Двусторонние наконечники довольно многочисленны (рис. 6, 8, 9, 13). Они имеют подтреугольную и копьевидную форму. Отмечены грубые и тщательно обработанные образцы. Нельзя не упомянуть присутствие отщепов и скребел с базальным утончением (рис. 6, 10).

Волгоградская стоянка. На памятнике выявлен богатый культурный слой, включающий кремневые изделия, кости животных, остатки кострищ, кусочки охры. Орудия составляют более 8% от общего числа изделий. Во всех описанных выше памятниках их гораздо меньше. Орудия представлены односторонними и двусторонними формами. Среди первых выделены скребла разных типов, а также остроконечники. Причем они составляют основную часть орудиного набора. Бифасиальные формы можно разделить на симметричные и асимметричные (рис. 6, 1 – 6). Последние принято называть ножами. У некоторых из них отмечены обушки. По нашему мнению, типологически более оправданно говорить об асимметричных бифасах или остроконечниках, в т.ч. со спинками (рис. 6, 2, 6). Симметричные орудия имеют сердцевидные и подтреугольные очертания (рис. 6, 1, 3 – 5). Все двусторонние формы тщательно обработаны. Вполне возможно, что отдельные асимметричные бифасы указывают на переоформление в ходе их использования. Двусторонние наконечники отсутствуют.

Дискуссия и выводы

Описанные выше индустрии, за исключением Волгоградской стоянки, в типологическом отношении близки по наличию двусторонних наконечников, а также некоторых специфических типов, в частности нуклевидных изделий, атипичных орудий с двусторонней обработкой, сложных скребел, уплощенных отщепов и отщепов с базальным утончением. Практически во всех индустриях бифасиальные формы имеют грубый облик. Многие представлены обломками. Другими словами, они производят впечатление незаконченных, неудавшихся форм. В то же время некоторые двусторонние орудия, особенно асимметричных очертаний, следует относить к законченным, т.е. функционально значимым. Существенно и то, что в инвентаре памятников, за исключением Калитвенки-1а и 1 (участок 2), отмечено большое количество орудий из отщепов, прежде всего скребел и остроконечников, которые использовались для различных целей.

Принимая во внимание типологический список орудий, их морфологию, степень законченности, можно высказать суждение относительно функционального типа описанных выше памятников. Материалы

Калитвенки-1а и 1 (участок 2) указывают на принадлежность данных археологических объектов к мастерским по изготовлению листовидных наконечников (готовых орудий и их заготовок) [Матюхин, 1999а, с. 275; 2000, с. 277 – 309]. Такие памятники, как Хотылево, Антоновка-1 и 2, Житомирское местонахождение, Рихта, Пилипче XI и Непряхино, следует называть стоянками-мастерскими, или мастерскими с элементами стоянок. Значительное или относительно большое количество готовых односторонних и двусторонних орудий характерно для долговременных мастерских, в рамках которых происходили процессы, связанные с жизнеобеспечением коллективов древних мастеров, т.е. разделка туш животных, обработка шкур, изготовление деревянных орудий и оружия и т.д. [Матюхин, 1999а, с. 281]. На памятниках подобного рода могут быть обнаружены зольные пятна, а также кости животных. Оправданным будет предположить, что сугубо производственная и хозяйственно-бытовая деятельность на стоянках-мастерских тесно переплетались, один вид деятельности переходил в другой. Основной функциональный профиль памятников – производственный, в данном случае изготовление листовидных наконечников. Хозяйственно-бытовая деятельность носила здесь вспомогательный характер. Мы оставляем термин “стоянка-мастерская”, хотя вполне приемлем и “мастерская-стоянка”.

Ашельские комплексы Королева-1 имеют разный функциональный статус. Так, индустрия горизонта 5, скорее, указывает на мастерскую по первичному расщеплению, а горизонты 5а и 5в – на мастерские по изготовлению орудий (листовидных наконечников). Комплекс Стинки-1 содержит мало типичных односторонних орудий (скребел, остроконечников) и, скорее, должен связываться с мастерской, а не со стоянкой. Иного мнения придерживается исследователь данного памятника Н.К. Анисюткин [2001].

Наконец, инвентарь Волгоградской стоянки в типолого-морфологическом отношении заметно отличается от материалов вышеназванных памятников. Орудия здесь относительно многочисленны. Они имеют выразительную морфологию и являются законченными, функционально значимыми. Данный памятник уместно относить к поселениям. На это указывают и такие компоненты культурного слоя, как кости животных и остатки кострищ.

Таким образом, в орудином наборе описанных памятников преобладают различного рода двусторонние изделия. В один технологический контекст этих индустрий войдут такие орудия, как бифасы, атипичные орудия с двусторонней обработкой (полной и частичной), нуклевидные формы, скребла двусторонне обработанные и с базальным утончением, отщепы

уплощенные и с базальным утончением и др. По сути дела, это незаконченные орудия, а точнее, наконечники, оставленные на начальной, промежуточной и заключительной стадиях обработки. Речь идет об орудиях, не завершенных по той или иной причине, не получившихся, а также о заготовках. Сказанное наглядно подтверждают материалы позднепалеолитической долговременной мастерской Бирючья Балка-2 в долине Северского Донца, где изготавливались треугольные острия [Матюхин, 1994, с. 27 – 36; 1999а, с. 278 – 280; 2001а, с. 40 – 41]. Об этом же свидетельствуют и просмотренные нами коллекции эпох неолита и бронзы, содержащие листовидные наконечники и топоры [Матюхин, 1995, с. 16 – 19].

Многие из перечисленных орудий близки по ряду морфологических и технологических признаков (удлиненная и одновременно зауженная форма, сплошная или двусторонняя обработка, базальное утончение, уплощение и т.п.).

В свете сказанного отметим, что у бифасов, например, Житомирского местонахождения отнюдь не ашельский облик (см. рис. 2, 9). Это заметно стандартизованные формы, зауженные и преимущественно тонкие в сечении. По своей морфологии они ничем не отличаются от мустьерских бифасов. Почти все они (грубые и менее грубые) связаны с начальной и промежуточной стадиями изготовления листовидных острий (см. рис. 2, 9 – 11). Вполне вероятно, что отдельные бифасы являются законченными орудиями (см. рис. 2, 13) и могли использоваться в работе. Листовидные острия “ашельского” и “мустьерских” комплексов также имеют одинаковые морфологические и метрические характеристики. Выделенные Ю.В. Кухарчуком “колуны” и “секачи” – это не готовые, а, вероятнее всего, незаконченные орудия.

С учетом приведенных выше данных, касающихся условий залегания находок на Житомирском местонахождении, а также морфологии и размеров изделий, нет никаких оснований ставить вопрос о наличии здесь ашельского комплекса, все орудия следует объединить в один мустьерский. Неодинаковая сохранность изделий может быть объяснена разным по времени разрушением горизонта с находками и появлением их на поверхности склона. Близкая картина, согласно нашим собственным наблюдениям, имела место на ашельском местонахождении Сатани-Дар в Армении [Матюхин, 2001б, с. 16]. Здесь грубые и тщательно обработанные бифасы разной сохранности составляют один индустриальный комплекс или близкие по времени.

Не имеют типичной ашельской морфологии бифасы, происходящие из Великого Глубочка, и отдельные бифасы из горизонтов 5а и 5в Королева-1 (см. рис. 1, 1, 8). Это не получившиеся (по причине слома) промежуточные стадияльные формы листовид-

ных острий. Начальная стадия представлена некоторыми грубыми бифасами из Королева-1 (см. рис. 1, 7).

Известно, что многие бифасы ашеля, мустье и позднего палеолита по морфологии, а также метрическим параметрам не всегда легко отличить друг от друга. Так, отдельные бифасы из позднепалеолитической мастерской Бирючья Балка-2 имеют аббевильский и ашельский облик, что дает основание некоторым исследователям ставить вопрос о вероятной примеси более ранних артефактов. Однако это не так. Одна часть подобного рода бифасов является незаконченными наконечниками (начальные стадияльные формы), а другая – орудиями, которые использовались для рубки кости и рога с целью получения отбойников для обработки треугольных наконечников [Матюхин, 1994, с. 30; 2001а, с. 35]. Приведем другие примеры: довольно грубые по морфологии бифасы обнаружены в слое 2 мустьерского памятника Заскальное IX в Крыму [Колосов, 1983, с. 120 – 121, рис. LXXIII – LXXIX]; в индустрии мустьерской стоянки Кетросы в Приднестровье [Анисюткин, 1981] наряду с выразительными скреблами и леваллуазскими остриями представлены крупные грубые орудия с минимальной обработкой, которые, скорее всего, выполняли рубящие функции.

Таким образом, грубый облик макроорудий, в первую очередь бифасов, прямо не указывает на их возраст. Это могут быть или незаконченные изделия, или орудия, предназначенные для каких-то определенных целей. Выделение бифасов, связываемых с ашельской эпохой, возможно лишь в контексте большой и представительной в типологическом отношении коллекции. Совершенно неоправданно использовать такой показатель, как соотношение ширины и толщины, для отличия ашельских и мустьерских бифасов, имея в распоряжении единичные и случайные находки (см.: [Колесник, 1998, с. 15 – 17]).

На многих ашельских памятниках, например на местонахождении Сатани-Дар, встречены грубые односторонние и двусторонние удлиненные нуклеидные орудия, которые некоторые авторы пытаются увязать с ранним или средним ашелем. На деле, это начальные стадияльные формы бифасов [Матюхин, 1981, с. 13 – 14; 1995, с. 17 – 22; 2001а, с. 39 – 41]. В инвентаре раннеашельского памятника Боксгроув в Великобритании [Roberts et al., 1986] отмечены весьма грубые и совершенные, изящные бифасы*. Вполне вероятно, первые использовались для соответствующего вида работы. Что касается вторых, то, скорее всего, речь может идти не об общей тенденции в технологии обработки орудий, а о проявлении индивидуального мастерства изготовителей. Наконец,

* Автор основывается на личном знакомстве с коллекцией данного памятника, хранящейся в Британском музее.

нельзя не обратить внимание в этой связи на совершенные формы двусторонних наконечников из горизонтов 5в, 5а и 5 Королево-1.

В итоге уместно будет полагать, что в настоящее время на территории Русской равнины известны лишь единичные памятники с бифасами, ашельский возраст которых подтверждается в той или иной мере данными стратиграфии. Это Королево-1 (комплексы 5в, 5а и 5), Выхватинцы и в определенной степени Великий Глубочек.

До сих пор недоказанным является ашельский возраст памятников, открытых А.А. Щепинским [1979] в Крыму (Шары I – III). Отдельные авторы [Гладилин, 1985, с. 25; Колосов, 1986, с. 126 – 128] полагают, что обнаруженные здесь грубые бифасы могли послужить генетической основой ножей типа Клаузенише и Бокштайн, получивших широкое распространение в мустье Крыма. Наше знакомство с коллекцией “ашельских” индустрий, а также личные наблюдения в Красной балке, где сосредоточены опорные мустьерские памятники аккайской культуры (по: [Колосов, 1979а, с. 53; 1986]), приводят нас к иным выводам. Речь может идти о мустьерских мастерских, где происходило прежде всего изготовление бифасиальных орудий. Собранные А.А. Щепинским предметы являются незаконченными или неполучившимися бифасами.

В свете рассматриваемых здесь методических проблем уместно будет обратиться к материалам некоторых памятников с бифасами более отдаленных территорий, например Северо-Западной Азии. Речь идет о памятниках в Мугуджарских горах [Деревянко и др., 2001], ашельский возраст которых у ряда исследователей вызывает сомнение.

Известно, что основная часть комплексов этих памятников – различного рода двусторонние формы, в первую очередь бифасы. Находки не связаны с культурным слоем. Многие предметы, кажется, повреждены. Нельзя не обратить внимание на присутствие в Мугуджарах-3 – 6 большого числа зауженных бифасов. Существенно, что изделия изготовлены из плитчатых обломков. Многие орудия, названные бифасами, имеют частичную обработку. Модель бифаса у них не выражена, т.е. трудно установить рабочий, аккомодационный и пассивный участки. Это, скорее, незаконченные орудия (какие: бифасы, наконечники?). Необходимо обратить внимание на присутствие в Мугуджарах-4 мелких бифасов, напоминающих листовидные острия. Не случайно, что многие бифасиальные изделия листовидной формы. Лишь некоторые бифасы из Мугуджар-5 и 6 широкие и имеют, собственно, ашельский облик. Наибольшее сходство с ашельскими образцами имеют бифасы из пункта 2 Мугуджар-10. Относительно зауженные экземпляры можно причислить к лимандам. Они оформлены регулярными сколами и ретушью.

Складывается впечатление, что далеко не все бифасы имеют ашельскую морфологию. Может быть, речь идет о смешанных комплексах (ашель – мустье) или мустьерских. Многие бифасы явно не закончены. Кажется, нет оснований ставить вопрос о том, что все бифасиальные формы – незаконченные двусторонние наконечники. Однако этого исключать нельзя. Вполне вероятно, что некоторые грубые бифасы использовались для выполнения каких-то работ, например рубки, кромсания. Таким образом, знакомство лишь с литературными данными не позволяет уверенно говорить об ашельском возрасте бифасов Мугуджар.

Бифасиальные орудия всех рассмотренных ашельских и мустьерских памятников Русской равнины дают возможность выделить два технологических варианта изготовления листовидных (в данном случае) наконечников [Матюхин, 1995; 1996, с. 23; 2001а, с. 40 – 41]. Первый предполагает изготовление орудий из обломков, желваков, валунов или крупных отщепов и включает несколько стадий обработки, а также типолого-технологических или редукционных рядов. Каждый ряд состоит из начальных, промежуточных и конечных стадийальных форм, т.е. разных в типологическом отношении орудий. В качестве начальных стадийальных форм можно рассматривать такие орудия, как желваки, плитки или крупные отщепы с регулярными и нерегулярными сколами, обнаруженные на местонахождениях Рихта, Житомирское (секачи, колуны, по Ю.В. Кухарчуку) и Непряхино, нуклевидные орудия из Хотылева, Калитвенки-1, 1а, а также грубые бифасы, отмеченные в Королеве-1, Стинке-1, Рихте, Калитвенке-1, Непряхине и Житомирском местонахождении. К числу начальных стадийальных форм мы относим некоторые сложные скребла с двусторонней обработкой, свидетельствующие не столько о формировании элементов модели будущего орудия (наконечника), сколько о его уплощении и общем оформлении. Такие предметы можно в известной мере рассматривать как заготовки. Они обнаружены в Калитвенке-1а и 1 (см. рис. 5, 4, 9). Промежуточные формы присутствуют в инвентаре всех памятников (см. рис. 1, 1, 2, 8; 2, 8 – 11; 3, 5, 6, 11, 12; 4, 1, 2, 4, 7, 10, 11; 5, 5; 6, 11, 12). Мало их в Стинке-1 и Калитвенке-1. Промежуточную стадию могут представлять бифасы регулярной формы (овальные, листовидные и подтреугольные) и грубые наконечники. К стадийальным формам относятся и многие орудия, названные ножами (см. рис. 2, 6, 11; 3, 12; 4, 2).

Второй технологический вариант иллюстрирует изготовление листовидных острий из относительно тонких отщепов и пластин. Число стадий здесь минимальное. В ряде случаев они вообще могут отсутствовать, и воплощение модели листовидного острия начинается сразу (см. рис. 3, 2, 4). Начальными стади-

альными формами являются орудия с частичной двусторонней обработкой (см. рис. 3, 8; 5, 11), некоторые скребла (см. рис. 5, 1; 6, 10), отщепы с базальным утончением (см. рис. 5, 2, 7), а также уплощенные. Вполне вероятно, что к таковым относятся и некоторые односторонние конвергентные (см. рис. 5, 12) и двойные скребла, а также другие орудия (см. рис. 5, 8). Этот вариант прослеживается в материалах всех памятников, но нагляднее всего в Стинке-1, Пилипче XI, Непряхине, Рихте, Калитвенке-1 и 1а. Повторим, что значительная часть асимметричных бифасов, обнаруженных на многих описанных мустьерских памятниках, является, скорее всего, законченными, функционально значимыми орудиями.

Кратко затронем вопрос о культурной принадлежности памятников. Многие исследователи [Гладилин, 1985, с. 49 – 51; Колосов, 1986, с. 120 – 122; Кухарчук, 1989, с. 37 – 38; 1999; Кухарчук, Месяц, 1991б, с. 26 – 27; Евтушенко, 1999, с. 10 – 12; Колесник, 1999] связывают индустрии с асимметричными бифасиальными формами с восточным микромом. Такие памятники, как Калитвенка-1 (участок 2), 1а и Стинка-1, не могут быть отнесены к этой группе. Включение Волгоградской стоянки в одну группу со стоянками-мастерскими Рихта, Хотылево, Антоновка-1, 2 представляется недостаточно корректным, поскольку речь идет об археологических объектах разного функционального типа. Все перечисленные памятники объединяются в группу мустье двустороннее (по: [Гладилин, 1976, с. 97 – 112]). Наконец, все они, кроме Волгоградской стоянки, близки по наличию в их индустриях двусторонних наконечников. Вообще, всякого рода группировка памятников должна осуществляться с учетом данных типологии, технологии, планиграфии, функционального назначения и т.д. К сожалению, до сих пор это делается лишь по результатам типологического анализа.

По нашему мнению, сходство индустрий с асимметричными и обушковыми бифасиальными формами обусловлено не процессами этносоциального характера (как считают многие авторы), их близость определяется, с одной стороны, производственным профилем памятников (изготовление листовидных орудий), а с другой – сходными приемами оформления и переоформления режущих орудий в ходе их изготовления и использования. Известно, что асимметричные орудия удобны при разделке туш животных. Они широко известны в ашельских и мустьерских индустриях Евразии и Африки. Об аналогичной природе сходства следует говорить в случае с индустриями Крыма и Центральной Европы, содержащими асимметричные и обушковые формы.

Памятники мустье двустороннего, независимо от их хронологии, имеют большое значение для понимания одной из актуальных проблем первобытной ар-

хеологии, а именно, перехода от мустье к позднему палеолиту. Так, в Центральной Европе комплексы ранней поры позднего палеолита, содержащие листовидные острия, связаны с индустриями финального среднего палеолита с аналогичными орудиями и асимметричными двусторонними формами [Бозинский, 2002; Bosinski, 2000 – 2001, р. 120 – 135]. Мы полагаем, что переход от мустье к позднему палеолиту нашел отражение в среднепалеолитических комплексах Русской равнины, содержащих двусторонние острия. Особое внимание нужно обратить на калитвенские мастерские и стоянку-мастерскую Бирючья Балка-2, где кроме двусторонних форм отмечены весьма выразительные пластины [Матюхин, 2002б, в, с. 96 – 98]. О непрерывности развития индустрий с бифасиальными наконечниками указывают и комплексы ашельских памятников, в частности Королева-1. Таким образом, на территории Восточной Европы начиная с ранней поры среднего палеолита (Королево-1) и примерно до конца средней поры позднего палеолита существовали индустрии с двусторонними листовидными остриями, что свидетельствует в пользу непрерывного и прогрессивного развития материальной культуры на данной территории в течение длительного времени в границах палеолита.

Заключение

На территории Русской равнины имеются единичные стратифицированные ашельские памятники с бифасиальными формами (Королево-1, возможно Выхватиницы и Великий Глубочек). Отдельные бифасы из Королева-1 (комплексы 5в, 5а и 5), а также Великого Глубочка являются незаконченными наконечниками, начальными и промежуточными стадийными формами. Отмечены здесь и грубые бифасы, имеющие функциональное значение.

Мустьерские индустрии с двусторонними орудиями более многочисленны. Это Хотылево, Волгоградская стоянка, Непряхино, Калитвенка-1 (участок 2) и 1а в России, а также Стинка-1, Рихта, Житомирское местонахождение, Антоновка-1 и 2 в Украине. На всех памятниках, кроме Волгоградской стоянки, отмечены двусторонние наконечники. Это мастерские (Калитвенка-1 и 1а, возможно Стинка-1) и стоянки-мастерские (остальные памятники). Основной производственный профиль данных памятников как мастерских – изготовление листовидных наконечников. Многие двусторонние формы – это незаконченные и неполучившиеся наконечники, оставленные на различных стадиях обработки. В то же время имеется немало законченных асимметричных двусторонних орудий, а также односторонних (скребел, остроконечников), которые указывают на то, что памятники относятся одновременно и к стоянкам. В инвентаре Волгоград-

ской стоянки практически все двусторонние орудия являются законченными, т.е. функционально значимыми. Это – поселение. В материалах Житомирского местонахождения нет типичных ашельских бифасов. Применительно к данному памятнику следует говорить о едином мустьерском комплексе. Так называемые ашельские бифасы – это начальные стадийные формы мустьерских наконечников. Грубые бифасиальные орудия, особенно если они не найдены в четких стратиграфических условиях, можно принять за древние (ашельские). Одна их часть это незаконченные изделия, прежде всего наконечники, другая – законченные, функционально значимые орудия, которые применялись для грубой работы, например рубки кости, рога, дерева и т.п. Многие невыразительные в типологическом отношении орудия (в т.ч. их обломки) со стоянок и мастерских при традиционном подходе могут быть отнесены к группам “разные”, “неопределимые”, “сомнительные” и т.п. Однако типолого-технологический подход позволяет понять их морфологию и в конечном итоге содержание и найти то или иное место в цепи процесса изготовления орудий. В то же время многие функционально обозначенные орудия, в частности скребла, ножи, на самом деле являются незаконченными наконечниками.

Группировку индустрий следует проводить, несомненно, на основе типологии изделий, но с учетом функционального типа памятников. Выделяемые исследователями в ходе типологического (традиционного) анализа варианты индустрий могут иметь различное содержание, далеко не всегда культурное. Многие памятники отражают сугубо производственную (технологическую) или хозяйственную стратегию первобытных людей. Это предполагает не только описание, но и интерпретацию каменных изделий, изучение их формы, технологии и функций.

Список литературы

- Анисюткин Н.К.** Мустьерская стоянка Стинка на среднем Днестре // АСГЭ. – 1969. – № 11. – С. 5 – 17.
- Анисюткин Н.К.** Листовидные острия с двусторонней обработкой со стоянки Стинка-1 // Палеолит и неолит СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 7. – С. 88 – 94.
- Анисюткин Н.К.** Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы: Мустьерская стоянка на среднем Днестре. – М.: Наука, 1981. – С. 7 – 53.
- Анисюткин Н.К.** Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. – СПб.: Европейский дом, 2001. – 308 с.
- Анисюткин Н.К., Кетрару Н.А.** Выхватинский грот (история исследования, стратиграфия, фауна, каменные индустрии) // АА. – 1999. – № 8. – С. 141 – 152.
- Бозинский Г.** Верхний палеолит Германии в структуре палеолита Европы // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: Б.и., 2002. – С. 8 – 20.
- Гладилин В.Н.** Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 180 с.
- Гладилин В.Н.** Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. – Киев: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 12 – 54.
- Гладилин В.Н., Ситливый В.И.** Ашель Центральной Европы. – Киев: Наук. думка, 1990. – 267 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К.** Ашельские комплексы Мугоджарских гор. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 135 с.
- Евтушенко А.И.** Проблемы “восточного микок” // АА. – 1999. – № 8. – С. 3 – 24.
- Заверняев Ф.М.** Хотылевское палеолитическое местонахождение. – Л.: Наука, 1978. – 124 с.
- Замятин С.Н.** Сталинградская палеолитическая стоянка // КСИА. – 1961. – Вып. 82. – С. 5 – 36.
- Захариков А.П.** Бифасы Непряхино // Археол. вести. – Саратов, 1993. – Вып. 1. – С. 47 – 65.
- Захариков А.П.** Индустрии с бифасами и переход от мустье к позднему палеолиту в Европе // АА. – 1999. – № 8. – С. 197 – 206.
- Колесник А.В.** Ручные рубила среднего палеолита Восточной Европы // АА. – 1998. – № 7. – С. 3 – 24.
- Колесник А.В.** “Восточный микок” – миф или реальность? // АА. – 1999. – № 8. – С. 37 – 50.
- Колосов Ю.Г.** Аккайские мустьерские стоянки и некоторые итоги их исследования // Исследование палеолита в Крыму. – Киев: Наук. думка, 1979а. – С. 33 – 56.
- Колосов Ю.Г.** Специфические типы орудий аккайской мустьерской культуры в Крыму // Орудия каменного века. – Киев: Наук. думка, 1979б. – С. 6 – 19.
- Колосов Ю.Г.** Мустьерские стоянки района Белогорска. – Киев: Наук. думка, 1983. – 207 с.
- Колосов Ю.Г.** Аккайская мустьерская культура. – Киев: Наук. думка, 1986. – 224 с.
- Кузнецова Л.В.** Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 22 с.
- Кулаковская Л.В.** Палеолитические местонахождения в районе Королево // АА. – 1999. – № 8. – С. 153 – 158.
- Кулаковская Л.В., Козловский Я., Собчик К.** Микокские ножи: определение и классификация // АА. – 1994. – № 3. – С. 59 – 70.
- Кухарчук Ю.В.** Палеолит юго-запада СССР и сопредельных территорий: Рихта. – Киев: Б.и., 1989. – 68 с.
- Кухарчук Ю.В.** К проблеме дифференциации ножей и скребел // АА. – 1994. – № 3. – С. 71 – 84.
- Кухарчук Ю.В.** Метаморфозы микок // АА. – 1999. – № 8. – С. 25 – 36.
- Кухарчук Ю.В., Месяц В.А.** Ранний палеолит Украинского Полесья: Житомирская стоянка (ашель). – Киев: Б.и., 1991а. – 61 с.
- Кухарчук Ю.В., Месяц В.А.** Ранний палеолит Украинского Полесья: Житомирская стоянка (мустье). – Киев: Б.и., 1991б. – 67 с.
- Матюхин А.Е.** Технология изготовления и типология бифасов Сатани-Дара // КСИА. – 1981. – Вып. 165. – С. 12 – 17.
- Матюхин А.Е.** Палеолитические мастерские в бассейне нижнего Дона // Археол. вести. – СПб., 1994. – № 3. – С. 25 – 37.

- Матюхин А.Е.** Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // РА. – 1995. – № 33. – С. 13 – 27.
- Матюхин А.Е.** Палеолитические мастерские Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1996. – 42 с.
- Матюхин А.Е.** О некоторых методических и общих аспектах изучения каменных орудий // АА. – 1998. – № 7. – С. 25 – 38.
- Матюхин А.Е.** О структуре, типах и принципах изучения палеолитических мастерских // Археол. вести. – СПб., 1999а. – № 6. – С. 272 – 286.
- Матюхин А.Е.** О технологическом анализе каменных орудий // РА. – 1999б. – № 1. – С. 12 – 22.
- Матюхин А.Е.** Палеолитическая мастерская Калитвенка-1а // Историко-археологические исследования в Азове и на нижнем Дону. – Азов, 2000. – Вып. 16. – С. 277 – 309.
- Матюхин А.Е.** Описание и интерпретация орудий из палеолитических мастерских // Археол. вести. – СПб., 2001а. – № 8. – С. 29 – 48.
- Матюхин А.Е.** Технологическая характеристика макроорудий из палеолитической стоянки Сатани-Дар в Армении // АСГЭ. – 2001б. – № 55. – С. 15 – 31.
- Матюхин А.Е.** Многослойная палеолитическая мастерская Бирючья Балка-1а // Археол. заметки. – Ростов-на-Дону, 2002а. – Вып. 2. – С. 11 – 28.
- Матюхин А.Е.** Мустьерские индустрии бассейна Дона в свете проблем среднего палеолита // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: Б.и., 2002б. – С. 114 – 119.
- Матюхин А.Е.** О ранней поре и генезисе позднего палеолита в бассейне нижнего Дона // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Б.и., 2002в. – С. 81 – 101.
- Месяц А.В.** Находки древнепалеолитических орудий в районе Житомира // КСИА. – 1962. – Вып. 92. – С. 54 – 55.
- Праслов Н.Д.** Ранний палеолит Восточного Приазовья и нижнего Дона. – Л.: Наука, 1968. – 155 с.
- Праслов Н.Д.** Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 94 – 134. – (Археология СССР).
- Праслов Н.Д.** Палеолит бассейна Дона: Проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2001. – 46 с.
- Смирнов С.В.** Мустьерская стоянка Рихта // КСИА. – 1979. – Вып. 157. – С. 9 – 14.
- Сытник А.С.** Средний палеолит Подолья. – Львов: Б.и., 2000. – 369 с. (на укр. яз.).
- Щепинский А.А.** К вопросу об ашеле в Крыму // Исследование палеолита в Крыму. – Киев: Наук. думка, 1979. – С. 85 – 106.
- Bosinski G.** Die mittelpaläolitischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta A4. – Köln; Graz, 1967. – 206 S.
- Bosinski G.** El Paleolítico Medio en Europa Central // Zephyrus. – 2000 – 2001. – Vol. 53/54. – P. 79 – 142.
- Gladilin V.N., Sitlivy V.I., Tkachenko V.I.** Les premières industries à pointes foliacées en Europe Centrale // Paléo. – 1995. – N 1. – P. 111 – 116.
- Koukharchouk Y.** Deux types d'industries à pointes foliacées de Polesie Ukrainienne // Paléo. – 1995. – N 1. – P. 221 – 225.
- Matioukhine A.E.** Les formes bifaciales d'ateliers et de station-ateliers // Les industries à pointes foliacées du paléolithique supérieur Européen. – Liège: Université de Liège, 1990. – P. 141 – 162. – (ERAUL; N 42).
- Matioukhine A.E.** Les ateliers paléolithique supérieur de la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // L'Anthropologie. – 1998а. – Vol. 102, N 4. – P. 466 – 487.
- Matioukhine A.E.** Les ateliers paléolithique de taille de silex dans la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // Préhistoire Européenne. – Liège, 1998б. – Vol. 13. – P. 67 – 113.
- Roberts M.B., Bates M.R., Bergman C., Currant A.P., Haynes J.R., Marshall R., McConnell A., Scaife R., Unger-Hamilton R., Whalley R.C.** Excavation of the Lower Paleolithic Site at Amey's Earham Pit, Boxgrove, West Sussex: a preliminary Report // Proceeding of the Prehistoric Society. – L., 1986. – Vol. 52. – P. 215 – 245.
- Schild R., Wendorf F.** The Prehistory of Dakhia Oasis and Adjacent Desert. – Wrocław: Wydawnictwo polskiej Akademii nauk, 1977. – 259 p.
- Zakharikov A.** Le Site de Nepryakhino sur la moyenne Volga (Russie) // L'Anthropologie. – 2002. – Vol. 106. – P. 185 – 206.

Материал поступил в редколлегию 19.06.03 г.

УДК 572

А.Г. Козинцев

*Музей антропологии и этнографии РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: alexander.kozintsev@pobox.spbu.ru*

СУНГИРЬ: СТАРЫЙ СПОР, НОВЫЕ АРГУМЕНТЫ

Введение

Дискуссия вокруг сунгирских находок не прекращается. Похоже, что Сунгирь, хотя и не относится к началу верхнего палеолита, может оказаться памятником, ключевым для понимания культурных и антропологических процессов, сопровождавших переход к верхнему палеолиту в Европе.

Напомню суть спора. На мой взгляд, Е.Н. Хрисанфова [1980; Сунгирь..., 1984, с. 100 – 140; *Homo sungirensis*..., 2000, с. 193 – 215, 345 – 348] убедительно продемонстрировала наличие ряда неандерталоидных особенностей в посткраниальном скелете сунгирца. Такие же особенности были обнаружены А.А. Зубовым в зубной системе сунгирских детей [Сунгирь..., 1984, с. 178; *Homo sungirensis*..., 2000, с. 267]. Исходя из этого, а также на основании археологических фактов, свидетельствующих о местных корнях сунгирской культуры (см. ниже), я высказал предположение о формировании сунгирской группы в результате ассимиляции местных неандертальцев иммигрантами-сапиенсами, метисации между ними и полового отбора [Козинцев, 1997, 2003]. М.Б. Медникова со мной не согласна и полагает, что единственными предками сунгирцев были мигранты из тропических областей, а черты сходства с неандертальцами неспецифичны и вызваны либо общим налетом архаизма, либо адаптацией к холоду [*Homo sungirensis*..., 2000, с. 387 – 393; Медникова, 2003].

К сожалению, в своей последней статье М.Б. Медникова [2003] излагает дискуссию довольно неточно. По ее словам, я вначале говорил о непосредственном происхождении сунгирцев от неандертальцев без всякой метисации с сапиенсами (что было бы равно-

сильно чуду), а затем изменил свое мнение и склонился к идее метисации. На самом деле я не менял своих взглядов. И в более ранней работе [Козинцев, 1997, с. 112], и в последующей [Козинцев, 2003] я ясно пишу о метисации и ассимиляции как наиболее вероятных факторах в возникновении групп типа сунгирской.

Цель предлагаемой заметки – продолжить дискуссию по сунгирской проблеме, по возможности устранить некоторые из возникших недоразумений, а кроме того, рассмотреть недавно появившиеся факты и теории, имеющие отношение к обсуждаемым вопросам.

Археология

Согласно преобладающему среди археологов мнению, сунгирская культура не связана с ориньякской и не была принесена в готовом виде из каких-то весьма отдаленных районов, а сформировалась сравнительно поздно на основе мустьерской культуры Южной России [Бадер, 1978, с. 219 – 225; Сунгирь..., 1984, с. 8], т.е. на территории, явно не входившей в первичный очаг возникновения людей современного типа. Ситуация примерно такая, как если бы в Сибири обнаружили группу людей преимущественно русского облика, культура которых носила бы явный отпечаток русской, однако имела бы местные корни. Если бы вдобавок у этих людей в строении скелета были выявлены некоторые черты сходства с сибирскими монголоидами, то история такой группы заслуживала бы комплексного изучения. Вряд ли в качестве основной рабочей гипотезы рассматривалась бы идея о параллельном и независимом от местных народов возникновении у русских переселенцев культурных и биологических адаптаций к условиям Сибири. Скорее

всего, было бы выдвинуто предположение о метисации и ассимиляции. Однако по отношению к Сунгирю подобное предположение кажется М.Б. Медниковой ни на чем не основанным. Она призывает нас ограничиться анализом антропологических фактов и не вступать в область гипотез. Такому призыву было бы легче последовать, если бы сам автор подал нам пример. М.Б. Медникова, однако, поступает иначе и выдвигает даже не гипотетическую, а вполне, по-моему, фантастическую идею, согласно которой предки сунгирцев спустились с каких-то гор – настолько высоких, что им пришлось там адаптироваться к условиям гипоксии.

Конечно же, антропология и археология – независимые источники информации. Верно и то, что связь погребений со стоянкой не вполне ясна. Но раз уж мы встали на путь выдвижения гипотез, то просто отмахнуться от археологических фактов, сославшись на то, что здесь еще много неясного, невозможно. Нет оснований игнорировать результаты труда археологов в той области, где эти результаты очень весомы и где сотрудничество так необходимо. Особенно если уделять столь пристальное внимание работам генетиков и физиков.

Популяционная генетика

Индийский физик В. Эсваран опубликовал статью, в которой он явно по образцу своих работ по гидродинамике моделирует процесс распространения сапиентной морфологии путем “диффузионной волны”. М.Б. Медникова излагает данную публикацию необычайно подробно и, как представляется, с одобрением. Это немного озадачивает, поскольку гипотеза В. Эсварана абсолютно несовместима с отстаиваемым М.Б. Медниковой узким моноцентризмом – представлением о вторжении сапиенсов в Европу из тропических районов и полном вытеснении ими неандертальцев без всякой метисации.

По В. Эсварану, распространение ориньякской культуры было всего лишь побочным эффектом сапиентации. Никаких выгод эта культура, по его мнению, не давала, а распространялась без всяких миграций, постепенно и волнообразно вместе с современным физическим типом только потому, что последний сам по себе имел некое селективное преимущество. Мне эта теория представляется очень неубедительной. Сколько-нибудь весомых доказательств в ее пользу автор представить не смог. Его доводы о якобы более гармоничном соотношении размеров материнского таза и головы плода у сапиенсов были сразу же опровергнуты его оппонентами.

Скорее всего, верен традиционный взгляд: единственное преимущество сапиенсов состояло в их более совершенной (верхнепалеолитической) культуре.

Пока ее не существовало, и все гоминиды, как неандертальцы, так и сапиенсы, находились на мустьерской стадии, современная морфология не обнаруживала особых тенденций к экспансии. В частности, сапиенсы не только не проникли в Европу, но, напротив, судя по имеющимся датировкам, были, возможно, вытеснены неандертальцами с Ближнего Востока. Когда же на их стороне оказалось реальное культурное преимущество, у них появились все основания проникнуть в Европу не путем медленной и незаметной “диффузии”, а гораздо более решительным образом.

Вместе с тем работа В. Эсварана содержит некоторые важные положения, не связанные непосредственно с его теорией. Во-первых, одним из факторов, вызвавших утрату неандертальских гаплотипов мтДНК при весьма вероятном сохранении генов, контролируемых ядерной ДНК, он считает отбор против неандертальских женщин [Eswaran, 2002, p. 762]. Эта идея, высказанная мною еще до знакомства с его статьей [Козинцев, 2003], вызвала у М.Б. Медниковой решительную отповедь, в работе же В. Эсварана она предпочла ее не заметить. Мое расхождение с ним в данном пункте касается лишь механизмов отбора. Он основывается на ничем не подтвержденной гипотезе о более высокой смертности неандертальских рожениц по сравнению с сапиентными, тогда как я исхожу из этнографически документированного факта повышенной смертности девочек в условиях стресса.

Во-вторых, В. Эсваран правильно указывает на то, что системы с высоким темпом мутаций и малым эффективным размером популяции, в частности мтДНК и локусы Y-хромосомы, создают ложный эффект малой глубины генетического разнообразия человечества, а это наводит на мысль о полном вытеснении архаических гоминидов сапиенсами. Таких систем меньшинство. Иная картина обнаруживается по большинству других систем, в частности по белкам, группам крови, комплексу тканевой совместимости и т.д. Они свидетельствуют о глубокой древности наблюдаемой генетической дифференциации и, соответственно, об ассимиляции архаических гоминидов современными. Поиски неандертальских гаплотипов мтДНК у сапиенсов – занятие малоперспективное не потому, что неандертальцы не внесли вклада в генофонд современного человечества; следы этого вклада надо искать в иных системах. К сожалению, непосредственное исследование последних по костным остаткам пока невозможно. Зато контролируемые ими признаки, в частности морфологические, доступны для изучения и также свидетельствуют об ассимиляции [Рогинский, 1949; Smith, Falsetti, Donnelly, 1989; Frayer, 1992; Козинцев, 2003].

Если мы будем безоговорочно доверять мтДНК, то рискуем рано или поздно прийти к полицентризму. Вот пример. Древнейшие в Австралии костные

остатки (с оз. Манго) хотя и датируются 40 тыс. л.н., но вполне сапиентны по своей морфологии. Между тем, извлеченная из костей данного индивидуума мтДНК, имеющая неафриканское происхождение, противопоставляет его современным людям [Adcock et al., 2001]. Предположим ли мы на этом основании, что в Южной Пасифике находился самостоятельный центр сапиентации, или же признаем, что “видоспецифичные” гаплотипы могут быть утеряны?

Результаты исследования современных популяций также не позволяют разделить веру в абсолютную надежность эволюционных реконструкций на базе мтДНК. Показано, что она гораздо более чувствительна к разного рода случайностям по сравнению с ядерной ДНК (по причине вчетверо меньшего эффективного объема популяции и, в сущности, однолокусного характера наследования). Ее использование может приводить к результатам, заведомо не соответствующим эволюционной истории групп [Williams, Chagnon, Spielman, 2002]. Поэтому тот факт, что у сунгирцев обнаружены “сапиентные”, а не “неандертальские” гаплотипы мтДНК, несомненно, важен, но считать его решающим нет оснований.

Механизмы ассимиляции

М.Б. Медникова считает предложенную мной гипотезу об отборе против неандертальских матрилиний неудовлетворительной: “...мне сложно представить последовательную элиминацию неандертальских женщин... для того чтобы обеспечить отсутствие следов материнской линии неандертальцев в геномике сунгирцев. Приходится предположить, что неандертальские мужчины женились на кроманьонских женщинах. Возникает вопрос: где они их брали в достаточном количестве, если кроманьонцы мигрировали? Преобладающая миграция в истории человечества – мужская... Маловероятно, чтобы немногочисленные кроманьонские женщины вступали в брачные союзы с неандертальцами...” [2003, с. 24].

Ответить на это несложно. Нехватка женщин могла иметь место лишь у мигрантов первого поколения. Однако в первом же поколении потомков равновесие полов восстанавливается и остается стабильным, если только не происходит новая иммиграция мужчин, на что в данном случае указаний нет. Пройдя через “бутылочное горлышко” резкого сокращения численности, популяция мигрантов стала расти, постепенно вытесняя (какими способами – другой вопрос) аборигенную. В этом, я надеюсь, мы с М.Б. Медниковой солидарны. Но отсюда автоматически следует, что проблема нехватки женщин была мигрантами успешно преодолена.

Как свидетельствуют многочисленные этнографические материалы, заимствование автохтонным населением более высокой культуры колонистов способствует его выживанию (примером могут служить аборигенные группы в районах русской колонизации Сибири [Долгих, 1960, с. 616]). При этом этничность аборигенов постепенно размывается вследствие метисации и ассимиляции. Соппротивление же последним приводит к вымиранию. Таким образом, вполне вероятно, что наряду с прямым вымиранием неандертальцев шел ассимиляционный процесс, который В. Эсваран удачно назвал “исчезновением путем гибридизации”. Впрочем, удачным здесь мне кажется только название. По В. Эсварану, речь шла о непрерывном волнообразном процессе превращения неандертальцев в сапиенсов и их последующем смешении, я же придерживаюсь традиционного взгляда: в данном случае имело место реальное взаимодействие двух совершенно конкретных групп – пришлой (сапиентной) и местной (неандертальской).

Чем дольше длилось сосуществование местного и пришлого населения, тем относительно более редкими (даже при метисации) становились матрилинии неандертальского происхождения и, соответственно, выше риск их полного вымирания, а значит, и утраты неандертальских гаплотипов мтДНК. Это относится и к предполагаемому первому поколению метисов, все матери которых, как правильно пишет М.Б. Медникова, были, надо полагать, местными.

Как я писал, вымирание аборигенных матрилиний могло быть ускорено отбором против неандертальских девочек, весьма вероятным в условиях общего стресса. Но если так, то именно перед аборигенами, а не перед потомками мигрантов, проблема дефицита женщин могла встать в полный рост. Мужчины же местного происхождения – уже не “неандертальцы”, а ассимилированные метисы – имели, соответственно, больше шансов внести вклад в будущий европейский генофонд, особенно после того, как этнокультурные различия между двумя группами сгладились, а демографическая ситуация в кроманьонской группе улучшилась, благодаря чему женщин, по крайней мере низкого социального статуса, стало там вполне достаточно.

В пользу такого предположения свидетельствуют не только данные о мтДНК. Замечено, что верхнепалеолитические мужчины (подавляющее большинство верхнепалеолитических находок относится к средним и поздним стадиям данной эпохи) обнаруживают больше неандертальских черт в строении черепа и зубов, чем верхнепалеолитические женщины [Frauget, Wolpoff, 1984]. Авторы, тогда еще стоявшие на позиции “ортодоксального” полицентризма, объясняли это половыми различиями в темпах эволюции (подразумевалось, что сапиентация происходила на месте).

Несостоятельность такого объяснения сегодня очевидна. Причины различий, скорее всего, были чисто социальными. Описанный выше селективный механизм дает вполне удовлетворительное объяснение наблюдаемым фактам.

Между тем ускоренная эволюция мтДНК и, соответственно, быстрая элиминация “неандертальских” гаплотипов могла иметь не только социальные, но и чисто биологические причины (см. выше). Определять же видовую принадлежность индивидуумов на основании каких-либо полиморфных систем, в т.ч. и мтДНК, как это делает М.Б. Медникова, некорректно. Нет ни малейших генетических указаний на существование между неандертальцами и сапиенсами репродуктивного барьера. Морфологические же факты свидетельствуют именно об отсутствии такого барьера.

С морфологическими (полимерными) признаками дело обстоит иначе, чем с мтДНК. Во-первых, они наследуются и по женской, и по мужской линии, а во-вторых, об “утрате” тут говорить не приходится. Поэтому вполне возможны ситуации, когда морфологические признаки свидетельствуют о метисации, а мтДНК таких свидетельств не дает. Именно это и наблюдается в действительности, причем не только по верхнепалеолитическим, но и по современным материалам. Напомню, что из всех современных человеческих групп краниологически наименее удалены от неандертальцев жители Европы [Рогинский, 1949, с. 75, 93 – 94; Врасе, Трасе, 1992]. Чем можно объяснить этот факт с позиций узкого моноцентризма? Случайностью? Или, быть может, параллельной адаптацией к климату?

Одонтология

А.А. Зубов, изучивший зубную систему сунгирских детей, в первой своей публикации отметил, что она “дает хорошие аргументы в пользу существования преемственности между неандертальским и современным человеком” [Сунгирь..., 1984, с. 178]. Во второй монографии по сунгирской проблеме эта работа перепечатана целиком с одним лишь маленьким, но существенным изменением: “неандертальский человек” в процитированном выводе заменен на “древних гоминидов” [Homo sungirensis..., 2000, с. 267]. Новая, ни к чему уже не обязывающая формулировка не осталась без внимания М.Б. Медниковой, заявившей, что теперь сторонники идеи неандертальского субстрата лишились весьма существенного аргумента [Медникова, 2003, с. 25]. Мне это заявление кажется поспешным.

А.А. Зубов не сравнивал сунгирцев с людьми группы Схул – Кафзех. А без этого действительно трудно судить о том, специфичен ли сдвиг в сторону неан-

дертальцев или же он является пережитком общего архаизма зубов у людей ранней поры верхнего палеолита по сравнению с более поздними.

К счастью, такое сопоставление уже проводилось Д. Фрэйером и М. Уолпофом, правда, по отношению не к сунгирцам, а к ранней верхнепалеолитической группе из Центральной Европы, к которой сунгирская, согласно А.А. Зубову, исключительно близка [Wolpoff, 1989, p. 129, fig. 5.1]. Результаты чрезвычайно красноречивы. Выясняется, что ни о каком “общем архаизме” не может быть и речи. Людям из Схула и Кафзеха отнюдь не были свойственны крупные размеры передних зубов, составлявшие отличительную особенность неандертальцев, хотя последние жили в более позднее время. Зато представители ранней поры верхнего палеолита в Центральной Европе были по этим размерам почти неотличимы от неандертальцев. То же самое, по А.А. Зубову, относится и к сунгирцам [Homo sungirensis..., 2000, с. 260]. Таким образом, его вывод, сделанный в первой публикации [Сунгирь..., 1984, с. 178], сформулирован абсолютно правильно и не нуждается в пересмотре.

Таксономия и статистика

Одно из главных мест в аргументации М.Б. Медниковой занимают результаты проделанного ею многомерного статистического анализа. В прошлой работе я указал на неадекватность примененного метода целям исследования [Козинцев, 2003, с. 62 – 63]. В качестве возражения автор ссылается на прецедент и, видимо, полагает, что выбор статистического метода – дело второстепенное. Нетрудно показать, что это не так.

Как пишет М.Б. Медникова, индивидуальная корреляция между размерами длинных костей не особенно велика – порядка 0,3 – 0,4. О том, что этого достаточно, чтобы сделать метод главных компонент малоприменимым для сравнения групп, свидетельствуют результаты [Homo sungirensis..., 2000, с. 392, табл. 30.3]. Нагрузки всех длинных костей конечностей на первую главную компоненту положительны и очень высоки (не ниже 0,92), вклад ключицы тоже велик и положителен (0,70). Перед нами фактор общего размера. Единственная сильная нагрузка на вторую главную компоненту – длина ключицы, прочие признаки не играют почти никакой роли. На третью главную компоненту вообще ни одной высокой нагрузки нет. Это значит, что многомерный анализ почти ничего не дал. Достаточно взять наугад любую длинную кость конечностей, а также ключицу, чтобы получить практически то же самое в пределах ошибки. Именно так и обстоит дело при изучении однородных групп, где общий размер тела действительно играет определяющую роль. Но ведь нас интересует не это, а меж-

групповая изменчивость, которую, однако, невозможно отделить от внутригрупповой с помощью использованного метода (ссылка на кластерный анализ излишня, поскольку он базируется на тех же главных компонентах).

Показательно, что автор называет выделенные варианты телосложения неандертальцев и сапиенсов “конституциональными”, как если бы речь шла о внутригрупповой изменчивости. К такой терминологической некорректности подводит логика метода главных компонент, действительно направленного на изучение конституций, т.е. индивидуальных вариантов, возникающих вследствие корреляции признаков внутри однородных групп. Первый фактор, выделяемый таким анализом при изучении размерных признаков, – неизменно фактор общего размера. Дело тут совсем не в физиологических особенностях терморегуляции и не в специфике адаптивной изменчивости на территории плейстоценовой Европы, а в чисто технических свойствах метода, которые проявляются на материале любых эпох и из любых регионов.

Соответственно, если оказывается, что две группы, не связанные близким родством (в данном случае – сапиенсы и неандертальцы), вследствие адаптации к одинаковым средовым условиям (в данном случае – к холоду) конвергировали по общему размеру настолько, что стали неразличимы по использованным в анализе признакам, как это получилось у М.Б. Медниковой, то желательно применить более чувствительный метод. Это продиктовано не только техническими, но и чисто биологическими соображениями. Адаптация практически никогда не приводит к полной неразличимости неродственных групп, поскольку ее результаты не исчерпываются фактором общего размера. Ситуация в позднем плейстоцене Европы не исключение (см. ниже). Поэтому нагрузки разных признаков на главный группоразграничительный фактор не могут иметь одинаковый знак и в любом случае не могут быть одинаково высоки. Так или иначе, попытка отделить адаптацию от филогении, а заодно и прояснить вопрос о неандертальском субстрате у сунгирца при данном способе анализа не привела к заметному прогрессу.

Адаптация и филогения

К чему же все-таки были адаптированы сунгирцы? Проще сказать, к чему не были. Перед нами настоящая адаптивная мозаика. Авторы монографии [Homo sungirensis..., 2000] находят тут черты приспособления и к тропическому климату, и к арктическому, и к высокогорному. Осталось лишь найти адаптации к жизни в пустыне – и список адаптивных типов, кажется, будет исчерпан. При столь богатом выборе вариантов, которые к тому же можно комбинировать

в любом порядке, задача, казалось бы, весьма упрощается, поскольку каждую черту по отдельности можно считать отражением определенной стадии в эволюционном прошлом. Однако на этом пути возникают проблемы.

М.Б. Медникова права в том, что размеры и пропорции конечностей сближают европейцев первой половины верхнего палеолита, в т.ч. и сунгирцев, с сапиенсами группы Схул, а во второй половине верхнего палеолита, т.е. в эпоху ледникового максимума, конечности вновь редуцируются, как бы возвращаясь к неандертальскому типу по размерам, тогда как пропорции остаются прежними. Эта парадоксальная тенденция демонстрировалась неоднократно, в частности К. Джейкобсом [Jacobs, 1985], и справедливо расценивалась в качестве свидетельства прихода населения из тропических районов и последующей адаптации к холоду. Данный факт, на доказательство которого сегодня можно уже не тратить времени, лишний раз подтверждает, что сунгирцы – сапиенсы. А поскольку сапиентация явно произошла не в Европе, а гораздо южнее, то, естественно, телосложение ранних европейских сапиенсов обнаруживает южные черты.

Парадоксальность сочетаний признаков у людей верхнего палеолита могла быть вызвана разными причинами. В какой-то мере она может объясняться антагонизмом разных форм отбора. В частности, половой отбор в пользу сапиентного габитуса мог противодействовать климатическому отбору и приводить к тому, что черты внешности, в т.ч. размеры и пропорции конечностей, у ассимилированных и метисированных потомков местного населения эволюционировали в сторону нормы, характерной для колонистов, тогда как у последних пропорции остались неизменными при уменьшении размера. Если же резко дисгармоничные комбинации наблюдаются на уровне отдельных групп или даже внутри них, то, как справедливо предположила Е.Н. Хрисанфова (см. ниже), это, скорее всего, вызвано метисацией.

Вопрос – повторю еще раз – состоит не в том, сапиенсы сунгирцы или нет. Положительный ответ на это ни у кого не вызывал сомнений. Вопрос исключительно в том, есть ли у них какие-то черты, указывающие на неандертальский субстрат. Размеры конечностей таких указаний не дают, размер ключицы – дает.

Судя по динамике длины ключицы, ширина плеч, в отличие от размеров конечностей, в адаптивном процессе не участвовала, по крайней мере в ту эпоху. К концу верхнего палеолита этот размер не увеличивается, чего можно было бы ожидать в соответствии с гипотезой адаптации к холоду, но, напротив, существенно уменьшается пропорционально длине конечностей [Ibid]. Поэтому нельзя считать, что сунгирцы с их огромной шириной плеч опередили своих совре-

менников в плане приспособленности к холоду. Не более правдоподобны и предположения о воздействии трудовой деятельности, особенно сильно проявившемся почему-то именно в этой группе. Остается предположить, что данный признак был унаследован сунгирцами от европейских неандертальцев, занимавших в этом отношении крайнее место среди всех известных нам групп. Поскольку никакого иного источника – ни адаптивного, ни филогенетического – не усматривается, мы принимаем самое простое объяснение.

Что касается пропорций, то нет оснований считать относительную длину рук и ног важным таксономическим и адаптационным критерием, как предлагает М.Б. Медникова. Если у современных людей и прослеживается корреляция интермембрального указателя с климатом, то в эпоху среднего и верхнего палеолита этот индекс очень стабилен и не обнаруживает видимой связи ни с таксономическим статусом, ни с географическим положением групп. Так, по данным о мужчинах, он составляет у европейских неандертальцев 70 – 71, у людей из Схула – 67 – 70, у гримальдийцев – 68, у человека из Оберкасселя – 69, у людей из Костенок XIV и Сунгира – 71, в группе из Пршедмости – 72. Изменчивость очень мала и неопределенна. Наверное, М.Б. Медникова имела в виду разную групподифференцирующую роль верхних и нижних конечностей, показанную в работах Т. Холлидея. Но примененный ею метод нечувствителен к таким различиям.

Таксономическое значение имеют, как известно, интрамембральные индексы, особенно берцово-бедерный, а также относительная длина ключицы. Первые сближают сунгирцев, как и других верхнепалеолитических европейцев (и ранних, и поздних), с древнейшими сапиенсами Леванта, вторая – с европейскими неандертальцами. Дисгармония, мозаичность индивидуальных сочетаний признаков у метисов общеизвестна, она вызвана случайными факторами, и для ее объяснения не нужно прибегать к сложным гипотезам об особой адаптивной судьбе каждого признака по отдельности. Эффект основателя помогает понять, каким образом такие комбинации закрепляются в потомстве. Половой отбор в пользу “сапиентной” внешности мог противодействовать дисгармонии, но не устранять ее полностью, что, возможно, и проявляется в чрезмерной широкоплечести сунгирцев.

Наши знания об адаптивной роли прочих скелетных особенностей явно недостаточны. М.Б. Медникова указывает, что по объему медулярной полости плечевой кости (возможно, косвенному показателю кроветворной функции) сунгирец находится посередине между эскимосами и алтайскими афанасьевцами и максимально далек от натуфийцев. Можно было

бы попытаться отыскать в этих фактах какой-то адаптивный смысл при условии соблюдения хотя бы внутренней логики. Беда, однако, в том, что натуфийцы жили на той самой горе Кармель, где до них обитали люди группы Схул, от которых сунгирец, надо полагать, и унаследовал адаптации к высокогорью. Видимо, прежде чем реконструировать эволюционное прошлое на базе “экогеографических” гипотез, желательно было бы прийти к единому мнению хотя бы относительно того, к каким именно физиологическим последствиям должно приводить обитание на данной горе.

М.Б. Медникова полагает, что налет “неандерталоидности” у сунгирцев – это проявление закона гомологических рядов в наследственной изменчивости. В качестве иллюстрации она приводит адаптивные черты в посткраниальном скелете арктических монголоидов. По ее словам, было бы заманчиво рассматривать Аляску и Чукотку в качестве последнего форпоста неандертальцев, но такое предположение опровергается краниологическими данными.

Хочется верить, что это написано не всерьез. Разграничение конвергенций (параллельных адаптаций в неродственных группах) и черт сходства, вызванных родством, в биологии осуществляется на основании ряда критериев, среди которых основным на подвидовом уровне является территориальный. Искать неандерталоидность на Чукотке бесполезно не по краниологическим соображениям, а потому, что там никогда не было неандертальцев. Однако “если комбинация признаков (хотя бы двух) образует сплошной ареал, то больше оснований предполагать общее, а не параллельное возникновение этой комбинации” [Дебец, 1951, с. 96]. На Русской равнине наблюдается не только частичное совмещение ареалов двух групп (средне- и верхнепалеолитической), но и в некоторых случаях, как свидетельствуют материалы Сунгира и других памятников, культурная преемственность между ними. Представители разных видов обычно не заимствуют друг у друга элементы поведения, и уж совсем беспрецедентным феноменом следовало бы считать межвидовое заимствование элементов культуры. Следовательно, “общее, а не параллельное возникновение” морфологических признаков может означать не только наследование их от общего предка, но и распространение путем метисации. Это не исключает параллельного возникновения адаптивных черт в случаях, когда о смешении говорить не приходится (примером служит редукция конечностей у населения финальной поры верхнего палеолита).

На мой взгляд, наличие неандертальского субстрата у сунгирцев продемонстрировано Е.Н. Хрисанфовой и А.А. Зубовым с полной убедительностью. М.Б. Медникова с такой трактовкой не согласна, при-

чем спорить ей приходится не только со мной. Как она с огорчением указывает, превратное (по ее мнению) толкование работ Е.Н. Хрисанфовой имеет в российской антропологии давнюю традицию. У ее истоков стоял не кто иной, как Я.Я. Рогинский, весьма вдумчивый и осторожный исследователь, убежденный моноцентрист, тем не менее не сомневавшийся в наличии неандерталоидных черт и в посткраниальном скелете сунгирца, и на черепках моравских верхнепалеолитических гоминидов (Пршедмости, Брно)*. А сама Е.Н. Хрисанфова за четверть века так и не опровергла этого взгляда и не внесла сюда той определенности, которая устраивала бы М.Б. Медникову. И в последних своих работах, как и в более ранних, она писала о том, что смешанное сапиентно-неандертальское происхождение сунгирцев представляется “достаточно вероятным” [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 348], при этом она не просто “цитировала предположение О.Н. Бадера”, а отстаивала собственную гипотезу, казалось бы, не допускающую разночтений.

И все-таки разночтения возникают. По словам М.Б. Медниковой, под неандертальцами подразумеваются в основном люди группы Схул (!). Ничего подобного из работ Е.Н. Хрисанфовой, разумеется, не следует и следовать не может (о каком смещении в этом случае могла бы идти речь?). Источник путаницы устанавливается без труда.

Сунгирь – Схул – Херто

Е.Н. Хрисанфова [Сунгирь..., 1984, с. 123, 130 – 131; *Homo sungirensis...*, 2000, с. 345 – 346, 348] действительно указывала на целый ряд антропологических параллелей между Сунгирем и Схулом. Сходство строения кистей и стоп у мужчин Сунгирь 1 и Схул IV она назвала поразительным. М.Б. Медникова видит тут лишнее подтверждение родства сунгирцев с левантийскими гоминидами. Но при этом она упускает из вида еще две важные общие черты, на которые указала Е.Н. Хрисанфова. Во-первых, в обеих группах (из Сунгиря и Схула) обнаруживается мозаичное сочетание неандертальских (или просто архаических) и сапиентных признаков. Это касается целого ряда крупных и мел-

ких черт посткраниального скелета. Во-вторых, и здесь, и там отмечена весьма сильная индивидуальная изменчивость, превышающая то, что обычно наблюдается внутри генетически сбалансированных групп (в Сунгире это особенно проявляется в резко различном строении бедренных костей у индивидуумов 1 и 4). На основании этих фактов Е.Н. Хрисанфова [Сунгирь..., 1984, с. 131; *Homo sungirensis...*, 2000, с. 348] выдвинула вполне, на мой взгляд, обоснованную гипотезу, согласно которой обе популяции – из Схула и Сунгиря – были метисными. По отношению к Схулу данную точку зрения впервые обосновал А. Тома, и сейчас она является преобладающей.

Если это действительно так, то крайне маловероятно, что обе группы были связаны непосредственно. Несбалансированность сочетаний признаков характерна лишь для сравнительно ранних этапов метисации, а в дальнейших поколениях метисов (при условии панмиксии) устанавливается генетическое равновесие и изменчивость в конце концов возвращается к нормальному типу, свойственному однородным группам. Совершенно немыслимо, чтобы подобная дисгармония сохранялась на одинаковом уровне в течение 70 тыс. лет, отделяющих Схул от Сунгиря, или хотя бы на протяжении 30 тыс. лет, если принять самую позднюю, aberrantную дату Схула. Приходится предположить, что метисация сапиенсов с архаическими гоминидами произошла повторно и гораздо позже, уже после прибытия сапиенсов в Европу. А значит, черты архаизма сунгирцы унаследовали в основном не от иммигрантов, а от местных неандертальцев.

Впрочем, относительно Схула существовала, как известно, и иная точка зрения: данная группа отражает определенную стадию в процессе превращения архаических людей в современных, и черты неандерталоидности в ней унаследованы от общих предков сапиенсов и неандертальцев. Еще сравнительно недавно этот взгляд отстаивал, например, Р. Корручини [Corruccini, 1992]. Защищать его теперь стало трудно, поскольку в Херто (Эфиопия) найдены три черепа людей современного типа, датируемые 154 – 160 тыс. л.н., т.е. в 1,5 раза более древние, чем скелеты левантийских “протокромафьонцев”. Они архаичны и при этом лишены неандертальских признаков [White et al., 2003].

Но если процесс сапиентации начался в Африке так давно, то неужели он все еще продолжался в Европе 130 тыс. лет спустя? А ведь именно к такому, сугубо полицентристскому, взгляду подводит нас мнение приверженцев узкого моноцентризма о некоей генерализованной, независимой от неандертальцев, архаичности, свойственной многим верхнепалеолитическим европейцам. Можно ли считать случайным совпадением факт бесследного исчезновения архаичности

* Последнее вынужден был признать даже такой радикальный представитель узкого моноцентризма, как К. Стрингер [Stringer, 1990]. А еще раньше другой моноцентрист У. Хауэллс установил с помощью специальной краниометрической методики, что по отношению к индивидууму Пршедмости 3 речь должна идти именно о пережитках неандертальской специализации, а не о генерализованном архаизме, поскольку ни у каких иных гоминидов, кроме неандертальцев, такого строения не наблюдается [Howells, 1982]. Именно к этому индивидууму сунгирец и оказался ближе всего по совокупности признаков черепа и посткраниального скелета [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 345].

у европейских сапиенсов вскоре после того, как исчезли неандертальцы, сосуществовавшие с ними в Европе? Не логичнее ли допустить, что в Европу мигрировали люди вполне уже современного облика (о том, что они в ту пору уже существовали, свидетельствуют, например, находки с оз. Манго в Австралии, имеющие возраст ок. 40 тыс. лет), а архаичность их потомков вторична и вызвана метисацией? Именно такова была ситуация в Австралии, где более поздние антропологические материалы из Уилландры и Кау Суомпа весьма архаичны.

Правда, с таким предположением как будто не согласуются недавно найденные в Юго-Западной Румынии, в пещере Пештера ку Оасэ в Карпатах, фрагменты двух черепов и нижняя челюсть, принадлежащие сапиенсам и датируемые в интервале 34–36 тыс. л.н. [Trinkaus, Milota, Rodrigo et al., 2003; Trinkaus, Moldovan, Milota et al., 2003]. Это – самые ранние останки людей современного типа в Европе. Будучи практически лишены неандертальских апоморфий, они обнаруживают ряд архаических черт. Впрочем, по мнению Э. Тринкауса, карпатские находки вполне совместимы с предположением о метисации сапиенсов с неандертальцами. Можно не сомневаться, что по поводу них вскоре разгорится тот же спор, который идет относительно находок из Сунгиря, Младеча, Брно, Пршедмости или Лагар Велью, причем позиции спорящих будут в значительной мере определяться их общетеоретическими взглядами. Аргументы в этой полемике базируются в основном на косвенных соображениях, поскольку мы крайне мало знаем о генетике скелетных признаков (особенно неандертальских) и еще меньше – об их изменчивости у метисов.

Предварительные итоги

Значительная ценность проведенных М.Б. Медниковой и ее коллегами палеоэкологических исследований сунгирской популяции не подлежит никакому сомнению, как и важность палеогенетики для антропологии. Вопрос состоит лишь в том, можно ли считать результаты всех этих исследований альтернативой хорошо обоснованной гипотезе о неандертальском субстрате у сунгирцев. На мой взгляд, нельзя. Обмен мнениями должен продолжаться, и только новые факты позволят подвести окончательный итог. А сейчас можно отметить некоторые общие черты, свойственные и нашему спору, и дискуссиям о происхождении современного человека, ведущимся сейчас на Западе.

Четверть века назад между моноцентризмом и полицентризмом существовал некоторый баланс сил. Сегодня ни о каком балансе говорить не приходится. Под воздействием фактов соотношение резко сдви-

нулось в пользу моноцентризма в различных его разновидностях. Сейчас даже некоторые из тех, кто, подобно В. Эсварану, сводит к минимуму (по-моему, совершенно напрасно) роль миграций в распространении современной морфологии, все равно вынуждены исходить из того, что эта морфология возникла в одном, африканском, центре. Нравится это кому-то или нет, но неандертальцы, безусловно, вымерли (отчасти, правда, “путем гибридизации”).

Данную тенденцию в развитии науки об антропогенезе можно считать необратимой и сугубо прогрессивной. Однако важно видеть не только лес за деревьями, но и деревья за лесом. Мы с М.Б. Медниковой едины в принципиальных вопросах. Я хотел бы только заметить, что, призывая к взвешенности в оценках, она бескомпромиссно отстаивает самую крайнюю и невзвешенную позицию из всех существующих – узкий моноцентризм. А между тем противоположная крайность практически перестала существовать. Авторы, продолжающие называть себя мультирегионалистами (я к ним не принадлежу), давно уже защищают довольно умеренные взгляды, во многом близкие широкому моноцентризму Я.Я. Рогинского (на которого они, к сожалению, не ссылаются, и трудов которого, судя по всему, не знают*). Полагаю, настало время и их противникам сделать хотя бы небольшой встречный шаг и перейти к более трезвой оценке фактов.

Список литературы

- Бадер О.Н.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 264 с. – (ТИЭ; Т. 17).
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с. – (ТИЭ; Т. 55).
- Козинцев А.Г.** Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе: Эволюция путем полового отбора? // Человек заселяет планету Земля. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – С. 109–114.
- Козинцев А.Г.** От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 58–64.
- Медникова М.Б.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе: Дискуссионные аспекты таксономического ранга верхнепалеолитических скелетных остатков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4 (16). – С. 17–29.

* Особенно досадно отсутствие ссылок на Я.Я. Рогинского в работах Ф. Смита и других авторов “ассимиляционной модели”, почти идентичной теории широкого моноцентризма.

Рогинский Я.Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1949. – 155 с.

Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – 215 с.

Хрисанфова Е.Н. Скелет верхнепалеолитического человека из Сунгиря // Вопр. антропологии. – 1980. – Вып. 64. – С. 40 – 68.

Adcock G.J., Dennis E.S., Easteal S., Huttley G.A., Jermin L.S., Peacock W.J., Thorne A.G. Mitochondrial DNA sequences in ancient Australians: Implications for modern human origins // *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. – 2001. – Vol. 98. – 16 January. – P. 537 – 542.

Brace C.L., Tracer D.P. Craniofacial continuity and change: A comparison of Late Pleistocene and recent Europe and Asia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusensha, 1992. – P. 439 – 471.

Corruccini R.R. Metrical reconsideration of the Skhul IV and IX and Border Cave 1 crania in the context of modern human origins // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1992. – Vol. 87, N 4. – P. 433 – 445.

Eswaran V. A diffusion wave out of Africa: The mechanism of the modern human revolution? // *Current Anthropology*. – 2002. – Vol. 43, N 5. – P. 749 – 774.

Frazer D.W. The persistence of Neandertal features in post-Neandertal Europeans // *Continuity or Replacement? Controversies in Homo Sapiens Evolution* / Eds. G. Bräuer, F.H. Smith. – Rotterdam: Balkema, 1992. – P. 179 – 188.

Frazer D.W., Wolpoff M.H. The Neandertal transition: A case for sex differences in evolutionary rates // *Antropologia contemporanea*. – 1984. – Vol. 7, N 2. – P. 100.

Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Научный мир, 2000. – 460 с.

Howells W.W. Modern and Late Pleistocene cranial profiles // *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. Sér. 13*. – 1982. – Vol. 9, N 4. – P. 333 – 337.

Jacobs K. Evolution in the postcranial skeleton of late glacial and early postglacial European hominids // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. – 1985. – Bd. 75, N 3. – S. 307 – 326.

Smith F.H., Falsetti A.B., Donnelly S.M. Modern human origins // *Yearbook of Physical Anthropology*. – 1989. – Vol. 32. – P. 35 – 68.

Stringer C.B. The origin of early modern humans: A comparison of the European and non-European evidence // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives in the Origins of Modern Humans* / Eds. P. Mellars, C. Stringer. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – P. 232 – 244.

Trinkaus E., Milota S., Rodrigo R., Gherase M., Moldovan O. Early human cranial remains from the Peștera cu Oase, Romania // *Journal of Human Evolution*. – 2003. – Vol. 45. – P. 245 – 253.

Trinkaus E., Moldovan O., Milota S., Bîlgăr A., Sarcina L., Athreya S., Bailey S.E., Rodrigo R., Gherase M., Higham T., Bronk Ramsay C., van der Plicht J. An early modern human from the Peștera cu Oase, Romania // *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. – 2003. – Vol. 100. – 30 September. – P. 11231 – 11236.

White T.D., Asfaw B., Degusta D., Gilbert H., Richards G.D., Suwa G., Howell F.C. Pleistocene *Homo sapiens* from Middle Awash, Ethiopia // *Nature*. – 2003. – 12 June. – P. 742 – 747.

Williams S.R., Chagnon N.A., Spielman R.S. Nuclear and mitochondrial genetic variation in the Yanomamo: A test case for ancient DNA studies of prehistoric populations // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2002. – Vol. 117, N 3. – P. 246 – 259.

Wolpoff M.H. The place of the Neandertals in human evolution // *The Emergence of Modern Humans* / Ed. by E. Trinkaus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 97 – 141.

Материал поступил в редколлегию 20.01.04 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903. 2:688

В.Д. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su*

ДРЕВНИЕ СТЕЛЫ И ИЗВАЯНИЯ В ОБРЯДАХ И СУЕВЕРИЯХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Введение

В настоящее время на азиатских просторах степей и в горных долинах (рис. 1) сохранилось более 4 тыс. памятников монументального искусства, принадлежащих к разным эпохам, – от энеолита до позднего средневековья. Они представлены древнейшими стелами с чашечными углублениями и редкими изображениями животных [Кызласов, 1986; Кубарев В.Д., 1986, 2000; Молодин, Погожева, 1989], антропоморфными стелами и изваяниями эпохи бронзы [Вадецкая, 1967, 1980; Могильников, 1980; Кубарев В.Д., 1988; Ковалев, 1998], оленными камнями [Окладников, 1954; Членова, 1962; Кызласов, 1986; Кубарев В.Д., 1979; Волков, 1981, 2002; Савинов, 1994; Килуновская, Семенов, 1998], древнетюркской скульптурой [Евтюхова, 1952; Грач, 1955, 1961; Кызласов, 1969; Вайнштейн, 1974; Кубарев В.Д., 1984, 1997; Байэр, 1994; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999], изваяниями монгольского [Баяр, 1997] и этнографического [Дьяконова, 1975; Маточкин, 2001] времени. Имеются также необработанные стелы и менгиры, установленные в курганных могильниках, устьях многочисленных рек, на перекрестках главных дорог и троп кочевников (рис. 2), перевалах и у подножия считавшихся священными в древности гор.

Археологические материалы и этнографические данные

Традиция почитания отдельных, наиболее выразительных в художественном отношении монументальных памятников, несомненно, зародилась уже в глубокой

древности. Исследователи отмечают особое отношение многих азиатских народов к древним мегалитам, стелам и изваяниям, в которых люди часто видят нечто таинственное и необъяснимое. Поэтому, например, у алтайцев, тувинцев и монголов суеверия и обряды, связанные с древними святынями, весьма разнообразны.

Древнейший культ алтайских мегалитов III – II тыс. до н.э., найденных в долинах рек Теньги и Каракола у сел Талда и Иня, выражался в нанесении на них чашечных углублений – древнейших символов плодородия. Среди этих памятников следует выделить уникальную надгробную стелу, найденную в долине р. Теньги у пос. Озерное (рис. 3). Ее неординарность заключается в том, что фигуры быков и оленей выбиты в невысоком барельефе [Кубарев В.Д., 1988, с. 86, рис. 69; 2000, с. 18, рис. 2, д; Молодин, Погожева, 1989, с. 169, рис. 2]*. В такой же стилистической манере и технике выполнены изображения быков на плите, найденной на г. Хайрыкан в долине р. Улатай (Тува). Объемность фигур достигнута древним мастером “посредством понижения фона путем сплошной выбивки, с последующей подшлифовкой” [Дэвлет, 1998, с. 165]. Сходство двух монументальных памятников, датируемых ранним бронзовым веком, усиливается благодаря одинаковой ориентации рисунков на плоскости плит и тщательной проработке таких деталей изображений, как рога, голова, глаза, уши, ноздри, копыта. Возможно, хайрыканская плита, найденная на вершине горы, каким-то образом

* В настоящее время стела экспонируется в фойе Института археологии и этнографии СО РАН.

Рис. 1. Курайская котловина Алтая, в которой найдены многочисленные памятники монументального искусства.

Рис. 2. Стела эпохи ранней бронзы. Долина р. Барбургазы. Алтай.

Рис. 3. Стела эпохи ранней бронзы. Долина р. Теньги. Алтай.

Рис. 4. Предметы, найденные у основания стелы эпохи ранней бронзы.

1 – галька фаллической формы; 2 – кристалл черного хрусталя; 3 – 5 – каменные песты. Долина р. Юстыд. Алтай.

Рис. 5. Стела эпохи ранней бронзы, переоформленная в оленный камень. Долина р. Юстыд. Алтай.

была связана с древним культом гор, а изображения быков могли замещать реальных животных, приносившихся в жертву горным духам или богам. Теньгинские быки показаны привязанными к столбу и, очевидно, олицетворяют животных, подготовленных к древнему обряду жертвоприношения.

Оригинальными следует назвать каменные орудия и другие символические предметы (рис. 4), обнаруженные у основания огромной стелы ранней бронзы, которая была переоформлена в оленный камень (рис. 5). Продолговатые гальки фаллической формы найдены Л.Р. Кызласовым и у подножия известного в Хакасии энеолитического изваяния Улуг-Хуртуяг-тас (Большая каменная старуха). Эта каменная фигура, по мнению исследователя, «почиталась хакасами, преж-

де всего из-за мнимой ее магической силы избавлять от бесплодия женщин” [Кызласов, 1986, с. 129]. Но, возможно, фаллические гальки у основания почитаемого в Хакасии изваяния были жертвованы во время проведения древнейшего обряда плодородия, близкого по сценарию к ритуалу, некогда происходившему у мегалитических стел и оленных камней на Алтае, в Казахстане и Монголии [Кубарев В.Д., 1979, с. 92 – 93; Маргулан, 1979, с. 281; Волков, 1981, с. 80]. У таких монументов, установленных в древних родовых и племенных святилищах, вероятно, на протяжении многих столетий устраивались праздники и моления, посвященные универсальному культу плодородия.

Одиноко стоящие стелы и даже целые их ряды у древних могил предков, по воззрениям древних и современных народов, вероятно, более всего подходили для “вселения” в них душ своих умерших сородичей. Не исключено, что древние памятники использовались для ритуальных целей без разрушения или переоформления их конструкций. Достаточно было поднести жертвенные предметы к основанию стелы в оградке, чтобы считать правило обряда выполненным. Такой комплект железных изделий (VIII – IX вв.) обнаружен с южной стороны “раннескифской” стелы, установленной в центре оградки, раскопанной в долине р. Талдуры (Российский Алтай).

Иногда для сооружения стенок оградок тюрки использовали оленные камни и мегалитические стелы, находящиеся рядом с местом сооружения мемориала [Кубарев В.Д., 1988, с. 88 – 90, рис. 72, 73]. В ходе раскопок подобной оградки, сложенной из четырех оленных камней (местность Шан Тэнэрин тал, Монголия), удалось выявить остатки центрального и углового деревянных столбов, а также несколько позвонков теленка [Волков, 1981, с. 26, 143, табл. 20, 1, 3]. Древнетюркская ограда (размеры 7×7 м), обследованная нами в 1998 г. на правом берегу р. Могой (Монгольский Алтай), была заполнена кварцитовыми гальками, а ее стенки сложены из огромных каменных блоков – древних стел (?). На ее восточной стенке на одном из трех камней сохранились изображения серьги и чекана, характерные для оленных камней. Еще один оленный камень с главными символами (три косые линии, серьга и пояс) установлен снаружи восточной стенки этой же оградки. На восток от него отходит ряд из 20 балбалов, каждый высотой не более 0,5 м.

Древние тюрки также часто использовали более древние “поминальные” (?) оградки раннего железного века и дополняли их изваяниями, балбалами и кольцевидными выкладками из камней. Подобные памятники известны на Алтае и в Монголии. Изваяния, стоявшие в центре оградок, открыты нами в долинах рек Аргут, Коксу (Алтай) и окрестностях г. Баян-Олгий (Монголия) [Кубарев В.Д., 1984, с. 206, изв. 165;

с. 210, изв. 188; 1997, с. 143, 179]. Они выполнены на ранних стелах, датируемых эпохой бронзы или ранним железным веком. О вторичном использовании стел свидетельствуют небольшие размеры и прямоугольная форма оградок, ориентация стел гранями по сторонам света и нанесенные на них только основные детали лица. Раскопки подобных оградок с “лицевыми” изваяниями на Алтае в степи Макажан и в логу Чадыр, как и исследование более десяти оградок с центральными стелами в долинах рек Юстыд, Барбургазы [Кубарев В.Д., 1979, с. 32 – 33], не дали никаких материалов. Об использовании древних стел для создания изваяний нам уже приходилось писать, но в этой связи хочется еще раз обратить внимание коллег на Чадырский комплекс, включающий три невысокие стелы внутри небольших оградок раннескифского времени, которые были переоформлены в древнетюркские изваяния. На широких гранях этих стел, обращенных на восток, выбиты человеческие личины, сам ритуал поминовения совершался в специально сооруженных оградках в 100 м на восток от изваяний [Кубарев В.Д., 1984, с. 21, 225, табл. XLVI]. Примеры вторичной обработки древними тюрками энеолитических стел и оленных камней, превращенных позже в изваяния, зафиксированы и в других регионах Центральной Азии [Грач, 1961, с. 40; Кубарев В.Д., 1984, с. 183, изв. 28, 29; с. 194, изв. 97; с. 218, изв. 223; с. 224, изв. 236, 243; 1997, с. 143, 179; 2000, с. 104 – 106; Кубарев В.Д., Цзвэндорж, 2000, с. 51; и др.].

Все народы Центральной Азии считали древние могильники и кладбища этнографического времени заповедными обителями духов предков. Обычно один раз в году в местах погребений устраивались специальные жертвоприношения в память о давно умерших предках. Алтайцы и тувинцы оставляли пищу и напитки не только на могилах, но и в местах поминок по своим сородичам. Рядом с поминальным костром они выкапывали небольшую ямку, которая называется *jer ayak* – земляная чашка. В нее всегда клали понемногу разной пищи, а также выколачивали набитые табаком трубки. Все это предназначалось для души умершего [Шатинова, 1981, с. 101]. Традиционный погребально-поминальный обряд саяно-алтайские народы, несомненно, унаследовали от своих тюркоязычных предков. Об этом свидетельствуют материалы археологических раскопок древнетюркских поминальных сооружений с изваяниями (рис. 6). В высокогорных районах Алтая в долинах рек Коксу, Бугузун, Юстыд и Аргут у основания каменных фигур древнетюркских воинов нами были обнаружены серебряные (рис. 7) и керамические сосуды (рис. 8, 9). Они, несомненно, использовались для жертвенных приношений и возлияний при совершении поминок [Кубарев В.Д., 1984, с. 71 – 75]. Серебряная посуда, как наиболее ценная, находилась в неглубоких ямках, а керамические гор-

Рис. 6. Древнетюркское каменное изваяние VIII – IX вв., Долина р. Барбургазы. Алтай.

Рис. 7. Серебряный сосуд, вкопанный у основания каменного изваяния. Долина р. Юстыд. Алтай.

Рис. 8. Керамический сосуд, найденный у древнетюркского изваяния. Долина р. Юстыд. Алтай.

Рис. 9. Керамический сосуд, найденный у древнетюркского изваяния. Долина р. Коксу. Алтай.

шки и кувшины стояли прямо на древней поверхности. Прошло более тысячи лет, пока они полностью покрылись землей. Поражает сохранность, своего рода священная неприкосновенность этих сосудов. Это может быть объяснено особым почитанием или даже страхом древних тюрков к местам погребений и поминок. “Никто из местных жителей, – отмечает В.П. Дьяконова, – не притрагивался к этим (жертвенным) предметам, и вообще данного места боялись и к нему, кроме как для проводов умершего, не подходили” [1975, с. 67].

В древнетюркском обряде поминания, который совершался у каменного изваяния или антропоморфной стелы, заменявшей человека, в качестве главно-

го жертвенного животного использовали коня. Согласно традиции, у древних монголов и тюрков мясо коня съедали сородичи за упокой души умершего, а голову и шкуру вывешивали на шесте рядом с могилой или местом совершения поминального пиршества [Викторова, 1980, с. 28; Кубарев В.Д., 1984, рис. 16].

В.А. Казакевич, посвятивший одну из своих исследований “намогильным статуям” Дариганги (Восточная Монголия), достаточно подробно описал верования и обряды, связанные с “чужодейственной силой” отдельных изваяний монгольского времени [1930]. Вот некоторые его наблюдения: изв. 1 у ручья Баингол – “Рот и чаша вымазаны жиром, так как статуя

Рис. 10. Изваяние древнего тюрка "Чингисхан". Тува.

является предметом поклонения местных жителей, страдающих бесплодием" [Там же, с. 3]; изв. 3 из урочища Сумтийн-барун-дэль – "Вокруг шеи статуи обвязан пучок конского волоса, выемка бокала наполнена мелкими жертвоприношениями, так как статуе поклоняются... Перед статуей – большой плоский камень, подпертый другими маленькими и имеющий значение жертвенного столика"; изв. 4 у подножия горы Алтан-обо или Дари-обо – «Перед статуей поставлен высеченный из розового гранита небольшой жертвенный столик китайской работы, на котором расположены жертвоприношения в виде нескольких камней, пучков конского волоса, обрывков "хадаков" (шелковых шарфов) и кусочков молочных продуктов. Вокруг... тропинка, проложенная ногами поклоняющихся, совершающих здесь свои круговращения» [Там же, с. 5]; изв. 5 у горы Алтан-обо – "Лицо, руки и бокал темного цвета от прикладываний верующих. Статуя является одной из главных святынь хошуна Дариганга, материальным олицетворением покровителя хошуна *Цагаан-нојјо* (Белый князь, вожь), обитающего на вершине горы Алтан-обо. Считается, что поклонение ей способствует деторождению" [Там же, с. 8]; изв. 15 в степи к северо-востоку от горок Гухуль – "Статуя почитается местными охотниками на сурка (тарбагана), как приносящая счастье" [Там же, с. 14]. В.А. Казакевич также отметил, что в Халхе очень развито почитание предметов, не имеющих никакого отношения к буддийскому культу, особенно развалины древних храмов, статуй или писаниц [Там же, с. 57].

Рис. 11. Изваяние древнего тюрка "Даян-батыр". Монголия.

В Монголии в местности Диваджин-газар было известно каменное изваяние, считавшееся воплощением Даян-Дерхе – шамана-батыра, побежденного Чингисханом и превратившегося в камень. "Все информаторы описывают изваяние приблизительно одинаково: это был камень высотой в человеческий рост без каких-либо антропоморфных признаков. Легенда, приведенная Г.Н. Потаниным, гласит, что камень этот когда-то лежал на земле, потом сам собою стал подниматься, пока, наконец, не стал вертикально. Обернутый в шелк, он приобретал сходство с человеческой фигурой. Перед ним ставились разного рода жертвы, а ткань ежегодно обновлялась в день совершения служб в честь Даян-Дерхе – 10 июля. В этот день в монастыре дамы устраивали специальную службу" [Галданова, Жуковская, Очирова, 1987, с. 54]. Шаманские камлания в память о Даян-Дерхе совершались в тот же день, но уже в пещере, расположенной недалеко от монастыря [Там же, с. 54].

Классическим и ярким примером почитания каменных изваяний является знаменитая статуя "Чингисхан" в Барлыкской степи, у современного тувинского пос. Кызыл-Мажалык, подробно описанная А.В. Адриановым (рис. 10). Собственные имена имеют и наиболее известные древнетюркские изваяния: на Алтае это "Акташ", "Кезер", в Монголии – "Даян-батыр" (рис. 11), "Увшай", "Ловх", "Лам-чулуу" и т.д. С каждым из них связаны легенды и суеверия, а у отдельных фигур совершаются шаманско-ламаистские обряды. До сегодняшнего дня эти изваяния остаются объектами почитания и поклонения, о чем свидетельствуют

следы скромных жертвоприношений и небольшие обо, сооруженные рядом с ними. В качестве символической жертвы люди использовали обычные камни или гальки, заранее поднятые на берегу реки или у подножия холма. Часто эти камни выделяются необычной формой или цветом. Перед многими изваяниями и в поминальных оградках Алтая и Монголии возвышаются небольшие обо, сложенные только из белых кварцитовых камней. Как известно, у кочевников Центральной Азии белый и голубой цвета являются символами неба и священной первозданной чистоты. На территории Монголии особенно высокие и большие обо из белых валунов и мелкой гальки сооружены у некоторых реалистично выполненных древнетюркских изваяний. Участники Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции в 1965 г. на пути из Арвайхэра в пустыню Гоби обнаружили очень выразительное каменное изваяние благодаря приметному издали высокому обо. Среди камней были видны “разнообразные приношения: лепешки, зерна риса и пшеницы, медные деньги и стеклянные банки. Глубоко в насыпь уходят деревянные шесты. На них привязаны длинные бумажные ленты с текстами молитв, клочки разноцветной материи, пучки конского волоса и верблюжьей шерсти. Ветер треплет самодельные флажки, настраивая на торжественный лад” [Ларичев, 1968, с. 228].

При изучении различных археологических памятников Монголии нам удалось получить некоторые сведения, по которым можно судить о сохранении традиции почитания и культа наиболее реалистически выполненных каменных фигур. Мы обследовали знаменитое древнетюркское изваяние у оз. Даян-Нуур, опубликованное более 100 лет назад Г.Н. Потаниным [1881, с. 72 – 73]. Ему и сегодня продолжают поклоняться несколько семей монгольских тувинцев. Конечно, от описанного сибирским ученым деревянного сооружения, возведенного над “Даян-батыром”, не осталось даже следов, но глубоко впитавшиеся остатки жира или масла на губах и правом плече статуи свидетельствуют о длительном почитании и обряде “кормления” каменной фигуры (см. рис. 11). Еще одна характерная особенность – отчетливые следы красной краски на губах изваяния “Даян-батыра”, которая была нанесена, очевидно, в более позднее время [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2000, с. 52 – 55]. Не исключено, что и Г.Н. Потанин еще столетие назад мог наблюдать отражение подобного обычая – у привезенного им в Томский университет миниатюрного изваяния были накрашены красной краской губы, а брови выделены черным красителем (рис. 12). Данная фигура, возможно, изначально находилась на пограничной с Китаем территории. Еще на одном изваянии из долины р. Сагсай красная краска покрывала все лицо, особенно хорошо она сохранилась

на губах и щеках [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2002, рис. 5]. В наши дни в Монголии отмечена и другая особенность обряда, описанная Г.И. Потаниным, – повязывание пояса или платка (*хадака*) на почитаемое изваяние. Два платка – белый и голубой – были завязаны на шее каменной фигуры (рис. 13), обследованной нами в 1994 г. на правом берегу р. Северная Тель близ г. Улангома [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 1995, изв. 6]. Десятки голубых и белых лоскутов материи завязаны на шее особо почитаемых изваяний из Ингэт толгойн, Онготийн дурсгал и Ондорхааны [Монгол нутаг..., 1999, с. 106, 114 – 115].

При обследовании долины р. Могой в Монгольском Алтае, где известно более 100 поминальных оградок и шесть древнетюркских изваяний [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2002, с. 91], на современном казахском кладбище каменная фигура древнего тюрка (рис. 14) закрывала вход в семейную усыпальницу. Такая нетрадиционная черта погребального обряда у казахов встречена впервые. Обычно вход в ограду, окружающую могилы, закрывался огромной плитой, а в наше время на многих кладбищах он, как и в юрте, имеет двустворчатые двери.

В Монголии и Туве у каменных изваяний и стел нередко проходили моления с участием шаманов и лам. Здесь приносились обязательные жертвоприношения, о чем упоминается в этнографических источниках и археологических исследованиях, посвященных древнетюркским мемориальным комплексам. В Монголии Б.Б. Бамбаев “в местности Дзун-Сур нашел... погребение с одной каменной бабой, сидящей в гробнице, которая, по словам местного населения, призывается урянхайскими и ойротскими шаманами во время их камлания...” (цит. по: [Войтов, 1986, с. 79]). По мнению обследовавшего этот мемориальный памятник В.Е. Войтова, каменная статуя издавна почиталась как местная святыня. В пользу такого вывода свидетельствует и буддийская надпись на одной из плит соседнего каменного ящика-оградки [Там же]. При раскопках у подножия изваяния в Эрдэнэмандале В.Е. Войтов нашел одну маньчжурскую и несколько современных монет [Там же]. Старинные монеты на коленях мраморной фигуры Бильге-кагана (рис. 15) мы видели в 1973 г., когда обследовали поминальный комплекс.

В древнетюркских поминальных сооружениях Алтая изредка встречаются впускные погребения этнографического времени. Надо полагать, что захоронения в средневековых мемориалах богатые алтайцы делали сознательно, чтобы подчеркнуть свое родство с тюркоязычными предками. Мы исследовали могилы теленгитов с многочисленными предметами и ювелирными украшениями в насыпи самого грандиозного поминального комплекса на Алтае в местности Ян-Гобо. В одной из малых оградок мемориала

Рис. 12. Древнетюркское изваяние, вывезенное Г.Н. Потаниным из Монгольского Алтая.

Рис. 13. Древнетюркское изваяние, установленное у г. Улангома, Монголия.

Рис. 14. Древнетюркское изваяние, использованное на современном казахском кладбище. Долина р. Могой. Монголия.

Рис. 15. Изваяние сидящего Бильге-кагана. Долина р. Орхон. Монголия.

ла нами были найдены разрозненные останки погребения ребенка в традиционной алтайской колыбели. А.С. Суразаков в одной из оградок могильника Котыр-Тас у с. Кокоря нашел металлическое стремя XIX – начала XX в. [1993, с. 50 – 51], которое, может быть, осталось от разрушенного впускного погребения или было пожертвовано в качестве подношения “духам предков”.

Л.П. Потапов очень основательно и подробно описал обряд, еще совсем недавно происходивший у отдельных тувинских каменных баб (*коже-тагыр*).

Его совершали в редких случаях – когда было необходимо вылечить тяжело больного человека. Такое моление всегда устраивали по совету шамана или ламы, оно требовало подготовки. Необходимо было заранее запастись молочной водкой, заколоть одного или даже нескольких баранов. На моление съезжалось много народу. Перед изваянием из камней выкладывали главную курильницу (*санг-салыр*), в центре которой клали плоский камень (*калбок-таш*). В древней поминальной оградке по сторонам света сооружались четыре дополнительные курильницы-очага. Во всех очагах возжигали можжевельник, его дымом окуривали каменное изваяние и больного, которого подносили или даже клали к подножию статуи. Человек был опоясан веревкой с разноцветными лентами (*чалама*), которая по окончании обряда надевалась на статую, “считалось, что *коже* примет на себя болезнь” [Потапов, 1960, с. 219]. О подобном обряде, называемом *кожеэ дагыры*, кратко упоминает и М.Б. Кенин-Лопсан. Он приводит имена шаманов, имеющих свои изваяния, у которых каждое лето проводится традиционное лечебное камлание [Кенин-Лопсан, 1987, с. 32]. Описанные обряды в общих чертах напоминают реконструированный нами поминальный обряд древних тюрок, посвященный культу предков [Кубарев В.Д., 1997, с. 33 – 34]. В Туве и Монголии также найдены уникальные древнетюркские изваяния, на которых выгравированы сцены поминального пиршества и обряда “коленипреклонения” (рис. 16) [Кубарев В.Д., 1995, табл. 1].

Археологические и этнографические материалы Центральной Азии свидетельствуют не только о почитании каменных фигур, но и о суеверном страхе, который выражался в преднамеренной порче статуй, закапывании в землю или заваливании их кучей камней [Грач, 1955, с. 422 – 423; Вайнштейн, 1974, с. 72; Кубарев В.Д., 1984, с. 78; Марсаолов, 1991, с. 55; Цэвэндорж, Кубарев Г.В., 2000, с. 199; и др.].

Интерес вызывает вопрос: сохранилась ли у алтайцев и тувинцев – прямых потомков и наследников духовной культуры древних тюрков – традиция установки изваяний? Как предполагается, самые поздние изваяния, например, в Туве: “относятся к X, а возможно, и к XI в.” [Вайнштейн, 1974, с. 67]; на Алтае – к X – XII или даже к XIV в. [Кубарев В.Д., 1984, с. 46]. Археологические данные о сохранении обычая изготавливать каменные изваяния в более позднее время отсутствуют, но, согласно данным этнографов, изучающих погребальный обряд тувинцев, изваяние умершего делали якобы только в исключительных случаях. Об этом в конце XIX в. Н.Ф. Катанов писал: “...если покойник пользовался уважением народа, то возле него ставится его изображение, выгесанное из камня или вырезанное из дерева” (цит. по: [Кызласову, 1969, с. 43]). Пока каменные или деревянные изваяния этнографического времени в Центральной Азии не найдены. Однако память об установке изображений умершим предкам “сохранилась у тувинцев до наших дней. Мне дважды пришлось слышать от стариков, что это были маленькие фигурки, ставившиеся на вершинах гор” [Там же]. Имеются и другие этнографические данные о традиции тувинцев ставить на могилах антропоморфные стелы (*кожээ таиш*), изображающие умерших [Дьяконова, 1975, с. 56]. Следует отметить, что на Алтае в долине высокогорной р. Елангаш в погребении женщины с разнообразным и богатым погребальным инвентарем, датруемым началом XX в., мною была найдена примитивно выполненная на обрубке ствола лиственницы фигура человека высотой 75 см. Интерпретация Е.М. Тошаковой находки как покровителя охотников Кан-Сарая [1978, с. 132] вызывает сомнение прежде всего потому, что деревянный “идол” был найден в женском погребении. Поэтому можно предложить иную семантику редкой находки из Елангаша: изображение могло служить культовым вместилищем духа-души умершей женщины или замещать ее при проведении погребального и поминального обрядов. С.И. Вайнштейн не случайно сравнивал деревянные фигурки женщин из тувинского могильника Кокэль, датруемые первыми веками новой эры, с традиционной скульптурой народов Сибири и полагал, что фигурки женщин из древних могил также могли быть вместилищами женских душ [1974, с. 39]. Такое сравне-

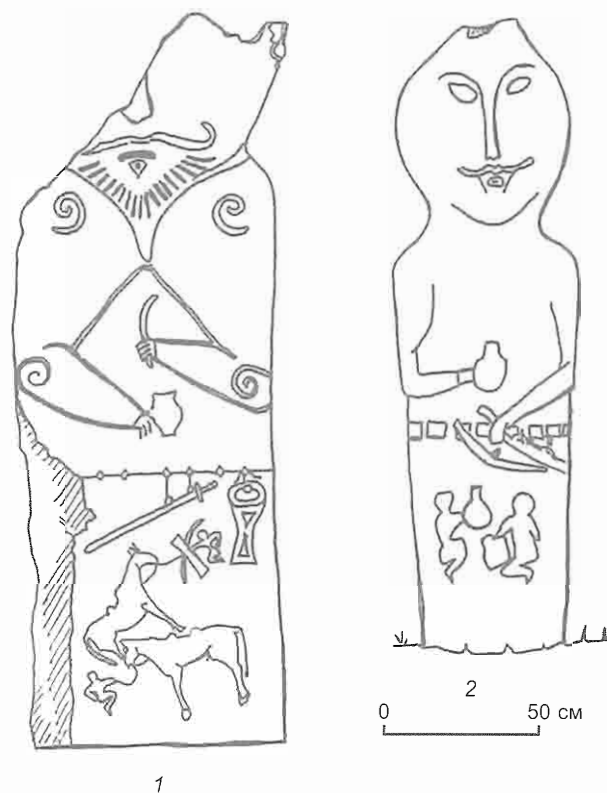

Рис. 16. Прорисовка сцен поминального пиршества и обряда “коленипреклонения”, выгравированных на изваяниях в Монголии (1) и Туве (2).
1 – р. Хар-Яма, 2 – р. Каргы.

ние следует считать обоснованным, т.к. вполне реальным представляется сохранение в течение многих веков у тюркоязычных народов Саяно-Алтая архаичных, шаманистских в своей основе, воззрений на жизнь и смерть.

Заключение

Сохранившиеся с глубокой древности каменные стелы и изваяния, как, впрочем, и другие исторические памятники, служили постоянными объектами почитания аборигенных народов Центральной Азии. Культ отдельных статуй и даже необработанных камней особенно широко был распространен в Монголии и Туве. На Алтае традиция почитания (поклонения) памятников старины в настоящее время почти предана забвению, наверное, из-за плохой сохранности многих древних монументов. Только за последние 30 лет утрачены многие уникальные изваяния, а уже известные и учтенные скульптуры находятся под угрозой полного разрушения. Тем не менее сегодня интерес местного населения к древним раритетам значительно возрос. Возможно, с ним связано развитие современной традиции изготовления деревянных фигур людей.

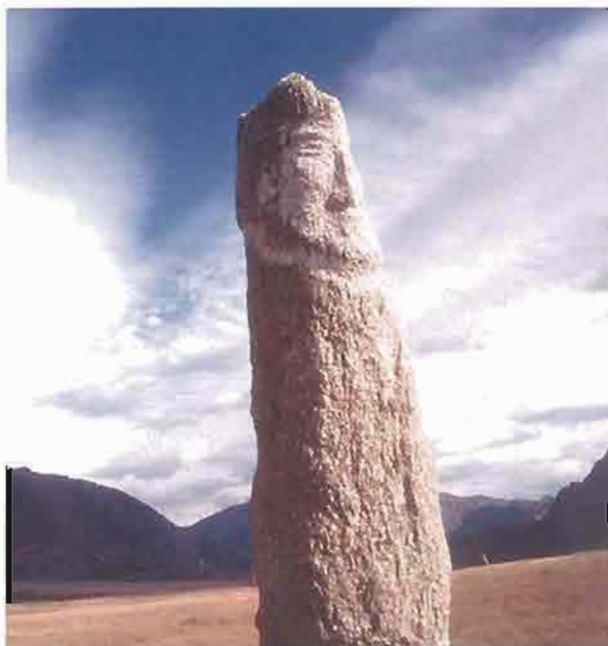

Рис. 17. Современное изваяние неизвестного "ваятеля".
Урочище Кор-кечу в долине р. Катунь. Алтай.

Рис. 18. Стелы и оденные камни, установленные у с. Иня.
Долина р. Катунь. Алтай.

Скульптурные изображения алтайских чабанов, на которые впервые обратил внимание искусствовед Е.П. Маточкин [2001, с. 159], как правило, делали из ствола дерева или высокого пня. Они найдены в долинах небольших рек Мойнак, Тегерик-Мыш, Кулагаш, Ороктой. Одно изваяние находилось на перевале Шараш. По сведениям Е.П. Маточкина, почти все фигуры были созданы жителями с. Кучерла Усть-Коксинского р-на. Исследователь установил не только авторов, но и имена тех людей, в память о которых они были изготовлены. В отдельных "статуях" Е.П. Маточкин находит поразительное сходство с более древними тюркскими изваяниями и этнографической скульптурой алтайцев, представленной в основном

антропоморфной пластикой на шаманских бубнах [Иванов, 1979]. Только в Кучерле среди чабанов получила распространение традиция устанавливать современные изваяния, больше ни в одном районе Республики Алтай ничего подобного не наблюдается. Удивительно и то, что в окрестностях Кучерлы не найдено ни одного древнего изваяния, которое могло бы послужить образцом для подражания или копирования современными мастерами. Впрочем, на противоположном берегу Катунь в нескольких километрах от пос. Тюнгур у ручья Тургунда есть целая группа т.н. лицевых изваяний древнетюркской эпохи [Кубарев В.Д., 1984, с. 191]. В 1980-х гг. [Там же, с. 190] и совсем недавно зафиксированы каменные изваяния тюрков у с. Инегень, которые были открыты местным жителем А.В. Бабитовым [Кубарев Г.В. и др., 2002, с. 359, рис. 1]. Для чабанов Кучерлы, конечно же, была доступна и суровая долина р. Аргут, где сосредоточено более 30 каменных изображений тюркских воинов. Таким образом, причины и условия возрождения древней традиции вроде бы понятны и объяснимы. Процесс возрождения получил мощный импульс в результате осознания алтайским народом своей древней истории и самобытной культуры, непреходящей ценности многих исторических памятников. Вместе с тем искреннее желание привлечь внимание людей, прежде всего иностранных туристов, иногда приводит к курьезным случаям. Так, в районе борма Кор-Кечу (Онгудайский р-н) рядом с Чуйским трактом несколько лет назад вдруг появилось новое "древнетюркское изваяние" (рис. 17). Современное произведение неизвестного "ваятеля" следовало бы считать безобидной шуткой, если бы таким "творчеством" не была испорчена древняя стела, простоявшая невредимой около 3 тыс. лет. Кроме того, фотография подделки попала на первую страницу путеводителя по Алтаю, выпущенного в 1999 г. тиражом 8 тыс. экз. при финансовой поддержке иностранных издателей [Алтай, 1999]. Следует отметить, что в создании этого очередного туристического справочника не принимал участия ни один историк или археолог, многие статьи в нем переписаны из опубликованных работ российских ученых. Такое отношение к памятникам древней культуры ведет к профанации исторической науки и делает бесполезной работу специалистов по просвещению.

В урочище Ачик и у с. Иня (Онгудайский р-н) основания каменных монументов, перенесенных из первоначальных мест установки, заключены в постамент из бетона (рис. 18). Такое нововведение применяется и жителями соседней Республики Тыва, которые "время от времени... укрепляют изваяния камнями или кусками досок и бревен" [Леус, 2000, с. 228], пытаясь таким способом предотвратить вывоз памятников. Отдельные тувинские и алтайские изваяния

древних тюрок находятся во многих музеях России, и приходится только сожалеть о том, что они до сих пор не выставлены в республиканском музее в г. Горно-Алтайске. Надеемся, что это недоразумение будет устранено с открытием в ближайшем будущем постоянной экспозиции, посвященной древнетюркской культуре Алтая.

Список литературы

- Алтай:** Путеводитель. – Париж; Люксембург; М.: Авангард, 1999. – 224 с.
- Вадецкая Э.Б.** Древние идолы Енисея. – Л.: Наука, 1967. – 80 с.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 140 – 144.
- Вайнштейн С.И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 220 с.
- Викторова Л.Л.** Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: АН МНР, 1981. – 254 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Научн. мир, 2002. – 248 с.
- Войтов В.Е.** Древнетюркские памятники на Ханусе // СА. – 1986. – № 4. – С. 74 – 89.
- Галданова Г.Р., Жуковская Н.Л., Очирова Г.Н.** Культ Даян-Дерхэ в Монголии и Бурятии // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 52 – 64.
- Грач А.Д.** Каменные изваяния Западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сб. МАЭ. – Т. 16. – 1955. – С. 401 – 431.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Наука, 1961. – 94 с.
- Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 24. – С. 72 – 120.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. – Л.: Наука, 1979. – 194 с.
- Казакевич В.А.** Намогильные статуи в Дариганге. Походка в Даригангу. – Л.: АН СССР, 1930. – 64 с.
- Кенин-Лопсан М.Б.** Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. – Новосибирск: Наука, 1987. – 164 с.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А.** Оленные камни Тувы // Археол. вести. – 1998. – № 5. – С. 143 – 154.
- Ковалев А.А.** Каменные изваяния Черного Иртыша (еще раз о джунгарской прародине скифов) // Скифы, хазары, славяне и древняя Русь. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. – С. 24 – 29.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая: Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1986. – С. 68 – 80.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.
- Кубарев В.Д.** Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 158 – 162.
- Кубарев В.Д.** Каменные изваяния Алтая: Краткий каталог. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. – 184 с.
- Кубарев В.Д.** “Мифические” чашечные камни Алтая и их аналогии в древних культурах Евразии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 104 – 108.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Новые каменные изваяния Алтая // Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – № 1. – С. 149 – 163.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Terra inkognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 48 – 56.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 76 – 95.
- Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д.** Исследования Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 357 – 360.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 212 с.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 208 с.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 296 с.
- Ларичев В.И.** Азия далекая и таинственная. – Новосибирск: Наука, 1968. – 292 с.
- Леус П.М.** О традиции почитания древнетюркских каменных изваяний в Туве // Святилища: Археология ритуала и вопросы семантики. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. – С. 225 – 229.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 360 с.
- Марсadolов Л.С.** Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 году // Древние памятники культуры на территории СССР. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. – С. 49 – 59.
- Маточкин Е.П.** Современные изваяния алтайских чабанов // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 2001. – № 7. – С. 159 – 166.
- Могильников В.А.** Два оленных камня с Алтая // КСИА. – 1980. – Вып. 162. – С. 68 – 72.
- Молодин В.И., Погожева А.П.** Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. – 1989. – № 1. – С. 167 – 177.
- Окладников А.П.** Оленный камень с р. Иволги // СА. – 1954. – Т. 19. – С. 215 – 216.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: Б.и., 1881. – Вып. 2. – 90 с.
- Потапов Л.П.** Материалы по этнографии тувинцев Монгун-Тайги и Кара-Холя // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л., 1960. – Т. 1. – С. 171 – 231.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. – 209 с.

Суразаков А.С. Исследования в местности Котыр-Тас // Алтаика. – 1993. – № 2. – С. 50 – 51.

Тошакоев Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 158 с.

Цэвэндорж Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Монгольского Алтая // Обзорение 1994 – 1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – С. 199 – 200.

Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 27 – 35.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1981. – 184 с.

Байэр Д. Монгол Сокинсаны ёнгу (Изучение каменных изваяний монголов). – Сеул: Хёан, 1994. – 234 с. (на кор. яз.).

Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Древнетюркские изваяния Центральной Монголии). – Улаанбаатар: ADMON, 1997. – 148 с. (на монг. яз.).

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хун чулуун хошоо (Каменные изваяния Монгольского Алтая). – Улаанбаатар: Монгол улс Шинжлэх Ухааны Академи Туухийн Хурээлэн, 1999. – 166 с. (на монг. яз.).

Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал. Сэдэвчилсэн лавлах (Историко-культурные памятники Монголии). – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 286 с. (на монг. яз.).

Материал поступил в редколлегию 18.09.03 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.53

Д.В. Черемисин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru*

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГО-ВОСТОКЕ РОССИЙСКОГО АЛТАЯ

Петроглифы древнетюркской эпохи – выбитые и гравированные изображения животных и людей, тамги и знаки рунической письменности – существенно отличаются от изображений иных культурно-хронологических пластов наскального искусства Евразии по особенностям стиля, характеру сюжетов и историческим реалиям, воспроизведенным на скалах. Наиболее четкой этнокультурной и хронологической атрибуции поддаются граффити – наскальные изображения, выполненные в технике тонкой гравировки и передающие образы вооруженных воинов, всадников, а также вырезанные на скалах и стелах рунические надписи [Окладников, 1951, с. 143 – 147; Грач, 1957; Окладников, Запорожская, 1959, с. 109 – 129; Гаврилова, 1965; Медоев, 1979, с. 59 – 62; Новгородова, Горелик, 1980; Шер, 1980, с. 256; Худяков, 1980; Дэвлет, 1982, с. 99 – 110; 2001, с. 76 – 78; Новгородова, 1984, с. 125 – 135; 1987, с. 73, 76; Худяков, 1987, с. 181 – 190; Худяков, Цэвээндорж, 1992, с. 123 – 130; Худяков, 1998, с. 43 – 44, 52 – 58; Самашев, 1996, с. 259 – 269; Марьяшев, Горячев, 1998, с. 42 – 43; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999, с. 157 – 169; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2000, с. 319 – 323; Кубарев В.Д., 2001а, с. 155 – 159; Табалдиев, Солтобаев, 2001, с. 68 – 73; Кляшторный, 2001, с. 213 – 215; Samashev, 2001, p. 185 – 204; и др.].

Исследователями отмечены характерные черты наскального искусства степной Евразии древнетюркской эпохи, раскрывающие в основном содержание и особенности техники нанесения рисунков, в меньшей степени – своеобразие стиля. Однако определенные стилистические группы петроглифов намечены;

для некоторых памятников осуществлена этнокультурная идентификация (петроглифы курыкан, енисейских кыргызов, алтайских тюрков и т.п.). Источники эти очень содержательны: эпиграфические памятники сохранили этнонимы, а также имена героев далекого прошлого Центральной Азии. Предполагается связь сюжетов древнетюркского изобразительного искусства с эпическими или иными нарративными жанрами [Савинов, 2001, с. 186].

На территории Российского Алтая наскальные изображения древнетюркского времени известны на памятниках Бичикту-Бом, Устю-Айры, Каракол, Шалкобы, Торгун, Туэкта, Усть-Кан, Кудыргэ, Калбак-Таш, Джалгыз-Тобе, Кара-Оюк (Чаганка), Теке-Туру, Кургак, Юстыд, Елангаш, Карбан, Мендур-Соккон и др. [Минорский, 1951, с. 186 – 187; Кубарев В.Д., 1984, с. 57 – 58, с. 226; Окладникова, 1986, с. 187 – 188; 1988, с. 149 – 154; 1989, с. 135 – 139; Молодин, 1992, с. 91 – 93; Кубарев В.Д., Маточкин, 1992, с. 91 – 92, 108; Мартынов, 1995, с. 178 – 195; Martynov, Miklashevich, 1995, p. 15 – 17; Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 2, 6, 384, 598 etc.; Миклашевич, 2000, с. 40 – 41; Черемисин, 2000, с. 439; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2001, с. 341 – 342; Черемисин, 2001, с. 480 – 485; 2002, с. 495 – 496; Cheremisin, 2002, p. 24, fig. 6, 7]. Древнетюркские петроглифы исследовались также на сопредельных территориях Монгольского Алтая [Новгородова, Горелик, 1980, с. 101 – 112; Новгородова, 1984, с. 129; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2000, с. 319 – 323; Кубарев В.Д., 2001б, с. 95 – 107; Jacobson, Kubarev, Tseevondorj, 2001; и др.].

Рис. 1. Изображение всадника.
Гора Джалгыз-Тобе.

Следует отметить, что далеко не всегда предложенная атрибуция выбитых и гравированных наскальных изображений на Алтае как древнетюркских выполнена корректно (см.: [Соенов, 1993, с. 92, рис. 32, 2 – 4, 6, 7; Окладникова, 1988, с. 149, рис. 3, 6; с. 151, рис. 4, 4; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999, с. 163, рис. 1; с. 164, рис. 2, 2, 3; рис. 3, 1, 2; рис. 4, 1; Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 83, 144, fig. 32; p. 169, fig. 113; p. 301, fig. 658; и др.]). Например, изображения в Монгольском Алтае, которые одни археологи считают “настоящим образцом граффити древнетюркского времени” [Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999, с. 158, рис. 3, 2], другие же без сомнения относят к XIX в., определяя их как “рисунки алтайцев” и находя соответствие сюжету в ритуалах кумандинцев [Кубарев В.Д., 2001в, с. 95, рис. 10, 4]. Большая часть “средневековых сцен охоты” на плитах Бичикту-Бомы [Мартынов, 1995], по нашему мнению, относится к новому времени. Некоторые вышеуказанные алтайские петроглифы, которые исследователи датируют эпохой раннего средневековья и связывают с древнетюркской культурой (причем зачастую лишь на основании того, что изображения выполнены в технике граффити, другие аргументы

в пользу подобной атрибуции не приводятся)*, по стилистическим критериям могут быть синхронизированы с пластами искусства эпохи раннего железа и этнографической современности.

Древнетюркские изобразительные памятники служат ценнейшим источником для реконструкции исторических реалий эпохи, оружия и военного искусства, способов и приемов охоты, формирования представлений об идеологических воззрениях и эстетических идеалах создателей рисунков. Техника граффити позволяла в деталях отобразить часть предметного комплекса древнетюркской эпохи, прежде всего оружие, одежду, защитные доспехи и экипировку боевых коней. Новые материалы представляют значительный интерес, т.к. расширяют базу для исторических реконструкций. В статье приводятся основные результаты изучения петроглифов эпохи раннего средневековья в Горном Алтае, полученные автором за последние годы.

В 2000 г. автор исследовал петроглифы Джалгыз-Тобе (Чуйская степь) в 10 км от районного центра Кош-Агач Республики Алтай. Были уточнены прорисовки древнетюркских композиций, отдельных изображений и надписей, которые публиковались (иногда частично) другими археологами. Сцена с двумя фигурами тяжеловооруженного воина и пешего лучника включает изображения животных – полную фигуру оленя и парциальные фигуры, “протомы”, или незаконченные изображения рогатых копытных (лося, марала, горного козла). Идентичность технических приемов нанесения фигур антропоморфов и животных, манера членения силуэта косой сеткой из пересекающихся параллельных линий, одинаковая сохранность и патинированность рисунков свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что гравировки были выполнены одной рукой [Cheremisin, 2002, p. 24].

На скалах г. Джалгыз-Тобе зафиксированы граффити, изображающие конных воинов-лучников, в т.ч. в сцене охоты на горных козлов, а также охоты пешего лучника, стреляющего в марала. Скопирована также композиция на другой скальной плоскости г. Джалгыз-Тобе, в центре которой фигура всадника на лошади, отмеченной тамгой (рис. 1). Все изображе-

* Например, В.Д. Кубарев полагает, что основанием для датировки гравюр эпохой раннего средневековья, помимо техники и изображения сложносоставных луков и стрел с ромбическими наконечниками, может считаться близость черт лица человеческой фигуры из Цаган-Салаа с ликом древнетюркских каменных изваяний [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 83]. Между тем, данное сходство не помешало соавторам В.Д. Кубарева отнести тот же самый изобразительный “раритет” к этнографической современности, а затем его же или подобное изображение датировать тюркским временем [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 83; 102, fig. 32; cf.: p. 104, fig. 113].

ния вырезаны на сланце тонким, очевидно, железным лезвием; линии глубокие и достаточно интенсивно патинированные, характерные для гравировок древнетюркского периода. К древнетюркскому времени относятся еще несколько гравированных фигур и руническая надпись [Наделяев, 1981, с. 69 – 72].

Прорисовка еще одной рунической надписи была сделана автором в урочище Теке-Туру на правом берегу р. Аргут (рис. 2). Рядом со знаками, справа от вертикальной строчки, на скале изображены схематичные антропоморфные (?) фигуры, выполненные, по всей видимости, гораздо позже, чем надпись (они не врезаны в скалу, а только процарапаны и отличаются по цвету от резных рунических знаков). На береговой террасе, где зафиксированы древнее местообитание и скалы с разновременными петроглифами, и сегодня функционирует зимняя стоянка скотоводов. Здесь сооружены древнетюркские поминальные ограды; возле одной из них установлено каменное изваяние.

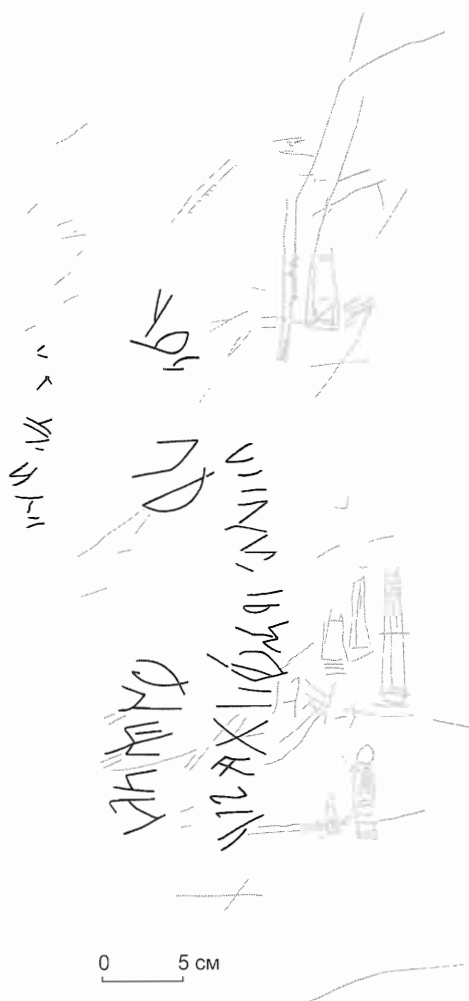

Рис. 2. Руническая надпись и позднейшие граффити. Урочище Теке-Туру.

Рис. 3. Охотничья сцена. Урочище Соок-Тыт.

Крупный комплекс древнетюркских петроглифов открыт и исследован в долине р. Чаган. В середине 80-х гг. прошлого века здесь Е.А. Окладниковой были скопированы многочисленные граффити разных эпох, в т.ч. гравировки древнетюркского времени [Окладникова, 1988, с. 149 – 154, рис. 3; 4, 1 – 3, 5, 6]. Граффити Кара-Оюка (Чаганка) стали одним из источников для реконструкции комплекса вооружения средневековых кочевников [Худяков, 1998; Горбунов, 1998, с. 102 – 128]. Новые материалы позволяют вновь обратиться к подобным реконструкциям и оценить их достоверность. Вызывают сомнения реконструкции всевозможных типов экипировки боевых коней, выполненные по прорисовкам граффити, на что уже указал В.Д. Кубарев (см.: [Горбунов, 1998, с. 102 – 128; Кубарев В.Д., 2001б, с. 103 – 104]). Древнетюркские изображения на скалах на р. Чаган, отражающие многие исторические реалии, существенно расширяют наши представления о художественных особенностях петроглифов, дают возможность определить своеобразие памятника в ряду других местонахождений Горного Алтая.

Долина Чагана изобилует наскальными изображениями разных эпох: энеолита – ранней бронзы, эпохи перехода от бронзы к железу, петроглифы в стиле оленных камней раннего железного века, средневековья (граффити), нового времени (резные рисунки), а также этнографической современности [Черемисин, 2001а, с. 480 – 485; 2001б, с. 12 – 16; 2002, с. 491 – 496]. Серия древнетюркских гравировок представляет сюжеты, характерные для искусства населения Евразии эпохи раннего средневековья и запечатленные на многочисленных памятниках в Южной Сибири и Центральной Азии. Это ритуальные и эпические сюжеты, прославляющие героев (изображения вооруженных воинов, батальные, воинские сцены), сцены охоты. Достоверно определяются также выбитые изображения животных и всадников, относящиеся к древнетюркской эпохе.

а

б

в

г

Рис. 4. Батальные сцены.

В урочище Соок-Тыт на правом берегу Чагана зафиксированы изображения всадников, пеших воинов, охотников, преследующих добычу* (рис. 3). Многие рисунки древнетюркской эпохи были здесь подновлены в более позднее время, древние патинированные линии прочерчены острием, оставляющим светлую линию поверх древнего абриса и рядом с ним. В одной из «батальных» композиций, изображения которой не подверглись подновлению и сохранились лучше остальных, противопоставлены две пары спешащихся воинов, стреляющих друг в друга из луков.

На противоположном берегу реки на заполированных горизонтальных поверхностях сланца выгравированы фигуры всадников (рис. 5, а, б), воинов, вооруженных копьями, в т.ч. изображение катафрактария (рис. 6). Все древнетюркские изображения подновлены, рядом со средневековыми рисунками представлены гравировки более позднего времени (антропоморфные персонажи, вооруженные сошниковыми ружьями в сюжетах охоты и «батальных» сценах, юрты, караваны домашних животных, сцены перекочевок, выпаса скота, автографы и т.п.). Древнетюркские граффити подновлены путем последу-

ющей подшлифовки, прочерчивания, осветления на фоне патинированных скальных поверхностей силуэтов, обозначенных в эпоху раннего средневековья резными линиями (см. рис. 5, а, б). Следует отметить, что эти гравюры не изолированы на скальных плоскостях; художники эпохи раннего средневековья иногда включали древние рисунки в свой семантический контекст: в одной из сцен тяжелооруженный всадник «поражает» копьём бегущего антропоморфного персонажа, чье изображение датируется эпохой бронзы на основании аналогии со сценой, запечатленной на скалах в соседнем урочище [Черемисин, 2003].

В другом местонахождении в бассейне Чагана на правом берегу реки представлена серия древнетюркских гравировок, в которых черты лица, причёски в виде заплетенных кос и распущенных длинных прядей, оружие и воинская экипировка, а также детали одежды и иные атрибуты персонажей воспроизведены очень полно и детально, как ни в одном из известных памятников наскального искусства на Алтае (рис. 4, а – в). Здесь оригинальные граффити не подновлены, хотя частично перекрыты более поздними изображениями. Вероятно, они сделаны рукой одного мастера, воплотившего на скальных плоскостях сюжеты, связанные

* Гравировки данного памятника частично опубликованы Е.А. Окладниковой [1988].

a

б

Рис. 5. Изображения всадников. Древнетюркские граффити, подновленные впоследствии. Урочище Шин-Оозы.

с эпической традицией. Гравировки сконцентрированы на одной большой горизонтальной плоскости. Для воспроизведения отдельных композиций были использованы наиболее удобные участки скалы. Представляется, что сюжеты изображений, даже не составляя повествовательного ряда (чтение героической «саги» можно начать с любого из «эпизодов»), связаны единым семантическим контекстом.

Среди сюжетов петроглифов важное место занимает охота: всадник, вооруженный луком, преследует архара (рис. 7, а), пеший лучник с собакой охотится на марала (рис. 8). Сходная сцена представлена на другом памятнике в долине Чагана: всадник с копьем в руке противопоставлен горному козлу, которого гонит на хозяина собака (рис. 9). В охотничь-

Рис. 6. Фигура катафрактария. Шин-Оозы.

их сюжетах можно усматривать воспроизведение традиционных способов охоты, игравшей большую роль в культуре древних тюрков (охота с собакой, загонная охота).

Наиболее яркие композиции сконцентрированы на самых гладких участках горизонтальной скальной поверхности, где, кроме двух охотничьих сцен (см. рис. 7, 8), воспроизведены новые сюжеты – пеший тюрк, ведущий в поводу верблюда (рис. 10), всадник, стреляющий из лука на скаку (рис. 11). Великолепны воинские, батальные сцены, в которых тяжелооруженные рыцари в доспехах поражают друг друга копьями. В двух композициях воспроизведены сбитые с коня и, видимо, убитые противники героя; такие сцены крайне редко встречаются на изобразительных памятниках эпохи раннего средневековья.

Самые крупные изображения воинов-всадников, на наш взгляд, были нанесены на скалу в первую очередь, они послужили своего рода наброском, чем-то не удовлетворившим автора. Фигуры нижней пары противостоящих воинов (не исключено также, что здесь предполагалось изобразить следующих друг за другом всадников) не закончены, над ними на оставшемся ровном скальном пространстве были выгравированы две фигуры всадников в шлемах, один с копьем в руках, другой – с луком и копьем (рис. 12). Не исключена и иная интерпретация данной композиции: нижние фигуры воспроизведены позже верхних, возможно, автором, подражавшим создателю батальной сцены, но не обладавшим его способностями. Первая версия представляется нам более предпочтительной.

По соседству с данной сценой выгравирована близкая по содержанию (битва героя с противником), но отличная по построению композиция (рис. 13). Герой преследовал соперника, который, оказавшись сбитым с коня и пораженным копьем, выронил из рук свой лук и, по нашему мнению, был привязан за волосы к конскому хвосту. Так языком изобразительного искусства передан триумф победителя. Возможно, эта же семантика отражена в совершенном вооружении

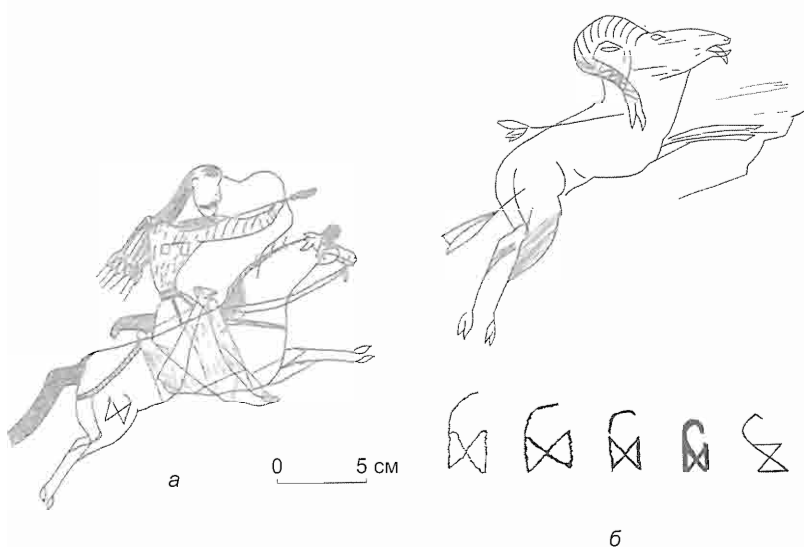

Рис. 7. Всадник, охотящийся на архара (а); тамги на стелах и на скалах Алтая (б).

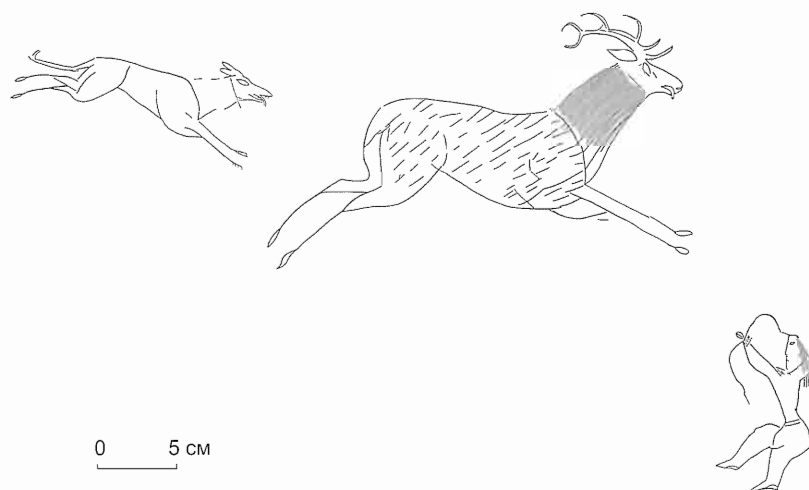

Рис. 8. Охота пешего лучника на марала.

Рис. 9. Всадник и собака, догоняющая горного козла.

героя-триумфатора. На голове у него конический шлем с плюмажем, на теле длиннополый панцирный кафтан, лук на правом боку, колчан на левом. Поверженный воин, в отличие от противника, одет в короткую куртку, без панциря, вооружен только луком.

Третья батальная сцена более сложная по построению – два всадника, вооруженных копьями, противостоят друг другу. Тяжеловооруженный, в коническом шлеме и защитном панцирном кафтане, воин направил копьё в живот противника, а последний – в голову коня соперника (рис. 14). Этот воин также защищен шлемом аналогичной формы, без панциря на груди. Ниже сцены битвы на копьях, под парой противников, изображен падающий с коня убитый воин (вероятно, это следующий эпизод сцены: пораженный копьем в грудь воин выбит из седла и падает на землю). Он показан с раскинутыми в стороны руками и ногами, без оружия. Персонаж запечатлен перевернутым с ног на голову – у него неестественно свисающие волосы (рис. 15). На наш взгляд, именно они передают положение героя, ведь даже поменяв точку обзора на 180° (что легко осуществить на горизонтальной плоскости), зритель не сможет воспринимать персонаж просто "перевернутым". Создан однозначный по семантике образ убитого воина, падающего под копыта коней вооруженных противников.

Культурно-исторические реалии эпохи переданы в деталях, с нюансами, позволяющими говорить об этнографической точности изображений. Такие детали внешнего облика персонажей, как распущенные волосы или длинные косы, заплетенные на концах, прекрасно известны по монументальным ритуальным скульптурам – древнетюркским изваяниям, а также фрескам в Средней Азии и Восточном Туркестане (см., напр.: [Кубарев Г.В., 2000, рис. 1, 1, 21, 26; рис. 3, 25, 27]). Эти же особенности, очевидно, слу-

жившие этническим маркером, воспроизводились на скалах и в технике пикетажа, причем даже тогда, когда изображались шлемы (Сулек, Хушот-Дурбэн-Уул и т.п.) (рис. 16). Воспроизводилась не только традиционная прическа, но и в деталях борода, усы, особенности лица (например, характерный нос) всех изображенных (см. рис. 4, 2; 17).

Еще одна композиция, расположенная на периферии данной скальной плоскости, представляет сцену укрощения или жертвоприношения лошади, возможно, также отмеченной тамгой в виде кружка (рис. 18). Фигуры данной композиции, по сравнению с рассмотренными выше, отличаются меньшими размерами, а также меньшей детализацией. Может быть, различия в передаче черт лица персонажей, “укрощающих” лошадь, и охотников и воинов, изображенных в центральной части плоскости, свидетельствуют о том, что изображения выполнены разными мастерами.

Одежда и воинская экипировка героев (обувь, штаны, куртки, кафтаны с панцирями, пояса, налучья, шлемы, флажок на копье и т.п.), а также элементы конской упряжи (сбруя с подвесками, седла, попоны, стремена, плюмажи, подшейные кисти и др.) воспроизведены в деталях. У охотника, запечатленного в сцене преследования архара (см. рис. 7), два пояса. Один – т.н. стрелковый, или саадачный, известный по артефактам и иконографическим источникам (см.: [Кубарев Г.В., 1998, с. 190 – 197]),

Рис. 10. Тюрк, ведущий на поводу верблюда.

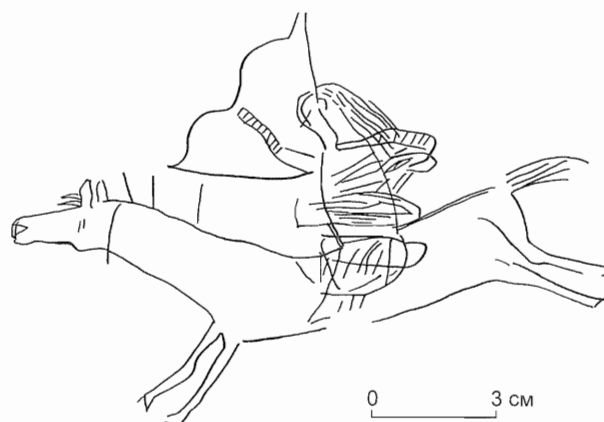

Рис. 11. Всадник, стреляющий на скаку.

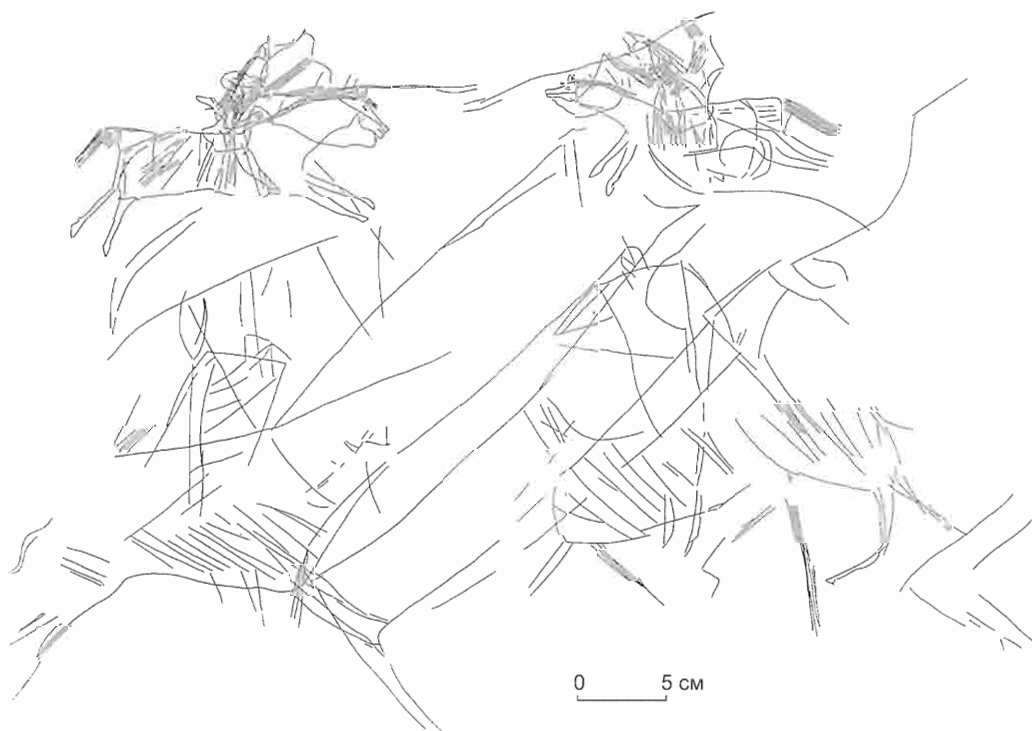

Рис. 12. Композиция с противостоящими друг другу воинами-всадниками.

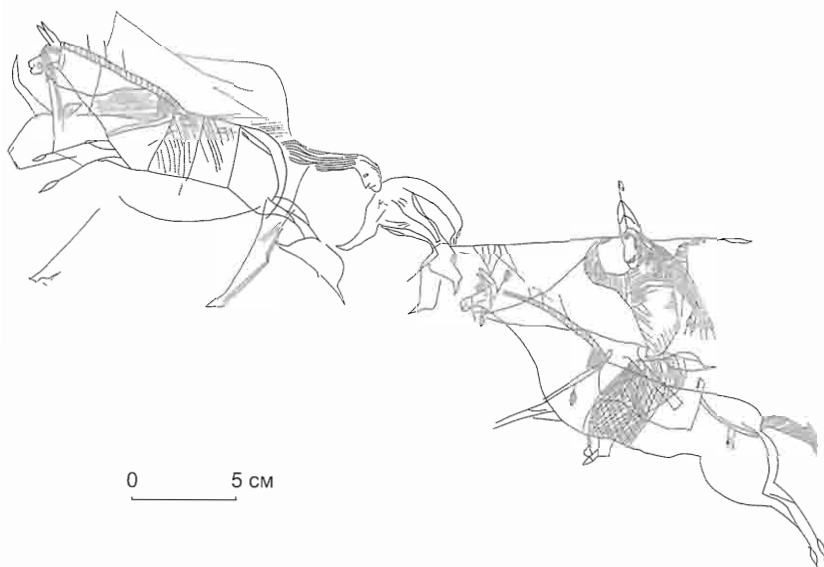

Рис. 13. Торжество героя над поверженным противником.

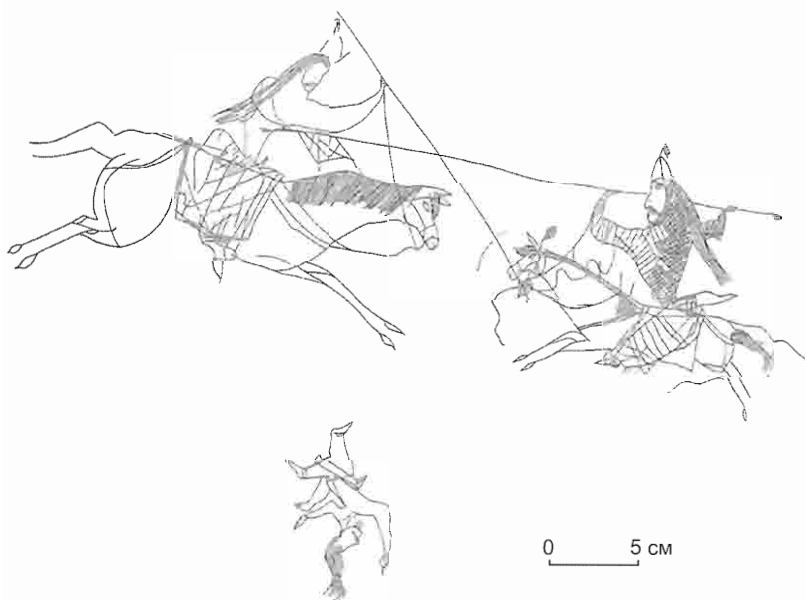

Рис. 14. Батальная сцена.

на нем подвешены колчан и налучье, а второй обычный. Кроме того, всадник облачен, видимо, в панцирь с нашитыми прямоугольными нагрудными пластинами.

Достойны богатырей-воинов и охотников и их лошади – высокопородные, боевые, с выстриженными гривами, экипированные и украшенные начельниками, кистями; одна из лошадей отмечена тамгой. В сцене, показанной на левом берегу Чагана (урочище Абиджай), выгравированы две фигуры пеших тюрков, стреляющих из луков (рис. 19). Прически, обувь, одежда персонажей, а также квадратные панцирные нагрудные пластины или вставки такие же, как в охотничьей

сцене, рассмотренной выше (ср. рис. 7). В воспроизведении фигуры бородатого лучника, стреляющего с колена, сочетаются реализм и условность: для того чтобы показать мощный лук, мастер разорвал контур левой руки стрелка.

Раннесредневековое искусство кочевников Евразии прокламативно. Наскальные гравюры Чаганки прославляют подвиги героев – ритуальные и эпические деяния, составляющие славу мужчины – воина и охотника. По изобразительному строю композиции можно сравнить с тюркскими эпическими произведениями и средневековыми эпитафиями. Языком наскальной графики манифестированы воинские идеалы, максимально соответствующие статусу вождя, непревзойденного на охоте и в битвах и обладающего совершенным, достойным героя оружием.

В другом местонахождении на Чагане зафиксировано древнетюркское изображение всадника, стреляющего на скаку из лука (рис. 20). В наши дни средневековый петроглиф был подновлен: по древнему выгравированному абрису прорезана глубокая свежая линия, повторившая первоначальный абрис, но местами срезавшая его. Под рисунком процарапана современная подпись, удостоверяющая “авторство” нашей современницы, а лицо всадника в силу каких-то иконоборческих причин забито точечными

ударами, причем, возможно, уже в древности (точки оставлены инструментом, отличным от того, которым рисунок был подновлен в наше время).

Представляется, что некоторые петроглифы, воспроизводящие в технике силуэтной выбивки всадников (рис. 21) и животных, причем выбивке предшествовала гравировка, также относятся к древнетюркской эпохе, о чем можно судить по стилю изображений.

Подводя предварительные итоги, можно отметить черты, общие для искусства средневековых кочевников Евразии. Это воспроизведение грив лошадей с тремя вертикально стоящими прядями (Су-

лек, Манхай, Баян-Журек, Шивээт-Хайрихан, Хар-Са-лаа и т.п.), причёсок персонажей в виде длинных кос, эпохальных образцов воинского убранства и конского снаряжения, сходных типов оружия, одежды и защитного доспеха (см. рис. 16). Наиболее детализированные изображения выполнены в технике граффити, получившей широкое распространение в древнетюркскую эпоху. Они отличаются рядом общих стилистических особенностей. Сюжетно и стилистически древнетюркские петроглифы на Чагане наиболее близки ставшим хрестоматийными гравюрам Сулейской писаницы.

Можно констатировать, что “военноморфная” природа древнетюркского искусства, связанного с военно-дружинной идеологией и воспеванием способов и средств ведения войны [Худяков, 1987, с. 189; Худяков, 1998, с. 77], сочеталась с “антропоморфным” началом. Техника граффити позволяла художникам воспроизводить черты лица персонажей, видимо эпических героев, с которыми могли отождествлять себя местные суверены, предводители тюркских племен, обитавших на юго-востоке Горного Алтая в VI–IX вв., деяния которых отражены в наскальном искусстве и нарративных источниках.

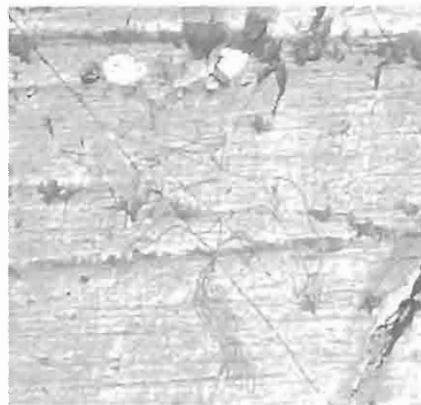

Рис. 15. Убитый воин.

В перспективе – дальнейшее изучение историко-культурных реалий древнетюркской эпохи, запечатленных на скалах по берегам Чагана, детальный хронологический и стилистический анализ изображений, сопоставление наскальных гравюр с многофигурными резными композициями на костяных пластинах из Сутуу-Булака и Орлатского могильника, где воспроизведены батальные сцены (см.: [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 242 – 245; Никаноров, Худяков,

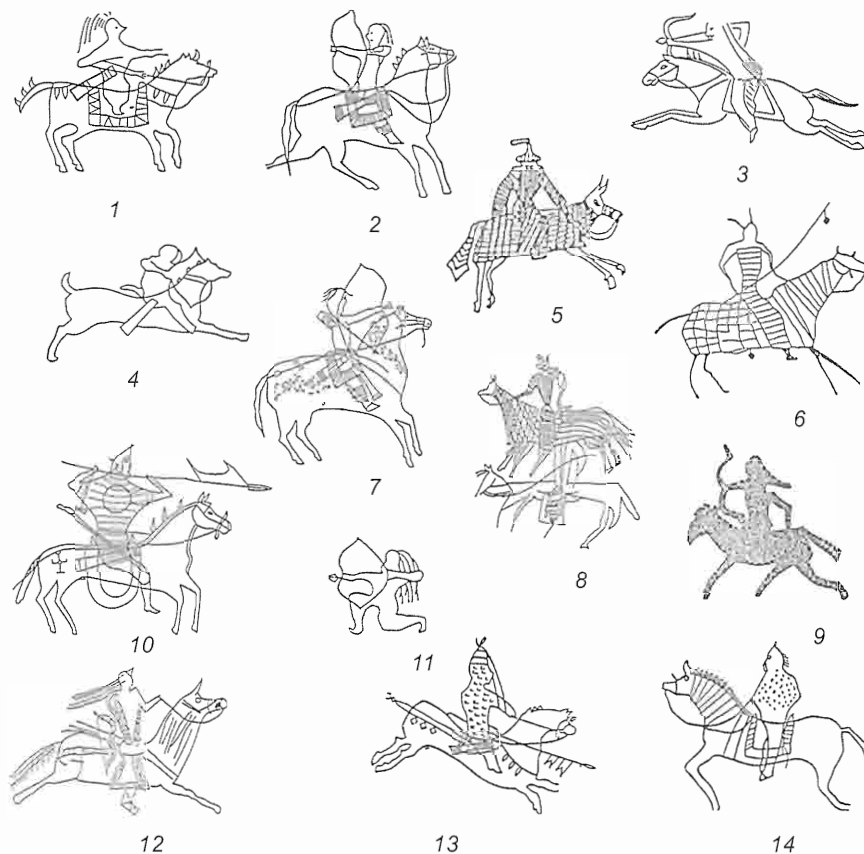

Рис. 16. Изображения воинов в раннесредневековых петроглифах Южной Сибири и Центральной Азии.

1, 2, 4, 7, 10, 11, 13, 14 – Сулейская писаница (по: [Худяков, 1980]); 3 – Кудырге (по: [Гаврилова, 1965]); 5 – Джалгыз-Тобе (по: [Окладникова, 1986]); 6 – Хар-Хад (по: [Новгородова, 1984]); 8, 12 – Кара-Оюк (по: [Окладникова, 1988]); 9 – Хушот-Дурбэн-Уул (по: [Худяков, 1992]).

Рис. 17. Изображение воина в шлеме.

Рис. 20. Подновленное изображение всадника, стреляющего на скаку.

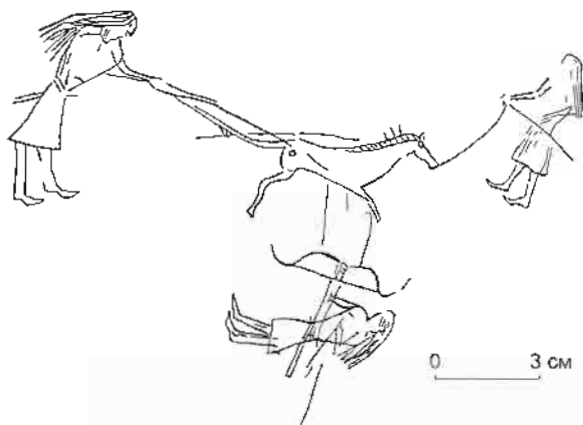

Рис. 18. Сцена укрощения или жертвоприношения лошади.

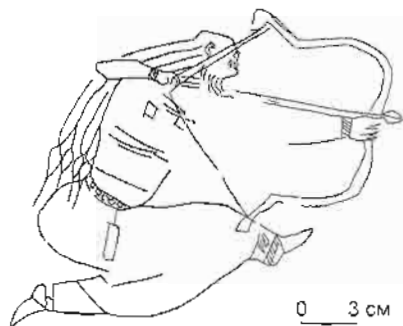
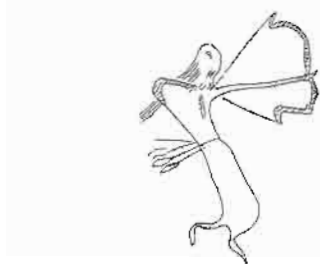

Рис. 19. Изображение пеших лучников. Урочище Абиджай.

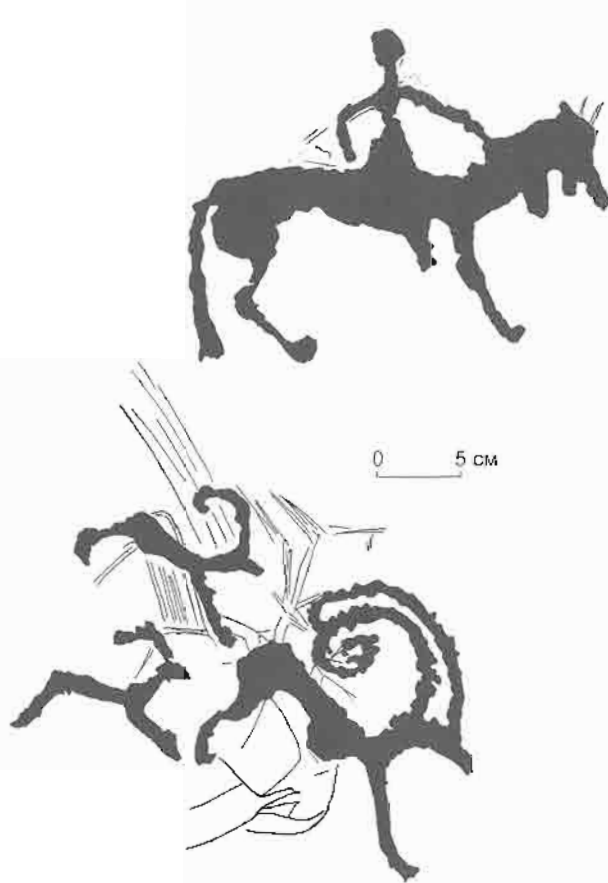

Рис. 21. Древнепетюрские петроглифы в технике выбивки.

1999, с. 141 – 154]). Небезынтересно иконолическое сходство между персонажами рисунков на Чагане и Орлате, несмотря на хронологический и территориальный разрыв и этнокультурные различия создателей изображений. Возможно, в основе этого сходства – древняя центрально-азиатская традиция, объединившая культурный мир Евразии (см.: [Маршак, 1992, с. 208 – 211]).

Еще одно соответствие, или параллель, в алтайских и тьянь-шаньских сюжетах изображений: упавший раненый или пораженный насмерть воин на пластине из Сутуу-Булака, как и поверженные противники героев Чаганки, изображен без защитного доспеха на четвереньках [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 243 – 244]. Может быть, речь идет о каком-то эпизоде широко распространенного эпического повествования?

Большой интерес представляет тамга на крупе лошади в сцене преследования охотником архара (см. рис. 7), по форме она почти аналогична тамгам, представленным в петроглифах Монгольского Алтая [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 389, fig. 997; p. 468, fig. 1282, 1283], на каменной стеле в урочище Ак-Кобы на р. Барбургазы и на стеле, стоявшей в Кокоринской степи (Восточный Алтай) [Кубарев В.Д., 1979, с. 111, табл. XIII, 1, 3; табл. XV, 2, с. 113]. Подобная тамга в виде соединенных вершинами треугольников воспроизведена на фигуре лошади, выгравированной на скале в горах Ешкиольмес (Джунгарское Алатау) [Марьяшев, Горячев, 2001, фото 37].

Для выяснения особенностей культурных взаимодействий в степной Евразии представляется чрезвычайно перспективным дальнейшее исследование изображений крупного петроглифического массива в долине Чагана; было бы заманчиво надеяться на открытие новых многофигурных композиций древнетюркской эпохи, а также рунических надписей. Художник, создавший выдающиеся произведения наскального искусства, вполне мог оставить и несколько рунических строк.

Список литературы

- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Горбунов В.В.** Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 102 – 128.
- Грач А.Д.** Петроглифы Тувы // Сб. МАЭ. – 1957. – Т. 17. – С. 385 – 428.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 127 с.
- Дэвлет М.А.** Два наскальных изображения средневековых воинов из Тувы // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2001. – С. 76 – 78.
- Кляшторный С.Г.** Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. – СПб.: Филол. фак. СПб. ун-та, 2001. – С. 213 – 215.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 2001а. – С. 155 – 159. – (Изв. лаб. археологии; № 7).
- Кубарев В.Д.** Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001б. – № 4. – С. 95 – 107.
- Кубарев В.Д.** Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 2001в. – С. 89 – 107. – (Изв. лаб. археологии; № 6).
- Кубарев В.Д.** Алтай – Монголия: Итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 2003. – С. 46 – 61. – (Изв. лаб. археологии; № 10).
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 120 с.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Шивээт-Хайрихана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г. – С. 319 – 323.
- Кубарев Г.В.** К вопросу о сааданном, или “стрелковом”, поясе у древних тюрков Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1998. – С. 190 – 197. – (Изв. лаб. археологии; № 3).
- Кубарев Г.В.** Халат древних тюрков Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 81 – 88.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.** Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2001 г. – С. 341 – 342.
- Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д.** Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1999. – С. 157 – 169.
- Мартынов А.И.** Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кемеров. ун-т, 1995. – С. 178 – 185.
- Маршак Б.И.** Воины в искусстве Согда и Центральной Азии // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб.: Б.и., 1992. – С. 208 – 211.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.** Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: Фонд “XXI век”, 1998. – 206 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.** Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: Фонд “XXI век”, 2001. – 264 с.
- Медоев А.Г.** Гравюры на скалах. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 173 с.
- Миклашевич Е.А.** Петроглифы долины р. Урсул (некоторые результаты стилистического и хронологического анализа) // Обзорение 1994 – 1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 38 – 42.
- Минорский А.И.** Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. – 1951. – Вып. 36. – С. 184 – 188.

- Молодин В.И.** Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 91 – 93.
- Наделяев В.М.** Древнетюркские надписи Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. – Новосибирск, 1981. – № 11: Сер. обществ. наук. – Вып. 3. – С. 65 – 81.
- Никаноров В.П., Худяков Ю.С.** Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – Вып. 2: Горизонты Евразии. – С. 141 – 154.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Новгородова Э.А., Горелик М.В.** Наскальные изображения тяжелооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. – М.: Наука, 1980. – С. 101 – 112.
- Окладников А.П.** Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. – М.; Л.: Из-во АН СССР, 1951. – Вып. 1. – С. 143 – 147.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Ленские писаницы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 144 с., 52 табл.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы горы Жалгыз-Тепе // Полевые исследования института этнографии. – М.: Наука, 1986. – С. 183 – 190.
- Окладникова Е.А.** Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140 – 158.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы урочища Шалкобы (Горный Алтай) // Новое в этнографии: Полевые исследования. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1. – С. 130 – 141.
- Савинов Д.Г.** Восточные мотивы в изображениях Шилловских пластин (к истории формирования древнетюркской изобразительной традиции) // Первобытная археология: Человек и искусство: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 182 – 187.
- Самашев З.С.** Граффити средневековых кочевников // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара: Диалог, 1996. – С. 259 – 269.
- Соенов В.И.** Археологический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. пед. ин-т, 1993. – 150 с.
- Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. Нац. академии наук Кыргызской Республики. – 2001. – № 12. – С. 68 – 73.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 175 с.
- Худяков Ю.С.** Образ воина в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // Первобытное искусство: Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1997. – С. 181 – 190.
- Худяков Ю.С.** Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1998. – 119 с.
- Худяков Ю.С., Цэвэсдорж Д.** Изображения воинов на петроглифах Хушот-Дурбан-Уул-1 // Первобытное искусство: Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 123 – 130.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Сутуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996 г. – С. 242 – 245.
- Черемисин Д.В.** Исследование петроглифов г. Джалгыз-Тобе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г. – С. 435 – 440.
- Черемисин Д.В.** Исследование наскальных изображений на юге Горного Алтая в 2001 г.: Петроглифы Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7: Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2001 г. – С. 480 – 485.
- Черемисин Д.В.** Исследование наскальных изображений долины реки Чаганка в 2001 г. // Вестн. Сиб. Асс. исследователей первобытного искусства. – Изд-во Сиб. Асс. исследователей первобытного искусства, 2001б. – С. 12 – 16.
- Черемисин Д.В.** Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002 г. – Т. 8: Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь, 2002 г. – С. 491 – 496.
- Черемисин Д.В.** Наскальная композиция с изображением колесницы и “танцоров” из Чаганки (Кара-Оюка), Алтай // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 57 – 63.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С.** Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Кемеров. ун-т, 1987. – С. 70 – 78.
- Cheremisin D.** The study of the Djalghyz-tobe petroglyphs // INORA. – 2002. – N 32. – P. 20 – 25.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D.** Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – P.: Diffusion de Boccard, 2001. – T. 5, fasc. 6: Mongolie du nord-ouest. Tsagaan-Salaa/Baga Oigor. – 132 p., 346 taf., 399 fotogr.
- Kubarev V.D., Jacobson E.** Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai) // Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. T. 5, fasc. 3. – P.: Diffusion de Boccard, 1996. – T. 5. – 45 p., 665 fig.
- Martynov A., Miklashevich E.** The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // INORA. – 1995. – N 10. – P. 15 – 17.
- Samashev Z.** Petroglyphs of Kazakhstan // K. Tashbaeva, M. Khujanazarov, V. Ranov, Z. Samashev. Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: International institute for Central Asian studies, 2001. – P. 151 – 219.

Материал поступил в редколлегию 13.07.03 г.

УДК 903.5

Э.Б. Вадецкая

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: admin@archeo.ru*

НОВОЕ О ТАШТЫКСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ МАСКАХ

В октябре 2004 г. исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося сибирского археолога Александра Васильевича Адрианова. За год до своего 60-летия он был выслан из г. Томска (за высказанную в газете «Сибирская жизнь» поддержку стачки) в г. Минусинск, а уже в мае 1914 г. – в с. Ермаковское Минусинского уезда (за участие в создании газеты «Минусинский край»). Этими обстоятельствами объясняется та грусть, которой пронизано его письмо из с. Ермаковского от 17 июля 1914 г. к знаменитому географу-путешественнику Г.П. Потанину. «До 60-ти лет я прожил, а ни на чем не остановился, ничем основательно не занялся и никакого следа от себя не оставляю, не говоря уже о наследстве, – писал он. – А между тем желание работать, желание быть полезным всегда было. Теперь, сидя в деревне, я располагаю досугом, о котором мечтал, но я не умею использовать его – валится из рук всякое дело. По целым дням я читаю газеты, пишу письма и извожу время»*. А.В. Адрианов занимался не только археологией, но этнографией, публицистикой, издательской деятельностью, политикой, дослужился до чина статского советника и почти везде проявил свои незаурядные способности. В археологии Красноярского края с его именем связаны крупнейшие археологические раскопки, проводившиеся в конце XIX – начале XX в., сбор информации для составления археологической карты долин Енисея и свода наскальных рисунков; им найдены погребальные маски, куклы и т.д. Прошло 120 лет со времени его первых раскопок на Енисее (1883 г.), в результате которых были, в частности, обнаружены первые маски, и 100 лет –

его раскопок уникальных гробниц в горах Оглахты (1903 г.), сохранивших мумии, погребальные куклы, остатки ткани, одежды и деревянной утвари. Все могилы под насыпями А.В. Адрианов называл курганами, а без насыпей – могильниками [1903а, б]. В настоящее время могильниками называют все древние кладбища, а таштыкскими грунтовыми могильниками – те, которые по типу можно отнести к раскопанным в Оглахтах. Курганами по-прежнему именуют все могилы под разрушенными надмогильными сооружениями, за исключением больших коллективных таштыкских могил, которые (чтобы не смешивать с аналогичными по конструкции и имеющими маски поздними тагарскими [Вадецкая, Протасов, 2003]) условно называют склепами.

Итак, в 1883 г. под г. Минусинском (о. Тагарский) в таштыкском склепе А.В. Адрианов обнаружил гипсовые погребальные маски. Они лежали преимущественно не на лицевых костях черепов скелетов, а поблизости от кучек кальцинированных (сожженных) человеческих косточек – пепла человека*. Находки получили известность за пределами Сибири, т.к. пять из 40 масок были почти полностью восстановлены и представлены в 1887 г. на выставке Археологического съезда в г. Ярославле. С тех пор сложилась традиция реставрировать маски только для музейных экспозиций или выставок. Лишь ок. 100 масок полностью или почти полностью восстановлены, более 200 собрано частями и приблизительно 1 тыс. масок хранится в обломках.

* Научная библиотека Томского университета. – Архив Г.Н. Потанина, корреспонденция. Ящик 227. № 1403. Д. 7.

* Пепел в склепах – кальцинированные мелкие осколки костей длиной преимущественно до 1 см, часто 5 – 10, а иногда до 15 см. В каждой кучке до 1 кг костей. – См.: [Грязнов, 1979, с. 93; Вадецкая, 1999, с. 88].

В таштыкском могильнике в горах Оглахты на левом берегу Енисея А.В. Адрианов раскопал мумии с масками и кожано-соломенные манекены (куклы), в т.ч. одну с маской. Однако потребовалось провести новые раскопки этого [Кызласов, 1969] и многих других могильников, чтобы связать маски не только со скелетами, но и с погребальными куклами. Только в 1980-х гг. началось изучение отпечатков на оборотной стороне гипсовых масок для определения форм, на которых их делали [Вадецкая, 1999, с. 94 – 102]. Выяснилось, что маски изготавливали на кожаных набитых травой (реже шерстью) формах, напоминающих голову погребальных кукол. Но было не ясно, из какого материала лепили маски, снимали ли их с форм, доделывая вручную, или они являлись лицевой частью головы самой куклы [Вадецкая, 1998, с. 105]. К сожалению, высказывавшиеся в связи с этими исследованиями мнения, как и те, что были выражены во время дискуссий о технологии изготовления масок и их материала, опирались только на личные впечатления специалистов, а не на выводы, полученные в ходе изучения методами точных наук. Важность привлечения к изучению масок этих методов была доказана в ходе проведения серии технологических анализов более 50 масок (из 15 склепов и четырех могильников) и сравнения их результатов с визуальными наблюдениями. Прежде всего удалось уточнить процедуру изготовления масок. Кроме того, и это очень важно, поскольку все версии о семантике масок так или иначе строятся на представлениях о технологии их изготовления, получены первые результаты химических анализов, осмысление которых станет новым этапом в изучении масок, вскоре специалисты, возможно, смогут получить ответы на давно поставленные вопросы (с какой целью и на какой срок делали маски), разгадать символику и приемы орнаментации, проследить эволюцию масок и др.

В данной статье ставятся три конкретные задачи. Первая – опровергнуть ошибочное, но укоренившееся представление о том, что в Сибири с конца I тыс. до н.э. и до VII – VIII вв. н.э. существовал устойчивый обычай *помещать* маски на лица умерших [Маски погребальные, с. 438]. Вторая – выявить единство семантики масок для мертвых и их имитаций (по отпечаткам на оборотной стороне масок и единству ритуалов, соблюдавшихся для кукол и трупов). Третья – показать технологическую эволюцию масок кукол из грунтовых могил и склепов. Для решения поставленных задач я буду использовать личные наблюдения, а также данные химических анализов (микроскопический, качественный микрохимический и полуколичественный), выполненных научным сотрудником Государственного Эрмитажа Л.С. Гавриленко. Таксономическая принадлежность растительных частиц определена ведущим научным сотрудником Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой.

Маски, вылепленные на лицах трупов

Обычай лепить маски на лицах покойников появился в I – II вв. и получил наибольшее распространение в III в. Об этом свидетельствует динамика численности масок, прослеженная по 20 таштыкским грунтовым могильникам. В могильниках I – II вв. маски встречаются на каждом третьем и даже втором, а в могилах III – начала IV в. – почти на каждом скелете. Могильники датируются по привозным стеклянным бусинам и полихромным китайским тканям [Вадецкая, 1999, с. 67 – 71]. К сожалению, маски очень плохой сохранности, т.к. вылеплены из непрочного гипса, как правило, очень тонкие (их толщина по краям не более 2 мм, в области щек, губ – до 4 – 5 мм). К моменту раскопок они покрылись мелкими трещинками, поэтому снять их с лицевых костей по кусочкам и склеить удастся редко. Кроме того, людей хоронили с приподнятыми головами, подкладывая подушку, камень, обрубок дерева, поэтому маски иногда сползали с лица или осыпались. По указанным причинам не только целых масок, но и их обломков собрано немного. Лучшее всего сохранились маски в могильнике в горах Оглахты. Согласно данным А.В. Адрианова, некоторые маски закрывали лицевую часть головы, а другие еще и уши, подбородок и даже шею; одни сохраняли свой естественный (белый) цвет, другие были сплошь окрашены красной краской, третьи расписаны фигурами [Адрианов, 1903а, с. 2]. Однако сведения А.В. Адрианова о внешнем разнообразии масок пока не подтверждаются, поскольку у всех известных (склеенных) масок обломаны либо края, либо уши. Лишь две раскопанные Л.Р. Кызласовым в 1969 г. в Оглахтинском могильнике маски сохранились целыми, поскольку их не снимали с черепов. Эти маски закрывают три четверти объема головы, включая уши и подбородок до шеи (рис. 1, 2). Уникальные по сохранности маски неоднократно публиковались [Кызласов, 1969, с. 96; Kyslassow, 1971, рис. 4, 6; Коваленко, 1972, с. 78; Вадецкая, 1986, с. 35; 1992, табл. 100, 1, 2; 1999, рис. 6. 1, 2; и т.д.]. Они являются прототипами (по внешнему виду, технологии изготовления и характеру росписи) более прочных и толстых масок, которые позже лепили на головах погребальных кукол. Важно отметить, что на черепе мужчины сохранилась коса, уложенная от середины лба и вдоль макушки; для нее сделан специальный вырез в верхнем крае маски. Эта особенность позволяет предположить, что маски лепили после того, как покойник был обряжен.

Две найденные в таштыкских могилах маски вылеплены из каолиновой глины с небольшим включением гипса и большим содержанием водно-растворимых солей [Липский, 1956, с. 32]. Остальные изве-

Рис. 1. Маска женщины, Оглахты (ГЭ, кол. 2864, № 1) (раскопки Л.Р. Кызласова, 1969 г.). Белая, с красными лбом, носом, ноздрями, ушами, щеками и черными прорезями глаз; белый узор на лбу выскоблен по грунту.

Рис. 2. Маска мужчины, Оглахты (ГЭ, кол. 2864, № 2) (раскопки Л.Р. Кызласова, 1969 г.). Ярко-красная, с черными прорезями глаз и полосами на лбу и с двух сторон носа; под маской шелковая ткань.

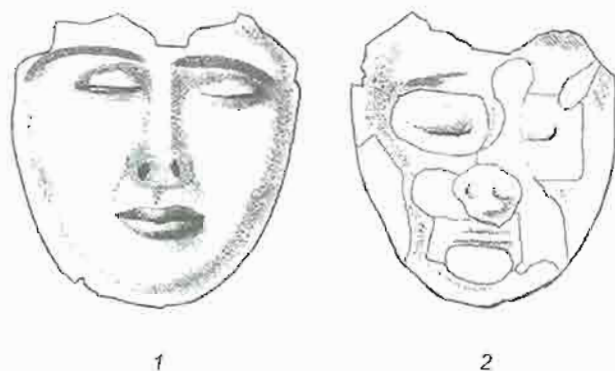

Рис. 3. Маска подростка, Оглахты (ГИМ, кол. 43931, № 2) (раскопки А.В. Адрианова, 1903 г.).

1 – внешняя поверхность, 2 – внутренняя, с отпечатками кусочков ткани вокруг глаз и рта и затеками гипса в прорезях.

стные мне маски по внешнему виду гипсовые; это подтверждают и результаты шести химических анализов находок из пяти могильников, расположенных в разных местах Минусинской котловины: на левом (Барсучиха, Оглахты, Терский) и правом (Комаркова) берегах Енисея, а также в бассейне Белого и Черного Июса (Черное Озеро). Основным компонентом их теста является гипс, в небольших количествах представлены карбонат кальция, песок, глинистые и железные соединения, т.е. использовался природный гипс, включающий естественные примеси. Однако в тесто специально подмешивали либо шерсть (Черное Озеро), либо измельченный растительный материал, оболочки семян (Терский, Оглахты).

Согласно наблюдениям А.В. Адрианова, маски не снимали с трупа, а лепили на лице как скульптуру. Для этого на лицо наносили несколько слоев гипса, каждый толщиной не более 1 мм [Вадецкая, 1999, с. 18]. Это наблюдение археолога подтверждается данными микроскопического анализа структуры масок. Маски состоят из трех-четырех слоев – нижнего (основной), средних (выравнивающих) и верхнего (самый тонкий, отделочный, или косметический). Структура хорошо просматривается, если каждый новый слой был наложен на чуть подсохший, но еще влажный предыдущий. Если же слои наносили на неподсохшую основу, то виден основной слой массы толщиной от 2 – 3 до 6 – 8 мм (тоньше по краям маски и на лбу, толще на щеках, губах, носу). Его верхнюю поверхность после высыхания заглаживали более чистым гипсом (из него вымывали песок), а затем покрывали отделочным слоем толщиной менее 1 мм и раскрашивали. Мужские маски и детские сплошь окрашивали красной краской, поверх которой иногда рисовали черным поперечные полосы (см. рис. 2, 3). Прорези на месте глаз и рта на мужской маске из Оглахтинского могильника были сделаны по сырому гипсу, а красная и черная краски нанесены по высохшему гипсу, поэтому трещины, образовавшиеся до раскрашивания, оказались залитыми краской [Коваленко, 1972, с. 78 – 79]. На белых женских масках красным выделены лоб, нос, губы, щеки, уши. На красном лбу выскоблены (до отделочного слоя) спирали (см. рис. 1). Закрытые глаза, чуть прорезанные или нарисованные, всегда окрашивали черным.

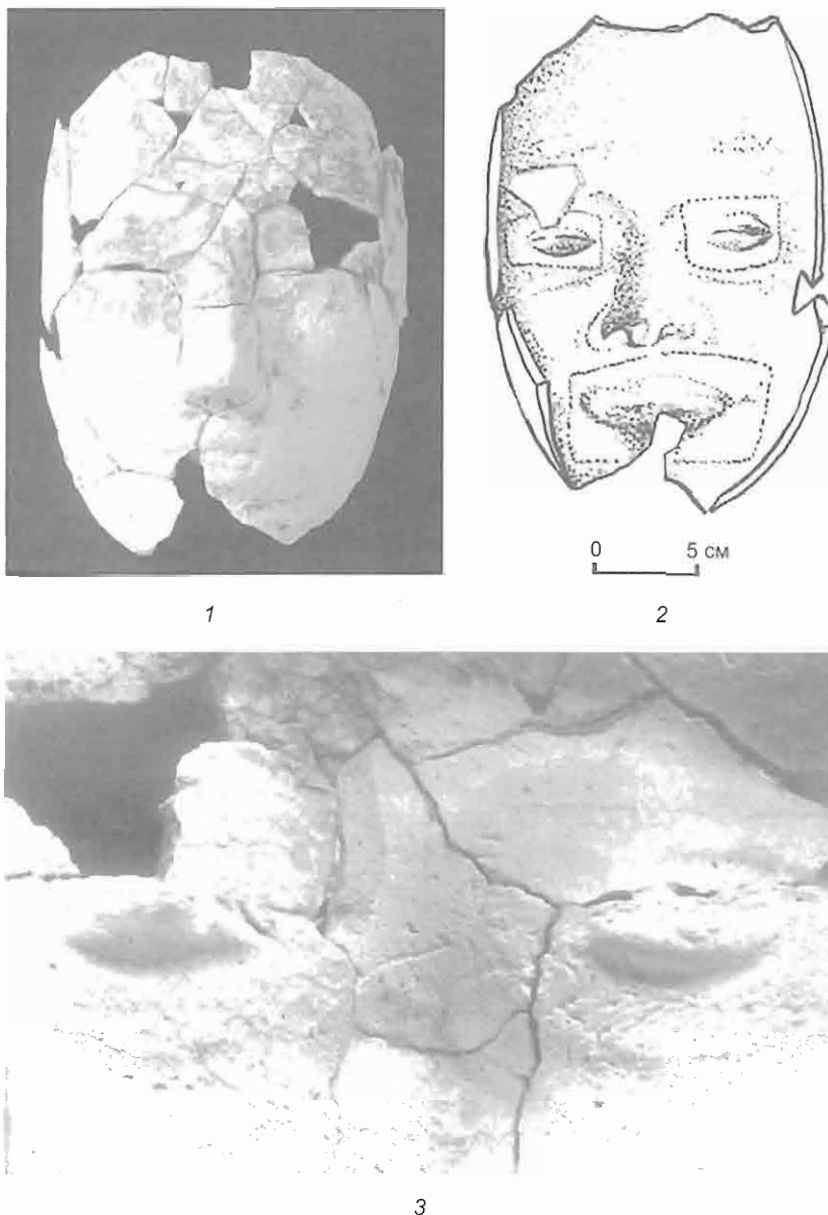

Рис. 4. Маска женщины, Терский могильник (ГЭ, б.н.)
(раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.). Белая, со следами росписи красной охрой.
1 – внешняя поверхность; 2 – внутренняя, с отпечатками кусочков ткани вокруг глаз и рта
и затеками гипса в прорезях; 3 – фрагмент внутренней поверхности с отпечатками кожи
животного и ткани вокруг затеков гипса.

Чтобы получился красный цвет, использовали охру и киноварь, черный – древесный уголь. Отдельные маски, на которых от росписи остались лишь следы, кажутся белыми (рис. 4, 1).

А.В. Адрианов отмечал, что “под некоторыми масками обнаружена любопытная подробность – на обоих глазах, ротовом и носовом отверстиях были наложены четырехугольные кусочки тонкой шелковой материи светло-зеленого цвета, причем на кусочках для глаз и рта были сделаны прорехи, соответствующ-

щие щелям закрытых глаз и рта” [1903а]. Имеются образцы с остатками шелка на внутренней поверхности, свидетельствующими о том, что тканью было закрыто все лицо. Шелковое покрывало сохранилось на оборотной стороне оглаhtинской маски мужчины (см. рис. 2). Однако отпечатки складок ткани на внутренней поверхности А.В. Адрианов принял за отпечатки морщин и посчитал, что маски лепили непосредственно на лице умершего. Это ошибочное мнение прочно вошло в литературу и, хотя на внутренней поверхности масок часто имеются отпечатки ткани, а также гипс, частично затекший при лепке маски в углубления глаз, рта и носа трупа, на них не обращалось внимания. В этой связи следует отметить единственную маску, которую А.В. Адрианову удалось снять крупными кусками с черепа ребенка 10 – 12 лет (см. рис. 3). Она ярко-красная, с черными нарисованными бровями. На ее внутренней поверхности в области глаз имеются затеки гипса конусовидной формы (размеры $3 \times 2 \times 1$ см), а вокруг них – отпечатки прямоугольных кусочков ткани – “наглазников” (размеры 5×4 см). На месте прорези губ видна гипсовая выпуклость, а на всей поверхности – следы волокнистых вертикальных линий от лицевого покрывала. Отпечатки кусочков ткани вокруг глаз прослежены мною на обломках второй детской маски из того же могильника (раскопки Л.Р. Кызласова, 1969), хранящейся в Эрмитаже (ГЭ, кол. 2864/3), а также на мас-

ках из других могильников. Для большей достоверности некоторые отпечатки (видимые глазом) проверены микроскопическим анализом. Так, на оборотной стороне женской маски из могильника Терский на левом берегу Енисея (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.) видны отпечатки “наглазников” (размеры $3,3 \times 4,2$ см) и “наротника” (размеры $8,5 \times 4,4$ см), а также затеки гипса в их прорезях (см. рис. 4, 2). Вероятно, на лицо поверх ткани была положена тонкая кожа (лоскут подрезан под носом), отпечатки которой прослеживают-

ся в разных местах. Химическим анализом подтверждено наличие “наглазников” (на их местах обнаружены отпечатки переплетения нитей тканей), также установлено, что на кожаное покрывало была наложена и тщательно разглажена гипсовая масса (толщиной 2 – 3 мм). Поверх нанесен отделочный слой толщиной менее 1 мм, он расписан красной охрой (см. рис. 4). Примеров такой технологии много, и они свидетельствуют о широком распространении правила, согласно которому при лепке маски нельзя было прикасаться к лицу умершего руками, а глаза, рот и все лицо следовало предварительно закрыть тканью или кожей. Возникает вопрос, почему при лепке на местах глаз и рта образовывались затеки, если маски передавали лицо мертвого человека с плотно сжатыми губами и закрытыми глазами и не имели сквозных прорезей. Очевидно, прорези делали не только в “наглазниках” и “наротнике”, но и в покрывале. Их наличием могут быть объяснены расположенные против глаз на некоторых масках (могильники Новая Черная IV и Барсучиха II) гипсовые конические или овальные возвышения (диаметр 3 – 3,5 см, толщина 1 – 1,5 см), хотя отпечатков ткани вокруг них не видно (ГЭ, кол. № 2573, 2632). Не исключено также, что глаза и рот трупа замазывали гипсом и, не дожидаясь его высыхания, лепили маску, внутренняя поверхность которой слипалась с гипсовыми накладками. Признаки такого способа изоляции глаз и рта покойника прослежены на находках из склепов V – VI вв. Так, в склепе на о. Тагарском найдена маска ребенка с гипсовыми накладками против глаз и рта [Горощенко, 1900, табл. внизу], а в склепе Дальняя Чая – скелет, в глазницах которого имеются гипсовые кружки, ровные снаружи и выпуклые внутри [Вадецкая, 1981, с. 60]. Примером соблюдения правила, запрещавшего прикасаться руками к лицу умершего и предписывавшего лепить маску через ткань, являются маски с двух скелетов, которые находились вместе с остатками сотен кремированных трупов в склепах Уйбатского чаатаса [Вадецкая, 1999, № 21, склепы 9, 10]. На оборотной стороне обеих масок видны отпечатки ткани лицевого покрывала. На одной маске они сохранились против глаза и щек, а на другой – в области губ и носа (ГИМ, кол. № 79956, № 24, 52).

Маски лепили поверх лицевого покрывала, поэтому черты лица они передают, как правило, схематично, а иногда и вовсе произвольно. Это было доказано антропологами при восстановлении облика по двум черепакам: в обоих случаях лица не соответствовали своим маскам. Первая реконструкция выполнена М.М. Герасимовым по черепу мужчины (с которого упала глиняная маска) из могилы, раскопанной в г. Абакане. По реконструированному лицу была изготовлена маска, которая сильно отличалась от древней, имевшей на оборотной стороне отпечатки фактуры

кожи и шнурков. Нет сомнения в том, что лицо умершего сначала было покрыто лоскутом кожи, перевязано, а затем на нем вылеплена маска [Липский, 1956, с. 14, 32 – 35]. Графическая реконструкция лица по женскому черепу из могильника у д. Абакан-Перевоз (раскопки А.И. Готлиба, 1993 г.) была выполнена Г.В. Лебединской. В воссозданном ею облике женщины отразился европеоидный тип, а в маске – монголоидный. На форму маски, по мнению антропологов, могла повлиять отечность мягких тканей [Медникова, 2001, с. 236, рис. 9, 7, 8]. С моей точки зрения, причина – в покрывале, поверх которого лепили маску, его вертикальные складки отпечатались на внутренней поверхности против скул, левого уха, ниже правой щеки.

Маски погребальных кукол

Первые человекоподобные чучела (куклы) были найдены в 1903 г. А.В. Адриановым в Оглахтинском могильнике. Две почти целые лежали вместе с двумя мумиями, параллельно им и головой в одну сторону с ними. Они представлены мешками, обозначающими руки, ноги (длина 36 – 50 см, ширина 13 – 15 см), а также туловище (размеры 50 × 20 см) и голову. Мешки были сшиты из лоскутков овчины мехом внутрь и заполнены тугими комочками сухой травы, напоминающей осоку. Все части куклы скреплены жилами либо ремешками [Вадецкая, 1986, с. 36 – 37; 1999, с. 22]. К моменту раскопок могилы куклы распались на отдельные части. Лицо одной из них было закрыто красным шелком, на котором черной краской нарисованы черные брови, а может быть, и другие детали [Адрианов, 1903а]. Голову другой куклы покрывала гипсовая маска. Внутри туловища находился пепел человека, но большая его часть высыпалась, сохранилось лишь немного “пережженных костей”, которым А.В. Адрианов не придал значения [Вадецкая, 1999, с. 21]. От других кукол остались небольшие фрагменты и скрученная трава [Адрианов, 1903а]. Еще две куклы были найдены в 1969 г. в том же могильнике Л.Р. Кызласовым. Возле каждой куклы параллельно лежала мумия (гипсовые маски на мумиях уже описывались). Лица кукол обшиты тканью (одна шелковой), а черты лица нарисованы [Кызласов, 1969, с. 96]. Когда куклы поступили в Эрмитаж, в их туловищах рентгеном были выявлены зашитые мешочки с пеплом человека в виде остатков сожженных косточек. Таким образом, было доказано, что найденные в грунтовых могильниках куклы являлись вместилищем пепла конкретного человека, но они, как правило, истлевали, от них оставались лишь 1 – 2 кг собранных в мешочек косточек длиной до 4 – 5 и реже 8 – 10 см [Вадецкая, 1999, с. 21]. Судя по непотревоженным (неразграбленным) таштыкским срубам, население строго придерживалось системы расположения

Рис. 5. Кожаная голова куклы, Оглахты (ГИМ, кол. 43931, № 4) (раскопки А.В. Адрианова, 1903 г.). Из комков травы, обшитых кожей. Лицо покрыто куском тонкого шелка с нарисованными бровями. Затылок закрыт плотным шелком.

в могилах погребенных (головой на запад, параллельно друг другу) и вещей (в восточной части строения). Учитывая это, кальцинированные кости в погребениях можно считать признаком того, что в них находились куклы. Кости позволяют определить места расположения кукол [Там же, рис. 9, 11, 12, 121 – 128], а также связать с куклами маски, находящиеся на месте предполагаемой головы. Чтобы сделать маску по “кожано-травяной” болванке (голове куклы), требовались навыки, знания технологии, отличавшейся от той, которая использовалась при лепке на лице трупа. Технологические различия четко прослеживаются на масках трупов и поздних кукол (V – VI вв.). Однако наиболее древние маски кукол (II – IV вв.) по технологии мало отличались от масок трупов. Они были вылеплены из одного теста, поэтому рассыпались на мелкие, тонкие и рыхлые фрагменты. Согласно результатам анализа двух масок из памятника Красная Грива (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1988 г.), в тесто, состоявшее из гипса (с естественными глинистыми соединениями и 1,5 – 3%-м содержанием песка), было добавлено незначительное количество измельченной древесины тополя. На большую часть лица нанесен слой массы толщиной 2,5 мм и лишь на отдельные места – до 5 – 7 мм. После этого вся поверхность была покрыта отделочным слоем толщиной менее 1 мм и раскрашена охрой, киноварью, а также их смесью. Судя по отпечаткам складок на внутренней поверхности одной из масок (выявлены микроскопическим анализом), лицо куклы было сшито из ткани или тонкой кожи.

Нос был пришит (есть отпечатки швов), а губы закрыты кусочком ткани (имеются отпечатки переплетения нитей ткани). Очевидно, лицом эта кукла была похожа на оглахтинскую травяную, обшитую кожей скульптуру с четко выраженными впадинами глаз и рта, а также скулами (рис. 5). К кожаному лицу пришиты кожаные брови и нос с поперечным швом на кончике [Там же, рис. 7, 1 – 3]. Отпечатки такого носа часто встречаются на внутренней стороне масок не только из грунтовых могил, но и из склепов, что свидетельствует о существовании определенного стандарта в изготовлении лиц кукол. В местах глаз кожа на голове этой куклы была порвана (до реставрации), но вероятно, в них имелись прорезы, которые отмечены на других фрагментах [Там же, с. 22]. Голова примечательна тем, что спереди была покрыта тонким шелком (как лица мумий под масками) красного цвета, и благодаря этому вызывает ассоциации с выкрашенными в красный цвет мужскими масками. Судя по отпечаткам на масках несохранившихся кукол из могильников Новая Черная IV и Мысок (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1967, 1968 гг.), крупный нос, который обычно пришивали к лицу куклы, часто заменяли аккуратной палочкой, как-то вставлявшейся в форму. Может быть, нос в виде палочки был у второй оглахтинской куклы, закрытой гипсовой маской, которая с внутренней стороны напоминала блюдо с прорезью для носа, прикрепленного на внешней стороне [Там же, с. 24]. В любом случае от формы носа куклы зависел тип носа на вылепленной по ней маске. Если нос был только обозначен (палочкой или лоскутком кожи), его лепили отдельно и приставляли к маске, на внутренней поверхности которой не было носовой впадины; если же пришивали к форме крупный нос, его облепляли гипсом, и маска на оборотной стороне на месте носа имела выраженную впадину. Такое разделение носов на масках особенно четко прослеживается по находкам в склепах V – VI вв.

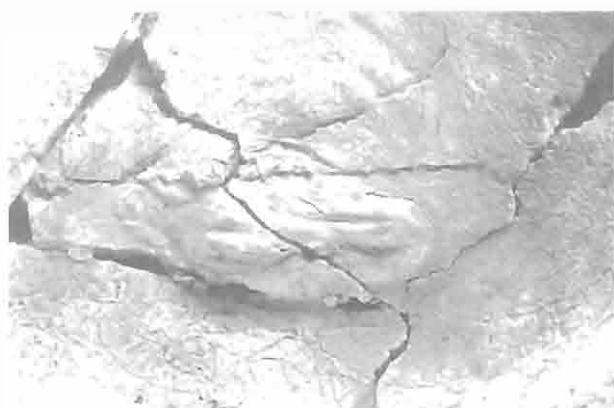
Кукол, как и трупы, обряжали в одежду, пришивали к их головам косичку покойника, надевали на них шапку и обувь. В отношении к ним применялись те же похоронные правила, что и к трупам: перед тем как лепить на лице маску, кукле закрывали или замазывали глаза и рот, сверху все лицо закрывали куском материи или кожи. На фрагментах масок наиболее древних кукол (I – IV вв.) ввиду их плохой сохранности трудно определить отпечатки каких-либо накладок. Но они иногда видны на оборотной стороне более поздних (V – VI вв.) и прочных масок, например, из склепов под г. Тепсей [Вадецкая, Гавриленко, 2002, с. 224] и из склепа 4 могильника Терский (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.). Терская маска обломана на уровне глаз (рис. 6). По составу теста (гипс со следами кварцевого песка и глинистых

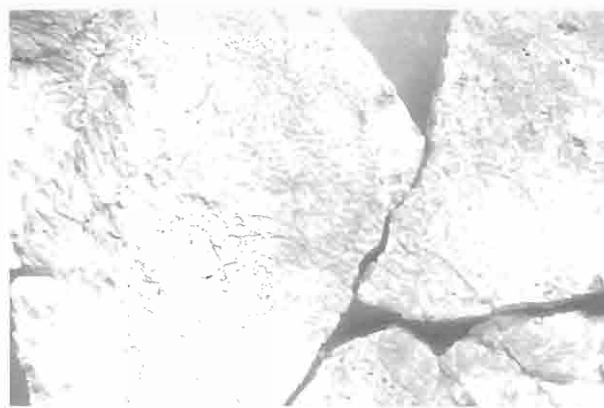
1

2

3

4

Рис. 6. Маска с куклы, Терский могильник, склеп 4 (ГЭ, б.н.) (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.).

1 – внешний вид; 2 – внутренняя поверхность с отпечатками носа и рта, закрытого кусочком шелка; 3 – фрагмент внутренней поверхности с отпечатками овальной тканевой накладки в области рта и полоски шелка поверх нее; 4 – фрагмент внутренней поверхности с отпечатками кожи и шва с выбившимся мехом.

соединений, в который добавлено небольшое количество измельченного растительного материала) она практически не отличается от масок из находившихся рядом со склепом грунтовых могил. Однако стенки терской находки в 3 раза толще (6 – 9 мм, в выпуклых местах 11 – 12 мм), чем у ранних масок. Микроскопическим анализом на оборотной стороне маски (ниже носа и на месте подбородка) выявлены рельефные отпечатки складок грубой основы (голова куклы). На эту основу нанесен первый слой массы толщиной 2 – 3 мм, второй – толщиной 3 – 4 или 6 – 7 мм (в зависимости от вылепливавшейся формы), а на выпуклые места – третий слой толщиной от 2 до 5 – 6 мм. Затем поверхность выравнивали и покрыли отделочным слоем в 1 мм (он выглядит более светлым и рыхлым по сравнению с основным). Подбородок утолщен. По отпечаткам на внутренней поверхности можно определить, что голову куклы

сшили из хорошо выделанной кожи, мехом, который частично виден через аккуратный шов, внутрь (см. рис. 6, 4). Нос у куклы был обозначен ровной палочкой, от которой остался четкий и глубокий след, а рот – грубой матерчатой овальной накладкой (размеры 4,4 × 1,6 см), закрытой сверху полоской (размеры 7,6 × 1,6 см) ткани мелкого прямого плетения типа шелка (см. рис. 6, 2). Продольные края шелкового “наротника” подогнуты внутрь, верхний (из-под которого выбивался мех) обметан через край ниткой. Боковые края не подогнуты, поэтому концы шелка разлохмачены (см. рис. 6, 3).

Предметом изучения всегда были главным образом поздние маски преимущественно из наиболее крупных склепов. В таких склепах находят, как правило, несколько десятков масок (по числу захороненных остатков кремации – кучек пепла человека). По поясной гарнитуре (пряжкам) склепы дати-

Рис. 7. Бюст без подставки, Белый Яр III (археологическая лаборатория Хакас. ун-та, № 47) (раскопки А.И. Поселянина, 1991 г.). Желтовато-коричневый. Окрашен киноварью, смешанной с охрой. На оборотной стороне на месте глаз имеются гипсовые выступы и отпечатки кожи.

Рис. 8. Маска куклы, о. Тагарский (ГИМ, кол. 24959, № 1) (раскопки А.В. Адрианова, 1883 г.). Белая, окрашена красной краской; на оборотной стороне глаз и рта – гипсовые выпуклости.

руют V – VI вв. [Вадецкая, 1999, с. 121 – 125]. Маски представлены обломками; чаще всего обломки нескольких масок смешаны. Этому имеется объяснение. Дело в том, что для мешочка с кальцинированными косточками человека часто шили не целую куклу, а лишь голову, на которой лепили маску. Голове (мягкой болванке) разными способами придавали вертикальное положение (прикрепляли на подставку или вставляли в нее). Маску (обрисовку головы) делали с плоским основанием или с широкой устойчивой шеей. Такие маски-бюсты, служившие урнами, помещали не только на дно камеры, но и на венцы сруб-клетей. Во время ритуального сожжения камеры рухнувшая кровля придавливала как маски, находившиеся на дне, так и обломки масок, упавших сверху. При этом пепел сожженного покойника высыпался из бюстов. Реставрируя бюсты, в них иногда находят отдельные косточки и остатки мешочков для них. Однако пока только в трех масках-бюстах из склепа Белый Яр III (раскопки А.И. Поселянина, 1991 г.) сохранился пепел в виде обломков сожженных косточек длиной до 2 – 4 см общей массой до 0,5 кг (одно из скоплений пепла обмотано травой) [Там же, с. 103]. Раздавленные бюсты с леплом пока целиком не склеены, но ни по составу материала, ни по внешнему виду они не отличаются от других бюстов из того же склепа, в т.ч. реставрированных. Их тесто на 90% состоит из гипса с природными примесями, в которые специально добавлено небольшое количество растительного материала (измельченные древесина тополя или лаки) и шерсти. На оборотной стороне бюстов имеются

отпечатки кожаной основы, а против глаз иногда гипсовые выпуклости. Масса была нанесена в один слой толщиной 4 – 8 мм, затем поверхность заглажена отделочным слоем толщиной в 1 мм и окрашена киноварью и охрой (рис. 7).

Первая версия о технологии изготовления масок и бюстов, найденных в склепах, принадлежит антропологу К.И. Горощенко, который осмотрел маски из склепа на о. Тагарском еще до обнаружения кожанотравяной куклы с маской в Оглахтинском могильнике, а потому не мог предположить связи между некоторыми масками и куклами. Иначе его гипотезы о технологии их изготовления, вероятно, были бы другими. К.И. Горощенко, заметив несоответствие оборотной стороны масок анатомии лица человека, пришел к выводу, что маски не могли лепить на лице, просто обкладывая его гипсом. Он не нашел этому объяснения и, учитывая “тщательность изготовления масок”, предположил, что они были отлиты в форме, снятой с лица трупа (рис. 8). Такой способ изготовления масок, по мнению антрополога, “делал маски ценным подспорьем для антропологического исследования древнего народа” [Горощенко, 1900, с. 8]. Но предположению об отливке маски по слепку с лица противоречило наличие на внутренней поверхности непонятных возвышений из гипса. На месте глаз они были в форме конуса, а под носом – прямоугольника. С точки зрения К.И. Горощенко, эти возвышения были “наложены особо” после отливки маски. Между тем возвышения, имеющие отпечатки травы (рис. 9), вместе с отпечатками кожи и швов

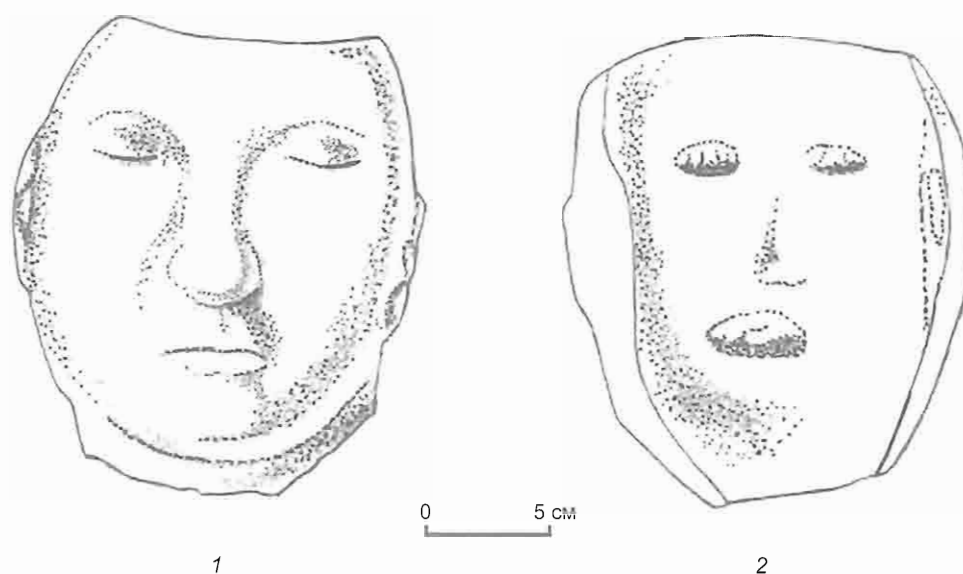

Рис. 9. Бюст, о. Тагарский (ГИМ, кол. 24959, № 36) (раскопки А.В. Адрианова, 1883 г.). Окрашен красной краской, шея обломана.

1 – внешний вид; 2 – внутренняя поверхность с гипсовыми выпуклостями против глаз и рта, на которых видны отпечатки травы, и оттисками шва вдоль уха и палочки-носа.

позволяют представить форму, на которой лепили маску. Такие маски, очевидно, имели сходство с оглахтинской куклой, у которой имелись прорезы во впадинах глаз и рта (см. рис. 5). Сверху прорезы были обмазаны гипсом. Находившаяся внутри головы трава через прорезы глаз и рта отпечаталась на кусочках гипса, которые образовали первый слой. Следы предварительной обмазки глаз и рта отмечены на нескольких куклах (см. рис. 7), а также на маске с черепа ребенка из склепа на о. Тагарском [Горощенко, 1900, табл. внизу].

Обе версии К.И. Горощенко (о способе изготовления масок и их возможной портретности) оказали большое влияние на взгляды С.В. Киселева, которые он изложил в специальной статье о масках. Источниками для этой работы послужили обломки ок. 120 масок из пяти таштыкских склепов, раскопанных археологом в 1928 – 1932 гг. на правом берегу Енисея. Однако личные наблюдения С.В. Киселева противоречили мнению о том, что маски отливали в формах. С.В. Киселев первым обратил внимание на отпечатки ткани, швов и складок на оборотной стороне масок. Им отмечено преобладание масок, которые не могли изготавливаться по слепку, снятому с мертвого человека, т.к. они были слишком крупными или имели условные черты лица. Этим наблюдениям С.В. Киселев пытался найти объяснения, исходя из технологической версии К.И. Горощенко. Так, отпечатки одних швов на внутренней поверхности масок (посередине подбородка или лба) он считал признаками отливки масок по частям в формах, а других – следами сши-

тых из материи и кожи “шаблонов”, которыми якобы придавливалась залитая в формы масса. Особо крупные или схематичные маски были, по мнению археолога, слепками не с трупа, а с вылепленного изображения человека [Киселев, 1935, с. 4].

Отпечатки животной кожи и швов манекена на оборотной стороне этих и других масок отмечали М.М. Герасимов, Л.Р. Кызласов, М.П. Грязнов. Для М.П. Грязнова отпечатки кожи, швов и складок, а в одном случае ткани на оборотной поверхности масок из склепов под г. Тепсей (рис. 10, 11) послужили доказательством того, что маски изготавливали на куклах типа оглахтинских [1979, с. 94]. Исследователь исходил из того, что мешочки с пеплом человека находились внутри кукол, в таких мешочках в тепсейских склепах хранились кальцинированные косточки. Микроскопические анализы также подтвердили, что форма для масок была сшита из кожи. Что же касается отпечатков ткани, то они могли быть результатом соприкосновения гипса с обшитым тканью лицом куклы или его покрывалом. Труднее было установить, снимались ли маски со своих форм, т.к. для этого нужно было изучить технологию тепсейских масок.

По внешнему виду большинство масок выглядят как гипсовые, и исследователи со времен А.В. Адрианова считали их таковыми. Но С.В. Киселев усомнился в этом, поскольку маски, оказавшись в горевшем склепе, по его мнению, не разрушались, как гипс, а напротив, становились более твердыми и только темнели. Археолог допускал, что в тесто вхо-

Рис. 10. Фрагмент внутренней поверхности маски, Тепсей III, склеп 1 (ГЭ, кол. 2616, № 87) (раскопки М.П. Грязнова, 1968 г.). Отпечатки кожи со швом; удлиненные углубления заподнены растительным материалом – древесиной и сердцевинной березы.

Рис. 11. Фрагмент внутренней поверхности маски, Тепсей III, склеп 3 (ГЭ, кол. 2616, № 255) (раскопки М.П. Грязнова, 1969 г.). Отпечатки шерстяной ткани.

Рис. 12. Фрагмент внутренней поверхности нижнего слоя маски, Тепсей III, склеп 2 (ГЭ, кол. № 217) (раскопки М.П. Грязнова, 1970 г.). Отдельные порции нанесенного гипсового раствора.

дили гипс, известь, а также незначительные примеси кварцевого песка и других неизвестных пород. Исходный материал, который предполагалось подвергнуть анализу, исследователь назвал терракотой неизвестного состава, поскольку, по его мнению, смесь должны были обжигать перед изготовлением из нее масок [Киселев, 1935, с. 3 – 4]. М.П. Грязнов на примере тепсейских масок утверждал, что их лепили из материала типа жидкой глины, а не отливали из гипса [1979, с. 94].

Для проверки обеих версий в лабораторию Всесоюзного научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов Мирового океана я передала для исследования 14 образцов масок из четырех склепов, преимущественно из раскопок С.В. Киселева (Сыда; Быстрая; Усть-Тесь; Уйбат, склеп 6). В ходе спектрального, термического, рентгено-структурного, электроскопического и петрографического анализов было установлено, что при изготовлении масок использовался селенит (разновидность гипса) с 17 естественными природными примесями. Подставка только одной маски (из склепа у д. Сыда) оказалась глиняной; известны подставки из разных материалов, даже из керамики. Затем были исследованы 30 фрагментов 12 масок из четырех склепов под г. Тепсей [Вадецкая, Гавриленко, 2002], а также 70 фрагментов масок, хранящихся в разных музеях. Новому изучению подверглось более 100 фрагментов 46 масок из 15 склепов, расположенных на правом (семь склепов), левом (два склепа) берегах Енисея и на р. Абакане с притоками (шесть склепов). Анализируются основные составляющие теста, древесная арматура, структура масок (основные и отделочные слои), краски, отпечатки форм и т.д. В ходе изучения были использованы микроскопический и микрохимический методы, а также спектральный анализ.

Установлено, что в состав теста входят гипс (80 – 95%) и примеси (5 – 20%), включающие глину,

Рис. 13. Бюст, Сарагаш (ГЭ, кол. 4134, № 11) (раскопки С.А. Теплоухова, 1923 г.). Красной краской обозначены губы, ноздри, нарисован узор на лбу, голубой подчеркнуты прорези глаз. Шея вставлена в подставку.

Рис. 14. Маска куклы, Сарагаш (ГЭ, кол. 4134, № 13) (раскопки С.А. Теплоухова, 1923 г.). Красной краской окрашены щеки, губы, ноздри, голубой – прорези глаз и узор на левой щеке. Темно-красная краска нанесена при современной реставрации поверх подлинной более светлой красной краски.

Рис. 15. Фрагмент маски со следами древней реставрации, Тепсей III, склеп 2 (ГЭ, кол. 2616, № 217) (раскопки М.П. Грязнова, 1970 г.). Отделочный слой, который был окрашен киноварью, смешанной с небольшим количеством красной охры, разрушен и восстановлен новым подготовительным слоем и грунтом. На нем заново намечены белые полосы, а остальное пространство закрашено такой же краской, которая использовалась ранее.

Рис. 16. Фрагмент лицевой поверхности маски, Тепсей IV, склеп 4 (ГЭ, кол. 2630, № 36) (раскопки М.П. Грязнова, 1968 г.). Красочный слой: белая полоса прочерчена острым предметом по не полностью высохшей поверхности отделочного слоя. Красную краску наносили дважды – первоначально красной охрой, а при древней реставрации – киноварью (верхний слой).

обогащенную соединениями окислов железа, кварцевый песок и карбонаты. Примеси в разных районах различаются по составу и количеству. Например, в масках с правого берега Енисея отсутствует или встречается единично карбонат кальция, который в масках из-под г. Абакана (Ташеба) составляет до 15 – 20%; кроме того, в них меньше, чем в находках из других мест, гипса (60 – 80%). Отделочные слои масок всегда чище других, иногда они почти из чистого гипса. При замешивании гипса с водой в тесто часто добавляли измельченный растительный материал (древесина тополя, желтой акации, березы, ивы), реже семена и шерсть. В целом процесс лепки маски был везде одинаковый. На твердую основу (от которой сохраняются отпечатки

Рис. 17. Фрагмент маски со следами реставрации, Тепсей III, склеп 2 (ГЭ, кол. 2616, № 199) (раскопки М.П. Грязнова, 1970 г.). Маска состояла из двух нижних слоев, одного отделочного и красочного. Пять верхних слоев толщиной по 1 мм относятся к новым, добавленным при реставрации в древности.

кожи, швов или ткани) в один – три приема накладывали отдельные порции увлажненной массы (рис. 12). В результате образовывались неровные по толщине слои. Выпуклые места обкладывали дополнительно. На одном образце (Кривинское, ГЭ, кол. № 32) хорошо видно, что первый слой гипса клали справа налево, а второй слева направо. Верхние слои накладывали для выравнивания поверхности и создания объема. Если они были положены на уже высохшую поверхность, то на изломах можно увидеть чередование слоев, если на влажную, то границы между слоями не прослеживаются. Толщина основного или основных слоев по краям 5 – 10 мм, а в выпуклых местах 10 – 20 мм. Поверхность дополнительно выравнивали жесткой кистью или скребком и наносили отделочный слой толщиной не более 1 мм. Он же был подготовительным под грунтовый или красочный слой, а также роспись; толщина каждого из них была менее 1 мм. Чем тщательнее была изготовлена маска, тем больше на ней косметических (отделочных, грунтовых, красящих) слоев. Самые простые маски состоят из неровного основного и отделочного слоев. Между основными слоями самых сложных тепсейских масок были проложены тончайшие побеги можжевельника, ивы, березы. В обожженных масках древесина выгорела, но отверстия от нее хорошо видны [Вадецкая, Гавриленко, 2002, с. 219]. Пустоты, оставшиеся от выгоревшей органики (на расстоянии 4 – 5 мм), доказывают, что побеги служили арматурным растительным материалом, а не наполнителем теста. Судя по регулярности этих пустот, арматурный материал использовался также при изготовлении масок, найденных у д. Сарагаш и с. Кривинского [Вадецкая, 1999, рис. 48, 1 – 4; 52, 4 – 8]. Сарагашенские маски состоят из двух слоев – основного из гипса с небольшим количеством железистых соединений и подготовительного (толщина менее 1 мм) из очищенного гипса. В основном слое имеются следы древесной арматуры (рис. 13, 14).

Краски (белая, голубая, серо-зеленая, коричневая, красная) для росписи масок изготавливали из земляных пигментов. В качестве красной краски использовали киноварь. Черную и серо-голубую краски делали из древесного угля. Узоры наносили по-разному: рисовали поверх грунта или выскабливали окрашенную поверхность до грунта.

Еще во время первых раскопок А.В. Адриановым были отмечены маски с новыми слоями гипса на месте загоревших старых [Вадецкая, 1999, с. 279]. Следы древней реставрации обнаружены на многих масках. Микроскопическими анализами их наличие установлено на половине исследованных образцов из тепсейских склепов [Вадецкая, Гавриленко, 2002, с. 220]. На некоторых находках обновлены только

отделочный и красочный слои, причем для этого использовались чаще всего такие же краски, какими была сделана старая роспись. В качестве примера приведу фрагмент лба маски № 217 из склепа 2 под г. Тепсей. Толщина первого слоя, который наносился порциями, составляет 7 – 8 мм, второго – пятого (промежуточные) – 2 – 3 мм каждый (в слоях имеются отверстия, заполненные растительным материалом – древесиной и сердцевинной березы), шестого (отделочный) – 1 – 2 мм. Седьмой слой – тончайший грунт. Восьмой слой окрашен киноварью со следами красной охры, разрушен и восстановлен новым подготовительным слоем (толщина 1 мм) и грунтом. На нем жесткой кистью заново намечены белые полосы, а остальное пространство закрашено такой же краской (киноварь), смешанной с охрой (рис. 15).

Лишь на одном фрагменте поверх старой краски (красная охра) на новый грунт нанесена киноварь (рис. 16). Маски реставрировали, как правило, до трех раз, но отделочный слой мог обновляться до пяти раз (рис. 17). Так, на одном фрагменте маски № 199 из склепа 2 под г. Тепсей два нижних слоя (толщина 1 – 2 и 5 – 9 мм) покрыты отделочным и красочным (толщина по 2 мм) слоями. Остальные верхние слои (пятый – десятый) толщиной по 1 мм относятся к “новым”, отреставрированным в древности. Частая реставрация свидетельствует о том, что вместилища пепла человека (своеобразные урны в виде мягких кукол и бюстов), частью которых являлись маски, очень долго где-то хранили, перед тем как поместить прах покойника в могилу.

Заключение

Таштыкские маски по смыслу и технологии не соответствуют ни современному, ни этнографическому определению “маска”. Нет им аналогов среди археологического материала. Маски лепили, видимо, не сразу после смерти человека, а спустя какой-то срок, на протяжении которого мертвый или его имитация еще считались живыми, т.е. могли видеть и дышать через прорезы в “наглазниках”, “наротнике” и лицевых покрывалах. Изготовление маски с закрытыми глазами было констатацией смерти и последним актом обрядности покойника для хранения и дальнейшего опознания. Поэтому за видом маски следили, ее ремонтировали. Состав теста, которое использовалось при изготовлении масок, со временем изменялся мало. Прочность наиболее хорошо сохранившихся масок – результат продуманной технологии, которая предусматривала, в частности, наложение большого количества основных и отделочных слоев, а также использование древесной арматуры. Такие маски нельзя было снять с формы, не разру-

Рис. 18. Маска куклы, Усть-Тесь (ГИМ, кол. 78175, № 37) (раскопки С.В. Киселева, 1932 г.). Белая, со следами сплошной красноватой окраски. Прорези глаз нарисованы черной краской.

Рис. 20. Бюст без подставки, Уйбат, склеп 11 (ГИМ, кол. 79956, № 21) (раскопки С.В. Киселева, 1936 г.). Светло-коричневый. Первоначально был окрашен красной краской, местами закопчен до черного цвета. Поперек носа нарисованы две черные полосы шириной 4 мм.

Рис. 19. Бюст, Кривинское (ГИМ, кол. 69773, № 35) (раскопки С.В. Киселева, 1928 г.). Желтовато-коричневый, местами закопченный. Следы красной краски на щеках и губах, голубой – под ухом.

шив их технологические отличия, отражающие не только хронологические, но и пространственные (характерные для групп населения, проживавшего в разных районах) особенности.

Поскольку маски произвольно лепили на кожаных формах, они не могут быть индивидуальными портретами. Между тем, по общему признанию, маски передают внешний облик двух групп людей, живших в бассейне Енисея в V – VI вв., преимущественно монголоидов, реже европеоидов. Д.А. Клеменц увидел (о. Тагарский) в масках скуластые, плоские лица (см. рис. 9) и только одно с чисто европейскими чертами (см. рис. 8). [1886, с. 2]. Близкую характеристику маскам из Сарагаша дал С.А. Теплоухов: широкие, иногда плоские лица с широкими носами, часто с низким переносьем (см. рис. 13) [1929, с. 51], хотя одна из них явно похожа на “европейскую” с о. Тагарского (см. рис. 14). С.В. Киселев разделил маски с правого берега Енисея на три физиономические группы – древнюю европеоидную (рис. 18), монголоидную (рис. 19) и смешанную [1935, с. 5]. Наконец, антрополог Г.Ф. Дебец, измерив собственным методом 27 отреставрированных масок, преимущественно с р. Уйбат (рис. 20), пришел к выводу, что они представляют смешение европеоидных и монголоидных черт. Запечатленные лица в целом ближе всего к уральскому типу и напоминают современных шорцев, барабинских татар, хакасов, обских угров [1941, с. 29]. Между тем, как указывалось, даже маски, вылепленные на лицах, но через покрывало, не всегда соответствуют антропологическому типу покойника, поэтому вопрос о степени “портретности” масок остается открытым.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Оглахтинский могильник // Сибирская жизнь: Приложение. – Красноярск, 1903а. – 16 нояб., № 249.
- Адрианов А.В.** Оглахтинский могильник // Сибирская жизнь: Приложение. – Красноярск, 1903б. – 3 нояб., № 254.
- Вадецкая Э.Б.** Малый таштыкский склеп на речке Дальняя Чая // КСИА. – 1981. – Вып. 167. – С. 59 – 65.
- Вадецкая Э.Б.** Мумии и погребальные куклы таштыкской культуры // КСИА. – 1986. – Вып. 186. – С. 33 – 41.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 236 – 246. – (Археология СССР).
- Вадецкая Э.Б.** Маски из таштыкских склепов. Некоторые аспекты технологии и семантики // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 98 – 106.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. – 438 с.
- Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С.** Технология изготовления масок из таштыкских склепов под горой Тепсей // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. 2. – С. 217 – 224.
- Вадецкая Э.Б., Протасов В.А.** Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 36 – 47.
- Горощенко К.И.** Курганные черепа Минусинского округа. – Минусинск: Б.и., 1900. – 40 с.
- Грязнов М.П.** Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89 – 146.
- Дебец Г.Ф.** Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры // Краткие сообщ. о науч. работах Института и Музея антропологии за 1938 – 1939 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 29.
- Киселев С.В.** Маски из древнейших чаа-тас // Изв. гос. музея им. Н.М. Мартянова. – Минусинск, 1935. – № 1(12). – С. 1 – 16.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Наука, 1949. – 362 с. – (МИА; № 9).
- Клеменц Д.А.** Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох: Атлас. – Томск: [Тип. “Сибирской газеты”], 1886. – 13 табл.
- Коваленко Т.** Реставрация гипсовых погребальных масок // АСГЭ. – 1972. – Вып. 35. – С. 78 – 79.
- Кызласов Л.Р.** Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад // Наука и жизнь. – 1969. – № 2. – С. 93 – 96.
- Липский А.Н.** Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии // Краевед. сборник. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1956. – С. 11 – 92.
- Маски погребальные** // Большая советская энцикл. – 1974. – Т. 15. – С. 438.
- Медникова М.Б.** Трепанация у древних народов Евразии. – М.: Науч. мир, 2001. – 303 с.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии России. – Л.: Русский музей, 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 6 – 62.
- Kyslowsky L.** Das Grabmal am Jenissej // Ideen des exakten Wissens. – 1971. – N 8. – S. 517 – 522.

Материал поступил в редколлегию 11.11.03 г.

УДК 903.2:391

А.Ю. Борисенко¹, Ю.С. Худяков²¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aborisenko@ngs.ru²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@ngs.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ЭДИГАН В ГОРНОМ АЛТАЕ

Введение

Головные уборы являются важной частью традиционного этнографического костюма кочевых народов Центральной Азии. Обозначая принадлежность владельца к определенной этнической, социальной и половозрастной группе, они выполняли важную этнодифференцирующую и социально знаковую функции. Однако в археологических памятниках культур древних и средневековых кочевников Горного Алтая головные уборы, изготовленные из органических материалов, в т.ч. ткани, кожи или войлока, сохраняются очень редко. Исключением следует считать курганы пазырыкской культуры, в которых подкурганная мерзлота уберегла от порчи мужские и женские головные уборы, прически и украшения [Руденко, 1960, с. 210; Полосьмак, 1994, с. 40 – 43; 2001, с. 143 – 163; Кубарев, 1987, с. 86 – 87, 94 – 100].

В памятниках кочевников культуры хуннского времени в Горном Алтае предметы, относящиеся к головному убору, встречаются нечасто. Серия таких находок была получена при раскопках могильника Усть-Эдиган. Этот памятник расположен на высокой террасе правого берега р. Катунь в 3 км к югу от устья р. Эдиган, к западу от дороги Чемал – Куюс, в 8 км от с. Куюс (Чемальский р-н Республики Алтай). Раскопки могильника начались в 1988 г. [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 120]. В течение семи полевых сезонов (1988 – 1994 гг.) на памятнике было раскопано более сотни курганов, могил

и поминальных сооружений. Большая их часть (ок. 80 объектов) относится к I – II вв. н.э. Среди раскопанных захоронений есть совершенные по обряду ингумации погребения взрослых мужчин и женщин в сопровождении верхового коня, одиночные захоронения взрослых, подростков и детей. По характерным особенностям над- и внутримогильных сооружений, погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря эти захоронения могут быть отнесены к булан-кобинской культуре и датированы I – II вв. н.э. [Худяков, 1991а, с. 66]. В женских погребениях на могильнике Усть-Эдиган обнаружены украшения, относящиеся к головным уборам. В одном захоронении зафиксированы фрагменты шапочки из войлока и накидки шелковой ткани. Благодаря этим находкам имеется возможность реконструировать форму головных уборов кочевников Горного Алтая хуннского времени.

Описание находок

В одиночном женском захоронении в каменном ящике в кург. № 10, раскопанном в 1989 г., благодаря сложенному в два слоя перекрытию из плотно подогнанных каменных плит в образовавшейся полой камере, не заполненной землей, сохранились подвергшиеся процессу естественной мумификации тело погребенной, одежда, головной убор и утварь из кожи, дерева и обожженной глины [Худяков, 1991б, с. 63; 1992, с. 120 – 121; Chudjakov, 1997, S. 589]. Головной убор

Рис. 1. Головной убор из кург. № 10.

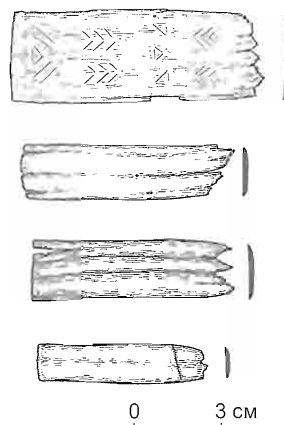

Рис. 2. Деревянные пластины от головного убора из кург. № 10.

представлял собой сферическую шапочку, изготовленную из черного войлока. Достаточно хорошо сохранились ее налобная, теменная и затылочная части. Шапочка должна была плотно облегать голову. Ее край над глазами и бровями с помощью толстой крученой нити обшит узкой полоской светло-зеленого шелка шириной ок. 3 см. К поверхности в теменной части головного убора крепились две узкие и одна широкая деревянные пластинки с парными сквозными отверстиями. Одна пластина, представленная фрагментом длиной 8,5 см и шириной 3 см, была закреплена вертикально между двумя пластинками, горизонтально пришитыми через отверстия к головному убору. От этих двух пластинок сохранились фрагмен-

ты длиной 7 см и шириной 2 см. На правой стороне вертикальной пластины вырезан геометрический орнамент из треугольников и ломаных линий. Справа к ней была пришита прямоугольная полоса золотой фольги длиной 10 см и шириной 3,5 см с загнутыми краями и тремя парами отверстий. Полоса украшена тисненым геометрическим орнаментом. Орнаментальное поле составлено из трех прямоугольников, в каждом из которых заключено три неравных треугольника, и двух квадратов, заполненных вертикальными ломаными зигзагообразными линиями (рис. 1 – 4).

В набор украшений головного убора входили золотой выпуклый фалар диаметром 2,8 см с двумя отверстиями для пришивания и 12 бляшек. Фалар офор-

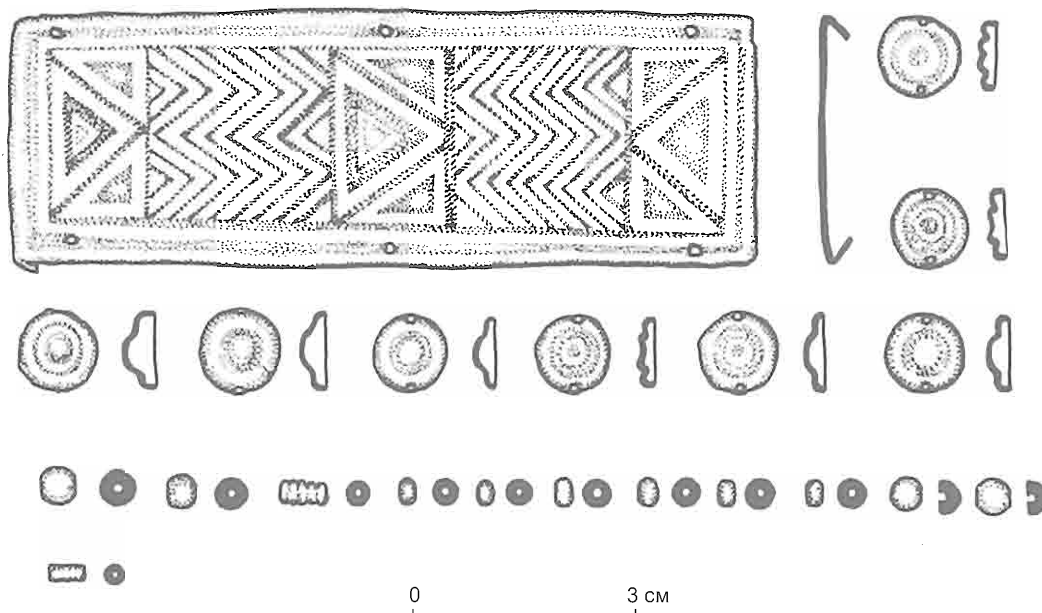

Рис. 3. Украшения головного убора и бусины из кург. № 10.

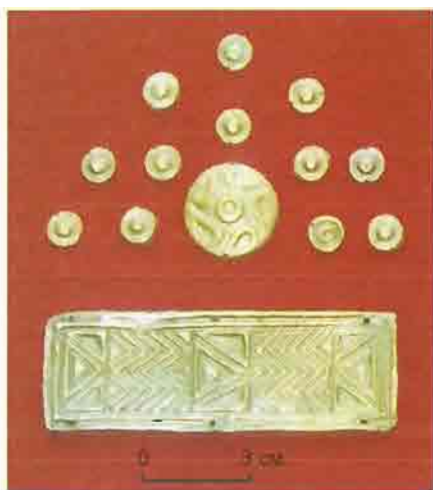

Рис. 4. Орнаментированная пластина, фалар и бляшки из кург. № 10.

Рис. 5. Орнаментированная пластина и бляшки из кург. № 35.

млен тисненым вихревым орнаментом в виде звезды с пятью загнутыми вправо лучами и пятью миндалевидными вдавлениями между ними (см. рис. 4). Полусферические бляшки диаметром ок. 1 см выполнены из золотой фольги. На каждой из них в центре имеется округлый сферический выступ, вокруг него — углубление и кольцевой бортик с парой радиально расположенных сквозных отверстий.

На голову женщины, погребенной в кург. № 10, была наброшена шелковая накладка светло-желтого цвета. Она закрывала головной убор до его налобной части, но с правой стороны была сдвинута назад так, что была видна вертикальная пластина, покрытая орнаментированной золотой фольгой (см. рис. 3, 4).

Украшения головного убора, подобные тем, что были зафиксированы в кург. № 10, обнаружены в одиночном женском захоронении в каменном ящике в кург. № 35, раскопанном в 1990 г. На дне могильной ямы рядом с черепом погребенной, подле темени, находилась полоса золотой фольги прямоугольной формы (длина 10,2 см и ширина 2,7 см) с загнутыми краями и тремя парами отверстий. Полоса украшена тисненым геометрическим орнаментом. Орнаментальное поле включает три прямоугольника, состоящих из трех неравных треугольников, и два квадрата, заполненных зигзагообразными линиями (рис. 5).

В состав украшений данного головного убора входило 12 полусферических бляшек диаметром ок. 1 см из золотой фольги. На бляшках в центре имеется округлый сферический выступ, вокруг него — углубление и кольцевой бортик с парой радиально расположенных сквозных отверстий для пришивания. На четырех бляшках вместо сферического выступа сделано округлое отверстие диаметром 0,3 – 0,5 см. В наборе украшений головного убора из погребения в кург. № 35 не было фалара.

В женском погребении с конем в грунтовой могиле в кург. № 86, раскопанном в 1993 г., зафиксированы остатки кожного головного убора с бронзовыми украшениями [Худяков, 1994]. В районе теменной части черепа погребенной были найдены три бронзовые прямоугольные пластины с тремя парами сквозных отверстий для пришивания. Длина первой пластины 11,7 см, ширина — 3,5 см. Пластина украшена тисненым геометрическим орнаментом. Орнаментальное поле включает четыре квадрата, разделенных поперечными и продольными полосами в разном сочетании. В центре каждого квадрата имеется сферический округлый выступ с бортиком, напоминающий сферическую бляшку. Длина второй пластины 11,7 см, ширина — 3,6 см. Пластина украшена тисненым геометрическим орнаментом. Орнаментальное поле разделено на четыре квадрата, заполненных поперечными и продольными полосами, в центре каждого имеется сферический выступ, окаймленный бортиком. Кручеными нитями пластина пришита к обрывкам кожаных ремешков. Один из ремешков (длина 5,5 см, ширина 0,9 см) по долевым линиям был пришит к нижнему краю пластины, а другой, судя по обрывкам ремешка с округлой бронзовой бляшкой, — к верхнему краю. Третья пластина длиной 11,7 см и шириной 3,5 см украшена геометрическим орнаментом, составленным из четырех заполненных поперечными и продольными полосами квадратов со сферическим выступом, окаймленным бортиками, в центре. В отверстиях вдоль верхнего края пластины имеются крученые нити и обрывки кожи и материи от верхнего ремешка. Еще одна квадратная пластина с орнаментом в виде треугольников и зигзагов сохранилась не полностью. Она обрезана с трех сторон; орнаментальное поле повреждено (рис. 6).

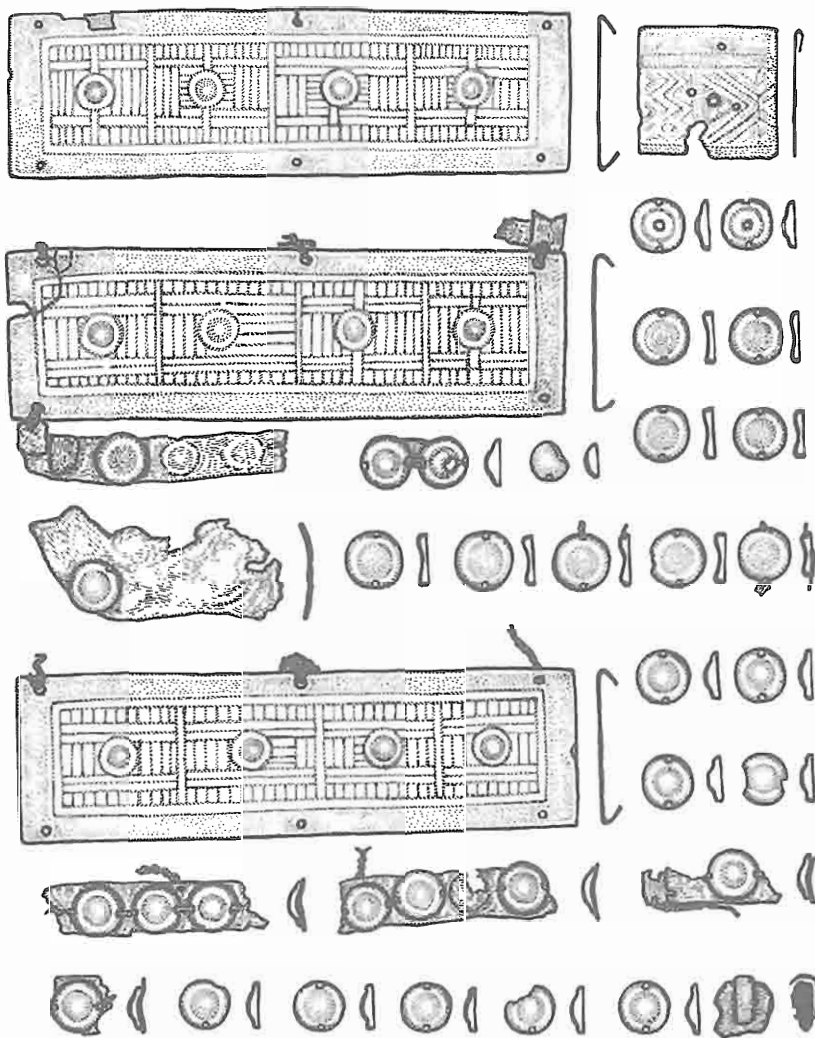

Рис. 6. Украшения головного убора из кург. № 86.

Головной убор был украшен многочисленными бронзовыми полусферическими и округлыми бляшками. В составе набора насчитывается не менее 85 бляшек и их обломков. Они несколько различаются по форме и размерам. Диаметр уплощенной округлой бляшки, пришитой через два сквозных отверстия к кожаной основе головного убора, 1,8 см. Имеется 12 бляшек (диаметр 1,1 – 1,2 см) округлых по форме, вогнутых в центральной части. Две бляшки (диаметр 0,8 – 0,9 см) округлые сферические. Остальные 70 бляшек диаметром ок. 1 см полусферической формы. У них в центре имеется округлый выступ, вокруг него – углубление и кольцевой бортик с парой радиально расположенных сквозных отверстий для пришивания. Не менее чем у 12 таких бляшек в центре сферического выступа сделано округлое сквозное отверстие (см. рис. 6).

На затылочной части черепа сохранился фрагмент выделанной кожи – часть основы головного

убора. На поверхность этого фрагмента рядами вплотную друг к другу были нашиты бронзовые полусферические бляшки. В одном ряду – бляшки обычные полусферические и с отверстием в центре. В некоторых местах одной крученой нитью через боковые отверстия соединены сразу две соседние бляшки (см. рис. 6).

Бронзовые украшения, принадлежавшие головному убору, были найдены в одиночном женском захоронении в грунтовой яме, обложенной валунами, в кург. № 88. Погребение раскопано в 1993 г. [Там же]. На дне могилы под лобной частью черепа погребенной обнаружена изогнутая бронзовая пластина с загнутым верхним краем. Она повреждена и разломана на несколько фрагментов. Края пластины обломаны. На нижнем крае сделано одно сквозное отверстие для крепления. Длина сохранившейся части пластины 10,6 см, ширина – 3,8 см. Внешняя поверхность пластины украшена геометрическим орнаментом. Орнаментальное поле включает пять квадратных фигур, заполненных поперечными и продольными полосами в разном сочетании. В центре каждо-

го квадрата имеются округлые сферические выступы, окаймленные бортиками. В состав украшений головного убора входил бронзовый выпуклый фалар диаметром 2,5 см с двумя отверстиями для пришивания по краям. Фалар оформлен вихревым орнаментом в виде четырехлучевой звезды с загнутыми вправо концами и миндалевидными вдавлениями между ними. Головной убор украшали 44 бронзовые полусферические бляшки. Бляшки диаметром ок. 1 см имеют округлый сферический выступ в центре, вокруг него – углубление и кольцевой бортик со сквозными отверстиями. На отдельных бляшках сохранились обрывки кожаных ремней. Вероятно, бляшки прикреплялись вплотную друг к другу. В наборе украшений имеется одна гофрированная бляшка квадратной формы с двумя полукруглыми выступами по краям, в которых сделаны сквозные округлые отверстия для пришивания (рис. 7).

Реконструкция головных уборов

Благодаря достаточно хорошей сохранности фрагментов головного убора из женского погребения в кург. № 10 могильника Усть-Эдиган имеется возможность реконструировать форму женских наголовий кочевников Горного Алтая хуннского времени, обитавших в среднем течении Катунь. Основу головного убора составляла сферическая войлочная шапочка, плотно облегавшая голову от бровей до затылка. Спереди ее край был обшит полосой светло-зеленой шелковой материи. Возможно, так же был обработан край по всему периметру шапочки, а она сама имела шелковую подкладку. На теменной части шапочки крепился деревянный гребень в виде прямоугольной пластины, которая устанавливалась вертикально по продольной оси головного убора (со лба на затылок). Гребень зажимался двумя горизонтальными пластинками, пришитыми к войлочному основанию шапочки. Его правую поверхность украшала золотая орнаментированная фольга. К войлочному основанию шапочки крепились золотые фалар и полусферические бляшки. Поскольку бляшки найдены не пришитыми к войлочному основанию шапочки, а на черепе, вокруг него и под ним, определить их точное местоположение на головном уборе непросто. Фалар мог размещаться в центре (в затылочной части шапочки), а полусферические бляшки – по обеим сторонам от него. Вероятнее всего, золотой фалар и бляшки из золотой фольги крепились непосредственно к войлочному основанию шапочки и эффектно выделялись на фоне черного войлока. Шелковая накидка светло-желтого цвета набрасывалась как вуаль поверх головного убора. Она, вероятно, спускалась до плеч женщины. Справа накидка откидывалась назад таким образом, что можно было видеть золотую пластину на гребне, а может быть, фалар и бляшки. Правая сторона головного убора в отличие от левой, закрытой накидкой, украшена более богато. Сами погребенные были положены в могилу на спине с приподнятым правым плечом; голова повернута так, что правая сторона обращена вверх (рис. 8, 1).

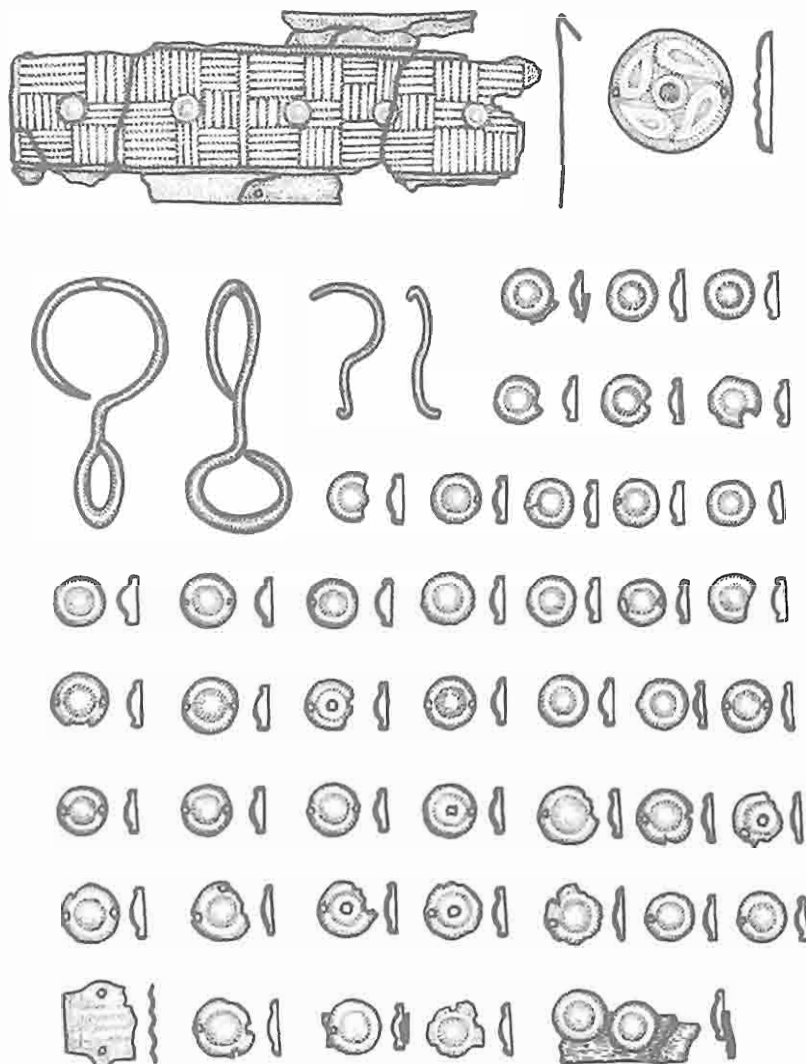

Рис. 7. Украшения головного убора из кург. № 88.

Вероятно, на женщине, погребенной в кург. № 35, был очень похожий головной убор. От него сохранились золотая орнаментированная пластина и полусферические бляшки. По орнаментации данная пластина аналогична пластине из кург. № 10. Обе крепились к гребню, вертикально установленному на теменной части головного убора. Особенность данного наголовья – отсутствие в наборе украшений золотого фалара.

Сходство с этими головными уборами по набору украшений имеет шапочка из женского погребения в кург. № 88. В его состав также входят прямоугольная пластина с геометрическим орнаментом, оформлявшая гребень, фалар с вихревым орнаментом и полусферические бляшки из бронзы. Шапочка из кург. № 88 отличается от пластины и фалара из кург. № 10 по орнаментации, а также по количеству бляшек (их почти в 4 раза больше, чем

в кург. № 10 и 35). Вероятно, некоторые бляшки использовались для украшения не только самой основы шапочки, но и узких ремешков. В составе набора есть также небольшая прямоугольная пластинка.

Женский головной убор из кург. № 86 весьма существенно отличается от шапочек из других курганов. В наборе его бронзовых украшений имеются три прямоугольные и одна квадратная пластина с геометрическим орнаментом и 85 бляшек разной формы. К двум прямоугольным пластинам нитями были пришиты узкие горизонтально расположенные кожаные ремешки с бляшками. Возможно, пластины нашивались на переднюю часть головного убора в следующей последовательности: по нижнему краю две прямоугольные пластины с ремешками и бляшками, выше них — одна прямоугольная, еще выше — одна квадратная. На сохранившейся затылочной части головного убора, изготовленного из выделанной кожи, были нашиты вплотную друг к другу ряды бронзовых бляшек (рис. 8, 2).

В других погребениях носителей булан-кобинской культуры на могильнике Усть-Эдиган прямоугольные пластины, служившие для украшения головных уборов, не обнаружены. В них найдены фалары с вихревым орнаментом и полусферические бляшки. Однако эти находки зафиксированы не только в области головы и шеи, но и груди, пояса, рук и ног погребенных женщин, мужчин, подростков и детей. Вероятно, эти фалары и бляшки могли служить для украшения головных уборов, а также одежды.

Происхождение, эволюция и семантика женских головных уборов номадов Горного Алтая хуннского времени

Женские головные уборы с характерным вертикальным гребнем в теменной части, орнаментированными пластинами, фаларами и бляшками, представляют собой оригинальный элемент этнографического облика носителей булан-кобинской культуры, обитавших на средней Катунь. Такие головные уборы или их украшения на территории Горного Алтая обнаружены А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым на могильнике Яломан II.

Головные уборы подобной формы, вероятно, восходят к головным уборам с высоким деревянным гребнем и зооморфным навершием на темени, бытовавшим у кочевников-пазырыкцев в скифское время. Впрочем, у пазырыкских номадов эти гребни имели совершенно иную форму и пропорции и входили в оформление мужских, а не женских наголовий [Кубарев, 1987, с. 99]. Но связь между этими уборами вполне возможна, поскольку между населением и культурой скифского и хуннского времени существовала непосредственная генетическая преемственность [Ким, 1988, с. 581].

Рис. 8. Реконструкция головных уборов.
1 — кург. № 10, 35, 88; 2 — кург. № 86.

Головной убор с тремя прямоугольными и одной квадратной бронзовыми пластинами спереди и с многочисленными бляшками сзади и с боков в пазырыкской и других культурах скифского времени в Саяно-Алтае прототипов или аналогов не имеет. По набору и оформлению некоторых украшений он сходен с коническим головным убором с накидкой, оформленным золотыми нашивными пластинами и полусферическими бляшками, из женского погр. № 3 на памятнике Тиллятепе в Северном Афганистане [Сарианиди, 1989, с. 70]. Полусферические бляшки и изделия, выполненные в полихромном стиле, широко известны как нашивные украшения одежды и головных уборов знатных кочевников, погребенных в этом некрополе. Такими бляшками наиболее часто декорировали свой костюм номады Горного Алтая в I – II вв. н.э. Некрополь Тялятепе В.И. Сарианиди связывает с кочевыми племенами юэчжей (по китайским) или тохаров (по другим источникам), которые, потерпев несколько поражений от хуннов, мигрировали в Среднюю Азию, сокрушили Греко-бактрийское царство и основали Кушанскую империю [Там же, с. 173 – 174]. Вполне возможно, распространение некоторых типов украшений у кочевников Саяно-Алтая в I – II вв. н.э. произошло под влиянием кочевников из южных районов Центральной Азии.

О назначении рассматриваемых женских головных уборов у номадов булан-кобинской культуры можно в какой-то мере судить по семантике изображений на украшениях и встречаемости таких наголовий в женских захоронениях на могильнике Усть-Эдиган. Од-

ним из широко распространенных символов на торовитке скифского и хуннского времени является вихревой орнамент. На фаларах из Усть-Эдигана встречается изображение этого орнаментального мотива в виде пяти- или четырехлучевой звезды с загнутыми концами и кругом в центре. Скорее всего, это изображение отражает движение по кругу и символизирует солнце или солнечный круг [Голан, 1994, с. 122]. Круговорот является универсальным образом циклического представления о времени и связи жизни и смерти. Золотой фалар в сочетании со сферическими и округлыми бляшками на фоне черного войлока, из которого была изготовлена шапочка женщины, погребенной в кург. № 10 на могильнике Усть-Эдиган, может символизировать солнце и звезды на небосводе.

Символика отдельных элементов орнамента на прямоугольных и квадратной пластинах (треугольники, зигзаги, перекрещивающиеся полосы в сочетании с кругом) многозначна. Она не может быть сведена к традиционным объяснениям, основанным на данных об использовании подобных изображений носителями неолитических раннеземледельческих культур. Вероятнее всего, значение этих знаков должно соответствовать символике таких украшений головного убора, как фалар и бляшки.

Вероятно, особый смысл имело расположение орнаментированной пластины на головном гребне с правой стороны. Это могло быть связано с представлениями о двойственности человеческой природы (наличие светлой, открытой и темной сторон), поэтому тело умершей было положено в могилу так, что пластинка гребня была обращена вверх.

Головные уборы с гребнем или несколькими пластинами, фаларами и бляшками, по нашему мнению, не являются частью специального погребального одеяния, поскольку обнаружены только в четырех женских захоронениях могильника. Курганы, в которых они находились, не отличались размерами и конструктивными особенностями от обычных, рядовых погребальных комплексов булан-кобинской культуры. Умершие женщины при жизни обладали, вероятно, каким-то особым статусом в кочевой общине, для которой могильник Усть-Эдиган служил кладбищем. Специфика погребального обряда и сопроводительного инвентаря не позволяет точно определить прижизненный социальный статус погребенной в кург. № 10.

Судя по найденным в двух захоронениях в центральной части и на периферии могильного поля украшениям головных уборов, на кладбище были похоронены представители нескольких поколений кочевой общины. По планиграфии могильника можно установить, что могильник Усть-Эдиган начал функционировать в период позднего этапа пазырык-

ской культуры. Первые захоронения были сделаны в центральной части в кург. № 60 и 74; со временем количество погребений увеличилось, могилы, примыкавшие вплотную друг к другу полами насыпей, образовали ряды [Худяков, 1998, с. 100]. Исходя из этого планиграфического наблюдения, можно предположить, что захоронения в кург. № 86 и 88, находящиеся на юго-восточной окраине могильного поля, были совершены позже, чем в кург. № 10 и 35. Следовательно, различия в оформлении головных уборов в этих двух группах женских захоронений являются результатом эволюционных изменений.

Одно из самых существенных проявлений этой эволюции связано с тем, что элементы декора на головных уборах стали делать не из золота, а из бронзы. В периферийных захоронениях могильника зафиксировано значительно больше собственно украшений, чем в центральных. Произошла своеобразная замена качества украшений их количеством. Еще одним очень существенным изменением можно считать трансформацию самой формы головного убора. Вместо сферической шапочки с гребнем стали носить конический кулах с четырьмя пластинами и многочисленными бляшками. Орнаментация бронзовых пластин претерпела больше изменений, чем золотых.

Отмеченные выше новации в оформлении головных уборов могли возникнуть по разным причинам. Вполне возможно, что за период функционирования могильника Усть-Эдиган изменился статус не только женщин, имевших право носить головные уборы с гребнем, но и всего родоплеменного коллектива усть-эдиганских номадов в этнополитической системе кочевых племен, которые были носителями булан-кобинской археологической культуры.

Появление у одной из погребенных женщин конического головного убора, выделяющегося по форме, количеству и принципу расположения украшений, можно считать свидетельством установления культурных связей кочевников Горного Алтая с номадами из южных районов Центральной Азии и опосредованного влияния тохаров или кушан, хотя не исключено, что этот факт связан с более широкими изменениями в облике женского костюма в кочевом мире в первые века новой эры.

Заключение

В обществе кочевников пазырыкской культуры, непосредственных этнических предков номадов Горного Алтая хуннского времени, существовали две группы женщин, занимавших высокое социальное положение – воительницы-амазонки и служительницы культа – жрицы, шаманки, прорицательницы [Полось-

мак, 2001, с. 275 – 281]. В раскопанных на могильнике Усть-Эдиган погребениях женщин, в которых найдены головные уборы с гребнями и другими украшениями, отсутствовало оружие или какие-либо предметы, связанные с отправлением жреческих функций. В них обнаружены многочисленные и разнообразные золотые и бронзовые серьги, бусы из полудрагоценных камней и цветного стекла, обломки бронзовых зеркал, керамические сосуды, пряслица, кости барана – остатки заупокойной пищи. В погребении кург. № 10 могильника Усть-Эдиган на мумифицированном теле умершей сохранились остатки шерстяной нательной и шелковой верхней одежды, роговой орнаментированный гребень и кожаный мешочек с красноватым красителем. В могиле помимо керамического сосуда находились деревянная чаша с боковой ручкой, в которой сохранилось высохшее мясо барана, железный нож с деревянной рукояткой, деревянная палочка, приостренная с обоих концов, и кожаная чашка [Худяков, 1991б, с. 64 – 65]. Такие находки, за исключением изделий, изготовленных из органических материалов, встречаются в большей части женских захоронений на могильнике Усть-Эдиган. Поэтому определить, отличались ли по роду занятий женщины, погребенные в кург. № 10, 35, 86, 88, от остальных, достаточно сложно. Вполне возможно, что они были женами старейшин родоплеменной группы кочевников – представителей булан-кобинской культуры, обитавших в среднем течении Катуни. Учитывая это, рассмотренные выше головные уборы можно считать отличительным признаком замужних женщин, занимавших более высокое, чем рядовые кочевницы, социальное положение. Похожий конический головной убор с накидкой и золотыми украшениями, обнаруженный в некрополе Тиллятепе, принадлежал представительнице высшей кочевой знати [Сарианиди, 1989, с. 70]. Усть-эдиганские женские головные уборы демонстрируют стремление родовой знати кочевников Горного Алтая хуннского времени отличаться от своих рядовых соплеменников головным убором, набором украшений и костюмом.

Список литературы

- Голан А.** Миф и символ: 2-е изд. – М.: РУССЛИТ, 1994. – 375 с.
- Ким А.Р.** Расогенетические связи населения Горного Алтая I тыс. н.э. // Тюркология-88: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюрколог. конф. – Фрунзе: Илим, 1988. – С. 581 – 582.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стереющие золото грифы” (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: ВО “Наука”, 1994. – 125 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 351 с.
- Сарианиди В.И.** Храм и некрополь Тиллятепе. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
- Худяков Ю.С.** Новый памятник хуннского времени в Горном Алтае // Информ. бюл. Междунар. Асс. по изучению культур Центральной Азии. – М.: Наука, 1991а. – Вып. 18. – С. 60 – 67.
- Худяков Ю.С.** Мумифицированное погребение хуннского времени из Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер.: История, филология и философия. – 1991б. – Вып. 2. – С. 60 – 66.
- Худяков Ю.С.** Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы, 1992. – С. 118 – 135.
- Худяков Ю.С.** Археологические исследования на Катуни // Археологические открытия 1993 года. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 190 – 191.
- Худяков Ю.С.** Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1998. – № 3. – С. 97 – 112.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В.** Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 95 – 150.
- Chudjakov J.S.** Hunnenzeitliche Tracht einer Nomaden aus dem Hochaltai // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – 1997. – Bd. 3 – S. 581 – 594.

Материал поступил в редколлегию 27.08.03 г.

УДК 903

Н.В. Полосьмак¹, В.А. Трунова²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: bronz@us.nsc.ru*²*Институт неорганической химии им. А.В. Николаева
пр. Академика Лаврентьева, 3, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: valna@mail.nsk.ru*

ВОЛОСЫ ИЗ ПАЗЫРЫКСКИХ МОГИЛ (рентгенофлуоресцентный анализ с использованием синхротронного излучения)

Введение

В 1990-х гг. на плато Укок Республики Алтай археологами Института археологии и этнографии СО РАН были открыты “замерзшие” могилы, датируемые концом IV – началом III в. до н.э. [Полосьмак, 1994, 2001; Молодин, 2001]. Эти уникальные погребения относятся к пазырыкской культуре, ставшей широко известной благодаря феномену “замерзших” могил, суть которого заключается в том, что захоронения со всем содержимым, включая мумии людей и все предметы из органики, хорошо сохранились в толще образовавшегося древнего льда. Этому способствовали как суровые климатические условия Горного Алтая, так и особенности погребального обряда носителей исследуемой культуры: умерших хоронили в герметичных лиственничных склепах в плотно закрытых (забитых медными гвоздями или деревянными клиньями) лиственничных колодах. Заполнявшая в течение нескольких месяцев после погребения (в первой половине июня) лиственничные склепы вода (дожди и подпочвенные воды) быстро замерзала, поскольку погребения располагались на слое вечной мерзлоты. Это гарантировало относительную стерильность комплексов: в них уже ничто не могло попасть извне после того, как в погребении образовался лед. По данным патологоанатомов, например, мумия из кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, что-

бы сохраниться в том виде, в котором она была извлечена из колоды, должна была замерзнуть в первую же зиму после погребения и никогда с тех пор не оттаивать.

В отличие от известных “царских” курганов, древние захоронения на Укоке не были потревожены грабителями, перед исследователями они предстали в почти первозданном виде. Среди массы поразительных находок, которые стали объектами междисциплинарных исследований, особо следует отметить сохранившиеся волосы и ногти погребенных людей, а также шерсть, хвосты и гривы захороненных вместе с ними лошадей.

С глубокой древности люди придавали особое значение волосам и ногтям. С ними связано много традиций*. Вокруг этих частичек человеческого тела сложилась целая мифология. Во многих традиционных культурах вычески волос и обрезки ногтей человек собирал всю жизнь, после смерти их нередко помещали с ним в могилу. Как показали археологические исследования, пазырыкцы Горного Алтая отчасти придерживались этой традиции – в их могилах находят собранные в мешочках пряди, обрезки во-

* Например, у алтайцев первую стрижку волос совершал дядя по материнской линии. Остриженные волосы он заворачивал в тряпочку и увозил с собой. И только после достижения ребенком семи лет дядя отдавал ему узелок с волосами и одаривал скотом [Дьяконова, 2001, с. 103].

лос и ногтей. Впервые такой мешочек обнаружил М.П. Грязнов в Первом Пазырыкском кургане. “Полностью сохранившийся узелок, – писал он, – представлял собой лоскуток кожи с завернутым в него пучком волос, возможно человеческих, завязанный тонким ремешком” [1950, с. 22]. С.И. Руденко нашел во Втором Пазырыкском кургане кожаный мешочек с зашитыми в нем черными волосами, треугольный лоскут темного войлока с зашитым в него пучком волос и миниатюрный овальный кожаный кошелек с обрезками ногтей, который был завернут в лоскут кожи и прошит шерстяной ниткой [Руденко, 1953, с. 335 – 336]. Много лет спустя на плато Укок в кург. 1 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В.И. Молодина) в погребении рядового мужчины археологи обнаружили толстый мягкий темный войлок, свернутый в небольшой узелок, который был затянут кожаным шнурком. В узелке находились ровно отрезанные короткие пряди темно-русых волос, обрезки ногтей, скатанные в комок волосы и несколько шерстяных веревочек.

С.И. Руденко отмечал, что сохранение прядей волос и ногтей, а также их присутствие в погребениях связано с вполне определенными анимистическими представлениями. “Достаточно овладеть волосами или ногтями данного человека, – писал он, – чтобы получить власть над его душой, чтобы влиять на жизнь этого человека. <...> С другой стороны, и из веры в бессмертие, в продолжение жизни в загробном мире вытекает необходимость сохранить не только тело, но и части его, волосы и ногти” [1953, с. 336]. Таким образом исследователь обозначил причины, по которым пучки волос и обрезки ногтей, зашитые в специальные мешочки и кошельки, могли попасть в могилы пазырыкцев. “Представление о том, что человека можно околдовать с помощью прядей его волос, обрезков ногтей или какой-то другой части его тела, распространено едва ли не по всему миру... Это суеверие покоится на общей идее симпатической связи, якобы существующей между человеком и тем, что когда-либо составляло часть его тела или с ним сколько-нибудь тесно соприкасалось”, – писал Дж. Дж. Фрезер [1980, с. 266].

Специально собранных обрезков волос и ногтей в пазырыкских погребениях найдено немного, вероятно, это то, что было срезано сразу после смерти человека, а не собрано за всю жизнь. Зашитая в мешочек прядь, возможно, имела особую ценность. Как отмечал Сушрута – автор древнеиндийского медицинского трактата, живший, по-видимому, в IV в. в Бенаресе (Индия), «на голове, около макушки, находится соединение “шира” (артерии) и “сандхи” (нервного узла). Здесь, на темени, находится жизненная точка, называемая “адхипати” (“владыка”). Всякое повреждение этой части вызы-

вает мгновенную смерть» [Пандей, 1990, с. 105]. Таким образом, сохранение волос этого жизненно важного места служило цели его защиты [Там же, с. 105]. Одним из примеров широкого бытования подобных представлений являются традиционные прически восточных хантов: на макушке у них оставалась прядь длинных волос – “на счастье” [Лукина, 1985, с. 227]. Т. Молданова пишет, что ей известны двое мужчин (с рек Казым и Тромъеган), которые и по сей день носят подобную прядь на макушке, считая, что этот пучок волос помогает им поддерживать связь с духами-охранителями [2001, с. 59].

Зачем состригали ногти у умершего? Одно из объяснений также можно найти в традиционной культуре хантов. По их представлениям, ногти опасны тем, что ими можно “отцарапать” у человека “душу” *ис.* «Нельзя разрешать прикасаться к себе ногтями (когтями), но если сам владеешь ими, то с их помощью можно “отцарапать” себе нечто необходимое... Кроме защитной функции, они (ногти. – Н.П.) способны принести удачу» [Там же, с. 59 – 60].

Упакованные в мешочки волосы и ногти, обнаруженные в “царских” курганах, могли принадлежать тем людям, в чьих могилах их нашли; возможно также, они являлись талисманами, оберегами уважаемых предков или использовались во вредоносной магии, если принадлежали врагам. Как отмечал Дж. Дж. Фрезер, кто имеет у себя чьи-то волосы, может управлять их владельцем, как ему захочется. “...Всякий, – писал он, – кто ими завладевает, может с их помощью заручиться хорошим отношением к себе со стороны их бывшего хозяина” [1980, с. 267]. Допустимо также, что в погребение были положены детские волосы первой стрижки умершего человека. Уже в ведийский период стрижка (чудакарана)*, которая проводилась на третьем году жизни ребенка, была религиозной церемонией, сопровождаемой распеванием ведийских стихов и пожеланиями долгой жизни, благополучия, доблести и потомства [Пандей, 1990, с. 100]. Любопытно, что срезанные волосы или прятали в бычий навоз в коровнике, или бросали в маленький водоем, или закапывали в лесу, или клали на

* Почти повсеместно в традиционных обществах первая и последующие стрижки, совершавшиеся в детском возрасте, имели очень важное значение как зрительно обозначенные этапы социализации ребенка. Например, у туркмен на втором году жизни либо в три года для ребенка было принято устраивать *сач той* – “праздник волос” [Ботяков, Ботякова, 1998, с. 71]. Со срезанными или сбритыми волосами поступали в соответствии с определенными правилами. Туркмены первые волосы младенца использовали как оберег, пряди срезанных волос пришивали к одежде первого ребенка, верблюжьей накидке, приготовленной к свадьбе, как амулет, охраняющий невесту [Там же, с. 71].

связку священной травы в целях защиты от враждебных сил. Коровий навоз, по представлениям индийцев, обладал священной очищающей силой [Там же, с. 243 – 244, 246]. Прядки волос из узелка, обнаруженного в погребении мужчины в кург. 1 могильника Верх-Кальджин-2, также были спрятаны в навозе; его сохшиеся остатки сохранились в узелке вместе с волосами. У современных индийцев срезание волос и ногтей покойника, которые закапывают в ямку рядом с погребальным костром, входит в обряд очищения умершего [Там же, 1999, с. 199].

Исследование микроэлементного состава

Современная наука, как и древние, волосы и ногти человека считает источником важной информации*. Волосы, как никакой другой биологический субстрат, отражают процессы, годами протекающие в нашем организме. Концентрация всех химических элементов в волосах многократно выше, чем в привычных для анализа жидкостях – крови и моче. Содержание микроэлементов в волосах отражает микроэлементный статус организма в целом, и пробы волос являются интегральным показателем минерального обмена.

Исследование проводилось с целью определения содержания микроэлементов в составе волос представителей пазырыкской культуры, живших ок. 2,5 тыс. л.н. на плато Укок, чтобы на основании полученных данных составить представление о состоянии организма на момент смерти. Главное внимание было сосредоточено на т.н. жизненно важных (или, как их еще называют, жизненно необходимых) микроэлементах. Уже из названия последних понятно, что речь идет о тех микроэлементах, при отсутствии и недостатке которых, равно как и переизбытке, нарушается нормальная жизнедеятельность организма. Для организма человека определенно установлена роль ок. 30 химических элементов, без которых он не может нормально существовать (Кукушкин Ю.Н. Химические элементы в организме человека // www.alhimik.ru/kunst/mans_elem.html).

Исследовались волосы из причесок погребенных в кург. 1 и 2 могильника Ак-Алаха-1 (мужчина-1, женщина и ребенок) и кургане Кутургунтас (мужчина-2). Волосы из прически мумии мужчины из кург. 3 могильника Верх-Кальджин-2 и из парика мумии женщи-

ны из кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 не использовались, поскольку первый подвергся специальной обработке в целях консервации, и его волосы, как и тело, пропитаны консервирующим составом, а женский парик был изготовлен из конского волоса. Следует отметить, что на результатах анализа волос в данном случае не могли сказаться какие-то не известные нам геохимические особенности среды обитания пазырыкцев Укока, поскольку они не проявились и ранее, когда и с другими целями было проведено сканирование кожи мумии женщины из кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, а также определен элементный состав вещества, формировавшего ее парик [Малахов и др., 2001, с. 162 – 170].

Исследования были выполнены методом рентгеновской флуоресценции с использованием синхротронного излучения (РФА-СИ) на станции элементного анализа в Сибирском центре синхротронного излучения Института ядерной физики СО РАН на установке ВЭПП-3. РФА-СИ метод является инструментальным, не разрушающим образец; он основан на использовании синхротронного излучения как источника первичного возбуждения. Параметры РФА-СИ станции следующие [Trounova et al., 1998, p. 532 – 536]: энергия возбуждения 3 – 46 кэВ; детектор Si (Li) 130 эВ разрешение; время измерения 100 – 1500 с; определяемые элементы: S, K, Ca, Sc, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, As, Se, Br, Rb, Y, Sr, Mo, Nb, Zr, I, Sn, Sb, Ba, La, Ce, Nd, Pr, Pb.

Пробоподготовка образцов осуществлялась в химически чистой комнате. Для очистки инструмента и упаковочного материала использовались реактивы марок ХЧ или ОСЧ. Образцы волос и шерсти перетирались в агатовой ступке. Стадия гомогенизации исходных проб занимала от 20 до 40 мин на одну пробу.

Исследуемый материал массой 20 – 25 мг при давлении 120 – 150 кг/см² спрессовывался в таблетки диаметром 8 мм в специально сконструированной пресс-форме. Все образцы запаковывались между майларовыми (maylar) пленками (каждая толщиной 2,5 мкм), которые заправлялись в ребристые фторопластовые кольца. Измерение образцов проводилось при разных энергиях возбуждения – 13, 23 и 44 кэВ. В качестве образцов сравнения были использованы международные биологические стандарты: NIES № 5 (волос человека), NIST № 1566 (ткань устрицы), NIST № 1577 (бычья печень).

Обсуждение результатов

Проанализированные нами образцы волос и ногтей дают информацию о концентрации следующих элементов: S, K, Ca, Sc, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, Se, Br, Rb, Y, Sr, Mo, Nb, Zr, I, Pb.

* Измерение изотопного состава человеческих тканей, в т.ч. волос, объективно является количественным методом изучения палеодиет. Исследование волос мужчины из кург. 3 и женщины из кург. 2 могильника Верх-Кальджин-2 показало, что в рационе пазырыкцев и тех, кто жил на территории Укока следом за ними, присутствовала рыба, пища, не совсем обычная для скотоводов [О'Коннэлл, 2001, с. 234 – 237; O'Connell, Levine, Hedges, 2003, p. 253 – 269].

Для сравнения величин концентраций микроэлементов в волосах людей разных эпох приводятся данные содержания этих микроэлементов для современного населения (табл. 1). Величины значений концентраций для меди и цинка характерны для населения разных стран, но отношение между этими элементами у всех остается примерно одинаковым, и во всех случаях цинка во много раз больше, чем меди. Для селена, брома и марганца показаны также средние величины концентраций, которые присущи современному человеку.

Сопоставление результатов анализа волос мальчика, женщины, двух мужчин из могильников Ак-Алаха-1 и Кутургунтас (табл. 2) и современных людей (см. табл. 1) показало, что величины концентраций таких элементов, как K, Ca, Ti, Cr, Mn, Fe, Cu, Sr, I, Pb, у первых намного больше. Величины концентраций S и Zn у пазырыкцев меньше, чем у наших современников.

Анализ содержания микроэлементов в ногтях выявил большие различия между людьми разных эпох: в образцах, взятых у пазырыкцев, концентрации Ti, Mn

и Fe значительно превосходят показатели современных популяций, Cu – несколько выше, а S и Zn – ниже (табл. 3).

В волосах древних лошадей установлены значительно более высокие, чем у современных животных, концентрации элементов Ti, Cr, Mn, Ca, Cu, Sr, Pb и особенно Fe, но S – у них меньше (табл. 4). По величине концентрации Zn волосы лошадей разных эпох почти не различаются.

Важно отметить существенную разницу в содержании Fe в организме людей и животных (рис. 1). У представителей древней эпохи концентрация Fe в десятки раз превосходит современные показатели. По-видимому, оно поступало из окружающей среды, в которой жили и питались люди и животные.

Проведенное исследование позволило проследить динамику величин, характеризующих соотношение элементов Cu и Zn в волосах людей и лошадей разных эпох (рис. 2). У лошадей эти величины изменялись мало. У погребенного мальчика концентрация меди в несколько раз завышена и близка к по-

Таблица 1. Концентрации микроэлементов в волосах современного населения разных стран* (средние значения), мг/кг

Элемент	Россия (n = 100)	Болгария (n = 36)	Англия (n = 65)	Кения (n = 71)	Нигерия (n = 100)
Cu	15	13	4	23	33
Zn	150	114	53	145	279
Se	0,5	1,4	1,0	Нет сведений	1,0
Br	4	1,6	4	15	140
Mn	3,5	75	3,3	44	12

* Данные по Болгарии, Англии, Кении, Нигерии – по: [Spyron et al., 2002], по России – подсчеты авторов.

Таблица 2. Микроэлементный состав волос людей, мг/кг*

Исследуемый	S	K	Ca	Ti	Cr	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Se	Br	Sr	Sn	I	La	Pb
Современный человек	38 000	34	728	22	1	5	225	2	16	169	0,8	4	2	1,5	3,5	1	6
Ребенок	18 273	180	4 067	78	10	92	1 467	3,4	112	166	0,4	2,0	23	1,8	28	5,9	8
Женщина	20 489	364	1 792	87	14	34	808	0,9	124	36	0,8	1,8	7	1,3	8	3,1	22
Мужчина-1	18 585	254	1 694	87	9	41	1 106	1,5	439	68	0,7	2,1	14	1,2	44	4,4	6
Мужчина-2	24 008	981	8 525	296	17	117	8 943	15	822	35	3	25	109	8	21	47	24

* Относительное стандартное отклонение $S_r = 3 - 25$ вес. %.

Таблица 3. Микроэлементный состав ногтей человека, мг/кг

Исследуемый	S	K	Ca	Ti	Cr	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Se	Br	Sr	Pb
Современный человек	30 500	71	1 640	17	1	0,4	55	1,3	7	174	0,7	3,8	1,6	4,5
Носитель пазырыкской культуры	11 300	147	1 170	53	4	43	660	1,4	16	55	0,6	4,0	17	5,3

* См. прим. к табл. 2.

Таблица 4. Микроэлементный состав волос из хвоста лошадей, мг/кг*

Лошадь	S	K	Ca	Ti	Cr	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Se	Br	Sr	Sn	I	La	Pb
Современная	28 000	250	1 305	22	0,8	3	68	3	13	139	0,3	25	2,3	3	3	3,5	3
Лошадь-1	12 412	517	2 837	135	28	81	2 241	9,0	39	173	0,4	3,7	24	3,5	4	12	38
Лошадь-2	13 288	487	4 460	119	13	48	1 362	14,6	40	225	0,4	4,4	44	53	5	7	63

* См. прим. к табл. 2.

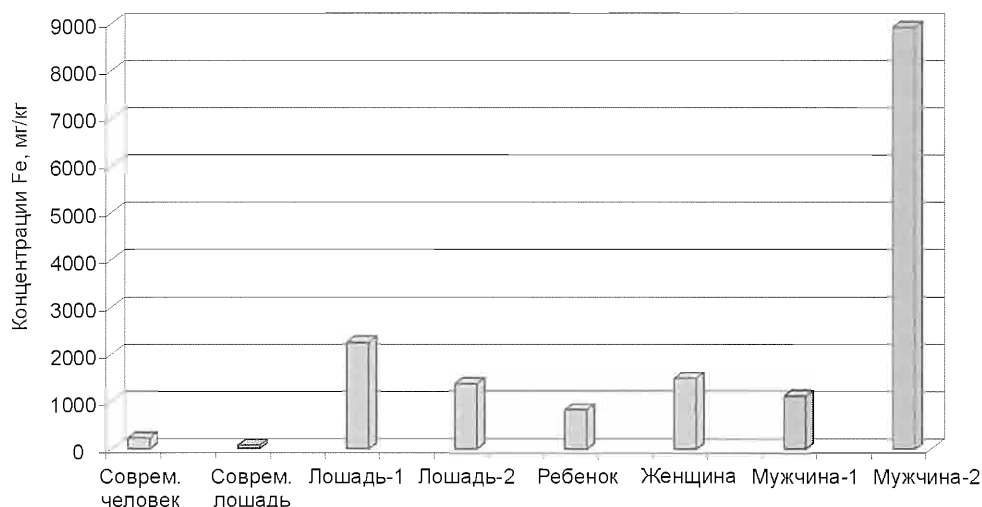

Рис. 1. Содержание Fe в волосах.

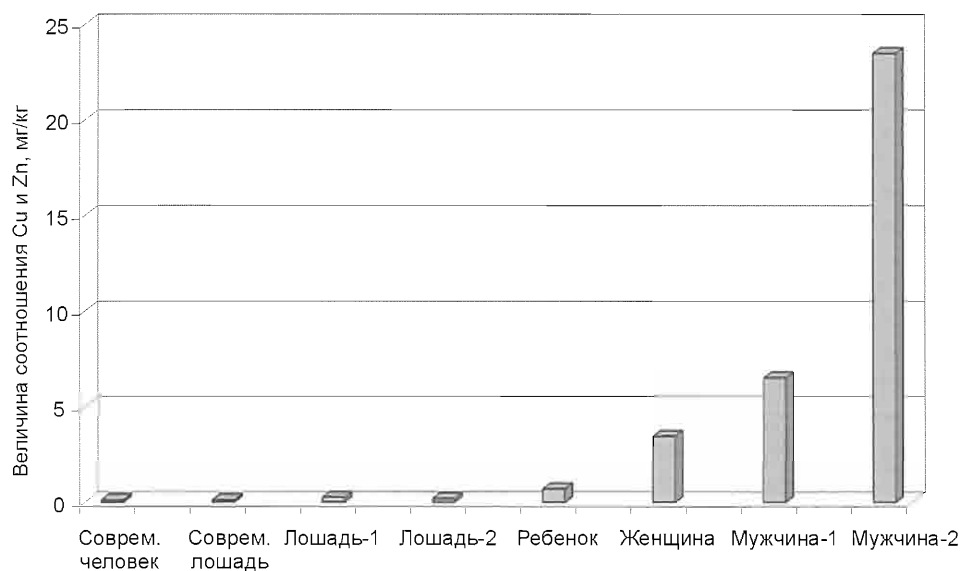

Рис. 2. Изменение соотношения Cu и Zn в волосах.

казателю концентрации цинка. Это должно было привести к грубому нарушению метаболизма в его организме. У женщины показатель Cu превосходит показатель Zn в 4 раза, у мужчин эта разница составляет более чем 20 раз.

Очень высокое содержание меди (за счет уменьшения цинка) в микроэлементном составе волос пазырыкцев нуждается в объяснении, поскольку эта явная аномалия отрицательно сказывалась на их здоровье. Об этом свидетельствует возраст погребенных:

мужчина из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 – 45 – 50 лет, женщина – ок. 16 лет, ребенок – 8 лет, мужчина из кургана могильника Кутургунтас – 30 – 40 лет.

Антагонизм между медью и цинком может играть важную роль в патологических процессах. Известно много заболеваний, связанных с нарушением баланса этих элементов в организме, который влечет сдвиги в обмене незаменимых жирных кислот. Физиологический антагонизм меди и цинка разыгрывается отчасти на уровне металлониона. Синтез данного белка индуцируют оба элемента, однако цинк более активен, а медь образует более прочные комплексы с указанным белком [Авцын и др., 1991, с. 140, 148].

Как могло произойти отравление людей медью? Первое объяснение – во время бронзолитейного производства. Среди находок в погребениях, как известно, есть немало вещей из бронзы и меди, изготовленных на Алтае, богатом полиметаллическими месторождениями. Но вряд ли это занятие, если оно, конечно, не было единственным у пазырыкцев и охватывавшим разные половозрастные группы, могло столь серьезно повлиять на здоровье всех. Известно, что пазырыкцы были скотоводами, и эта особенность нашла яркое отражение в погребальном обряде (для сравнения: обитатели поселений в районе медных рудников Каргалы (Урал) являлись тоже скотоводами, но их основным занятием была добыча меди – см.: [Черных, 1997]). Кроме самих изделий, бронзолитейное производство не оставило в культуре никаких иных следов – ни обломков литейных форм и тиглей, ни отходов в виде капель меди (бронзы), шлаков и т.п. Вместе с тем следует учитывать, что пазырыкская культура известна в основном по погребальным комплексам, в которых находки такого рода вряд ли возможны.

Второе объяснение причины постепенного отравления медью – постоянное использование в быту медной посуды. В настоящее время обращается внимание на то, что “в качестве источников возможного поступления меди и ее соединений в продукты питания и воду может служить используемая в пищевой промышленности и водоснабжении аппаратура, котлы, трубопроводы, изготовленные из медьсодержащих материалов” [Антонович, Подрушняк, Шуцкая, 1993]. Описано острое отравление 18 рабочих Ливерпуля, которые выпили чай, приготовленный на питьевой воде, содержавшей 44 мг/дм³ меди. Вода хранилась в медном чане [Там же]. Считается, что медные и бронзовые скифские котлы повсеместно использовались для варки мяса и приготовления напитков и были безопасны, поскольку “при нагревании основной карбонат меди разлагается на ряд неядовитых соединений. В результате на стенках посуды образуется неядовитый оксидный налет черного цвета, который никогда не нарушался в соответствии с древними

представлениями о ритуальной чистоте пищи и посуды” [Ермоленко, 1998, с. 114 – 115]. Медная посуда была известна пазырыкцам, но она не использовалась для приготовления пищи или питья. Конопля в обнаруженных во Втором Пазырыкском кургане небольшом котелке на поддоне с двумя ручками и на прямоугольном блюде-жаровне на четырех ножках (на сегодняшний день это вся известная в памятниках пазырыкской культуры медная посуда) подвергалась термической обработке, поскольку на дне этих емкостей находились потрескавшиеся от огня камни и обугленные семена растения; ручки курильницы-котла были обернуты берестой, “так как от раскаленных камней курильница, видимо, нагревалась до такой степени, что ее нельзя было взять за ручки голыми руками” [Руденко, 1953, с. 333 – 334]. Судя по всему комплексу предметов, обнаруженных в больших Пазырыкских курганах, эта церемония происходила так, как это описал Геродот: “Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия” (кн. IV, 75). Вместе со слабонаркотическим паром люди вдыхали соединения меди, которые образовывались в результате соприкосновения раскаленных камней с внутренней поверхностью посуды. Если подобные воскурения были обычаем у пазырыкцев (С.И. Руденко считал, что воскурение конопли практиковалось в быту и мужчинами, и женщинами), то в организме человека со временем возникал переизбыток меди. К каким последствиям для здоровья человека приводят подобного рода отравления, показали современные исследования. Вдыхание медной пыли или паров соединений меди вызывает “медную лихорадку”, которая проявляется в сильном ознобе, высокой температуре (до 39 °C), обильном потоотделении и судорогах в икроножных мышцах (Справочник по минералам // www.perpes.ru/hudo/sprav/mineral/hm). В ходе экспериментов, направленных на выявление степени токсичности и характера действия меди и ее соединений при ингаляционном поступлении в организм человека (т.е. в форме пыли, паров, аэрозолей), были отмечены изменения в дыхательной, пищеварительной, выделительной, нервной, иммунной системах организма. Известны также отрицательные последствия воздействия меди на слизистые оболочки и кожу. Например, у рабочих, испытывавших воздействие паров и пыли меди, начиналась лихорадка, которая продолжалась 24 – 48 ч и характеризовалась мышечными болями, сухостью во рту, горле, головной болью. Медь оказывает раздражающее действие на верхние дыхательные пути. У работающих с медью и ее солями отмечаются хронические ингаляци-

онные отравления. Они вызывают расстройство функций нервной системы, печени и почек, изъязвление и перфорацию носовой перегородки [Антонович, Порушняк, Щуцкая, 1999]. При концентрации меди в воздухе в пределах 3,7 – 9,4 мг/м³ у людей фиксируются церебральные ангионеврозы, снижение фагоцитарной активности лейкоцитов, бактерицидной способности сыворотки крови, увеличение содержания меди в волосах [Вредные вещества..., 1977, с. 330 – 336]. Избыток меди в организме приводит к нарушению психики и параличу некоторых органов (болезнь Вильсона). Таким образом, легкое наркотическое опьянение, достигаемое вдыханием паров конопля, усугублялось отравлением медью. Нарастание симптомов происходило постепенно. Вызывавшиеся вдыханием паров меди нарушения психики, расстройства функций нервной системы, лихорадка, сопровождавшиеся интенсивным потоотделением, высокой температурой и судорогами, существенно дополняли картину экзотического состояния людей. Справедливости ради следует отметить, что человеку причиняет вред лишь относительно высокая концентрация соединений меди. В малых дозах соединения применяют как вяжущее и бактериостатное (задерживающее рост и размножение бактерий) средство (Кукушкин Ю.Н. Химические элементы в организме человека // [www/alhimik.ru/kunst/mans_elem.html](http://www.alhimik.ru/kunst/mans_elem.html)). Усиливающийся из-за возрастания количества меди дефицит цинка мог способствовать задержке роста, перевозбуждению нервной системы и быстрой утомляемости. В условиях нехватки цинка страдает кожа, отекают слизистые оболочки рта, пищевода, ослабляются и выпадают волосы. Недостаточность цинка может привести даже к бесплодию.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования можно предположить, что у пазырыкцев нередко случались отравления медью. Масштабы этого зависели от широты распространения у них традиции вдыхать конопляные или иные пары над медной посудой под покрывалом из войлока или кожи.

Судя по результатам анализа волос, дети меньше участвовали в “скифской бане” либо допускались к этому редко, поскольку в волосах мальчика (кург. 2, Ак-Алаха-1) соотношение концентраций меди и цинка около единицы, очевиден процесс начала отравления медью, которая вытесняет цинк. Нарушение отношений между жизненно важными элементами в организме человека является показателем состояния его здоровья, и это просматривается по результатам данного исследования волос, которое характеризует обстановку, образ жизни и обычаи пазырыкцев. О том, что это (медное) отравление никак не связано

со средой обитания, а только с человеческим фактором, могут свидетельствовать данные анализа шерсти лошадей, погребенных в ак-алахинских могильниках. Отношения концентраций меди и цинка в шерсти древних лошадей соответствует нормальным показателям отношения этих элементов в эпителиальных тканях и их производных современных живых организмов. А вода (бурого цвета), по-видимому, являлась источником высокого содержания железа в шерсти древних лошадей.

Анализ волос выявил у пазырыкцев более высокое, чем у современных людей, содержание многих микроэлементов. В данной работе мы постарались показать, что причиной нарушения метаболизма, которая могла привести к смертельному исходу, было значительное увеличение меди и как следствие – уменьшение концентрации цинка. Другие несоответствия в микроэлементном составе волос современных людей и пазырыкцев, живших более 2 тыс. л.н. в экологически чистых (?) горных долинах Алтая, еще ждут своего объяснения. Встает вопрос, может ли содержание ряда микроэлементов в составе волос древних людей, населявших, как предполагается, еще экологически чистую планету, быть, в некотором смысле, эталоном для современных исследователей или таким должны являться волосы здорового современного человека, на микроэлементном составе которых отразились все “достижения” постиндустриальной цивилизации? “В действительности, – писал В.И. Вернадский, – ни один живой организм в свободном состоянии на Земле не находится. Все эти организмы неразрывно и непрерывно связаны – прежде всего питанием и дыханием – с окружающей их материально-энергетической средой. Вне ее природных условий они существовать не могут” [2001, с. 339]. Возможно, анализ микроэлементного состава древних волос позволит определить не только патологии, но и концентрации и взаимоотношения микроэлементов в организме, более соответствующие понятию “здоровый человек”.

Список литературы

- Авцын А.П., Жаворонков А.А., Риш М.А., Строчкова Л.С. Микроэлементозы человека. – М.: Медицина, 1991. – 496 с.
- Антонович Е.А., Подрушняк А.Е., Щуцкая Т.А. Токсичность меди и ее соединений // Современные проблемы токсикологии. – 1999. – № 3. – 32 – 43.
- Ботяков Ю.М., Ботякова О.А. Раннее детство в представлениях, обычаях и обрядах туркмен // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – С. 51 – 84.
- Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Химическое строение биосферы земли и ее окружения. – М.: Наука, 2001. – С. 338 – 348.

- Вредные вещества** в промышленности. – Л.: Химия, 1977. – Т. 3. – С. 330 – 336.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 89 с.
- Дьяконова В.П.** Алтайцы. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. – 222 с.
- Ермоленко Л.Н.** О ритуальных сосудах для сакральных напитков у древних кочевников (сосуды на поддоне) // Вопросы археологии Казахстана. – 1998. – Вып. 2. – С. 110 – 117.
- Лукина Н.В.** Формирование материальной культуры хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 327 с.
- Малахов В.В., Власов А.А., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Краевская И.Л., Цыбуля С.В., Степанов В.Г.** Вещественный состав находок из “замерзших” захоронений пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 162 – 170.
- Молданова Т.** Архетипы в мире сновидений хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 352 с.
- Молодин В.И.** Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин-2 // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 86 – 119.
- О’Коннэлл Т.** Определение рациона питания пазырыкцев с помощью анализа изотопов углерода и азота // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 234 – 237.
- Пандей Р.Б.** Древнеиндийские домашние обряды. – М.: Высш. шк., 1990. – 313 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стерегиущие золото грифы”(ак-алахинские курганы). – Новосибирск: ВО “Наука”, 1994. – 122 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 335 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 387 с.
- Черных Е.Н.** Каргалы. Забытый мир. – М.: NOX, 1997. – 170 с.
- Фрезер Дж.Дж.** Золотая ветвь. – М.: Изд-во полит. лит., 1980. – 826 с.
- O’Connell T., Levine T.M., Hedges R.** The importance of fish in the diet of Central Eurasian peoples from the Mesolithic to the early iron age // Prehistoric steppe adaptation and the horse. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. – P. 253 – 269.
- Trounova V.A., Zolotarev K.V., Baryshev V.B., Phedorin M.A.** Analytical possibilities of SRXRF station at VEPP-3 SR source // Nuclear Instruments and Methods. – 1998. – Vol. A405. – P. 532 – 536.
- Spyrou N.M., Okanle O.A., Adans L.L., Beasley D., Butler C., Altaf W.** Book of Abstracts // 7th International Conference on Nuclear Analytical Methods in the Life Sciences (Antalya, 16 – 21 June 2002). – 2002. – P. 217.

Материал поступил в редколлегию 1.12.03 г.

УДК 904

Н.А. Хан

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: stepi@front.ru

ИСТОРИЯ ОДНОГО СОСУДА (к вопросу о денежном счете Древней Руси XIII века)

Введение

Гигантский потенциал меховых ресурсов северо-востока Европы нашел отражение в летописных памятниках, начиная с “Повести временных лет” [1999, с. 107 – 108, 245; 126 – 127, 265], а регулярность сбора дани, в частности, с Югры документируется летописным известием под 1193 г., где сообщается, что югорцы вынесли новгородцам положенную дань со словами: “Копимь серебро и соболей и ина узорочья...” (“Собираем серебро и соболей и другие меха...”) [Новгородская первая летопись..., с. 40]. В этих словах не только указывается состав дани, но и прямо говорится, что к выплате готовились заблаговременно и платили регулярно. Дань имела потребительское и сакрально-престижное значение [Фроянов, 1996, с. 502] и, естественно, в новгородской среде порождала слухи о сказочных богатствах Югры и Самояди. Именно отсюда происходят эффектные находки, в т.ч. и изделия византийской торевтики [Даркевич, 1975, с. 268, рис. 378; 1976, с. 54; Фёдорова, 1994, с. 64 – 66; Маршак, 1996, с. 6 – 44], входившие в состав дани [Хан, 2002, с. 285 – 287].

Постановка проблемы

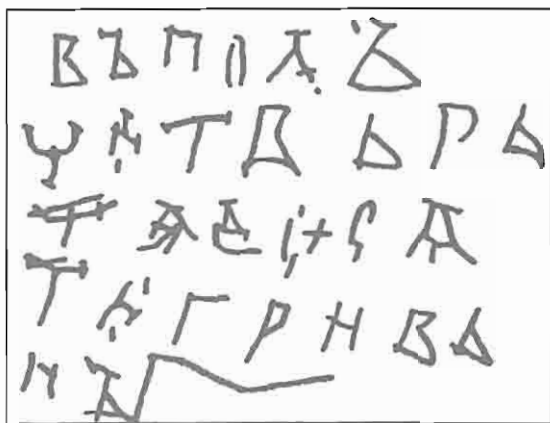
Начиная с работ Я.И. Смирнова, мировой науке стали известны случаи использования изделий торевтики (обнаружены на территории бассейнов рек Вятки и Камы) с надписями на греческом и восточных языках, с указанием их веса и стоимости, в качестве платежного средства. По-видимому, не будет большой ошибкой утверждать, что такие изделия несут двойную нагрузку. Имеется в виду культурная и финансо-

вая сферы, синтез двух начал в самом изделии торевтики как товаре, олицетворяющем собой стоимость. Стоимостное выражение, представленное в надписи на том или ином сосуде, должно было соответствовать его весу, быть может, с некоторыми оговорками, нечитаемыми в надписях. Поэтому практически всегда при изучении денежно-весовых норм той или иной эпохи исследователи выдвигают на первый план соответствие между стоимостью, указанной в надписи, и весом.

Изменение денежного счета Древней Руси в XIII в. по сравнению с таковым Русской правды, как известно, впервые установил выдающийся русский нумизмат Н.П. Бауэр на основании неточно датированного письменного источника – духовной (завещание) некоего Климента Новгородца [1940, с. 178, 198], относящейся примерно к 1270 г. В качестве одного из аргументов ученый привел серебряные платежные слитки, осуществив первое исследование в этой области и заложив тем самым основы отечественного слитковедения. В частности, он установил на актовом материале существование термина “рубль” с XIV в., и только сведения берестяных грамот, согласно академику В.Л. Янину, позволили удревнить зарождение рублевой системы [Янин, 1969 – 1970, с. 329].

Для изучения денежной культуры на территории Восточной Европы большое значение имеет привлечение эпиграфического материала, который, как показала М.П. Сотникова, посвятившая изучению данного вопроса специальное исследование, имеет самостоятельную источниковую ценность [1961, с. 44 – 61].

Сделав предварительные замечания, попытаемся в первом приближении выяснить стоимость одного изделия торевтики, найденного в Зауралье в м. Березове.

Прорисовка надписи на Березовской чаше
(по: [Медынцева, 2000]).

Березовская византийская чаша: вопросы метрологии

Византийская чаша середины XII в. имеет вес около 985 г [Даркевич, 1975, с. 77 – 99, 233, 266, 267, рис. 378; Bank, 1977, p. 312 – 313, fig. 215 – 217], поступление ее на рынок датируется, согласно новейшим палеографическим исследованиям, временем не позднее середины XIII в. [Медынцева, 2000, с. 117]. На чаше древнерусская надпись, означающая “тридцать пять гривен” (см. рисунок). Что подразумевается под словом “гривна” в данном случае: обозначение гривен серебра, кун, соболей? “Тридцать пять гривен не могут быть обозначением веса, так как она весит значительно меньше (около 980 г)”, – пишет А.А. Медынцева [Там же], имея в виду гривну серебра – слиток в 1/2 европейского фунта (204,756 г).

Если в надписи на березовской чаше речь идет о гривнах серебра, несоответствие цены и веса выглядит достаточно внушительным – 7 : 1. Если имеются в виду “гривны кун”, то при необходимости соотношение будет 1,705 : 1, данная величина следует из берестяной грамоты № 442, найденной в слоях первой половины XIII в., и, как явствует из анализа, проведенного А.М. Колызиным [2001, с. 53 – 54, 133], цена березовской чаши должна составлять 1750 г серебра. В случае, если в надписи речь идет о “гривнах соболей”, которые приравнивались к 20 шкуркам [Назаренко, 1996, с. 7 – 10, 70], изделие оценивалось в 700 соболей.

Наилучший соболь, по словам ал-Марвази, автора конца XI – начала XII в., водился на территории, занятой народом Йура [Заходер, 1962, с. 114 – 115], а, по данным С. Герберштейна [1988, с. 131, 161], относящимся к первой половине XVI в., “самые черные соболя” были в Югре. Ареал добычи соболей в древности на территории Восточной Европы и Зауралья охватывал Подвинье и Приобье [Аристов, 1856, с. 3 – 5],

а согласно топонимии Вятской земли, где имеется населенный пункт с названием Соболи [Энциклопедия..., 2002, с. 507], южная граница ареала совпадает, по-видимому, с границей страны Вису, предположительно находившейся в пределах Вятско-Камского междуречья между 57 и 60° параллелями [Khan, 2002].

В 1159 г. киевский князь Ростислав одарил сына Святослава “соболи, горностайми, черными кунами, песцы, белыми волками, рыбьими зубы”. Н.Я. Аристов, который привел данное известие, считал, что это меха новгородской торговли и происходят они из Северо-Восточной Руси [1856, с. 4].

В новгородской берестяной грамоте № 722, стратиграфически датированной концом XII – первой половиной XIII в. (по данным внестратиграфического датирования – конец 1280-х – 1310-х гг., что предпочтительнее) стоимость соболя определяется в 4 гривны [Янин, Зализняк, 2000, с. 21]. В этой связи следует обратить внимание на вывод А.В. Назаренко, установившего на основании изучения ряда источников, где приводится стоимость соболя, “что в гривнах как в стандартных денежных единицах выражена стоимость определенного количества соболей” [1996, с. 7; 2001, с. 206].

Приведенные сведения позволяют провести несложные подсчеты, исходя из веса березовского сосуда, надписи на нем и стоимости соболя, указанной в берестяной грамоте.

Если на березовской чаше обозначена цена изделия торевтики в соболях, то их количество в данном случае составит 8,75 (35 : 4). Учитывая различное качество шкурок, а также возможность округления суммы в древности, будем считать количество соболей равным 9. Разделив вес сосуда (985 г) на это число, мы получим вес четырех гривен – 109,44 г. Следовательно, стоимость соболя в XIII в. составляла около 109 г серебра, а гривна соответствовала 27,36 г.

Согласно исследованиям В.Л. Янина, основанным как на берестяных грамотах, так и на статье “А се бесшестие” (“О бесшестии”) Пространной редакции Русской правды [Приложение второе..., с. 498], изменение серебряного содержания в важнейших денежных единицах русского счета фиксируется на рубеже XII – XIII вв. [Янин, 1956, с. 44 – 48, 161]. Разбирая такой интересный источник XIII в., как духовную Климента Новгородца, Н.П. Бауэр также опирался на статью “А се бесшестие”. Называя ее вслед за В.О. Ключевским “бродячей”, нумизмат проявил осторожность в вопросе датировки этого документа, и только в современной специальной литературе он стал датироваться XIII в. [Российское законодательство..., 1984, с. 127], что находит прямое подтверждение в практике научных исследований [Янин, Зализняк, 2000, с. 46; Назаренко, 2001, с. 199, 207, 208], где статья является отправной точкой для изучения денежно-весовых норм Древней Руси.

Наши расчеты позволяют подтвердить мнение В.Л. Янина о том, что гривна, обозначенная в статье “А се бесщестие” Пространной редакции Русской правды, соответствует 27,3 г. Как будет показано ниже, данная статья фиксирует уже сложившиеся отношения в системе денежного счета.

Разница между фактическим весом, справедливо отождествляемым всеми исследователями, анализировавшими характеристики березовской чаши, с ценой, и его стоимостным выражением на данном платежном средстве составляет в терминах XIII в. одну гривну, т.е. 27,36 г $([985 - 27,3] : 35)$. Исходя из соотношения 1 : 36 (в гривнах) или 27,36 : 985 (в граммах) эта разница равна 2,77%.

Здесь нельзя не согласиться с А.А. Медынцевой, считавшей, что надпись обозначает не вес, а стоимость сосуда, который его владелец оценил в 35 гривен.

Березовская чаша – новый тип платежного средства

Рассматривая точность рычажных весов, А.В. Назаренко, ссылаясь на авторитетных западных нумизматов, отметил, что в IX – X вв. погрешность составляла 1% при взвешивании трехграммового предмета [Назаренко, 2001, с. 198]. Поэтому такие весы не применялись для определения веса драгоценных сосудов – их взвешивали, что называется, стационарно, а надписи делали “для памяти”. Объективно подобная надпись превращала слиток валютного металла, представленный в форме изделия торевтики, в платежное поручение с указанием количества денег (номиналов), стоимостного эквивалента. Интересно, что счетная гривна, установленная по данным березовской чаши, превышает теоретически рассчитанную на 0,06 г. Эта величина позволяет установить погрешность взвешивания в пределах 0,219%. Разницу в 0,05 г выявил В.Л. Янин у одной из гнездовских гирек, отличавшейся в меньшую сторону от теоретического веса 2,73 г (соотношение с гривной XIII в. 1 : 10) [Янин, 1956, с.181]. В этой связи заслуживает дальнейшего обсуждения пассаж Ибн Фадлана, который писал: “Весов там не имеют, а только стандартные бруски металла. Они (русы. – Н.Х.) совершают куплю-продажу посредством мерной чашки” (цит. по: [Ковалевский, 1956, с. 142]).

Наличие надписи, обозначающей стоимость, которая меньше фактической (ровно на одну гривну), наводит на мысль о ее передаточном характере, что находит объяснение в сфере обеспечения в отношениях займа, причем в денежной форме. Это позволяет отнести березовскую чашу к тому типу финансовых инструментов, которые в современном мире называют векселями, т.е. к платежным средствам,

обеспечивающим абсолютное и безусловное погашение долга [Экономическая энциклопедия, 1999, с. 102].

Попытку установить банковский процент в кредитном деле Древней Руси предпринял С.В. Белецкий. Рассматривая проблему соотношения таких источников, как пломбы дрогичинского типа и сведения араба из Гренады Абу Хаида ал-Гарнати, он показал, что при опечатывании стертых шкурок на специально отведенных местах – рынках денежники получали банковский процент, составлявший 5,6 [Белецкий, Посвятенко, 1994, с. 3 – 5].

Попытаемся обрисовать денежную ситуацию, связанную с введением в обращение конкретного нумизматического артефакта – чаши из Березова с надписью “тридцать пять гривен”. При этом приведем соответствующие параллели.

На блюде с изображением Шапура II (309 – 379) из шахаровского клада (Пермская обл.) две надписи – среднеперсидская и согдийская [Лившиц, Луконин, 1964, с. 164, № 10; 172, № 21], свидетельствующие о том, что первоначально изделия торевтики обращались именно в качестве денег. Очевидно их весьма длительное обращение в крупнооптовой торговле и, наверное, в рыночной среде на родине-эмитенте, и лишь затем они были, как представляется, доставлены в Прикамье. Подобная аналогия, казалось бы, упрощает нашу задачу. Согласно А.А. Медынцевой, надпись на березовской чаше выполнена почерком середины XII в. Первый обладатель этого финансового инструмента получал право распоряжаться разницей, равной 2,77% и соответствующей счетной гривне Пространной редакции Русской правды, по своему усмотрению – это был его банковский доход, т.е. надпись на березовском сосуде фиксирует отношения в системе расчетов, сложившиеся в Древней Руси на рубеже XII – XIII вв. Памятуя о том, что данное платежное средство изначально не являлось залогом, следует предположить его обратимость в товаро-деньги, т.е. указать на возможность обращения березовского сосуда в денежно-кредитной сфере Древней Руси (скорее всего, Новгорода)*. И лишь спустя некоторое время он поступил в Югору, где, конечно, был обменен сполна (поскольку ясно, что 109 г серебра за шкурку соболя – внутренние цены Древней Руси) на соболей числом, наверное, превышающим девять и, наконец, выпал из обращения в результате какого-либо сакрального действия в среде автохтонного населения. На это наталкивает наблю-

* Значительное число счетных, этикеточных и долговых бирок, свидетельствующих о ростовщичестве посадников, показывает, что новгородцы без труда могли взять товары, продукты или деньги в долг и часто использовали эту возможность в своих экономических нуждах [Ковалев, 2002, с. 48].

дение Н.А. Макарова, обратившего внимание на использование магических обрядов при зарытии кладов, происходящее в том случае, “когда обычные хозяйственные и бытовые операции казались недостаточно эффективными” [1981, с. 264].

Операции залога

Публикуя среднеперсидские и согдийские надписи VII – VIII вв. на художественной утвари в основном из бассейна Камы, В.А. Лившиц и В.Г. Луконин вслед за В.Б. Хеннингом сделали заключение, что надписи представляют собой стандартную формулу, содержащую имя (иногда и титул, а также имя отца) владельца и вес сосуда в драмах. Наиболее распространенные схемы формул: “собственность NN, вес..... драм”, или “вес драм..... собственность NN” [Лившиц, Луконин, 1964, с. 158].

На сосуде, найденном близ д. Кончика в 19 км от г. Кунгура Пермской обл., вырезана надпись “Государь Бухары dzwy”, а на сосуде из д. Нижнешахаровки той же области самаркандским письмом (согдийский алфавит) – “Хранитель печати VaYc”, причем это хронологически вторая запись, первая – пехлевийская, указывающая вес 230 драм [Там же, с. 165 – 166, № 15; с. 172, № 20]. Последний пример показывает, что сосуды были средством кредитно-денежного обращения в Центральной Азии достаточно долго, причем, если первая запись является передаточной, то вторая характеризует залоговую операцию.

Надписи, указывающие на принадлежность того или иного изделия торевтики конкретному лицу, следует отнести к разряду залоговых финансовых инструментов. При совершении подобных операций залогодатель и залогодержатель устанавливали каждый свою выгоду, оставшуюся, к сожалению, неизвестной исторической науке. Сосуды с надписями, указывающими как вес, так и имя собственника, представляют собой также залоговые денежные инструменты. При полном соответствии веса и стоимости залога они ценны тем, что позволили в настоящее время ученым судить о денежно-весовых нормах государств, их эмитировавших. Доход залогодержателя в этом случае остается также неизвестным. Конечно, обращение изделий торевтики в кредитно-денежной сфере происходило на родине-эмитенте, которая устанавливается палеографическими методами по надписям на сосудах.

Таким образом, сначала сосуды обращались на родине-эмитенте, а затем становились предметом дальней трансконтинентальной торговли. Есть основания полагать, что сосуды без передаточных и залоговых надписей не участвовали во внутреннем денежном обороте, а значит, именно они подтверждают слова В.П. Даркевича о том, что появление значительной части восточного, византийского серебра, платежных

слитков в Вятско-Камском ареале концентрации капитала “связано с арабским завоеванием Центральной Азии и Северо-Восточного Ирана” [Даркевич, 1976, с. 148; Фёдорова, 2002, с. 94 – 95].

Являясь залоговыми, надписи на сосудах с указанием имен собственников отражают не переход собственности, а временную утрату права ею распоряжаться. В том случае, если заложенные изделия торевтики не выкупались их владельцами, они становились отчуждаемым имуществом, свидетельствуя о ломбардных операциях на рынках их первоначального обращения, и поступали на внешний рынок.

Экономическая природа векселя не исключает использования византийской чаши в качестве залога для получения кредита в денежной или товарной форме.

Денежный счет по духовной Климента Новгородца

Первую попытку представить сумму долга Климента в весовом серебре осуществил Н.П. Бауэр [1940]. Духовная составлена около 1270 г., значит, завещатель использовал весовые нормы XIII в., известные по одной из дополнительных статей Пространной редакции Русской правды “А се бесчестие”: “а за гривну серебра пол осме гривен” (“а за гривну серебра 7,5 гривны”) [Российское законодательство..., 1984, с. 73; Приложение второе ..., с. 498].

Приведем полностью раскладку второй, меньшей части долга Климента (первая составила 20 гривен серебра): 8 гривен, 4 гривны, 2 гривны без 2 ногат, 13 ногат и 1 гривна, 5 гривен (“а в том Борьке трети-на”), 2 гривны, 40 гривен, “гривна солоних кун”, полгривны, полгривны, 7 гривен, полгривны, 2 гривны без 10 резан, 13 ногат, 1 гривна, 1 гривна.

Источник представляет собой свод денежной номенклатуры середины XIII в.: старшей является гривна, затем, видимо, ногата и, наконец, резана (кун). Обратим внимание на возможность верификации денежно-весовой номенклатуры, содержащейся в духовной, данными берестяной грамоты № 710, также представляющей собой реестр должников, после которого следует фраза, позволившая В.Л. Янину датировать документ 1194 г. (“А я вот уцелел от пожара”): “Деньги в грамоте № 710 исчисляются в обычных для ее времени денежных единицах: гривнах серебра, гривнах кун, ногатах, кунах, резанах” [Янин, Зализняк, 2000, с. 10 – 11].

С целью установления суммы долга Климента переведем все денежные единицы для удобства подсчета в гривны, воспользовавшись соотношением величин Пространной редакции Русской правды [Российское законодательство..., 1984, с. 428]: 1 гривна = 20 ногат = 25 кун (резан). Суммировав долги Климента, выраженные в гривнах, ногатах и резанах, полу-

чим 75,3 гривны, что составит 2055,69 г серебра ($75,3 \times 27,3$). К этому необходимо прибавить еще “гривну соловых кун”, от которой отказался Н.П. Бауэр, считая ее “малозначимой”. Как представляется, “гривна соловых кун” – долг Климента за соль – следует понимать как гривну новых кун, отмеченную А.М. Колызиным по данным берестяных грамот № 442 и 420 и равную 50 г чистого серебра [Колызин, 2001, с. 53 – 54]. Поэтому к полученной величине (2055,69 г серебра) приплюсуем 50 г, в итоге получим чуть больше 2 100 г серебра, или приблизительно 10,5 гривен серебра ($2\ 100 : 200$).

Таким образом, общая сумма долга Климента составляла отнюдь не астрономическую сумму 80 гривен серебра [Бауэр, 1940, с. 177 – 178], а всего лишь 30,5 гривен-слитков серебра.

Наконец, треть, которую должен был Климент некоему Борьке от 5 гривен, в серебряном выражении составит 45,5 г.

Все расчеты производились на основании источника, который дал величину весовой гривны 27,3 г, что можно встретить в специальной литературе. Это подтверждает вывод, уже сделанный в нумизматике, о практическом применении весовой гривны, равной половине европейского фунта.

Рассматривая структуру долга Климента, заметим, что он должен был получить деньги от 16 своих кредиторов. Вторую, меньшую, часть долга (10,5 гривен) Климент предлагал Юрьевскому монастырю самостоятельно взыскать с этих должников. Поскольку в духовной речи идет о форме погашения долга имуществом, то это наводит на мысль о переуступке долгов, которые Климент не смог получить при жизни. Последняя дефиниция предполагает, что он действовал на кредитном рынке от имени и по поручению Юрьевского монастыря. Среди должников Климента были как купцы, так и рядовые граждане, занимавшие деньги для текущих нужд.

Теперь вернемся к содержанию берестяной грамоты № 722, которая фигурирует в сводке грамот торгового характера XIII – XV вв., приведенной Е.А. Рыбиной: “Денег 12 гривен беличьими шкурками и серебром. Соболя – 4 гривны. На сетях, сукнах и холстах 3 гривны. Медвежья шкура – 2 гривны”. Учтем, что берестяная грамота является важнейшим документом, датирующим применение на практике дополнительной статьи “А се бесщестие” Пространной редакции Русской правды. Содержание грамоты, по предположению А.А. Зализняка, представляет собой опись купеческого имущества [Рыбина, 2001, с. 326]. Сумма данной описи составит 21 гривну, или 573,3 г серебра ($27,3 \times 21$).

Хронологически последний, насколько нам известно, источник, соответствующий по времени и содержанию (денежный счет) статье “А се бесщестие”, –

берестяная грамота № 750, датируемая В.Л. Яниным рубежом XIII – XIV вв., где упоминается “новая гривна”, которая, как обращает внимание исследователь, отражает период перехода к рублевой системе [Янин, Зализняк, 2000, с. 45 – 46].

Значительный хронологический диапазон документов, сопоставимых со статьей “А се бесщестие”, позволяет уверенно говорить о том, что денежный счет этой дополнительной статьи Пространной редакции Русской правды применялся на практике весь XIII в.

Торевтика – платежное средство Древней Руси

О серьезном отношении в Древней Руси к обороту сосудов, изготовленных из валютного металла, свидетельствует статья Договора Смоленска с Ригой, Готским берегом и немецкими городами 1229 г.: “Или которым нимчинь купилъ съсудъ серебряный, дати ему отъ гривны куна весцю; или продасть, не дати ему ни векше” (“Те иноземцы, которые покупают сосуды серебряные, должны дать от гривны куну весцу, а при продаже таковых не платят ни пени”). Н.П. Бауэр, опубликовавший данную статью [1940, с. 192 – 193], обратил внимание на то, что, во-первых, труд весовщика оплачивался, во-вторых, ввоз серебряных сосудов поощрялся. Несколько списков этого исторического памятника, опубликованных в 1963 г. по оригиналам, находящимся в Риге, позволяют углубить и конкретизировать понимание процесса обращения валютного металла в Древней Руси. Договор регулирует весь спектр торгово-экономических и военно-политических отношений Руси (Смоленск выступает от имени Руси и как самостоятельный субъект международного права) с европейскими странами.

Обширный раздел Договора 1229 г. посвящен обороту золота и серебра – главных валютных регуляторов денежного рынка средневековья, изучение положений этого акта международного права в нашу задачу не входит. А.В. Назаренко сопоставил ряд статей Смоленского договора с целью выявления структуры денежного счета Руси XIII в., взяв, разумеется, за основу две позиции денежного счета статьи “А се бесщестие” [Назаренко, 2001, с. 207 – 208].

Смысл статьи “Или которые немчинь коупить съсудъ серебряный – дати ему от гривны ку[ну] на весцю” (“Иноземцы в случае покупки серебряных сосудов должны дать весцу с каждой гривны куну”) [Смоленские грамоты..., 1963, с. 43]*, свидетельству-

* Иная дефиниция Договора: “Аже латиенскии коупить сосуды серебряные, дати ему весцю от гривны серебра по ногате смоленской” (“Если латиняне купят серебряные сосуды, они должны дать весцу с каждой гривны серебра по ногате смоленской”) [Смоленские грамоты..., 1963, с. 29].

ющей об обороте изделий торевтики, состоит в том, что при покупке иностранцем на территории Смоленска сосудов из драгоценных металлов он должен был зарегистрировать сделку, заплатив государственному фискальному органу, который представлял чиновник-весец*, с каждой гривны куну. Изложенное не означает, что вывоз изделий торевтики не регистрировался на таможене, — в этом случае драгоценные сосуды облагались таможенной пошлиной.

В ст. 40 рассматриваемого договора, свидетельствующей о поступлении иноземного серебра в Древнюю Русь, говорится: “Аже латиенский дасть серебро пожигати, дати ему от гривны серебра куна смоленская” (“Если латиняне дадут серебро переплавлять, они должны заплатить от гривны серебра куну смоленскую”). Данная статья позволила В.Л. Янину установить соотношение гривны серебра и гривны кун как 1 : 4 (“а за гривну серебра 4 гривны кунами”) [Янин, 1956, с. 44 – 45]. А.В. Назаренко, приведший ст. 40 источника, обратил внимание на пошлину при переплавке серебра, составляющую чуть больше 4 г (смоленская куна), или около 2% при теоретическом весе слитка 204 г [Назаренко, 1996, с. 10 – 11, 41, 42; 2001, с. 158 – 159], а норматив в первой половине XIII в. был в пределах 200 г [Назаренко, 2001, с. 212], что подтверждается материалами конкретных кладов: например, в кладе из Ивановки Тульской губ. (1805 г.) [Bauer, S. 66; N 123] четыре новгородских палочковидных слитка, датируемые Н.П. Бауэром XIII в., имеют весовую норму 199,53 г. Сопоставление этого норматива с аналогичным показателем, полученным по данным Лопаревского клада, зарытого в середине 1360-х гг., позволяет предположить падение веса рублей-слитков в течение полутора веков в среднем почти на 5%. При этом не забудем и норматив, равный 196 г, который методически корректно установлен Н.Ф. Котляром по плющенным гривнам Готландского клада [Котляр, 1996, с. 80 – 142]. Данные палеографии [Медынцева, 2000, с. 69 – 70] позволяют датировать их серединой XI в. В этой связи, вероятно, есть смысл обсуждать денежно-весовые реформы в Древней Руси, базирующиеся, как не раз было доказано в специальной литературе, на метрологии половины европейского фунта [Янин, 1985, с. 104, 112, 114].

Установим экспортную пошлину Договора 1229 г. при вывозе изделий торевтики и валютного металла с территории Руси. Согласно источнику: “отъ гривны куна весцю”. Надо полагать, что при вывозе серебра на таможене оно взвешивалось и государству отходило по куне (смоленской) с каждой гривны. Куна —

это чуть больше 4 г серебра [Назаренко, 2001, с. 212], а гривна — 50 г. Следовательно, экспортная пошлина составляла 8% ($4 : 50 \times 100\%$).

Фактически доходность в процессе “серебро пожигати”, составляющая около 2%, сводилась к минимальному покрытию издержек. Как установил В.Л. Янин, в Новгороде при серебряном переделе угар высокопробного серебра был в пределах 1% [Янин, 1985, с. 104], что находит подтверждение в денежно-весовых системах Таны (Азака) и Поволжья XIV в. 1% составляет 2 г, или полкуны. Эти подсчеты подтверждает вторая часть статьи Смоленского договора, опубликованной Н.П. Бауэром: “...или продать, не дати ему ни векше”*.

Сопоставление двух статей Смоленского договора 1229 г. свидетельствует об активном влиянии государства на собственный валютный рынок: оно поощряло ввоз валютного металла и ограничивало его вывоз. Это позволяет сделать вывод о том, что валютное регулирование и экспортный контроль — неотъемлемая прерогатива государства.

И вряд ли просто эмоциональным всплеском можно объяснить жест Владимира Васильевича, который в 1288 г. с целью преодоления тяжелейшей болезни решился по-христиански “все разда: и блюда великаа серебряные, и коубыки золотые и серебряные, самъ передъ своимъ очима поби и поля в гривны и монисто свои...” (“все раздал: и блюда огромные серебряные, и кубки золотые и серебряные, [которые] сам перед своими глазами велел разбить и приказал тут же переплавить их в гривны, так же поступил и со своим монисто...”) [Ипатьевская летопись, 1908, стб. 914]. «Летопись применяет термин “гривна” к слитку» [Янин, 1956, с. 45 и примеч. 2], а само описание носит характер описи княжеской казны.

Исходя из анализа денежной ситуации на валютном рынке Древней Руси, можно предположить, что Владимиру Васильевичу потребовались наличные деньги, в которые он и обратил имеющуюся в его собственности драгоценную художественную утварь. При этом князь должен был потерять, как это следует из анализа соответствующих статей Смоленского договора 1229 г., не менее 1 – 2% от исходного веса своих сосудов, отданных на переплавку.

Можно утверждать, что несоответствие веса и стоимости березовской чаши, составляющее 2,77%,

* Согласно документу, весец — государственный служащий. В договоре также приводится другая единица должностной номенклатуры — тиун.

* Называя московских денежников “золотых дел мастерами”, С. Герберштейн, западный дипломат первой половины XVI в., сообщал о специфических отличиях монетного передела в Русском государстве по сравнению с Западной Европой: “Они (московские денежники. — Н.Х.) взвешивают деньги и серебро и выплачивают потом тем же весом” [Герберштейн, 1988, с. 123 – 124], что свидетельствует о развитии денежной культуры по крайней мере с XIII в.

служит индикатором доходности, т.е. при переходе данного нумизматического артефакта из сферы безналичного оборота в сферу наличного его владелец получал в слитковой или иной форме 957,64 г серебра, или 35 гривен. Это с одной стороны. С другой – владелец данного сосуда на рубеже XII – XIII вв. имел накопления в размере 36 гривен. И именно данная сумма не позднее середины XIII в. поступила в Югру.

Выводы и заключение

Изложенное прямо свидетельствует о значительном обороте в домонгольской Руси денежных средств, выраженных в изделиях торевтики, которые наряду с золотыми и серебряными слитками составляли основу функционирования ее финансовой системы.

Надпись на березовском сосуде, первую прорисовку которой осуществил А.А. Спицын, была сделана в обычной ситуации в сфере расчетов: у его владельца не оказалось мелких денежных единиц, и он обратился к ростовщику, предупредив, что не желает терять права собственности на данное изделие торевтики. После взвешивания сосуда был заключен договор (“кабала”), согласно которому заимодавец в случае невозвращения долга имел бы прибыль в размере 1 гривны. Мы не можем судить, был ли погашен долг своевременно, но в любом случае надпись “тридцать пять гривен” в кредитно-денежной сфере становилась передаточной, т.е. в сравнении с истинным весом чаши обозначала дисконт, равный 2,77%. Приведенная реконструкция образования вексельного денежного инструмента позволяет сделать вывод о том, что надпись была сделана ростовщиком старше средних лет не ранее конца XII в.

Следуя за В.П. Даркевичем, напомним, что сосуд поступил в Киев в составе даров Мануила Комнина князю Ростиславу в 1164 г. Это позволяет в соответствии с метрологическими данными, приведенными в настоящей статье, установить период, в течение которого рассмотренное изделие византийской торевтики стало денежным инструментом: он составлял не менее 30 лет.

В заключение приведем параллель березовскому сосуду. Это бутылка XI – XII вв., происходящая из Тохаристана (Афганистан) или Восточного Хорасана, которая была найдена в середине XIX в. в Сосьвинском Городке Березовского уезда Тобольской губернии, по нашему мнению, находившемся в пределах исторической Югры. На ней две разновременные куфические надписи. На горловине сосуда сохранился фрагмент “с благоденствием и благословением, и...”; на плечиках текст из трех отрывков, в т.ч.: “Принадлежит старцу Абул Фадлу Сахату б. Али, да продлит Аллах существование его” [Сокровища Приобья, 1996, с. 19, 132, № 62]. Надписи на этом сосуде указывают на его об-

ращение в сфере товарного оборота валютного металла на родине-эмитенте, что не исключает и Б.И. Маршак. Поэтому можно утверждать: до некоторой степени в экономическом смысле тобольская бутылка повторяет историю березовской византийской чаши.

Березовская византийская чаша из Зауралья как дисконтный вексельный инструмент кредитно-денежного дела Древней Руси имеет и свою предысторию. Здесь предпринята попытка показать историю его обращения в денежной и товарной сферах, состоящую из трех этапов, что позволяет допустить вероятность функционирования в этих сферах в Восточной Европе в течение порядка 70 – 80 лет.

Датировка надписи вкупе с художественными и стилистическими особенностями рассмотренного здесь нумизматического памятника, а также история его обращения в сфере денежного оборота и показания берестяных документов позволяют подтвердить высказанную в первом томе “Российского законодательства X – XX вв.” мысль о том, что статья “А се бесщестие” Пространной редакции Русской правды с указанием денежного счета применялась на практике весь XIII в.

Список литературы

- Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. – СПб.: Б.и., 1856. – 323 с.
- Бауэр Н.П. Денежный счет в духовной Клименты Новгородца и денежное обращение Северо-Западной Руси в XIII в. // Проблемы источниковедения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 175 – 204.
- Белецкий С.В., Посвятенко В.А. Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Образование Древнерусского государства: Проблемы источниковедения. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1994. – С. 3 – 5.
- Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; Под ред. В.Л. Янина; Вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 430 с.
- Даркевич В.П. Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X – XIII в. – М.: Искусство, 1975. – 350 с.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – М.: Наука, 1976. – 200 с.
- Захoder Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX – X вв. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 278 с.
- Ипатьевская летопись. – 2-е изд. – СПб.: [Тип. М.А. Александрова], 1908. – XVI с.; 938 стб.; 86 с. – (Полн. собр. рус. летописей; Т. 2).
- Ковалев Р.К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. – 2002. – № 1. – С. 38 – 50.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. – 347 с.
- Кользин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.) / Отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Информполиграф, 2001. – 278 с.

- Котляр Н.Ф.** Северорусские (“черниговские”) монетные гривны // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1994 год. – М.: Археограф. центр, 1996. – С. 80 – 142.
- Лившиц В.А., Луконин В.Г.** Среднеперсидские и согдийские надписи на торевтике // Вестн. древней истории. – 1964. – № 3. – С. 155 – 176.
- Макаров Н.А.** Магические обряды при зарытии клада на Руси // СА. – 1981. – № 4. – С. 261 – 264.
- Маршак Б.И.** Сокровища Приобья // Сокровища Приобья / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. – СПб.: Формика, 1996. – С. 6 – 44.
- Медынцева А.А.** Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). – М.: Наука, 2000. – 291 с.
- Назаренко А.В.** Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1994 год. – М.: Археограф. центр, 1996. – С. 5 – 79.
- Назаренко А.В.** Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
- Новгородская первая летопись старшего извода** // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – (Полн. собр. рус. летописей; Т. 3).
- Повесть временных лет** / Подгот. Д.С. Лихачев; Ред. В.П. Андрианова-Перетц. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 1999. – 667 с.
- Приложение второе:** Статьи, находящиеся в рукописи Археографической комиссии перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – (Полн. собр. рус. летописей; Т. 3).
- Российское законодательство X – XX вв.**: В 9 т. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин; Введ. и коммент. Я.Н. Щапова. – 432 с.
- Рыбина Е.А.** Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. – Вел. Новгород: Новгор. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. – 390 с.
- Смоленские грамоты XII – XIV вв.** / Подгот. к печ. Л.А. Сумникова, В.Т. Лопатин; Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 1963. – 139 с.
- Сокровища Приобья** / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. – СПб.: Формика, 1996. – 229 с.
- Сотникова М.П.** Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII – XV вв. // Тр. Гос. Эрмитажа. – 1961. – Т. 4. – С. 44 – 91.
- Фёдорова Н.В.** Культурные связи // Угорское наследие. – Екатеринбург: Внешторгиздат-ДИАКОМ, 1994. – С. 64 – 68.
- Фёдорова Н.В.** Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействий на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 91 – 101.
- Фроянов И.Я.** Рабство и данничество у восточных славян. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 512 с.
- Хан Н.А.** К вопросу о “Закамском серебре” // Исторические истоки, опыт и взаимодействия и толерантность народов Приуралья: Материалы Междунар. науч. конф. к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: Изд. дом “Удмуртский университет”, 2002. – С. 283 – 287.
- Экономическая энциклопедия** / Гл. ред. Л.И. Абалкин. – М.: Экономика, 1999. – 1015 с.
- Энциклопедия земли Вятской:** В 10 т. – Киров: Б.и., 2002. – Т. 1: Откуда мы родом? / Под ред. В.А. Ситникова. – Кн. 2: Села. Деревни. – 640 с.
- Янин В.Л.** Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 207 с.
- Янин В.Л.** Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII – XV вв. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969 – 1970. – Ч. 1. – С. 317 – 347.
- Янин В.Л.** “Память, как торговали доселе новгородцы” (к вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1985. – Т. 16. – С. 98 – 114.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.** Новгородские грамоты на бересте: Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. – М.: Рус. словари, 2000. – Т. 10: Из раскопок 1990 – 1996 гг. – 430 с.
- Bank A.** L’Art Byzantin dans les musees de L’Union Sovietique. – L.: Avrova, 1977. – 328 p.
- Bauer N.** Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters: Eine archäologische Studie // Numismatische Zeitschrift. – Wien, 1929. – Bd. 62. – 77 – 120.
- Khan N.A.** Visu: The problem of location // Abstracts books: 8th Annual Meeting European Association of Archaeologists. – Thessaloniki: Hellas, 2002. – P. 263 – 264.

Материал поступил в редколлегию 21.05.03 г.

ДОМАШНИЕ (СЕМЕЙНЫЕ) СВАТИЛИЩА СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ

Введение

Северные ханты – одна из крупных групп обских угров, представители которой проживают на территории Березовского и Белоярского районов Ханты-Мансийского АО, Шурышкарского и Приуральского районов Ямало-Ненецкого АО. Они делятся на ряд локальных групп, которые расселяются в основном в бассейнах притоков Оби – Сыни, Куновата, Казыма, Войкара и др. Религиозное мировоззрение северных хантов базируется на идее существования множества богов и духов-покровителей, заселяющих Нижний, Средний и Верхний миры. Проживающие в Среднем мире люди поддерживают контакт с миром духов во время обрядов на различных святилищах, прежде всего домашних.

Наиболее полно данный тип святилищ рассмотрен на примере сосвинско-ляпинских манси [Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 1999] и березовских хантов [Бауло, 2002а]. Настоящая статья основана на экспедиционных материалах 2000 – 2003 гг., собранных автором у хантов сынско-куноватской и обдорской групп (поселки в бассейнах рек Сыня: Евригорт, Мувгорт, Тильтим, Оволингорт, Вытвозгорт, Нимвозгорт, Овгорт, Хорьер, Ямгорт; Обь: Овагорт, Пословы, Анжигорт, Ханты-Мужи, Восяхово; Войкар: Вершина Войкара, Усть-Войкары; Полуй: Зеленый Яр).

У северных хантов, представители которых проживают достаточно далеко друг от друга и в разной степени соприкасаются с ненцами, зырянами, манси и русскими, не существует единого пантеона богов и духов-покровителей. Можно указать лишь на самые известные из них. В Верхнем мире обитают главные духи-податели жизни людей: *Торум*, или *Нум Турам*

Аци, – Верхний Бог Отец и *Калтац Анки*, *Сорни Най Анки* – Золотая женщина-мать, *Сорни Най* – Золотое солнце-женщина, *щань* – мать [Талигина, 2002, с. 83 – 85; Шабает, Уляшов, 2002, с. 126]. В Среднем мире живут семь сыновей Верховного Бога: *Ас ики* – Обской старик, *Ими хиты* – “звездочет, ездит на лошади”, или *Мув верты ху* (*Мув сиит ху*) (землю вращающий человек), *Ханжан оры ики* (*Тек ики*) – Собачий дух из пос. Теги, *Ем-вож-ики* (медведь), *Кейв ур ху акем ики* (“каменный ненец дядька-старик”) – Хозяин р. Сыни [Головнев, 1995, с. 552, 570; Перевалова, 2002, с. 45] и др. Духи Среднего мира нередко являются покровителями селений. Третья группа духов во главе с *Хинь ики* находится в Нижнем, Подземном, мире [Талигина, 2002, с. 83 – 85].

Сегодня в качестве поселковых и семейных покровителей на Сыне почитают: лягушку (пос. Савырка – Тыликовы), казарку (малый гусь) (пос. Евригорт – Еприны, пос. Ямгорт – Лонгоровы), кукушку (пос. Вытвозгорт – Куртямовы), горностая (пос. Вытвозгорт – Куртямовы), чайку (пос. Овгорт – Рохтымовы), *Хон пох ики* – Божьего сына (пос. Ямгорт – Пырысевы), *Карды вореш* – Железного коршуна (пос. Тильтим – Талигины); на Куновате: *Еври ики* – Старика волка (Тояровы), *Сорни юх* – Золотое дерево – Священную лиственницу (Сотруевы и Тоголмачевы); на Войкаре: *Тохтан ики* – Старика-гагару (пос. Усть-Войкары – Сэвли); на Оби: Белого орла (пос. Овагорт), *Хорам ур нэ* (*Мис нэ*) – Лесную женщину (пос. Анжигорт), и др. [Перевалова, 2002, с. 41 – 51]. Домашние духи называются *Елта хот лунхат* “духи, находящиеся дома (внутри жилища)”; в каждой хантыйской семье имеется женский дух *Лух*, или *Анки*, мать [Талигина, 2002, с. 46, 87].

Рис. 1. "Святой" сундук и шпаги конца XVIII в. на чердаке дома.

Рис. 2. Домашнее святилище на чердаке дома.

В роли домашнего духа выступает и хозяин Нижнего мира *Хинь ики*, в этом случае его импелуют *Кур или ики* "находящийся под ногами (под землей, под полом) старик" или *Питы сахли ики* "старик в черном сахе". Он считается личным духом хозяйки дома, его фигуру хранят в женской части жилого помещения. *Кур или ики* одевают в черный халат с островерхим капюшоном [Там же, с. 46 – 47].

Домашние святилища: расположение, состав атрибутов, обряды

Святые вещи, относящиеся к домашнему святилищу, могут храниться внутри (в комнате – на задних парах или в углу, сенях, на чердаке) или снаружи (на специальной полке на задней стене, в амбарчике или на священной нарте) дома.

В настоящее время дома хантов представляют собой бревенчатые избы русского типа с чердачным помещением. Лишь в небольших селениях (Евригорт, Вытвозгорт, Ямгорт) сохранились дома (чаще небольшие), отражающие более ранний этап архитектуры: у них отсутствуют потолки (и, соответственно, чердаки), а вдоль стен размещены нары. В них "святые" сундуки стоят на полке, сооруженной над нарами, у задней, "священной", стены напротив входа.

В современных домах семейные фетиши хранят в трех местах. Первым таким местом является "святая" полка, которую сооружают в жилой комнате в правом (реже левом) углу на высоте ок. 1,5 м от пола. На ней стоят укрытые занавеской небольшие сундучки или чемоданы, берестяные коробки, лежат мешки с семейными атрибутами и изображениями духов-покровителей. Иногда в комнате можно увидеть сразу две "святые" полки: на одной располагаются семейные, на второй – поселковые духи-покровители. В пос. Ишвары (р. Малая Обь) в доме Тогочевых в комнате на полке в дальнем левом углу лежат два чемодана с домашними пенатами, а на полке в ближнем правом углу "сидит" поселковое божество *Хинь ики*. Второе место хранения священных атрибутов находится внутри дома, но вне жилого пространства. В ряде домов отгорожена правая часть сеней, где у задней стены устроена "святая" полка. Третье место хранения ритуальных атрибутов внутри дома – чердачное помещение, куда запрещено входить женщинам. Здесь собраны "святые" вещи, принадлежавшие предыдущим поколениям обитателей дома. Сундуки, ящики и чемоданы обычно устанавливают на дощатом помосте у задней стены (реже – справа или слева от входа) (рис. 1). На перекладины вывешивают шкуры принесенных в жертву животных; к продольным балкам привязывают мешки с поднесенными божествам платками, шкурки петухов, медвежьей и оленьей черепа. На чердаке одного из домов в пос. Ишвары к балке прикреплено несколько связок с лисьими черепами (рис. 2). В пос. Ямгорт широкая "святая" полка сооружена в центральной части чердака поперек помещения на высоте 1,2 м от пола (на две перекладины уложены доски). В современных двух- или четырехквартирных домах "святые" сундуки хозяева ставят на чердаке над своей квартирой.

Полки или помосты, на которых установлены сундуки и чемоданы с культовыми атрибутами, часто застелены оленьей шкурой. В пос. Тильтим сундуки в ряде домов были покрыты медвежьей шкурой.

"Святые" вещи достаточно часто хранят в амбарчике, стоящем рядом с домом. Амбарчики различаются по размерам и внутреннему устройству. Иногда это вместительное сооружение (в нем одновременно может находиться несколько мужчин), стоит

на четырех опорах. У его задней стены прибиты одна или две широкие полки; в амбарчиках в пос. Усть-Войкары еще одна полка устроена прямо над входом. “Святые” вещи могут соседствовать с бытовыми. Встречаются небольшие амбарчики с чердаком, вход на который расположен внутри помещения. В таких амбарчиках в нижней части хранят хозяйственные вещи, а на чердаке – “святые”. В одном из амбарчиков в пос. Оволингорт полка, на которой стоят сундуки, застелена медвежьей шкурой.

В пос. Вершина Войкара зафиксированы высокие двухэтажные постройки в виде башни; в них на нижнем этаже хранят хозяйственные вещи, а на верхнем (двери внизу и вверху прорублены в противоположных стенах) – атрибуты культа.

Оленеводы во время переездов перевозят культовые атрибуты на специальной (“священной”) нарте. Во время пребывания оленеводов в поселках она стоит у задней стены дома; если оленевод выходит на пенсию и окончательно перебирается жить в поселок, то нарту для лучшей сохранности устанавливают на деревянные бруски.

У обских угров стена дома, расположенная напротив входа, считается священной [Гемуев, 1990]. Снаружи дома в правой части задней стены на высоте ок. 1,5 м от земли иногда прикрепляют “священную” полку; она опирается на прибитые к стене плашки и на два деревянных столбика, воткнутых в землю. Во время обрядов, связанных с принесением в жертву животных, на эту полку ставят принесенные из дома чемаданы с фигурами духов-покровителей. За многими домами в небольших селениях (Евригорт, Тильтим, Оволингорт, Нимвожгорт) располагаются семейные жертвенные места: на деревьях висят олени череп, на ветках завязаны лоскутки ткани, горкой лежат срубленные тонкие березовые деревца с привязанными к веткам лентами. Здесь же установлена горизонтальная жердь для вывешивания шкуры жертвенного животного.

Северные ханты – одна из наиболее мобильных групп обских угров; летом они переезжают из своих селений на Обь, где находятся их рыболовные угодья. Покидая зимние дома и оставляя в них основную часть культовых атрибутов, рыбаки обязательно забирают с собой на Обь жертвенные покрывала и платки.

Культовыми атрибутами распоряжается хозяин семьи, эта функция по наследству вместе с домом и обязанностью содержать мать переходит к младшему сыну. При отсутствии наследников культовые атрибуты могут быть перенесены на поселковое святилище и размещены в одном из амбарчиков или на специально сооруженном помосте.

В состав домашнего святилища входят: фигуры духов-покровителей и их символика, подношения божествам, фигурки *иттарма* – временного вмести-

лища душ умерших родственников, свинцовые фигурки животных, атрибуты шамана и медвежьего праздника и др.

О домашних “богах”, или “болванах”, в жилищах северных остяков в 1771 г. В.Ф. Зуев писал: “Все в чуму, не выключая баб и девок, каждый имеет своего собственного болвана, а иногда два и три, коих каждодневно по обычаю своему тешат. < ... > Бог... пред собой имеет ящик, куда обещанные ему кладут подарки; каждый день от кушанья помазываются его губы” [Зуев, 1947, с. 41]. О них же в документе 1784 г. говорится: “Иноверцы Березовской округи болванов имеют деревянных из обрубка лесины разной величины, на оных вырезают рожи, а иные и о двух ногах, а другие свертывают ис платья и одевают в мужское и женское платье, а рожи приделывают высеченные на тонком железе, коих содержат в домах” [Андреев, 1947, с. 96]. Путешествовавшие в районе нижней Оби в конце XIX в. О. Финш и А. Брэм описали остяцкого семейного “идола”, который “представлял бесформенную массу, завернутую в лисьи и другие меха, с медной бляхой, изображающей лицо и прикрепленной на месте головы”. Они же упомянули “бабьего идола” – “куклу, одетую как остяцкие женщины, у которой вместо лица была медная пуговица” [Финш, Брэм, 1882, с. 359 – 360].

Фигуры духов-покровителей в современных домашних святилищах северных хантов представлены в суконной или меховой одежде с внутренней основой из металла, дерева или камня; в виде набора одежд без внутренней основы, а также привозных статуэток или игрушек.

Металлические основы фигур. К ним в первую очередь нужно отнести древние изделия, которые передавались по наследству в течение нескольких столетий либо были найдены в составеклада или в местах бывших поселений, обвалах берегов рек. Вещи двух последних категорий считались посланными свыше избранному богами человеку. По рассказам информатора, в пос. Евригорт завернутая в яркую ткань иранская серебряная бутылка XII в., которая по форме напоминала куклу, обозначала фигуру семейного духа-покровителя. В обычное время фигуру держали в “святом” сундуке вместе с изображениями других духов. Во время обряда ее выносили к жертвенному костру, “угощали”, ей подносили дары. В данном случае вхождение бутылки в обрядовую практику во многом было продиктовано особенностями формы сосуда. В пос. Ямгорт основой фигуры семейного божка являлась шкурка соболя с пришитой к ней средневековой бронзовой пряжкой с изображениями головы козла и двух пушных зверьков; к спине духа был приложен небольшой жестяной четырехугольный поднос XIX в. На духе-покровителе была необычная верхняя одежда – супервест, или безрукавный каф-

Рис. 3. Фигура духа-покровителя с бронзовой средневековой личиной.

Рис. 4. Основа фигуры божества – русская медная бляха второй половины XVIII в.

танчик конца XVIII в. из красного сукна с медными пуговицами [Бауло, 2002б, с. 152 – 154]. Это не единственный пример использования военной и чиновничьей формы в обрядовой практике обских угров. Так, в 1860-х гг. Ю. Кушелевский в Эндерских юртах (15 км к северу от Обдорска) видел остяцкого идола, одетого в мундир чиновника, при шпаге (цит. по: [Мурашко, Кренке, 2001, с. 23]).

В пос. Анжигорт внутри фигуры духа-покровителя, состоявшей из 10 – 12 больших платков, находилась средневековая бронзовая антропоморфная фигурка в маленькой распахнутой шубе из белого оленьего меха [Бауло, 2002б, с. 147 – 148]. В пос. Зеленый Яр лицо одного духа было обозначено средневековой бронзовой бляхой с изображением медведей в священной позе, другого – бронзовой личиной (рис. 3).

Среди других сердцевин фигур семейных пенатов упомянем русский железный замочек XIX в. в виде фигурки медведя (пос. Мувгорт), жестяной герб Российской империи конца XIX в. (пос. Мувгорт), саблю (длина фигуры духа в виде тяжелого кокона из белых кусков ткани достигала ок. 100 см) (пос. Ямгорт), медное блюдо 1830-х гг. с изображением охотничьей сцены и медный полый рог для табака (пос. Ямгорт), жестяное блюдо XIX в. с прочеканенными поясными портретами английской царствующей четы – Виктории и Альберта (пос. Ямгорт); серебряное блюдо, изготовленное в Тобольске в 1820 г. (на лицевой стороне на фоне холмов изображен медведь, обнимающий сук дерева) (пос. Анжигорт), свинцовое изображение волка (пос. Ишвары).

В пос. Нимвожгорт в культовом амбарчике хранится фигура семейного духа-покровителя (рис. 4). Его верхнюю одежду составляют белая оленья малица и несколько рубах под ней. Основа фигуры – уникальная русская медная бляха, к которой привязаны бронзовая фигурка рыбы (Западная Сибирь, XI – XII вв.), красный шерстяной шнур, тесьма, медные кольца, перстни, низка бисера, сапоги из оленьего меха и пр. Диаметр бляхи 17 см, ширина с ушками достигает 22 см. Бляха изготовлена предположительно во второй половине XVIII в., скорее всего, в Тобольске. В основе композиции – сцена охоты: мужчина в длинной шубе и высокой шапке направляет копьё на оленя; рядом с оленем изображена собака, еще одна видна за охотником; на кронах деревьев – три пушных зверька. Центральная вертикальная ось композиции образована стволом дерева, ветви деревьев также отходят от края обода в направлении к центру.

Деревянные основы фигур. Они представлены бюстом или целой фигурой с обозначенными руками и ногами. Головы круглые или заостренные, вырезаны глаза, нос и рот. Длина подобных фигур от 10 до 40 см (поселки Евригорт, Хорпунгорт, Нимвожгорт, Зеленый Яр)*. В пос. Оволынгорт зафиксирована фигура духа-покровителя в малице. В основе изображения – деревянная островерхая голова с шеей, к которой привязан красный платок. В этом поселке встречена фигура духа в виде деревянного клинщика длиной 14 см; на заостренной голове вырезаны глаза, нос и рот. Дух одет в черную глухую велветовую куртку. На груди у фигуры из пос. Хорьер вырезан ромб. В пос. Вершина Войкара мужская фигура семейного духа выполнена из дерева в форме бутылки.

* Основа в виде длинной оструганной палки с выделенной головой характерна для поселков со смешанным хантыйско-ненецким населением. Она отражает ненецкий вариант фигур (*сядай*).

Рис. 5. Семейный дух-покровитель.

Два оригинальных изображения семейных пенатов отмечено в пос. Ханты-Мужи. Первая фигура (длина 27 см) в золотистой шелковой рубаше и халате из толстой красной шерсти. У нее показаны ноги, но нет рук. В середине груди вырезано круглое отверстие, видимо, для серебряной монеты. Голова плоская, овальной формы, подбородок заострен. Лоб и нос выступают над поверхностью лица. Нос прямой, слегка суживающийся книзу. В верхней части головы в вырезанные ниши вставлены две серебряные монеты достоинством в 5 коп. эпохи царствования Елизаветы ("орлом" вверх). Возможно, таким способом имитирован шлем с напоязьями. На ногах духа унты из красного шерстяного сукна с зелеными вставками. Подошва выполнена из сукна в зеленую и желтую полосу (рис. 5).

Вторая фигура длиной 15 см с ногами, но без рук вырезана из дерева. Тело замотано в несколько кусков ткани, на ногах – зеленые шерстяные штаны (весьма редкий атрибут в культовой практике), ноги обуты в кожаную обувь. Лицо закрыто жестяной пластиной с выступающими вперед линиями лба и носа.

Деревянные фигуры духов с лицами, закрытыми железными масками, хранятся и в пос. Зеленый Яр. Один из "кумиров" напоминает по форме подушку (размеры ок. 50 × 50 см). Основа – деревянная фигура – воткнута в одежды перпендикулярно "подушке": торс в виде палки с "обрубками" рук, голова плоская, овальной формы, спереди охвачена железной "маской". В коллекциях, собранных Д.Т. Яновичем в 1909 г. в погребениях остяков и самоедов

в Нижнем Приобье, встречается несколько деревянных фигур духов, к лицам которых были также прикреплены пластины из жести или оловянные отливки [Мурашко, Кренке, 2001, с. 64].

В пос. Зеленый Яр в одном из домов хранится вырезанное из ствола дерева изображение семейного божества длиной ок. 50 см. Его одежда состоит из нескольких подпоясанных халатов и трех шапок с оторочкой из лисьего меха. Интересно оформлена голова: шишак имитирует надетый средневековый железный шлем, который хранится в священной нарте (рис. 6).

Каменные основы фигур. Использование камней в качестве фетишей у хантов отмечено М.А. Кастреном [1860, с. 186], О. Финшем и А. Брэмом [Финш, Брэм, 1882, с. 491]. Г. Старцев сообщал, что, по хантыйским представлениям, камни "могут передвигаться с места на место и идут навстречу отдельным счастливым людям... Владельца такого камня остяки считают счастливым и удачливым человеком во всех видах промысловых занятий" [1928, с. 100]. В бассейне Сыни также встречаются фигуры духов-покровителей с основой в виде небольшого куса необработанного камня. В пос. Тильтим камень был "одет" в рубашку зеленого цвета, а сверху в малицу и подпоясан красным шнурком. В Оволингорте один из камней был завернут в множество платков, на другом было надето несколько халатов. Размеры фигур не превышали 10 × 20 см.

Рис. 6. Железный шлем (а) и голова духа-покровителя в "шлеме" (б).

В пос. Зеленый Яр фигура мужчины-духа была обозначена камнем с привязанными к нему тремя латунными бляшками, женщины-духа – камнем с привязанными латунными сережками со стеклянными вставками. Один из информаторов рассказал об обстоятельствах появления подобных фигур: «У оленевода начинает уменьшаться поголовье оленей. Тогда он едет к шаману на Полярный Урал. В *Емын Кев* “Святом камне” есть пещера. Человек входит в пещеру, раздевается донага и начинает вслушиваться. Шаман ему говорит: “Встань и слушай. Если услышишь голос важенки – будешь богат оленями, если самца – будешь бедным”. Наш отец тоже туда ездил. Он услышал голос важенки – как будто она олененка подзывает. И после этого у него много оленей было. От этого места берут камень и держат его в доме как духа-покровителя».

У сынских хантов зафиксирована фигура духа-покровителя, основу которой составляла речная раковина (пос. Нимвожгорт). Подобное изображение было отмечено у березовских хантов в пос. Тутлейм [Бауло, 2002а, с. 22]. К разряду необычных изображений “кумиров” можно отнести медвежий череп, завернутый в платки и “одетый” в несколько халатов (пос. Ханты-Мужи).

Известны фигуры духов-покровителей, у которых отсутствует сердцевина, а туловище создано за счет многочисленных рубашек, халатов и платков, надетых друг на друга. В качестве наиболее яркого примера можно привести фигуру *Курпат ики* (*Кур или ики*), традиционно состоящую из черных халатов и черной островерхой шапочки. Из свернутых платков часто выполняют фигуру *Миш не* – Лесной женщины, причем верхний платок обычно зеленого цвета (пос. Ишвары, Овгорт). В пос. Нимвожгорт фигура домашнего духа была изготовлена в виде шубы, к нижнему краю которой пришиты унты из оленьего меха. В пос. Ямгорт фигуру духа-покровителя (длина 40 см) создавала длинная глухая куртка из красного и синего сукна, с поясом; к внутренней стороне куртки были пришиты шерстяные унты, под мышкой правого рукава – колокольчик, голова обозначена маленькой островерхой шапочкой. В пос. Зеленый Яр фигуры семи духов, покровительствующих оленеводству, представлены миниатюрными белыми оленьими шубками.

Образ *Калтац* символизирует большой платок с кистями и четырьмя колокольчиками по углам, в который помещают приклады [Мартынова, 1992, с. 78].

Привозные статуэтки или игрушки у северных хантов также обозначают фигуры семейных духов-покровителей. Ярким примером является ритон в виде средневековой серебряной статуэтки девушки с головой антилопы в руках: она завернута в несколько платков, поверх которых надета миниатюрная шубка из олень-

его меха. Фигурку *Эви* хранят в картонной коробке среди поднесенных кусков материи, по праздникам ей подносят рюмку водки, ее “кормят” и обращаются к ней с просьбами о помощи и благополучии для членов семьи [Бауло, Маршак, 2001]. В пос. Нимвожгорт еще в 1970-х гг. на полке в амбарчике хранилась большая полая медная фигура слона. Она почиталась как семейный дух-покровитель и была обязана преподнесенными в дар платками. Здесь же изображение *Мир лярты хо* было представлено детской игрушкой: всадником из дерева на лошади из папье-маше (русский кавалерист XIX в.). Всадники из папье-маше были неоднократно описаны в домашних святилищах северных хантов и манси [Гемуев, 1990; Бауло, 2002а, с. 18, 61]. В пос. Вытвожгорт бутылка (0,5 л) выпуска 1888 г. в виде медведя, обвязанная платками, почитается как изображение духа-покровителя. Подобные бутылки имеются в составе культовых атрибутов в поселках Мувгорт, Вершина Войкара (войкарские ханты), Юхан-курт (березовские ханты). В пос. Зеленый Яр серебряная статуэтка мужчины, изготовленная в Тобольске в начале XIX в., была одета в серебристый миниатюрный парчовый халат (впервые такая фигурка в качестве основы духа зафиксирована у ляпинских манси в пос. Ясунт). У хантов, проживающих на Полуе, среди культовых атрибутов встречены пластмассовая и резиновая лягушки, большая фигура лошади на колесиках.

Северные ханты нередко почитали как изображения своих или общих с русскими людьми божеств лики святых на русских иконах и складнях; не персонифицируя святого, его просто называли *Торум* – Бог. Иконы вешали рядом со святой полкой в комнате.

Из необычных фигур духов-покровителей можно упомянуть старый шаманский бубен, “одетый” в коричневую рубашку с рукавами, но без отверстия для головы (Тильтим). Бубен внутри рубашки встречается не впервые. В 1999 г. в селении Щекурья (ляпинские манси) на чердаке дома хранился шаманский бубен, “одетый” сразу в пять рубашек [Бауло, 1999, с. 588 – 589]; бубен в белой рубашке описан в пос. Тутлейм [Бауло, 2002а, с. 23]. На мой взгляд, бубен после смерти шамана стал восприниматься семейным духом-покровителем, которому с помощью одежды придали антропоморфные черты.

В пос. Усть-Войкары одна из фигур покровителей представляет собой несколько связок вотивных стрел с наконечниками из гвоздей. Одна связка обернута по всей длине берестой, а остальные закутаны в несколько кусков материи.

Следует упомянуть еще один вариант присутствия в святилищах фигур божеств: в пос. Анжигорт в “святом” сундуке на чердаке дома хранится чучело белого журавля – птичьей ипостаси *Мир лярты хо* – Землю вращающего человека. Подобные случаи ранее

зафиксированы у ряда групп обских угров: северных манси [Источники..., 1987, с. 239], казымских и березовских хантов [Лапина, 1999, с. 185; Молданов, Молданова, 2000, с. 44; Бауло, 2002а, с. 58].

В домашних святилищах северных хантов представлены также предметы с изображениями и символика божеств и духов-покровителей. В первую очередь это относится к жертвенным покрывалам, которые на сегодняшний день описаны у сыньских и обских хантов. В большинстве случаев на них вышиты фигуры скачущего Небесного всадника – *Мув верты хо* (*Мир лярты хо*). Покрывала выполнены в виде полотнища прямоугольной формы с двумя, четырьмя, шестью или семью фигурами всадников (каждая располагалась в отдельном квадрате), которые символизировали “седло бога”. Богатырю также шили пояс, на котором размещали четыре или пять фигур всадников. Завершал одеяние шлем, украшенный изображениями четырех всадников [Гемуев, Бауло, 2001]. Достаточно редким атрибутом Небесного всадника являются штаны длиной 71 см из сукна красного и черного цвета с двумя стоящими антропоморфными фигурами (рис. 7).

Покрывала сыньских и обских хантов в отличие от покрывал манси и березовских хантов, на которых главной и подчас единственной фигурой является Небесный всадник, украшены фигурами духов-покровителей поселков. В пос. Евригорт обнаружены два пояса с изображениями пар всадников, птиц и, видимо, медведей; в пос. Вытвозгорт – пояс с фигурами пяти всадников и двух птиц, под которыми понимают кукушку – покровителя Куртямовых и т.д. Среди жертвенных атрибутов на р. Сыне зафиксированы изделия, на которых фигура всадника отсутствует, но показаны олени, лягушки или птицы [Там же, с. 124, 138, 147].

Северные ханты “опознают” собственных богов и в изображениях на ряде восточных серебряных блюд, которые хранятся в семейных святилищах. Так, в пос. Евригорт в одном из домов хранилось серебряное иранское блюдо X – XI вв. с изображением лютниста, сидящего на престоле в позе лотоса. По информации Е.И. Тыликовой, во время жертвоприношения блюдо, как главную семейную святыню, вынимали из мешка, клали на стол “лицом” вниз, а внешней сторону сосуда обмазывали кровью жертвенного оленя. Чаша воспринималась подобием солнца, а изображенный в центре человек – его посланником (духом). Изображению духа подносили дары – платки или куски купленной материи. Рядом с блюдом ставили тарелки с мясом убитого оленя и небольшие берестяные кулечки с его кровью [Бауло, 2002в].

В пос. Оволингорт в “святом” сундуке хранилось средневековое серебряное блюдо (либо большая бляха), на лицевой стороне которого выгравированы

Рис. 7. Штаны духа-покровителя.

две антропоморфные фигуры, изображения коня, солнца, месяца и бобра. Одна из фигур почиталась за изображение духа-покровителя поселка по имени *Сорни пох* (*Мув верты хо*) – Золотой сынок (Землю объезжающий человек) [Бауло, 2001]. Этого бога-всадника видят и в фигуре иранского шаха Ездигерда I, изображенного на сасанидском серебряном блюде начала V в. Оно находится на “святой” полке вместе с другими культовыми семейными атрибутами в одном из сыньских поселков [Бауло, 2002г].

На Сыне хранилось большое серебряное блюдо с изображениями филина, стоящего на спине оленя, и взлетающей утки. Оно было найдено в начале 1970-х гг. на берегу р. Войкар ок. Святого мыса. Блюдо использовали при жертвоприношении оленя: его обводили вокруг шеи животного и вдоль спины. Таким образом, олень подносился в жертву семейному духу-покровителю, который выступает в птичьей ипостаси: именно его и видели в фигуре филина на блюде (рис. 8).

Средневековое серебряное блюдо с изображением всадника на коне, убивающего льва, хранится в одном из поселков на Горной Оби. Фигура всадника ассоциируется с изображением сына Верховного бога – *Мир лярты хо* (рис. 9). В пос. Зеленый Яр сотрудника Салехардского краеведческого музея было приобретено серебряное блюдо X – XI вв. с изображением двух львов [Федорова, 2002, с. 109 – 110]. Оно находилось в составе домашнего святилища; фигуры животных осмысливались владельцами блюда, скорее всего, сквозь призму местных религиозных представлений: в этом поселке особым почетом была окружена Казымская богиня в облике кошки.

Рис. 8. Серебряное блюдо с изображениями филина, стоящего на олене, и утки.

Рис. 9. Серебряное блюдо с изображением всадника, убивающего льва.

Рис. 10. Халат духа-покровителя.

Большое место в домашних святилищах северных хантов занимают подношения божествам и духам-покровителям. Их делают по праздникам, во время проведения обрядов и сопровождают просьбами об удачном промысле, излечения от болезней и пр. Среди подношений преобладают специально изготовленные для семейных пенатов предметы одевания и снаряжения. При этом сама фигура божества в сундуке часто отсутствует.

В пос. Музгорт к таким дарам относится халат из черного сукна, края бортов, подола и рукавов которого обшиты золотым позументом. На левой стороне халата – три, на правой – четыре медные пуговицы (в данном случае, число “семь”, видимо, важнее, чем принцип симметрии). Размах рукавов 52 см. В пос. Тильтима для домашнего “бога” был пошит халат из красного и черного сукна. Длина халата 45 см. Его подол, борта и рукава оторочены лисьим мехом.

Под мышками, на краях рукавов и спинке пришиты медные бубенчики. Богатой, но необычной “змеевидной” орнаментике этого изделия трудно подобрать аналоги (рис. 10). В пос. Оволингорт жертвенным даром являлся халат из белой байки с нашитыми оловянными литыми розетками и золотым позументом по краю. Халат с подкладом и завязками из белой замши. Размах рукавов 95 см. Одевание было изготовлено в конце XVIII – начале XIX в.

Дарили духам-покровителям обувь – сапоги из зеленого сукна (пос. Евриторт) или черной кожи (поселки Анжигорт, Зеленый Яр), а также головные уборы, например, фуражки (пос. Зеленый Яр). В Вытвозгорте подношением “кумиру” стали миниатюрные кожаные рукавицы (длина 8 см), украшенные орнаментом, вышитым подшейным волосом оленя. В пос. Анжигорт хозяева святилища пошили своему покровителю миниатюрную подушку вытянутой пря-

моугольной формы (размеры 12×6 см) из красного и зеленого сукна с инкрустацией, внутри она набита опилками. Интересно, что в одном из мансийских сказаний дух просил у Верховного бога одеяло и подушку для своей постели [Kannisto, 1958, S. 134].

Как и в других группах обских укров, у северных хантов принято делать специальное подношение по поводу прибавления в семействе. После рождения мальчика духу-охранителю подносят миниатюрные луки с тетивой из веревки и привязанными стрелами с тупыми наконечниками и желают, чтобы мальчик вырос метким и удачливым охотником. После рождения девочки подношение в виде суконной игольницы с инкрустацией делают богине *Калтась* и при этом просят о том, чтобы новорожденная стала умелой мастерицей.

Многие духи-покровители почитаются как древние богатыри, поэтому особыми дарами для них являются оружие и предметы защитного снаряжения. В поселках Мувгорт, Нимвожгорт, Зеленый Яр в амбарчиках и на чердаках хранятся железные сабли без рукояти, в пос. Ишвары – одна сабля в ножнах вставлена между досками крыши, другая положена в стоящий на чердаке сундук, в пос. Оволынгорт – польская сабля XIX в. лежит в амбарчике на полке под медвежьей шкурой, в пос. Вытвозгорт – семейному покровителю были поднесены массивный железный наконечник копья и два костяных наконечника стрел. Среди даров встречаются щитки для защиты запястья лучника от удара тетивы при стрельбе из лука: средневековый серебряный щиток с изображением птицы (пос. Ямгорт), щиток из оленьей кости (размеры $9 \times 4,5$ см) и имитации щитков в виде медных согнутых вдоль оси овальных блях 1834 г. с изображением оленя (пос. Оволынгорт, Зеленый Яр).

Вместе с домашними культовыми атрибутами хранится и жертвенная посуда, которая, являясь даром или собственностью духа-покровителя, используется хозяином дома и другими присутствующими во время обряда. Это может быть как искусно вырезанная костяная ложка (пос. Вытвозгорт), так и металлическая посуда, например серебряные рюмки. В пос. Ямгорт в качестве жертвенной посуды использовали серебряный стакан московской работы 1854 г.

Некоторые предметы, поднесенные духам-покровителям, выполняли магическую функцию, направленную главным образом на обеспечение удачного охотничьего или рыбного промысла. Для этой цели, в частности, использовали приобретенные у приезжих купцов или в городах на ярмарках медные и посеребренные блюда и прямоугольные пластины, выполненные преимущественно в Тобольске в конце XVIII – середине XIX в. На них с помощью чеканки и гравировки запечатлена сцена охоты на животных (чаще всего оленя). В семейных амбарчиках обнаружены: медная пластина размерами $21,4 \times 5,4$ см (пос. Оволынгорт),

фрагмент пластины (пос. Нимвожгорт), медное блюдо (пос. Ханты-Мужи), жестяная пластина размерами $22 \times 5,5$ см и медное посеребренное блюдо (пос. Зеленый Яр).

Для обеспечения успешной охоты в пос. Хорьер духу-покровителю была поднесена изготовленная в конце XIX в. деревянная фигура оленя (длина 27 см), завернутая в желтый шерстяной лоскут. Ноги оленя выполнены из больших железных гвоздей, рога железные (правый рог, возможно, фрагмент средневекового серебряного витого браслета или височной подвески). К шее оленя привязан медный бубенчик. Во рту – полоска олова, такая же полоска идет поперек зада оленя. Выделены деревянные короткий хвост и половой орган. Сверху фигурка оленя обмотана лоскутом ткани, красным шерстяным шнуром, позументом.

В “святом” сундуке на чердаке дома в пос. Зеленый Яр хранятся алюминиевые фигурки волка с медной цепью на шее и оленя, а также кусок ягеля (еда для оленя). При совершении обряда хозяева жилища просят богов, чтобы волки не трогали оленей. Подобные атрибуты были зафиксированы у березовских хантов и сосвинских манси [Иванов, 1970, с. 58; Гемуев, 1990, с. 129 – 130].

На дне сундуков часто встречаются речные раковины, завернутые в лоскутки материи (поселки Евригорт, Оволынгорт, Нимвожгорт). Сынские и березовские ханты, ляпинские манси относят их к “святым” вещам, которые, согласно поверьям, приносят удачу в рыбной ловле [Бауло, 2002а, с. 16]. С этой же целью семейному “кумиру” в пос. Евригорт был положен калданный камень с изображением двух рыб.

В домашних святилищах хранятся и лисьи шкуры. Это может быть шкурка первой добытой на охоте лисицы или принесенная духам мужа молодой женой, входящей в новый дом. Иногда на свадьбу делают связку из двух лисьих шкур (муж и жена) с привязанными к ней платками. Если кто-то из супругов умирает, одну шкуру и ленточку от связки кладут ему в могилу. В пос. Овгорт связка состояла из трех шкур лисы: во время жертвоприношения оленя гость привязывает к этой связке от себя новый платок. В пос. Ямгорт к связке из двух шкур чернобурок была привязана бронзовая фигурка козла [Бауло, 2002б, с. 149 – 150]. Если нет лисьей шкуры, то духу-покровителю временно кладут лисий хвост, обещая при первой же возможности положить шкуру. Впоследствии хвост все равно остается в сундуке. Покойному “от дома” также кладут в гроб лисью шкуру или, если ее нет, хотя бы лисий хвост.

В пос. Ишвары на чердаке дома над “святыми” сундуками на балке прикреплено несколько связок с лисьими черепами (более 20 шт.). Даже если шкуру лисы приходится продавать, череп жертвуют богу.

У хантов, проживающих на р. Полуй, семейным божествам вместе с просьбой об удаче в охоте на соболя подносят плат прямоугольной формы из сукна двух цветов с пришитыми по углам серебряными монетами, а в центре – куском меха соболя.

В “святые” сундуки кладут также найденные необычные вещи, к которым относятся как древние артефакты, так и природные объекты (камни). Северные ханты в XVIII – XX вв. нередко находили образцы древнего бронзолитейного производства. Их воспринимали либо как материальные свидетельства существования легендарных богатырей-предков, либо как послание свыше, знак удачи и особой благосклонности небесных сил. На дне “святых” сундуков сохранились рукояти ножей, антропоморфные личины, фигурки животных и птиц [Тыликова, Бауло, 2001; Бауло, 2002б]. Жертвенными дарами нередко являлись и серебряные предметы, изготовленные в Волжской Булгарии и Прикамье в XII – XIV вв. Ханты обнаруживали их, как правило, в составе “кладов”. К таким находкам относятся обломок пластины, украшенной пирамидками, ромбами зерни, с ткаными поясками, со вставкой из красного стекла в серебряной прямоугольной рамке, с двумя поздними гравировками в виде птицы и рыбы (пос. Оволынгорт), а также серьга (пос. Хорьер), девять “браслетов” и щиток лучника (размеры 11,4 × 6,8 см) с изображением орла (пос. Ямгорт).

Из природных объектов в домашних святилищах встречаются чаще всего камни ровной круглой или же причудливой формы. Так, в священной нарте в пос. Мувгорт хранится камень, напоминающий позвонок животного.

У северных хантов существует развитый культ предков, связанный с изготовлением изображений умерших людей [Соколова, 1990]. В 1771 г. В.Ф. Зуев писал: “Болваны, после умерших... имеют также себе почтение... сыновья его сажают вместе обедать, откладывают ему особливо и просят, чтоб покушал. Сие продолжается чрез целой год... и жена, естли мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствует, и с собою на постелю спать кладет...” [1947, с. 42]. “Когда муж умрет... жена... зделает себе болван и на оной наденет платье мужа своего, и ночью кладет с собою, а днем ставит пред глазами... и сие продолжает целый год...” – говорится в документе 1784 г. [Андреев, 1947, с. 102]. Лекарь В. Шавров в 1821 г. отмечал: “Остяки делают еще после всякого умершего в семействе... деревянного болвана, выделанного руками женщин, которые в продолжении трех лет имеют его своим Пенатом и отдают все почести, принадлежащие божеству. За всяким обедом... подают ему все, что у них приготовлено... По прошествии же трех лет хоронят болван сей. Ежели же умирает Шаман, то в честь

памяти его также делают болвана, но уже не одне женщины его рода, а также и мущины... поклоняются как божеству” (цит. по: [Белявский, 1833, с. 98 – 99]).

Современные изображения умерших (*иттарма*) достаточно подробно описаны в литературе практически по всем локальным группам северных хантов [Соколова, 1975а, б; 1990; и др.; Кулемзин, 1986; Головнев, 1995; Талигина, 1995; 1998]. *Иттарма* изготавливают по-разному: фигурку человека отливают из свинца или вырезают из куска дерева, отколотого от шеста чума или венца сруба дома, где жил покойный. Поверх фигурки надевают халаты и шубку из оленьего меха. *Иттарма* хранится в семье покойного в локальных группах хантов разное время; в большинстве случаев изображения умерших переходят в состав духов-предков, охраняющих семью.

Из свинцовых изделий в семейных святилищах северных хантов встречаются изображения наземных животных, птиц и рыб. С магической целью обеспечения рыбного промысла отливали фигурки длиной 5 – 9 см муксуна, нельмы и осетра (поселки Евригорт, Мувгорт, Нимвожгорт). Для временного замещения жертвы использовали свинцовую (пос. Нимвожгорт) или берестяную (пос. Вершина Войкара) фигурку оленя. В случае непреднамеренного убийства или нанесения вреда священным животным (лягушке или ящерице) ханты выдалбливали в куске дерева форму, заливали свинцом и, завернув в тряпочку готовую фигурку, убирали ее в “святой” ящик [Соколова, 1975б, с. 145, 148; Перевалова, 1996, с. 85; Бауло, 2002а]. В домашних святилищах встречены: в пос. Оволынгорт – свинцовая лягушка в тряпице, в пос. Евригорт – фигурка лебедя длиной 8 см, в пос. Мувгорт – фигурка выдры длиной 7,1 см, в пос. Нимвожгорт – фигурка ящерицы в лоскутке, окропленном кровью, в пос. Зеленый Яр – фигурка кошки длиной 10 см (ипостась Казымской богини), обвязанная лентой.

Зоо- и орнитоморфные фигурки из свинца выполняли также роль помощников духов-покровителей. Они не имеют специально выполненной одежды, придающей фигурам духов антропоморфный облик. Это связано с тем, что помощники выступали в облике животных и птиц. В пос. Овгорт в священной нарте в отдельном свертке с лентами и кольцами хранятся семь свинцовых отливок: три – птиц (длина каждой фигурки 9 см) и четыре – “ящеров” (длина 8 см).

В домашних святилищах северных хантов имеется немало атрибутов, связанных с почитанием *Емвож-ики* (медведя). После медвежьего праздника в составе культовой атрибутики оставляют шкуру (поселки Мувгорт, Оволынгорт), череп с лапами (поселки Ишвары, Ханты-Мужи), скальп убитого животного (поселки Евригорт, Оволынгорт, Вытвожгорт,

Рис. 11. Маски для медвежьего праздника.

Рис. 12. Шаманский бубен с двумя фигурами духов.

а

б

Рис. 13. Головные уборы шаманов.

Ямгорт). В священной нарте в пос. Овгорт хранят скальп с головы медведицы и три набитых сеном чучела неродившихся медвежат.

Для драматических сенок праздника на Сыне изготавливают раскрашенные сажей деревянные маски с бородой в виде узкой полоски оденей шкуры (рис. 11), а также деревянные "голова журавля". Мужчины, выступающие в роли богатырей-предков, надевают специальные очелья. В пос. Ямгорт используется средневековое серебряное очелье (из Волжской Булгарии или Прикамья), примотанное кожаным шнурком к выструганной деревянной пластине, в пос. Ханты-Мужи – прикрепленные на суконных лентах посеребренная (размеры 24 × 4 см) и медная (размеры 24 × 6,6 см) пластины тобольской работы начала XIX в. с охотничьей сценой. Надевают также ритуальные рукавицы с изображением медведя (поселки Овагорт, Анжигорт, Вытвозгорт) или с зеркально расположенными крестообразными фигурами (пос. Евригорт), и халаты.

Из шаманской атрибутики в домашних святилищах можно встретить ритуальные железные сабли, а также палаши и шпаги конца XVIII в., которые использовались для ворожбы, связки стрел для камлания в "темной юрте", бубны с крестообразной или вильчатой рукоятью. В поселках Овгорт и Тильтим (сынские ханты) зафиксированы два бубна, в которых хранят мужскую и женскую фигурки; это муж и жена – духи бубна (рис. 12). В пос. Зеленый Яр для борьбы со злыми духами шаманом были изготовлены кованные медные нож и лук (длина 33 см) с двумя стрелами на тетиве-проволоке. Головные уборы шаманов представлены двумя шапками. Первая шапка сшита из кусков шерстяного сукна красного, желтого, зеленого, черного и синего цвета. Ее нижняя часть (диаметр 35 см) сшита из двух поперечных полос сукна и оторочена медвежьим мехом, верхняя – из 12 клиньев сукна. Макушка шапки выполнена из круглого куска ткани зеленого цвета; к его краю пришит лоскут медвежьей шкуры в виде полумесяца (рис. 13. а).

Вторая шапка изготовлена из кусков сукна зеленого, черного и красного цвета, нижний край оторочен мехом. На лицевой стороне – стилизованное изображение бегущей восьминогой особи с хвостом и головой; в центре пришта фигура из красного сукна, напоминающая очки. Над полоской меха пришито семь пуговиц (рис. 13, б).

Для умилоствления богов и духов-покровителей в домашних святилищах совершают жертвоприношение, в ходе которого просят о благополучии членов семьи. В зависимости от способа угощения духов обряды подразделяют на *йир* “кровавое жертвоприношение” и *поры* “бескровное жертвоприношение”. Во время первого обряда жертвуют домашних животных, во время второго пользуются заранее приготовленными продуктами, свежей рыбой, дичью. В качестве даров духам преподносят меха, куски ткани, металлические изделия. Крышки вместилищ семейных святиль приоткрывают, в священный угол, а также у очага и на улице с задней стороны дома ставят угощение духам-покровителям – пищу и спиртное.

У сынских хантов, угощая духов, готовят два стола (мужской и женский) и отдельную чашу. Мужской стол ставят в передний угол, женский стол – около двери, где находится фигура *Кур илпи ики*. В отдельно поставленную чашу хозяйка дома раскладывает ту же пищу, что подается и на столы. Хозяин выносит эту чашу к духам, находящимся в священной нарте или амбарчике [Талигина, 2002, с. 45 и др.]. Церемония “угощения” духов происходит и на чердаке, если там хранятся “святые” вещи.

Обряд в честь Небесного всадника на Сыне происходит так: хозяин животного надевает на свою голову священную шапку, на себя – ритуальный пояс, на спину оленя кладет жертвенное покрывало. Оленю обрезают кончик хвоста, и хозяин дома вместе с животным “по солнцу” обходит 7 раз жилище. Таким образом жертвенной кровью окропляют пространство вокруг дома, демонстрируя, что жертва совершается ради благополучия живущих в нем людей. Перед закланием оленя 7 раз хором выкрикивают обращение к Богу, затем покрывало снимают. Жертвенную кровь обязательно капают на полотно.

Духу Нижнего мира и его шести сыновьям, живущим в “семислойном подземелье высотой с собачий хвост”, мужчины приносят в жертву оленя темной масти, женщины – семь черных рубах, сшитых одной ниткой [Головнев, 1995, с. 569].

Заключение

Домашние (семейные) святилища на протяжении XVIII – XX вв. выполняли важную функцию поддержания контактов между миром людей и миром богов в ус-

ловиях существования локальных, небольших по размеру поселков северных хантов. Подвергшиеся натиску насильственной христианизации, атеистической идеологии, вмешательству государственных органов в частный мир хантйской семьи, святилища смогли остаться тем островком стабильности, на котором основан традиционный уклад жителей Сибирского Севера.

Список литературы

- Андреев А.И.** Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясных иноверцах // СЭ. – 1947. – № 1. – С. 84 – 103.
- Бауло А.В.** Семейные фетиши Сайнаховых в Щекурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 586 – 590.
- Бауло А.В.** Богатырь и невеста (серебряное блюдо с р. Сыня) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 123 – 127.
- Бауло А.В.** Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002а. – 92 с.
- Бауло А.В.** Древний металл из святилищ обских угров (новые находки) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002б. – № 2. – С. 144 – 155.
- Бауло А.В.** Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межнационального взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002в. – С. 12 – 27.
- Бауло А.В.** Сасанидское серебряное блюдо с реки Сыня // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002г. – № 1. – С. 142 – 148.
- Бауло А.В., Маршак Б.И.** Серебряный ритон из хантйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 133 – 141.
- Белявский Ф.** Поездка к Ледовитому морю. – М.: Б.и., 1833. – 255 с.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2001. – 160 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: Урал. отд-ние РАН, 1995. – 606 с.
- Зуев В.Ф.** Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих остяков и самоедов. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – 96 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 5).
- Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири. XIX – первая половина XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири.** – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 280 с.
- Кастрен М.А.** Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838 – 1844, 1845 – 1849) // Магазин землеведения и путешествий. – 1860. – Т. 6, ч. 2. – 436 с.

Кулемзин В.М. Об изображении умерших у северных хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1986. – С. 79 – 84.

Лапина М.А. Люди и птицы в мировоззрении Тэк ики // Обские угры: Материалы II Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. пед. ун-та, 1999. – С. 185.

Мартынова Е.П. Образ Калтащ-Анки в религиозной традиции хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург: Изд-во Урал. отд-ния РАН, 1992. – С. 74 – 84.

Молданов Т.А., Молданова Т.А. Боги земли Казымской. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 114 с.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. – М.: Наука, 2001. – 155 с.

Перевалова Е.В. Две традиции в сакральном отношении к собаке у нижнеобских хантов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та; Омск: Ом. филиал ОИИФФ, 1996. – Ч. 2. – С. 83 – 87.

Перевалова Е.В. Войны и миграции северных хантов (по материалам фольклора) // Урал. ист. вестн. – Екатеринбург, 2002. – № 8. – С. 36 – 58.

Соколова З.П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов // Полевые исследования ИЭ 1974 г. – М., 1975а. – С. 165 – 174.

Соколова З.П. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ. – 1975б. – № 6. – С. 143 – 154.

Соколова З.П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 58 – 72.

Старцев Г. Остяки. – Л.: Прибой, 1928. – 152 с.

Талигина Н.М. Описание похоронного обряда сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – Вып. 2. – С. 130 – 140.

Талигина Н.М. Потусторонние субстанции человека в представлениях сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – Вып. 6. – С. 42 – 48.

Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла в традиционной культуре сынских хантов: Дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2002. – 232 с.

Тыликowa Е.И., Баулю А.В. Древности Нижнего Приобья в фондах Овгортского краеведческого музея // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 127 – 134.

Федорова Н.В. Блюдо со львами: Пять жизней за тысячу лет // Вестн. Урал. отд-ния РАН. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 2. – С. 107 – 115.

Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. – М.: Б.и., 1882. – 540 с.

Шабасев Ю.П., Уляшов О.И. Шурышкарские ханты: проблемы культурной эволюции // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 120 – 129.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. – Helsinki, 1958. – Vol. 113. – 444 S.

Материал поступил в редколлегию 28.10.03 г.

УДК 391

С.В. Соболева¹, И.В. Октябрьская², М.В. Ульянова³, М.Б. Лавряшина³

¹*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: soboleva@ieie.nsc.ru*

²*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: SIEM405@yandex.ru*

³*Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: ulmar2003@mail.ru
lmb2001@mail.ru*

СИСТЕМНАЯ ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ АЛТАЕ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ (по материалам исследований в Турочакском и Чойском районах Республики Алтай)

Постсоветское десятилетие, до предела обострив социально-экономические и этнодемографические проблемы, поставило задачу разработки концепций устойчивого развития российских регионов. Условием создания перспективных стратегий стал анализ этнодемографической ситуации в локальных сообществах, в т.ч. и в Сибири. В свете государственных постановлений 1990-х гг. в фокусе общественно-политического и академического интересов оказались проблемы коренных малочисленных народов края.

Правовую основу в этой сфере составили положения Конституции Российской Федерации (ст. 69) о том, что государство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами России.

В развитие данных конституционных положений приняты и действуют законодательные и подзаконные акты Российской Федерации, закрепляющие особые права коренных малочисленных народов на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, на защиту исконной среды обитания, традиционных образа жизни и природопользования. Это федеральные законы "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" (от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ), "Об общих принципах организации

общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" (от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ), "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" (от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ), "О временных мерах по обеспечению представительства коренных малочисленных народов Российской Федерации в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации", а также постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 "О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации".

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июля 2001 г. (№ 564) была утверждена Федеральная целевая программа "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года", ориентированная на устойчивое развитие этих народов на принципах самообеспечения на основе традиционных отраслей хозяйствования, духовного и национально-культурного возрождения. Программа предполагает создание социальной (коммунальной) инфраструктуры, повышение уровня образования, совершенствование системы здравоохранения, воссоздание традиционного

Таблица 1. Численность и соотношение полов обследованного населения

Годы	Чойский р-н			Турочакский р-н		
	Муж.	Жен.	СП	Муж.	Жен.	СП
1940-е	444	630	0,70	590	631	0,94
1970-е	833	868	0,96	431	556	0,78
2000-е	514	505	1,02	389	412	0,94
Всего	1791	2003	0,89	1410	1599	0,88

хозяйственного уклада коренных малочисленных народов Севера и комплексное развитие хозяйственно-экономической структуры в районах их проживания при сохранении экологического баланса.

В марте 2003 г. (по данным РИА “Новости”) в г. Томске состоялось совместное заседание консультативного совета по делам коренных малочисленных народов Севера и Сибири при полномочном представителе Президента РФ в Сибирском федеральном округе (СФО) и президиума координационного совета Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, на котором были сделаны выводы о необходимости корректировки указанной Федеральной программы, постоянного выделения бюджетных средств на научно-исследовательские работы и проекты по сохранению культуры и языка, охрану здоровья коренных малочисленных народов Севера.

Подобные исследования активно ведутся в рамках интеграционных программ Сибирского отделения РАН с 1990-х гг. Объектом исследований с участием генетиков, социологов, этнологов СО РАН и Кемеровского государственного университета, поддержанных грантами РФФИ в 2001 – 2003 гг. (проект № 01-06-80446а “Малочисленные коренные народы Северного Алтая: реальность и перспективы. Междисциплинарный мониторинг исчезающих тюркских этносов: диагноз и прогноз”), были избраны сельские локальные сообщества в северных – Чойском и Турочакском – районах Республики Алтай (РА).

Социально-экономическую и этнодемографическую историю этого региона в XIX – XX вв. определяли земледельческая колонизация, промышленное освоение таежных, лесных массивов и развитие горных разработок (золотодобыча), что было связано с развитием процессов трудовой миграции.

Северный Алтай традиционно являлся территорией проживания тубаларов, челканцев, кумандинцев. В ходе интеграции региона в российскую административную и социально-экономическую инфраструктуру эти народы оказались в зоне активного межэтнического взаимодействия, что обусловило развитие ассимиляционных процессов в их среде.

В 1990-х гг. тубалары, челканцы, кумандинцы получили статус коренных малочисленных народов, выделившись из алтайского этноса, к которому причис-

лялись (в качестве субэтносов – северных алтайцев) на протяжении XX в. Численность тубаларов, челканцев, кумандинцев условно определяется в границах 1,5 – 2 тыс. чел. для каждого этноса. Их современное состояние характеризуют кризисные показатели.

В ходе работ 2001 – 2003 гг. был собран материал по шести сельским администрациям Чойского и Турочакского р-нов Республики Алтай (данные на 8 369 чел. во временном диапазоне с 1940 по 2003 г.). Кроме того, привлекались информация Государственного комитета Республики Алтай по статистике [Республика Алтай..., 2002, с. 364; Индикаторы..., 2002, с. 110; Аналитические и экономические работы..., 2002, с. 64; Краткий доклад..., 2002, с. 172; Сельское хозяйство..., 2002, с. 151; Образование..., 2002, с. 32; Состояние преступности..., 2002, с. 24; Районы..., 2001, с. 48; Бюджет семьи, 2001, с. 56], а также текущая информация комитетов статистики Чойского и Турочакского р-нов РА. Аналитический обзор статистической информации был подготовлен группой социологических исследований ИЭиОПП СО РАН под руководством д-ра экон. наук С.В. Соболевой. Источником демографических данных послужили регистры населения Ыныргинской, Паспаульской, Уйменской и Каракюкшинской сельских администраций Чойского р-на, Кебезенской и Артыбашской сельских администраций Турочакского р-на (всего 42 поселка), где среди коренного населения преобладают тубалары.

Анализировалась текущая документация за 1940 – 1943, 1970 – 1973 и 2000 – 2003 гг., что соответствует двум поколениям; учитывались сведения о национальности, фамилиях, половой принадлежности, возрасте, брачности, объеме и составе семьи (количестве детей), образовании и профессии (объемы выборки и данные по соотношению полов (СП = муж./жен.) отражены в табл. 1).

На территории Республики Алтай проживают представители разных народов (табл. 2). При проведении демографического анализа по шести сельским администрациям Чойского и Турочакского р-нов основное внимание было уделено коренным малочисленным народам – тубаларам, кумандинцам, челканцам.

Предметом анализа стали этно-, социально- и генетико-демографические показатели: общая и генетическая эффективная численность населения, половозраст-

Таблица 2. Национальный состав обследованного населения (данные 2000 – 2003 гг.)

Национальность	Чойский р-н		Турочакский р-н	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Алтайцы	211	20,71	322	15,59
Тубалары	232	22,77	771	37,37
Кумандинцы	5	0,49	30	1,45
Челканцы	0	0	95	4,60
Русские	538	52,80	703	34,04
Татары	0	0	2	0,09
Украинцы	4	0,39	12	0,58
Литовцы	2	0,19	7	0,34
Немцы	2	0,19	4	0,19
Поляки	0	0	4	0,19
Молдаване	0	0	3	0,15
Мордва	0	0	2	0,09
Прочие	9	0,88	26	1,26
Без указания национальности	16	1,57	84	4,07

Таблица 3. Возрастная структура населения в 2000 г., %

Территория	0 – 15 лет	16 – 54(59) года	55(60) лет и старше
Республика Алтай	25,4	60,7	13,9
Чойский р-н	26,7	55,4	17,9
Турочакский р-н	26,5	56,2	17,7

ная структура, рождаемость, смертность, репродуктивный состав, брачность, миграционная активность и др. Применение системного подхода позволило диагностировать состояние коренного населения в ретроспективе на фоне общих тенденций изменения этнодемографической и социально-экономической ситуации на Алтае и в Западно-Сибирском регионе в целом.

Известно, что основные демографические параметры являются важными индикаторами социального благополучия. И если в периоды стабильного экономического развития эти показатели достаточно инерционны, то в кризисные годы они выходят за рамки сложившихся в прошлом тенденций. В Западной Сибири такая зависимость просматривается с 1990 г.

Общая численность населения Республики Алтай на начало 2000 г. составила 205 тыс. чел. Из них 53 тыс. (25,8%) проживало в городе и 152 тыс. (74,2%) – в сельской местности. На Чойский и Турочакский р-ны (16,7% территории современной РА) приходится 11,3% населения РА. Плотность населения в Турочакском р-не почти в 2 раза ниже, чем в Чойском и в целом по Республике Алтай.

Динамика основных демографических составляющих воспроизводства населения РА в 1989 – 2001 гг. имела существенные отличия по сравнению со многими территориями Западной Сибири. На фоне сокращения численности населения Сибирского региона в Республике Алтай она постоянно возрастала; за период

с 1989 по 2001 г. увеличилась на 13,6 тыс. чел. (7,1%) и составила 205,6 тыс. чел. Этот рост произошел в основном за счет сельского населения (9%) и в меньшей степени – городского (1,9%). По Западной Сибири в целом увеличение сельского населения не компенсировало сокращение городского, т.к. доля города здесь существенно выше, чем в Республике Алтай.

В Чойском р-не демографический прирост 1997 – 2001 гг. составил 2,6%, к 2001 г. численность населения была равна 9,5 тыс. чел., а в Турочакском р-не она сократилась на 1%, до 13,7 тыс. чел., при общей тенденции существенного увеличения численности сельского населения в республике.

В локальных сельских сообществах северных районов Республики Алтай наблюдается активное взаимодействие коренных народов (алтайцев, тубаларов, челканцев, кумандинцев), русских, немцев, украинцев, татар и др. Благополучие народонаселения определяется рядом факторов, одним из которых является характер возрастной структуры.

Средний возраст населения Республики Алтай 32,8 года. Доля трудоспособных составляет 61%; удельный вес населения моложе трудоспособного возраста (25%) почти в 2 раза превышает долю лиц старше трудоспособного возраста (14%) (табл. 3). По сравнению с Западной Сибирью возрастная структура в Республике Алтай имеет более прогрессивный характер.

С позиций социальной устойчивости локальных сообществ следует признать, что Республика Алтай находится в более выгодном положении, чем Сибирский регион в целом. В Западной Сибири к группе трудоспособного возраста относится около пятой части, а в Республике Алтай около четверти населения; но при этом одновременно с увеличением группы старше трудоспособного возраста происходит сокращение численности и доли детей 0 – 15 лет.

В Чойском и Турочакском р-нах соотношение между населением моложе и старше трудоспособного возраста составляет 1,5:1. Процент трудоспособного населения в районах меньше, чем в республике и в регионе, и более значительную часть населения составляют пенсионеры. В результате коэффициент демографической нагрузки в Чойском р-не равен 0,81, в Турочакском – 0,78, что немного выше республиканского показателя.

Для изучения особенностей популяционной структуры коренных малочисленных народов Чойского и Турочакского р-нов РА было выделено три возрастных класса: дорепродуктивный (0 – 19 лет), репродуктивный (от 20 до 45 лет для женщин и от 20 до 55 – для мужчин) и пострепродуктивный (старше 45 и 55 лет соответственно для женщин и мужчин). Полученные на основе анализа локальных сообществ шести сельских администраций результаты отражены на рис. 1, 2.

Для популяций и Чойского, и Турочакского р-на в 40-х и 70-х гг. XX в. характерно превышение доли лиц дорепродуктивного класса над долей лиц репродуктивного. В 2000 – 2003 гг. наблюдается смена типа воспроизводства на “суженный” в обеих изученных популяциях, т.е. резко снижается удельный вес группы дорепродуктивного возраста, что может привести в будущем к негативным последствиям, таким как уменьшение генетического разнообразия.

Половозрастная структура коренного населения Чойского и Турочакского р-нов РА представлена на рис. 3 – 8.

Для большинства популяций мира характерно преобладание лиц мужского пола в ранних возрастных

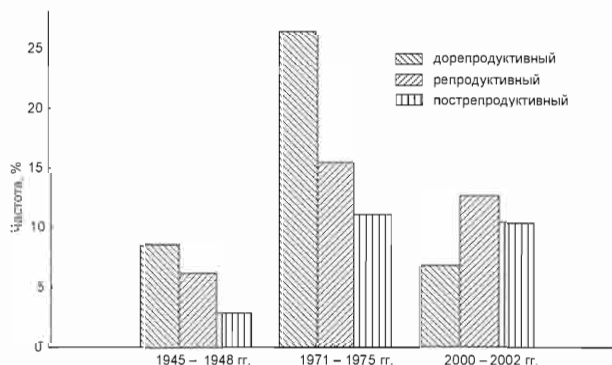

Рис. 1. Распределение населения Чойского р-на по репродуктивным классам.

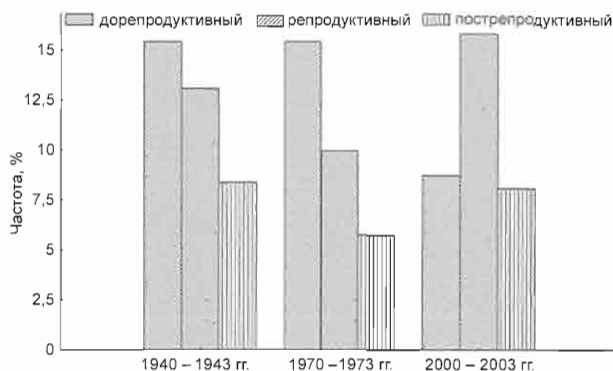

Рис. 2. Распределение населения Турочакского р-на по репродуктивным классам.

группах, а женского – в более поздних. В обследованных сельских сообществах половой индекс (СП) больше единицы отмечен только на одном временном срезе: в Турочакском р-не – 1940 – 1943 гг., в Чойском – 1971 – 1975 гг.; атипичная половозрастная пирамида 1945 – 1948 гг. (Чойский р-н) является, очевидно, характерной для послевоенного времени.

Средний возраст коренного населения Чойского р-на с 1940 по 2003 г. стабильно увеличивался, у мужчин этот показатель возрос на 13,14 года, у женщин – на 7,61 (табл. 4). В Турочакском р-не в 1970-х гг. наблюдалось незначительное снижение среднего возраста, однако к 2003 г. он увеличился на 8,67 года у мужчин и на 7,16 – у женщин. Полученные данные свидетельствуют о выраженном “старении” аборигенных популяций (тубалары, челканцы, кумандинцы) в обоих районах.

Для населения Республики Алтай, как и Западной Сибири, характерно изменение соотношения полов. В начале 1996 г. на 1000 мужчин приходилось 1102 женщины, к 2000 г. – 1104. На начало 2000 г. в РА мужчин было 96,9 тыс., женщин – 107,1 тыс. Изменение половозрастной структуры неизбежно отражается на характере брачных отношений.

Коэффициент брачности (в расчете на 1000 населения) на протяжении 1990 – 2000 гг. в Республике Алтай находился на уровне регионального; к концу периода его значение уменьшилось на 25% и составило 6,8‰ (в Западной Сибири 6,7‰). В Чойском и Турочакском р-нах РА в период 1998 – 2000 гг. коэффициент брачности увеличился в 2,2 (до 8,4‰) и в 1,3 (до 5,8‰) раза соответственно. Коэффициент разводимости возрос к 2000 г. по отношению к 1990 г. как в регионе, так и в республике на 25%, но в республике он в 1,5 раза ниже, чем в регионе, и в 2000 г. был 3,3‰. В Чойском р-не коэффициент разводимости ниже регионального, а Турочакский относится к районам с высоким уровнем разводов. В настоящее время около половины мужчин и женщин северных районов Алтая

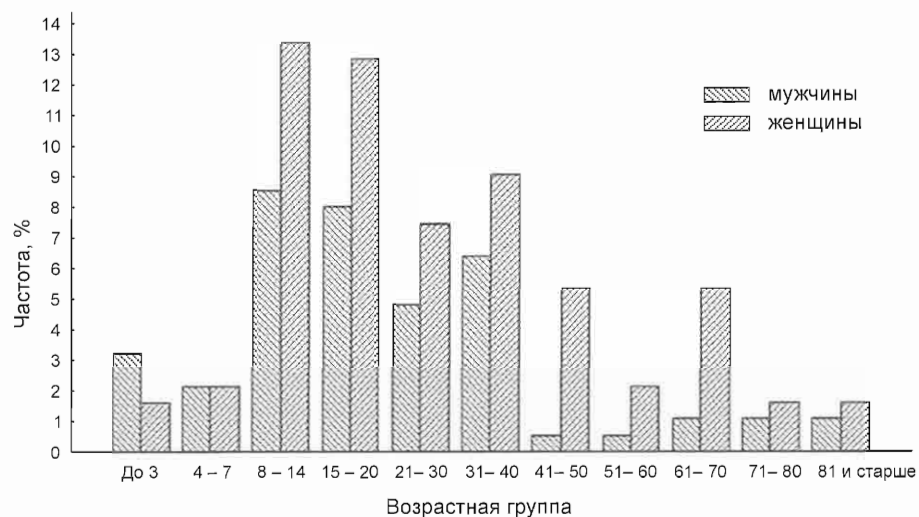

Рис. 3. Половозрастная структура коренного населения Чойского р-на в 1945 – 1948 гг.

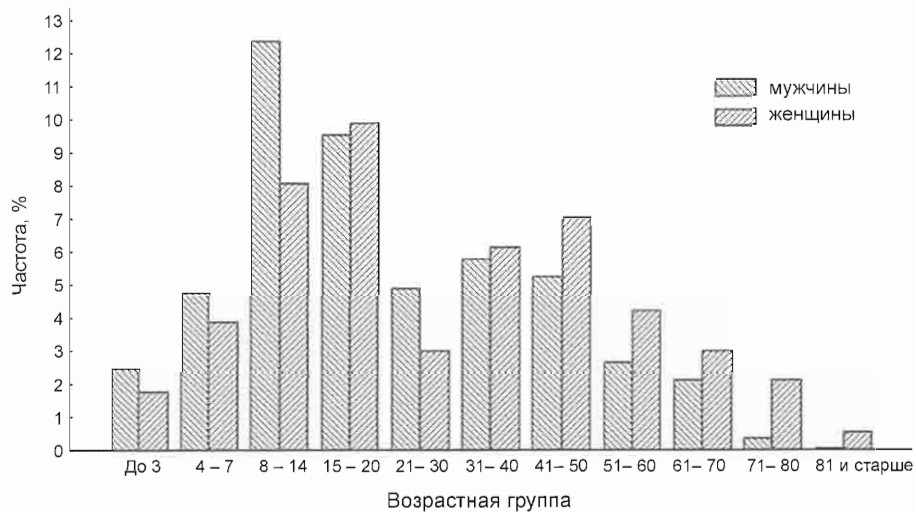

Рис. 4. Половозрастная структура коренного населения Чойского р-на в 1971 – 1975 гг.

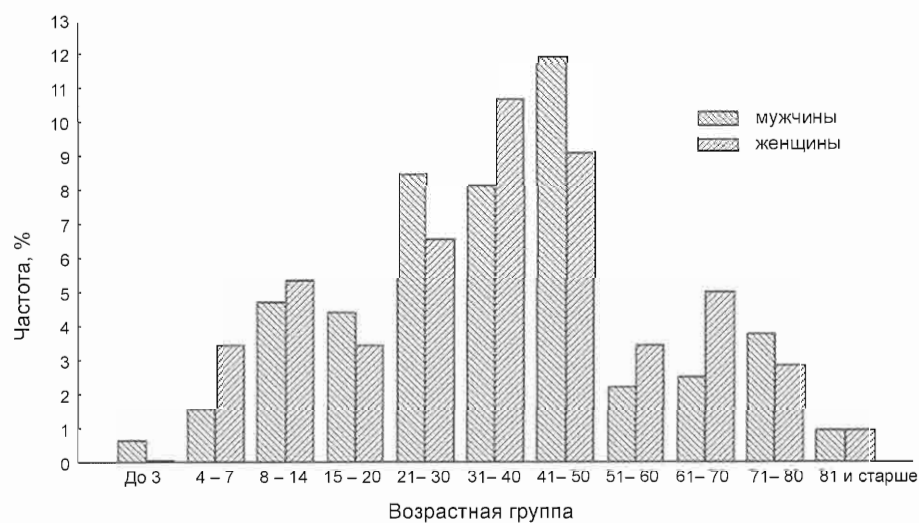

Рис. 5. Половозрастная структура коренного населения Чойского р-на в 2000 – 2002 гг.

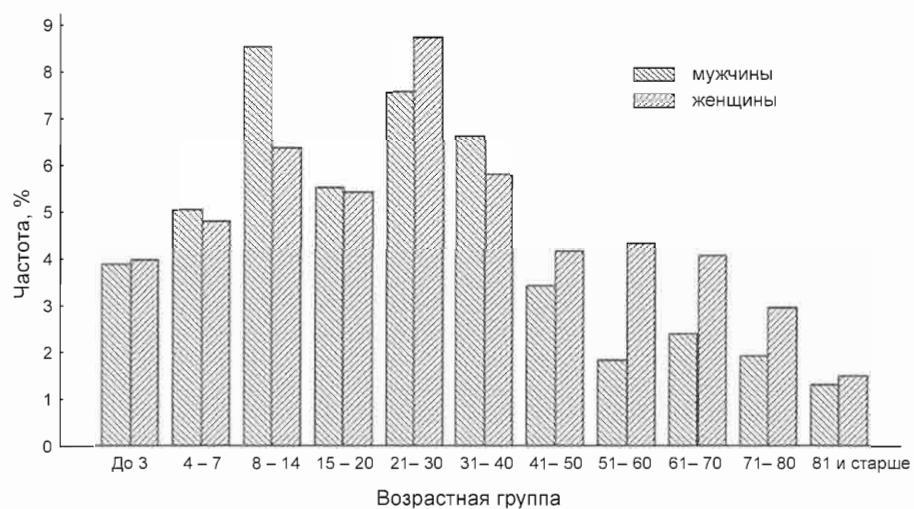

Рис. 6. Половозрастная структура коренного населения Турочакского р-на в 1940 – 1943 гг.

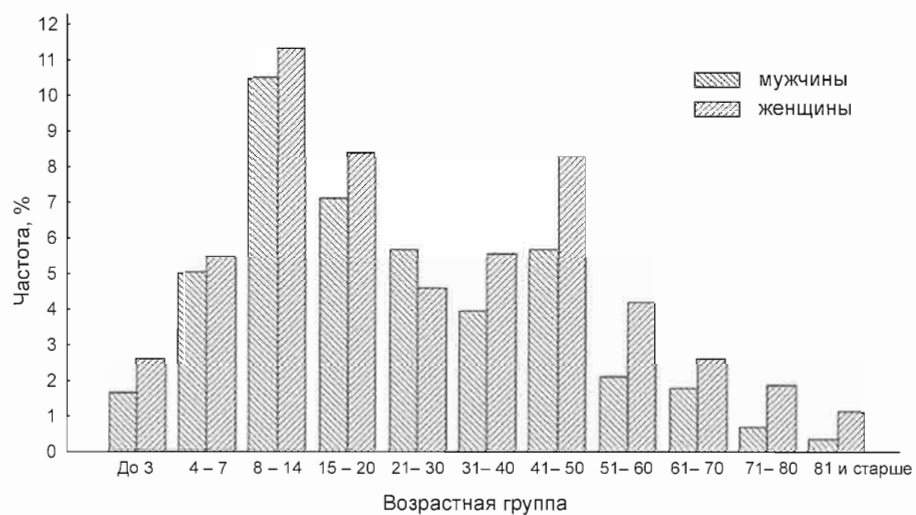

Рис. 7. Половозрастная структура коренного населения Турочакского р-на в 1970 – 1973 гг.

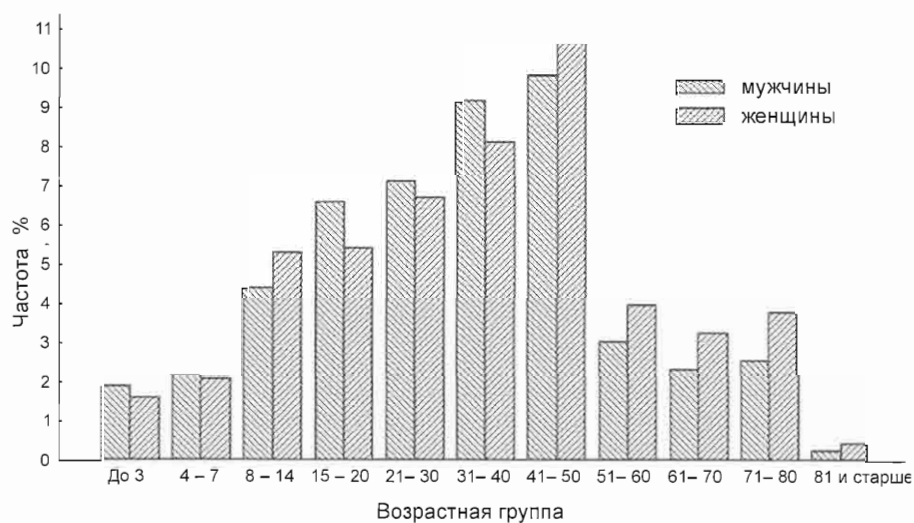

Рис. 8. Половозрастная структура коренного населения Турочакского р-на в 2000 – 2003 гг.

Таблица 4. Средний возраст коренного населения

Район	Пол	1940-е гг.	1970-е гг.	2000-е гг.
Чойский	Муж.	23,93	24,19	37,07
	Жен.	29,83	31,09	37,44
Турочакский	Муж.	27,64	25,09	33,76
	Жен.	32,24	29,08	36,24

Таблица 5. Популяционно-генетические параметры коренного населения

Район	Годы	N_t	N_r	N_e	N_e/N_t	N_r/N_t
Чойский	1945 – 1948	188	66	29,47	0,16	0,35
	1971 – 1975	567	165	113,95	0,20	0,29
	2000 – 2003	322	136	83,60	0,26	0,42
Турочакский	1940 – 1943	1088	386	249,81	0,23	0,35
	1970 – 1973	918	294	187,08	0,20	0,32
	2000 – 2003	963	467	289,09	0,30	0,48

Таблица 6. Динамика показателя естественного прироста населения

Территория	Год								
	1990	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Западная Сибирь	4,3	– 3,4	– 4,4	– 4,1	– 3,9	– 3,5	– 2,6	– 3,8	– 4,0
Город	4,1	– 3,6	– 4,6	– 4,1	– 3,9	– 3,3	– 2,4	– 3,7	– 3,9
Село	4,5	– 2,8	– 4,0	– 3,8	– 4,1	– 4,1	– 2,8	– 4,2	– 4,5
Республика Алтай	8,3	1,2	0,3	1,1	0,7	0,7	2,7	1,0	1,3
Город	2,8	– 3,7	– 3,5	– 2,0	– 2,9	– 1,9	0,4	– 0,7	– 0,4
Село	10,4	3,0	1,8	2,1	1,8	1,5	3,5	1,6	1,9
Чойский р-н	5,8	Нет свед.	– 2,2	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	0,74	– 1,81	1,79
Турочакский р-н	5,7	»	– 3,4	»	»	»	0,14	– 0,36	0,07

в течение жизни расторгают брачный союз. На расторжение браков в возрасте от 25 до 39 лет решаются 60% мужчин и 59% женщин.

Показателем неблагополучной ситуации в сфере семейно-брачных отношений является рост внебрачной рождаемости: за 1996 – 2000 гг. она выросла на 26,1% в целом по республике и составила 36% от общего числа родившихся против 31% в 1996 г. В Чойском и Турочакском р-нах РА этот показатель в 1,1 раза превышает среднереспубликанский и в 1,2 раза – сложившийся в городе. Особую проблему составляет увеличение числа внебрачных детей у несовершеннолетних.

Для оценки некоторых популяционно-генетических параметров воспроизводства двух изученных популяций были рассчитаны следующие характеристики: общий (N_t) и репродуктивный (N_r) объемы, генетически эффективная численность (N_e), репродуктивная (N_r/N_t) и генетически эффективная (N_e/N_t) доли (табл. 5).

Известно, что отношение генетически эффективной численности популяции к общей различно в разных сообществах и зависит не только от биологии раз-

множения, но и от культурно-экономических и других социальных факторов. Для популяций сельского типа N_e/N_t обычно составляет 1/3. Как видно из табл. 5, в Чойском и Турочакском р-нах РА генетически эффективная доля во все временные интервалы не соответствует этому отношению. Исключением является турочакская популяция в 2000 – 2003 гг., что, возможно, объясняется развитием социальной инфраструктуры в Артыбашской сельской администрации РА.

В сфере естественного движения населения в целом по Западной Сибири начиная с 1993 г. наблюдается отрицательный естественный прирост как в городе, так и в сельской местности (табл. 6).

В Республике Алтай численность населения прирастает за счет естественных факторов (рис. 9). В Чойском и Турочакском р-нах РА ситуация нестабильна: в отдельные годы величина естественного прироста населения имеет положительное значение, хотя и меньшее по сравнению с республиканскими показателями, а в другие годы – отрицательное. В 2001 г. естественная убыль населения составила в Чойском р-не 0,5, а в Турочакском – 4,7‰.

Более высокая, чем в среднем по региону, в республике и в отдельных ее районах смертность от болезней органов дыхания.

В структуре смертности в Западной Сибири, в т.ч. и в Республике Алтай, на первом месте стоит смертность от болезней системы кровообращения: 49,2 и 46,4% (данные 2000 г.). В Чойском р-не этот показатель выше регионального – 52,4%, а в Турочакском ниже – 39,7%. Второе место занимает смертность от несчастных случаев, отравлений и травм. Если в регионе их составляющая в 2000 г. равна 16,6%, то в республике она значительно выше – ок. 25%, а в Чойском и Турочакском р-нах – 21,3 и 30,6% соответственно. По уровню смертности от неестественных причин Республика Алтай занимает первое место в Западной Сибири, республиканский показатель в 1,5 раза превышает среднероссийский. Каждый второй умерший неестественной смертью покончил жизнь самоубийством или отравился алкоголем.

Коэффициент смертности по причине самоубийства в Республике Алтай на 2000 г. составил 94,1 на 100 тыс. жителей и увеличился по отношению к 1999 г. в 1,3 раза. Согласно критериям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), уровень выше 20 считается высоким. В Республике Алтай этот показатель завышен почти в 5 раз. Особенно беспокоит рост числа самоубийств среди детей и подростков. За последние пять лет общая смертность по этой причине увеличилась на 15%, а среди подростков и юношества – на 40%.

Высока и доля убийств в структуре смертности. По сравнению с 1996 г. их число в 2000 г. увеличилось на 12,9% и составило 96 случаев, при этом 24 жертвы были в возрасте до 30 лет (25%, или каждый четвертый из всех убитых).

Показатели смертности и ее структура имеют особенности в различных возрастных группах. За 1998 – 2000 гг. в Республике Алтай смертность населения в трудоспособном возрасте увеличилась на 20%, что существенно выше, чем в Западной Сибири в целом. Каждый третий умерший был в трудоспособном возрасте. Существенно меньшим становится удельный вес естественных причин и, соответственно, увеличивается – неестественных. Доля смертности трудоспособного населения от несчастных случаев, отравлений и травм в 2000 г. в Республике Алтай почти в 1,5 раза превышала региональный показатель и составляла 57,2%, а в Чойском и Турочакском р-нах – более 60%. Каждый третий мужчина и каждая четвертая женщина погибли от отравления алкоголем, не дожив до 40 лет, 84% самоубийц были в трудоспособном возрасте.

Если в Западной Сибири в 2000 г. смертность (от трех основных групп причин) в трудоспособном возрасте составляла 75%, то в Республике Алтай – более 84%, в Турочакском р-не столько же, а в Чойском –

97%. Такое превышение регионального показателя в основном связано с высоким уровнем смертности от несчастных случаев, отравлений и травм.

Наибольший рост смертности как в Западной Сибири, так и в Республике Алтай приходится на возрастную группу 40 – 54 года, некоторый скачок наблюдается также в группе 16 – 19 лет, особенно у мужчин. Таким образом, основной компонентой роста смертности является смертность молодого и экономически активного населения.

Среди коренных народов Республики Алтай (в т.ч. в Чойском и Турочакском р-нах) смертность по неестественным причинам существенно выше республиканского уровня. Например, в 2000 г. в Чойском р-не среди коренного населения трудоспособного возраста не было ни одного случая естественной смерти.

Особую проблему на территории Республики Алтай представляет младенческая смертность. На протяжении 1990 – 2001 гг. она была существенно выше, чем в целом по Западной Сибири, хотя и сокращалась несколько более высокими темпами (в республике в 1,3, а в регионе в 1,2 раза). По уровню младенческой смертности Республика Алтай занимает первое место в регионе. В 2000 г. при среднерегиональном показателе 15,1‰ в республике он составил 23,6‰.

Уровень младенческой смертности значительно колеблется по районам. В Чойском р-не показатель в отдельные годы был ниже, в другие выше, чем по республике, а в 2000 г. имел минимальное значение (8,3‰). В Турочакском р-не до 2000 г. включительно младенческая смертность была ниже, чем в целом по Западной Сибири. В 2001 г. произошло резкое увеличение значения показателя – до 34,7‰ в Чойском и до 26,6‰ в Турочакском р-не. Следует отметить, что в Республике Алтай смертность среди детей у коренного населения на 20 – 25% выше, чем у живущих тут же русских.

Важнейшей компонентой репродуктивных потерь является материнская смертность. В Западной Сибири она на 30% выше, чем в среднем по Российской Федерации, а в Республике Алтай – более чем на 200%.

Наряду с указанными причинами ухудшения здоровья населения следует назвать стресс, а также экологический фактор. За период 1996 – 2000 гг. уровень общей заболеваемости в Республике Алтай вырос на 15%, а первичной – на 9% (в расчете на 1000 чел.)*.

* Статистическая информация о здоровье населения по материалам Министерства здравоохранения Республики Алтай: Здоровье населения и итоги работы учреждений здравоохранения Республики Алтай за 2000 год, с. 1 – 20; Здоровье населения и итоги работы учреждений здравоохранения Республики Алтай за 2001 год; Основные показатели состояния здоровья населения и деятельности учреждений здравоохранения Республики Алтай за 1997 год, с. 1 – 67. Кроме того, использованы отчеты комитетов здравоохранения Чойского и Турочакского р-нов.

Наблюдается устойчивая тенденция роста по большинству групп болезней (по сравнению с 1996 г.): по болезням крови и кроветворных органов – в 2,6 раза, эндокринной системы, обмена веществ и иммунитета – в 2,2, системы кровообращения – в 2,1, по врожденным аномалиям и болезням мочеполовой системы – в 1,7, болезням органов пищеварения – в 1,3, нервной системы и органов чувств – в 1,2 раза.

В Республике Алтай сложилась неблагоприятная ситуация в связи с широким распространением эндокринной патологии, особенно среди коренного населения: сахарного диабета, ожирения, заболеваний щитовидной железы. Особую озабоченность вызывает рост заболеваемости инсулинозависимым сахарным диабетом среди детей в возрасте до 14 лет (6 на 100 тыс. чел.).

Неблагоприятная ситуация сложилась в республике и с социально обусловленной заболеваемостью. В 2000 г. по отношению к 1999 г. на 6% выросла первичная заболеваемость туберкулезом, которая составила 90 на 100 тыс. чел., что соответствует среднероссийскому уровню. Отмечается значительное увеличение этого показателя у детей и подростков – на 25% за 1999 – 2001 гг., до 75 на 100 тыс. чел., что в 4,2 раза выше, чем по Российской Федерации. Отмечен стабильный рост пораженности населения республики чесоткой и педикулезом, реальной становится угроза вспышек брюшного тифа. Растет заболеваемость психическими и онкологическими болезнями (в 2000 г. соответственно 1937 и 917 на 100 тыс. чел.). Особая проблема – наркомания, в т.ч. среди детей и подростков. В 2000 г. первичная заболеваемость хроническим алкоголизмом в республике составила 107,3 на 100 тыс. чел., наркоманией – 41,6, на диспансерном учете состоит 4 826 чел. с различной наркопатологией, что на 4% больше, чем в 1999 г. Отмечен значительный рост числа больных сифилисом, состоящих на учете в медицинских учреждениях: по сравнению с 1995 г. их количество увеличилось в 3,3 раза и составило 870 на 100 тыс. чел.

В категории социально обусловленной заболеваемости в последнее десятилетие отмечается рост детской составляющей. В Чойском р-не наблюдается высокий уровень первичной заболеваемости среди детей и подростков по многим классам болезней, а в Турочакском – по болезням эндокринной системы, инфекционным и травмам. Что касается взрослого населения, то в Чойском р-не неблагоприятно положение практически по всем основным группам болезней, а в Турочакском – по инфекционным, травмам, беременности и родовспоможению.

Важной в последнее десятилетие остается и проблема увеличения числа инвалидов в Республике Алтай; при этом рост показателей на 30% превышал сред-

нерегionalный уровень. В 2000 г. первично признаны инвалидами 1758 чел. (133,2 на 10 тыс. населения), в т.ч. в трудоспособном возрасте – 1309 (117,5).

Состояние здоровья и уровень смертности населения оказывают существенное влияние на показатель ожидаемой продолжительности жизни, которая является одной из важнейших характеристик уровня и качества жизни. В Республике Алтай и в отдельных ее районах этот показатель существенно ниже средне-регионального. Особенно высокими потери населения были в результате смертности в 1989 – 1994 гг. За это время сокращение ожидаемой продолжительности жизни мужского населения республики составило ок. 9 лет (на 3,6 года больше среднерегionalного показателя), а женского – 1,8 года (на 1 год меньше регионального).

За период 1995 – 2000 гг. произошел некоторый рост показателя продолжительности жизни, однако не был достигнут уровень 1989 г. Таким образом, по этому показателю Западная Сибирь и тем более Республика Алтай оказались отброшенными более чем на 10 лет назад. Разрыв в продолжительности жизни женщин и мужчин в республике увеличился за 1992 – 2000 гг. на 13%, и к концу периода стал также больше, чем по региону.

Таким образом, по ряду демографических составляющих (численность населения, естественный прирост, уровень рождаемости, возрастная структура населения, смертность) Республика Алтай имеет лучшие показатели по сравнению с Западной Сибирью. Что касается продолжительности жизни, младенческой смертности и смертности, особенно в трудоспособном возрасте, по неестественным причинам, то положение в республике можно назвать критическим. Чойский и Турочакский р-ны могут быть с уверенностью отнесены к проблемным, т.к. в них демографическая ситуация значительно хуже, чем в целом по республике.

Изменение численности населения локальных сообществ Северного Алтая происходит также за счет таких составляющих воспроизводства и формирования населения, как миграционный прирост (убыль) и естественное движение населения.

Миграция традиционно являлась основной компонентой прироста населения Западной Сибири. Максимальное значение миграционного прироста приходится на 1997 г. – 63,3 тыс. чел., а затем идет резкое его сокращение. В 1999 г. численность населения Западной Сибири даже уменьшилась за счет миграции на 9,6 тыс. чел. В Республике Алтай, где миграция также является одним из существенных факторов изменения численности населения, в 1993 – 2000 гг. просматриваются следующие тенденции: постоянно положительное сальдо миграции, максимальное его значение в 1995 г. (1,6 тыс. чел.) и дальнейшее устойчивое снижение практически до исходного уров-

Таблица 8. Динамика коэффициентов миграционного прироста, чел. на 10 тыс. населения

Территория	Год					
	1993	1995	1997	1998	1999	2000
Западная Сибирь	17	35	42	21	– 6	10
Республика Алтай	25	80	57	45	35	22
Чойский р-н	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	2	118	23
Турочакский р-н	»	»	»	– 87	– 6	– 46

Таблица 9. Динамика коэффициентов миграционного прироста сельского населения, чел. на 10 тыс. населения

Территория	Год					
	1993	1995	1997	1998	1999	2000
Западная Сибирь	48	10	20	6	2	– 23
Республика Алтай	34	26	– 26	– 46	– 33	– 26
Чойский р-н	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	2	118	23
Турочакский р-н	»	»	»	– 87	– 6	– 46

ня 1993 г. – 0,44 тыс. чел.; на протяжении всего периода коэффициенты миграционного прироста были в 1,5 – 2,5 раза выше, чем по региону в целом (табл. 8). За 1996 – 2000 гг. число жителей республики увеличилось за счет миграции более чем на 4 тыс. чел., что составило 65% общего прироста населения.

В современных условиях на формирование миграционного прироста населения районов существенно влияют внутриреспубликанские миграции. Ежегодно ок. 60% от общего числа сменивших место жительства мигрируют в пределах своей же республики. В Западной Сибири отрицательное сальдо миграции сельского населения сложилось лишь в 2000 г., а в Республике Алтай – в 1997 г. (табл. 9). Потери в миграционном обмене характерны для семи районов из девяти. К таковым относится Турочакский р-н, где отъезд сельского населения идет более быстрыми темпами, чем по республике в целом. Почти половина (45%) мигрирующих внутри республики выбирает местом жительства г. Горно-Алтайск.

Среди прибывающих в Республику Алтай из-за ее пределов ок. 15% составляют мигранты из стран СНГ и Балтии. По данным 2000 г. наиболее ощутимый миграционный обмен сложился с Казахстаном (74,2% прибывших), Узбекистаном (7,6%), Украиной (5,6%) и Кыргызстаном (5,2%). Как и пять лет назад, средний возраст мигрантов существенно меньше республиканского показателя. В результате улучшается возрастная структура населения, в т.ч. трудоспособного. Особую группу мигрантов составляют вынужденные переселенцы и беженцы. Наибольшее их количество приходится на 1997 – 1998 гг. Если по республике доля вынужденных переселенцев от общего числа прибывших составляла в 2000 г. 42%, то в Чойском и Турочакском р-нах соответственно 28 и 18%.

Миграционные процессы на Северном Алтае оказывают существенное влияние на изменение популяционных характеристик локальных сообществ. Для приблизительной оценки интенсивности притока “чужих” (в основном “русских”) генов в изученные популяции алтайцев была применена формула:

$$t = \log(1 - M) : \log(1 - m),$$

где t – число поколений, M – уровень смешения, m – интенсивность генного обмена [Cavalli-Sforza, Bodmer, 1971]. Данная формула позволяет рассчитать время (в поколениях), за которое при наблюдающемся уровне обмена гамет между представителями разных национальностей будет достигнут определенный уровень смешения.

В Чойском р-не РА при интенсивности генного потока 55,29% (2000 – 2003 гг.) через два поколения (60 лет) доля коренных жителей, имевших в прошлом хотя бы одного русского предка, составит 80%, в Турочакском р-не, где уровень смешения 36,41%, для этого понадобится почти в 2 раза больше времени – 3,5 поколения (ок. 100 лет). Следует отметить, что данный прогноз действителен при условии сохранения темпов смешения в будущем.

Менее выраженная интенсивность процесса смешения в Турочакском р-не, вероятно, объясняется большей долей коренного населения в общей структуре популяции (по данным Госкомстата Республики Алтай за 2001 г., в Чойском р-не представители коренных малочисленных народов составляли 6,9% от всего населения района, в Турочакском – 19,6%) и, соответственно, большей возможностью формирования однонациональных брачных пар.

Таким образом, интенсивность смешения представителей коренных народов Республики Алтай (тубаларов, челканцев, кумандинцев) и русских, прожи-

вающих на этой же территории, можно оценить как значительную.

Изучение брачной структуры коренного населения Турочакского р-на РА за три временных интервала показало, что соотношение однонациональных и межнациональных браков с течением времени изменяется в сторону увеличения последних от 0,13 до 0,57 (рис. 10). Выявленная тенденция носит более выраженный характер в Чойском р-не РА (рис. 11): здесь доля межнациональных браков в 2000 – 2003 гг. даже превышает долю однонациональных (0,19 в 1940-х гг., 1,24 в 2000 – 2003 гг.).

При популяционно-генетическом описании больших регионов в качестве селективно нейтрального генетического маркера можно использовать фамилии. Их распределение в пределах одного региона определяется случайными процессами, в нем находит свое отражение история популяции, главным образом ее миграционная компонента [Казаченко и др., 1980]. С точки зрения демографической генетики миграция населения есть миграция генов человека. Только внутриселенные перемещения не отражаются на генофонде и не нарушают генетического равновесия в популяции. Миграции между популяциями приводят к изменению сложившейся ранее генетической структуры. По мнению Н.Е. Мортон [Morton et al., 1971], использование фамилий в качестве маркера имеет информационную ценность, равную лучшей кодоминантной генетической системе.

Генетические расстояния рассчитывались по данным о частотах фамилий, собранным в двух изученных районах Республики Алтай. Были использованы фамилии, распространенность которых в популяции превышает 0,1%. Допустимость такого сокращения выборки показана Г.И. Ельчиновой с соавторами [1991]. Предполагается, что за счет отбрасывания редких фамилий из анализа исключаются иммигранты и частоты генов (фамилий) относятся к старожильческому коренному населению.

Оценка генетического сходства двух популяций осуществлялась с использованием показателя сход-

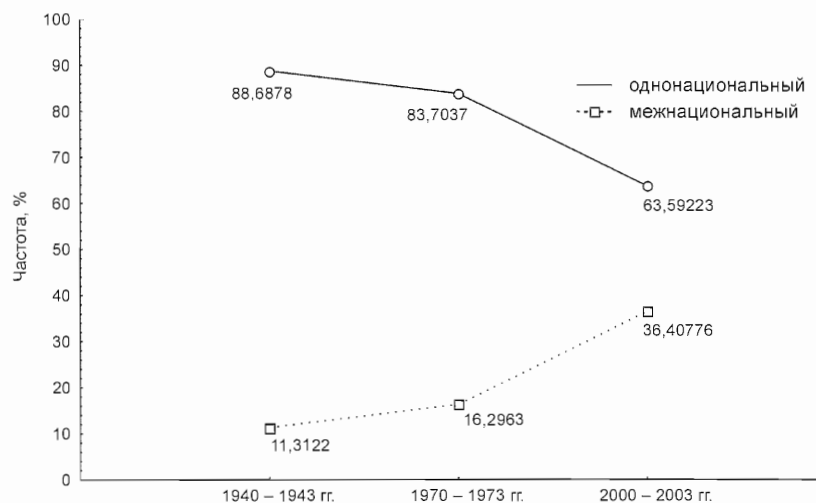

Рис. 10. Типы браков у коренного населения Турочакского р-на в динамике.

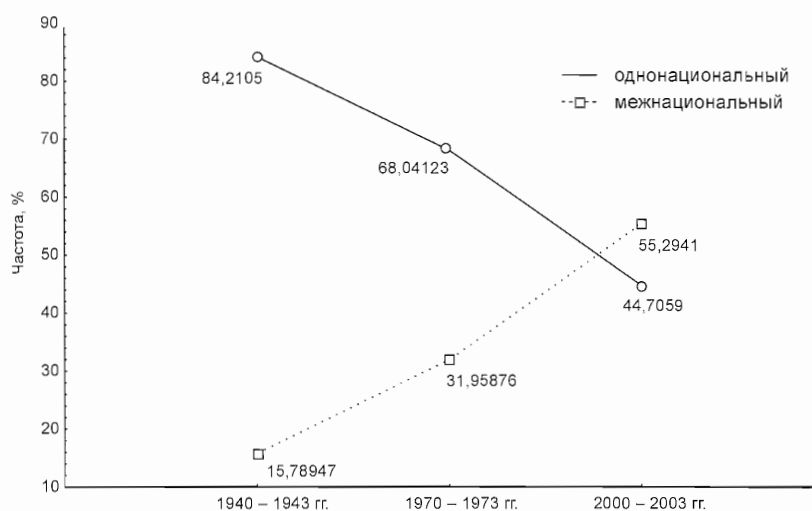

Рис. 11. Типы браков у коренного населения Чойского р-на в динамике.

ства (r) и основанных на нем метриках: критерия идентичности (I) и генетического расстояния (D) [Животовский, 1979]. При $r = 1$ популяции генетически идентичны, при $r = 0$ они дивергентны. Критерий идентичности позволяет оценить значимость различий между популяциями.

Как видно из табл. 10, генетическая структура коренного населения Турочакского р-на за временной интервал, равный двум поколениям, существенно изменяется. Минимальное значение r , свидетельствующее о максимальных различиях генетической структуры, получено при сравнении популяции в 1940-х и 2000 – 2003 гг. Во временной интервал с 1970-х по 2000 – 2003 гг. изменения менее выражены ($r = 0,6572$). Анализ часто встречающихся фамилий показал наличие миграций, как минимум, средней дальности, которые ведут к изменению существовавшей ранее генетической структуры (табл. 11).

Таблица 10. Показатель сходства, критерий идентичности и генетические расстояния для выборки по Кебезенской и Артыбашской сельским администрациям Турочакского р-на РА

Годы	<i>r</i>	<i>I</i>	<i>D</i>
1940 – 1943 / 1970 – 1973	0,6031 ± 0,0117	1674,04	0,5675
1970 – 1973 / 2000 – 2003	0,6572 ± 0,0128	1152,68	0,5274
1940 – 1943 / 2000 – 2003	0,5094 ± 0,0132	1715,63	0,6309

Таким образом, системный анализ особенностей этносоциальных и генетико-демографических процессов в группах коренного населения (тубалары, кумандинцы, челканцы) Чойского и Турочакского р-нов Республики Алтай показал, что в период с 1940 – 1943 по 2000 – 2003 гг. увеличился средний возраст мужчин и женщин, сменился тип воспроизводства с “прогрессивного” на “суженный”, снизилась частота однонациональных алтайских браков, вырос уровень метисации населения, усилилась интенсивность смешения представителей коренных народов Республики Алтай и русских, проживающих на этой же территории. Высокая миграционная активность населения определила стабильно меняющуюся на протяжении двух поколений генетическую структуру популяции. Особенно явно отмечается ухудшение генетико-демографической ситуации во временном интервале с 1970 – 1973 по 2000 – 2003 гг.

Этносоциальные исследования (зафиксировавшие снижение рождаемости, рост смертности и ухудшение здоровья населения трудоспособного возраста)

Таблица 11. Частота фамилий коренного населения (выборка по Кебезенской и Артыбашской сельским администрациям Турочакского р-на), %

Фамилия	1940 – 1943 гг.	1970 – 1973 гг.	2000 – 2003 гг.
Бакашев	0,54	0,18	1,11
Ильтеев	1,10	2,28	0,83
Кучуков	2,80	3,80	3,00
Кызаев	2,20	3,00	3,80
Каланаков	0,54	2,08	2,63
Кызлаков	0	2,38	2,07
Кыргызов	0,90	0,69	2,21
Пустогачев	0	0,79	2,49
Романов	0,99	1,39	2,07
Сатлаев	2,43	3,08	3,04
Тагызов	2,25	2,68	4,71
Трапеев	0	0,19	2,49
Тудашев	2,62	3,68	1,80
Чалбин	2,62	0,99	0,13
Черноев	2,43	2,49	1,80
Чибикиев	0,99	2,38	0,83
Ялбаев	0,81	0,79	2,35
Яманчиряев	2,26	0,59	0,55

ста) свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях формирования и использования человеческого потенциала в Республике Алтай и особенно в ее северных районах.

Список литературы

Аналитические и экономические работы Госкомстата Республики Алтай в 2001 г. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002.

Бюджет семьи: Стат. сб. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2001.

Ельчинова Г.И., Кадошников М.Ю., Мамедова Р.А., Старцева Е.А., Петрова Н.В., Букина А.М. О частотном критерии выбора фамилий для изучения генетической структуры популяций // Генетика. – 1991. – Т. 27, № 2. – С. 358 – 360.

Животовский Л.А. Показатель сходства популяций по полиморфным признакам // Журн. общ. биол. – 1979. – Т. 40, № 4. – С. 587 – 602.

Индикаторы, характеризующие экономические и социальные процессы в Республике Алтай за январь – июнь 2002 г. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002.

Казаченко Б.Н., Ревазов А.А., Тарлычева Л.В., Лавровский В.А. Использование фамилий для изучения факторов динамики популяционной структуры // Генетика. – 1980. – Т. 16, № 11. – С. 2049 – 2057.

Краткий доклад о социально-экономическом положении Республики Алтай за январь – июнь 2002 г. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002.

Образование в Республике Алтай: Стат. сб. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002.

Районы Республики Алтай в 2000 году: Стат. сб. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2001.

Республика Алтай в 2001 г.: Стат. ежегодн. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002.

Сельское хозяйство Республики Алтай: Стат. сб. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002.

Состояние преступности в Республике Алтай в 1997 – 2001 годы: Стат. сб. / Госкомстат Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002.

Cavalli-Sforza L.L., Bodmer W.F. The genetics of human populations. – San Francisco: Freeman, 1971. – 782 p.

Morton N.E., Yee S., Harris D.E., Lew R. Bioassay of Kinship // Theoretical Population Biology. – 1971. – Vol. 2. – P. 507 – 521.

УДК 391

Д.Г. Коровушкин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: peka@archaeology.nsc.ru*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (конец XIX – первая половина XX века)

Настоящая статья посвящена этнокультурной адаптации представителей этнолокальных групп (сельских диаспор) Западной Сибири – латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев, – сформировавшихся на данной территории в результате массовых переселений конца XIX – начала XX в. Объединяет эти группы, имеющие различные языки, конфессиональную принадлежность и материальную культуру, одно – особенности дисперсного проживания в иноэтничной и иноязыковой среде численно преобладающего русского населения (табл. 1).

Изучение особенностей этнического развития и этнокультурной адаптации дисперсно расселенных национальных групп, проживающих в отрыве от основной массы этноса (вне его территории), является одним из актуальнейших направлений исследований российской этнографической и исторической науки [Арутюнов, 2000а, б; Дробизева, 1989; Дятлов, 1999; Семенов, 2000; Тишков, 1989, 2000а, б; Шнирельман, 1999]. Интерес к таким группам в последние годы возрос в связи с интенсификацией современных этнических процессов, что может служить индикатором тенденций и направлений развития этносов, к которым они принадлежат. Перед исследователями встает задача изучения специфики этнического развития национальных групп, оказавшихся в иноэтничном окружении, а также выявления факторов, определяющих эту специфику и влияющих на адаптацию (хозяйственную, культурную, языковую) к новым внешним условиям и обстоятельствам. Для обозначения подобных групп в этнографической литературе наряду с употребляющимися терминами “национальная группа”, “малая этническая группа” закрепилось понятие “этнодисперсная группа” [Сусоколов, 1987, с. 19].

В конце XIX – первой четверти XX в. в истории Российского государства в целом и Сибири в особенности осуществлялись широкомасштабные миграции населения и освоение новых, ранее не обрабатываемых земель Северной Азии. В дальнейшем основная часть переселений носила насильственно-вынужденный характер и была связана либо с прямыми депортациями целых народов (или их частей), социальных слоев и групп, либо с нуждами и тяготами второй мировой войны.

При написании статьи автор опирался на широкий круг полевых этнографических и этносоциологических материалов, собранных им и его коллегами в 1980 – 1990-х гг., на архивные и статистические источники, коллекции ряда областных и университетских музеев, а также на труды предшественников и современников.

В ходе полевых экспедиций под руководством профессора Н.А. Томилова при участии студентов и сотрудников Омского государственного университета было обследовано латышское, немецкое, украинское, чувашское и эстонское сельское население Кемеровской, Новосибирской, Омской и Тюменской областей, а также Алтайского края. Собран обширный материал по этнической истории, традиционной и современной культуре этнодисперсных групп в Сибири. В те же годы было проведено массовое анкетирование представителей изучаемых диаспор методами стандартизированного интервью. Большой относительный объем и допустимые коэффициенты отклонений (в пределах 5%) определили репрезентативность выборки.

Масштабные миграции населения из европейской части Российской империи на Восток, в Азиатскую

Таблица 1. Динамика численности этнолокальных групп на территории Западной Сибири (по данным переписей населения 1897 и 1989 гг.)

Год	Русские	Латыши и эстонцы	Немцы	Украинцы	Чуваши
1897	3 102 506 ¹ (76,7%)*	9 326 ² (0,2%)	7 341 ³ (0,2%)	188 172 ¹ (4,6%)	3 447 ⁴ (0,1%)
1989	12 749 100 ¹ (84,9%)	19 205 ² (0,1%)	416 600 ¹ (2,8%)	583 800 ¹ (3,9%)	43 781 ⁴ (0,3%)

* В скобках указан процент от всего наличного населения данной территории в 1897 г. (4 043 330 чел. [Население..., 1997, с. 150]) и 1989 г. (15 016 607 чел. [Там же, с. 157]).

¹ [Там же, с. 150, 157].

² [Лоткин, 1996, с. 5, 163].

³ [Смирнова, 2002, с. 23 – 24].

⁴ [Коровушкин, 1997, с. 20].

Россию, были вызваны целым рядом объективных социально-экономических предпосылок и политическими (в т.ч. геостратегическими) причинами.

Бурное экономическое развитие европейских губерний России в конце XIX в. сопровождалось резким возрастанием численности населения. Удельное демографическое давление в этой части огромной страны стало слишком высоким, что провоцировало социальную нестабильность. Правительством России в этой связи был принят ряд законов и решений, сформировавших стратегию движения огромных масс населения (в основном сельского) на восточные “окраины” страны. Необходимо отметить, что решающую роль в этом процессе сыграло строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.

В результате к 1914 г. – началу первой мировой войны – в Западной Сибири сформировался значительный массив переселенцев, принадлежавших к различным народам и этническим группам. Основу его составляли русские с вкраплением нередко значительных групп представителей других национальностей – белорусов, латышей, литовцев, мордовцев, немцев, поляков, украинцев, чувашей и эстонцев.

Миграционные потоки (см. рисунок) представителей различных народов имели свои особенности. Так, если латыши, эстонцы и чувашаи переселялись из всех районов проживания материнского этноса, то украинцы – в основном из Левобережной Украины (Полтавская, Харьковская и Черниговская губернии). Немцы же, выходцы из Поволжья и южных губерний России, были потомками колонистов времен царствования императрицы Екатерины II (1729 – 1796 гг.).

Изменения в материальной и духовной культуре этноса или его групп являются неотъемлемой составляющей этнических процессов. Значение материальной культуры для этноса как самовоспроизводящейся системы обусловлено той ролью, которую она играет в обеспечении его жизненных (витальных) потребностей. Не менее важно и то, что наиболее значимые элементы материальной культуры (жилище или пища) от-

носительно более устойчивы к внешним воздействиям и изменениям социально-экономических условий, нежели другие (одежда, средства передвижения).

Для данного исследования изменения в материальной культуре этнодисперсных групп Западной Сибири представляют особый интерес. С модернизацией культурно-бытовых структур многие элементы материальной культуры исчезают, другие же приобретают функцию этнических определителей. Это особенно присуще развитию этноса или его части в многонациональной среде [Материальная культура..., 1989, с. 13].

В настоящей статье понятие “материальная культура” употребляется в наиболее узком, но традиционно чаще всего используемом смысле – материальные формы культуры, направленные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, т.е. на жизнеобеспечение. Они включают хозяйство, жилище, пищу и одежду, а также орудия труда, предметы домашнего обихода и средства передвижения. Как и любая другая подсистема, материальная культура представляет механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования.

Основу хозяйства обследованных этнических групп традиционно составляло земледелие. Оно же легло в основу хозяйства переселенцев в Западной Сибири. Однако, несмотря на первоначальный перенос в Сибирь традиционно применявшихся приемов и способов возделывания сельскохозяйственных культур, сразу же наметились и различия, обусловленные приспособлением к конкретным природно-климатическим условиям западно-сибирской лесостепи. Так, в лесных районах в связи с необходимостью расчистки площадей под посевы переселенцы вспомнили на время элементы давно исчезнувшей подсечно-огневой системы. Она одновременно обеспечивала их строевым лесом, дровами и материалом для сооружения покотин и огородов.

Другой особенностью хозяйства стал отличный по составу и, главное, структуре набор возделывавшихся сельскохозяйственных культур. Так, у украинцев и чу-

Карта-схема районов выхода переселенцев в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в.

1 – латыши и эстонцы; 2 – немцы; 3 – украинцы; 4 – чуваш.

вашей в Сибири основной зерновой культурой являлась не рожь, а пшеница. Кроме пшеницы и ржи, которые играли главную роль в жизни переселенцев-сибиряков, выращивали ячмень, овес, гречиху и горох. Ячмень, весьма неприхотливый в возделывании, шел на производство крупы и пива. Просо, распространенное у крестьян европейской части империи, в Сибири практически не производилось. Гречиха и горох, весьма значимые продукты традиционной кулинарии, в Сибири возделывались масштабно. Они со временем стали занимать все более обширную нишу в товарном производстве. Овес традиционно шел на корм скоту.

Достаточно большое значение в хозяйстве переселенцев придавалось техническим культурам (лен и конопля), дававшим масло (техническое и пищевое) и волокно. Перенесенные в Сибирь приемы и способы их возделывания послужили основой для местного льноводства, не слишком успешного ранее.

Важнейшим продуктом питания в начале XX в. становится картофель. Хотя его производство в Сибири в этот период и не приобрело промышленного значения, роль картофеля в обеспечении жизнедеятельности переселенцев переоценить невозможно. Весьма значимым было и его использование в свиноводстве. То же в полной мере относится и к свекле. Но в отличие, к примеру, от Украины с ее сахарной промышленностью основу этой культуры в Сибири составляли пищевые и кормовые сорта.

Второй, не менее важной составляющей хозяйства сибирских немцев, прибалтов, украинцев и чувашей было животноводство, органически связанное с земледелием. Необходимо отметить, что в Сибири украинские переселенцы и немцы из Поволжья не применяли отгонное скотоводство как таковое – разведе-

ние скота сразу ставилось в рамки интенсивного производства. Для латышей, чувашей и эстонцев скотоводство не было характерно в принципе.

Практически в каждом переселенческом хозяйстве держали лошадей (основная транспортная и тяговая сила), крупный рогатый скот, свиней и домашнюю птицу – основные источники мясных и молочных продуктов. При этом местной особенностью стало практически полное исключение крупного рогатого скота (волов) из процесса возделывания земель. Занимались переселенцы и овцеводством, хотя масштабы его не были значительны.

Рыболовство и охота в местах размещения описываемых этнодисперсных групп так и не развились до уровня хозяйственно значимых занятий, оставаясь уделом отдельных зажиточных или особо увлеченных людей. Это объясняется высокой степенью загруженности переселенцев хозяйственными заботами.

Определенное развитие среди переселенцев на новых землях получило пчеловодство. Огромные пространства, занятые цветущими злаками, уже одним своим видом побуждали к занятию этим видом хозяйственной деятельности, имевшим вспомогательное значение.

Ремесла и промыслы, перенесенные в Сибирь, изначально были несколько редуцированы и имели небольшие масштабы, что обуславливалось наличием в регионах водворения переселенцев отлаженной сети запасных и торговых магазинов. Таким образом, значительная часть ремесленного производства была направлена на удовлетворение собственных или общинных нужд. Из наиболее распространенных среди переселенцев ремесел можно назвать прядение и тка-

чество, которыми занимались повсеместно, буквально в каждой семье или хозяйстве. Сюда же можно отнести обработку дерева, гончарство, кожевенное производство (выделка шкур и кож, пошив из них одежды и обуви) и кузнечное ремесло. Повсеместное распространение имел извозный промысел. Необходимо заметить, что общим явлением в сфере ремесленного производства было упрощение приемов и способов производства.

Значительные и весьма быстрые изменения претерпели планировка поселений и жилища. Новые деревни и села имели, как правило, относительно регулярную застройку (в описываемый период они регламентировались землеустроителями, старавшимися не допускать нарушений со стороны переселенцев). Типы усадеб и жилищ меньше зависели от национальных традиций, хотя некоторые особенности сохранились.

Конструкция печи – основного источника тепла в доме – уже в первые годы проживания в Сибири была практически повсеместно заимствована у русских сибиряков. Печь имела значительные размеры, непременно снабжалась лежанками и трубами – “воздухами”.

Следующим элементом культуры, достоверно маркирующим процессы адаптации в дисперсных группах, является одежда. Традиционные костюмы, бытовавшие во второй половине XIX в. в местах выхода переселенцев, были перенесены и на сибирскую землю. Однако здесь они быстро (в течение 10 – 15 лет) подверглись значительным изменениям. В одежде появились элементы и детали, либо заимствованные у местного русского населения, либо явившиеся продуктом общероссийской унификации. Переселенцы разной национальной принадлежности одинаково часто носили, например, меховые шубы, тулупы, шапки-треухи, валяную обувь и теплые рукавицы.

Мужской, а затем и женский костюм в его традиционном виде и составе постепенно вышел из обихода, обретая черты праздничной и обрядовой одежды. Особой, наиболее устойчивой частью костюма были традиционные украшения (особенно у украинцев и чувашей, имевших развитые многоэлементные комплексы из наголовных, нагрудных и наспинных частей).

Наименее всего подвергся изменениям такой компонент традиционной культуры переселенцев, как пища. Основа пищевого рациона, набор блюд и пищевые предпочтения во всех рассматриваемых группах оставались практически неизменными вплоть до конца 1970-х гг. Наиболее значительные изменения были связаны с введением в рацион картофеля, преобладанием пшеницы над рожью и увеличением потребления мяса (вторая половина XX в.).

В целом, говоря о факторах этнокультурной адаптации в сфере хозяйства и материальной культуры эт-

нолокальных групп Западной Сибири, особенностью которых стало дисперсное расселение, необходимо выделить следующие: природно-климатическую обусловленность; вхождение в общую хозяйственно-экономическую систему в местах водворения; легкость заимствования рациональных элементов, не несущих этномаркирующих функций.

Еще одной сферой, наиболее ярко, выпукло показывающей тенденции адаптации, является язык. Этноязыковые процессы – одна из важнейших составляющих этнических процессов в целом.

В свете задач данного исследования наиболее значимы два аспекта:

1) *функциональный*, который понимается как развитие социальных функций языка, соотносимых с различными сферами человеческого общения;

2) *поведенческий*, включающий языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление языка) и психологическую предрасположенность (отношение к языку) [Губогло, 1984, с. 17].

Одними из главных факторов в бытовании языка являются широта и полнота его применения, а также действующий механизм межпоколенной трансляции и внутриэтнической коммуникации.

К огромному сожалению, при водворении переселенцев на новое местожительство, как правило, не учитывались особенности их национальной, языковой и территориальной принадлежности, о чем свидетельствуют многочисленные заявления переселенцев с просьбой о поселении их в национальных населенных пунктах, поступавшие в Сибирское краевое земельное управление. Кроме того, к середине 1930-х гг. были фактически ликвидированы система национальных школ и преподавание родного языка (лишь немецкий язык остался в школьных программах, да и то в качестве иностранного). Все это вынуждало нерусское население Сибири использовать русский язык не только в межэтническом общении, но и как средство внутриэтнической коммуникации. Соответственно, уменьшалось количество людей, признававших национальный язык родным. На развитие этой ситуации в огромной мере повлияли потери населения в период второй мировой войны. Многие мужчины – носители этнической информации и языка – не вернулись домой, а женщины и старики либо гибли в результате голода и напряженной работы, либо не имели возможности полноценно учить языку младшее поколение. В этот период также были разорваны и утрачены многие родственные и культурные связи с материнскими метрополиями и частями национальных диаспор в других районах страны.

В конце 1950-х – середине 1970-х гг. на развитие этноязыковой ситуации у латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев Западной Сибири стали оказывать влияние и другие, ранее не существовавшие (или не-

**Таблица 2. Этноязыковая ситуация в этнолокальных группах
на территории Западной Сибири в 1980-х гг., %***

Национальность	Национальный язык считают родным	Степень владения национальным языком		Степень владения русским языком	
		Свободно	Не владеют совсем	Свободно	Не владеют совсем
Латыши	50,2	29,4	3,4	91,6	0
Немцы	84,6	43,9	3,4	90,8	0,9
Украинцы	52,4	17,7	3,3	95,5	0
Чуваши	80,2	33,8	3,7	82,2	0,7
Эстонцы	61,6	46,3	3,4	90,1	0

* По данным этносоциологических опросов, проводимых сотрудниками Омского государственного университета.

существенные) факторы – сплошная электри- и радиофикация сел, появление телевидения, внутриобластные миграции (из сел в райцентры, города и т.д.). Необходимо заметить, что все без исключения радио- и телепередачи местных и общесоюзных станций велись в этот период на русском языке. Сложившееся в 1950-х – 1970-х гг. положение, при котором уровень знания национального языка потомками нерусскоязычных переселенцев был явно недостаточен для продолжения образования в учебных заведениях Украины, Чувашии и тем более Прибалтики (а улучшить его на местах было негде), принуждало молодежь больше использовать русский язык во всех сферах жизнедеятельности.

Результаты этносоциологического обследования в конце 1980-х гг. дали следующую картину этноязыковой ситуации в рассматриваемых группах: национальный язык считает родным все меньшее число опрошенных, причем свободно владеют им (говорят, читают и пишут) лишь 30 – 40% респондентов, а русским – подавляющее большинство представителей переселенческих диаспор (табл. 2).

В отечественной этносоциологии принято считать, что развитие двуязычия может иметь две тенденции – экстенсивную и интенсивную. В первом случае двуязычие распространяется “вширь”, т.е. вторым языком (в данном контексте русским) овладевает все больше представителей нерусского этноса; во втором – оно “углубляется” посредством лучшего овладения вторым языком с использованием его во внутриэтническом общении [Губогло, 1970, с. 5]. Основываясь на приведенных выше данных, можно утверждать, что национально-русское двуязычие у потомков переселенцев Западной Сибири реализуется в своем развитии обе эти тенденции. Налицо распространение его “вширь”, очень высокий для второго языка уровень языковой компетенции (подавляющее число респондентов свободно владеют русским) и широкое его использование во внутриэтническом общении.

Учитывая динамику изменения языковой ситуации в исследуемых группах Западной Сибири в прошлом и обозначенные выше тенденции ее развития в насто-

ящем, можно уверенно предсказать дальнейшее расширение и углубление национально-русского двуязычия и процесса интеграции в культуру потенциала, накопленного русским языком. Процесс этот в его нынешнем виде имеет и определенный негативный аспект: утеря национальным языком хотя бы части позиций, занимаемых им в системе речевой деятельности и языковых ориентаций его носителей, приведет к вынужденной замене отдельных элементов и целых слоев языковой культуры на русскоязычный эквивалент. Можно предположить, что данный процесс обернется определенными потерями не только этнически, но и социально значимых культурных ценностей и ориентаций при возможном переходе от одной системы этнокультурных и языковых традиций к другой.

Выводы

1. В Западно-Сибирском регионе сложились и устойчиво существуют этнолокальные группы со своими уровнями экзогамности и степенями адаптивности к природно-климатическим условиям и иноэтничному/иноязыковому окружению.

2. В результате адаптационных изменений достигнут высокий уровень интегрированности национальной культуры латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев Западной Сибири с вненациональной, что характеризуется значительной унифицированностью в сфере материальной культуры.

3. Уровень сохранения национально-специфических черт в культуре рассмотренных групп к настоящему времени весьма невысок, что обусловлено рядом причин:

- исторически сложившейся высокой степенью языковой ассимиляции переселенцев русскими;
- многочисленными культурными заимствованиями у окружающего русского населения;
- глубокими изменениями традиционного хозяйственно-бытового уклада под воздействием новых политико-экономических условий существования сельского населения как результата исторического развития страны;

– фактическим разрушением механизма трансмиссии этнической культуры и межпоколенных связей вследствие социально-экономических потрясений в жизни общества;

– снижением уровня культурно-национальных ориентаций (особенно в небольших дисперсных группах – у чувашей и прибалтов), что имеет в своей основе культурно-языковую оторванность от основной массы этноса и высокий индекс дисперсии;

– большим числом межнациональных браков (как правило, с представителями русской национальности).

4. К середине 1930-х гг. в обследованных группах сложилась устойчивая локальная специфика, характеризующаяся смешением дифференцированных внутригрупповых черт культуры и наложением на них заимствованных у русских культурных явлений.

5. Для представителей рассмотренных групп характерно национально-русское двуязычие. Сфера его действия всеобъемлющая. При этом родные языки этих этнолокальных групп претерпевают морфологические и семантические изменения.

6. Основной тенденцией в развитии этнокультурных процессов является нивелировка этнически значимых черт в материальной и духовной культуре, а также замещение утраченных либо утративших реальное значение элементов национальной культуры на русские или вненациональные (чаще на основе русских) эквиваленты.

Основываясь на приведенных выше доводах, можно сделать вывод о прямой зависимости уровня этнокультурной адаптации от степени дисперсности расселения этнолокальных групп в преобладающей культурно-языковой среде.

Список литературы

- Арутюнов С.А.** Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – 2000а. – № 2. – С. 74 – 78.
- Арутюнов С.А.** [Рецензия] // Этнографическое обозрение. – 2000б. – № 2. – С. 146 – 151. – Рец. на кн.: В движении добровольном и вынужденном: Постсоветские миграции в Евразии. – М., 1999. – 319 с.
- Губогло М.Н.** Этносоциальные аспекты языковых контактов: Докл. на VII Междунар. социол. конгр. – М.: Наука, 1970. – 6 с.
- Губогло М.Н.** Современные этноязыковые процессы в СССР: (Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия). – М.: Наука, 1984. – 288 с.
- Дробижева Л.М.** О проблемах межнациональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях // СЭ. – 1989. – № 1. – С. 41 – 47.
- Дятлов В.И.** Диаспора: (Попытка определиться в понятиях) // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8 – 23.
- Коровушкин Д.Г.** Чуваш Западной Сибири: (Этнодисперсная группа на современном этапе). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – 96 с.
- Лоткин И.В.** Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. – 256 с.
- Материальная культура:** Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. – Вып. 3. – 224 с.
- Население Западной Сибири в XX веке.** – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 172 с.
- Семенов Ю.И.** Этнос. Нация. Диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 64 – 74.
- Смирнова Т.Б.** Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск: Информ. центр “РУСИНКО”, 2002. – 210 с.
- Сусоколов А.А.** Межнациональные браки в СССР. – М.: Мысль, 1987. – 144 с.
- Тишков В.А.** О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. – 1989. – № 5. – С. 3 – 14.
- Тишков В.А.** Антропология российских трансформаций // Этнографическое обозрение. – 2000а. – № 1. – С. 3 – 19.
- Тишков В.А.** Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2000б. – № 2. – С. 43 – 63.
- Шнирельман В.А.** Мифы диаспоры // Диаспоры. – 1999. – № 2/3. – С. 6 – 33.

Материал поступил в редколлегию 5.12.03 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

ЯМАЛ – ЗЕМЛЯ ВТОРОГО СОЛНЦА (фотоистория о ненцах)

Западная Сибирь – огромный регион, аккумулирующий уникальный социально-политический, экономический и этнокультурный опыт. С юга на север край пересекает река, определяющая его историю и генерирующая все новые творческие инициативы. Вдоль Оби – трансконтинентальной речной трассы длиной 5,5 тыс. км – соседствуют мощный экономический потенциал и древние аборигенные культуры. С начала 1990-х гг. в регионе один за другим были реализованы исследовательские фотопроекты.

С 2002 г. ведется работа по инициированному Фондом Сороса, затем агентством “Открытая Сибирь” (г. Новосибирск) и фондом “Объективная реальность” (г. Москва) при участии ИАЭт СО РАН проекту “Люди на границе”, посвященному проблемам современного сибирского фронта. Его продолжением стала программа “Великие реки Северной Азии”. Одним из участников проекта является Хайди Брэднер – признанный мастер фоторепортажа, независимый фотограф и журналист, работающая в Америке, Европе и Сибири. С 1990-х гг. Х. Брэднер начала создавать фотоистории Российской Арктики. Формулируя творческую концепцию исследования, Х. Брэднер, уроженка Аляски, сознавала всю сложность работы на Севере. Ее многолетняя деятельность стала отрицанием известного стереотипа о том, что Российский Север – это негостеприимный сумрачный край лагерей и первобытных народов. Одна из фотосерий Х. Брэднер о людях Севера – людях великих сибирских рек посвящена ненцам Ямала.

Ненцы – самый многочисленный из самодийских (по языку) и один из самых устойчивых (по демографическим показателям) этносов России. Первое упоминание об этом народе встречается в древнейшей летописи “Повести временных лет”, относящейся к началу XII в. В русской традиции ненцев называли самоедами или самоедами-юраками. Этническое имя *ненэць* – “человек”, *ненэй ненэць* – “настоящий человек” было введено в официальное употребление в 1930-е гг.; ненцы Западного Ямала называли себя *хасава* “мужчина”. В 1926 г. насчитывалось 16,4 тыс. ненцев, в 1959 – 23,0 тыс., 1970 – 28,7 тыс., 1979 – 29,4 тыс., к 1989 г. – 34,4 тыс. чел. В настоящее время этот народ рас-

селяется от Кольского полуострова (с конца XIX в.) до низовьев Енисея: на территории Мурманской и Архангельской областей – в Ненецком АО, в Тюменской обл. – в Ямало-Ненецком АО, на территории Красноярского края – в Долгано-Ненецком (Таймырский) АО; лесные ненцы населяют таежную зону междуречья Оби и Енисея.

Объектом монографического исследования Х. Брэднер в 1990-е гг. стали ненцы Ямала. Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) современной России – один из самых динамичных в сфере экономики, самых традиционных в сфере культуры и самых проблемных в социально-экологической сфере регионов. Он находится в устье Оби на севере Западной Сибири в тундровой, лесотундровой и таежной зонах. ЯНАО был образован в 1930 г. в составе Тюменской обл. Сегодня он включает семь районов. Его территория составляет 750,3 км²; в границах автономного округа расположены 6 городов нефтяников – Салехард, Лабытнанги, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск, Муравленко, 9 рабочих поселков, 108 деревень, 7 рыболовецких и 12 оленеводческих совхозов, 18 факторий и промежуточных баз оленеводов, 2 462 кочующих хозяйства.

Ямальский фотопроjekt Х. Брэднер был принят в 1998 г. при организационной поддержке руководства Всероссийского союза оленеводов, пресс-службы ЯНАО в Салехарде, общества “Ямал – потомкам” и местных администраций. Этот проект был рожден глубокой привязанностью автора к Северу и его людям. Работа над ним продолжается и по сей день. Из года в год Х. Брэднер приезжает на полуостров, чтобы совершить очередное календарное – перекочевку с одной из семей ненецких оленеводов. Она работает на территории всего полуострова, где в соответствии с традиционным территориально-родовым делением создано несколько крупных хозяйств, но родными для Х. Брэднер остаются восьмая оленеводческая бригада бывшего Ярсалинского совхоза Ямала и семья руководителя бригады Сергея Сэротэтта. Наблюдая за повседневной жизнью большой семьи, кочующей в тундре, Х. Брэднер открывает для себя и зрителей культуру и историю ненцев Ямала.

Согласно переписи 1989 г., в ЯНАО значилось 495,2 тыс. чел., из них 385,6 тыс. горожан и 109,6 тыс. сельских жителей. Менее 7%, или 30 226 чел., в крае составляли коренные жители: ненцы, ханты, манси, селькупы, эвенки. Самые многочисленные среди коренных народов Ямала ненцы; их ок. 20 тыс.; 17,1% ненцев проживает в городах и поселках городского типа. Лесные ненцы живут в Пуровском и Надымском районах ЯНАО (2 тыс.), тундровые (оленоводы) – в низовьях Оби. Среди коренных народов Сибири ненцы (прежде всего ненцы-оленоводы) более других сохраняют верность традициям, устоям и вере предков. Но перспектива их воспроизводства и трансляции этнических культур поставлена под сомнение в связи с масштабным техногенным освоением региона.

Сезон за сезоном, совершая кочевья по маршрутам тундровых ненцев, Х. Брэднер осваивает этноэкологические традиции Ямала. Свой проект она назвала “Земля второго солнца”. Это название возникло, когда в один из зимних дней стойбище, ставшее на время домом фоторепортера, собиралось перебираться на новое место. Заснеженный ландшафт был окутан полярной мглой. Но один из оленеводов объяснил, что найти дорогу в темноте зимней тундры несложно; он сказал: “У нас здесь есть второе солнце”, а другой добавил: “Зимой здесь никогда не бывает темно”. Поймав напряженный взгляд гости, обращенный на мрачный, лишенный намеков на солнечный свет замерший пейзаж, они улыбнулись. Речь шла о луне, свет которой отражал белый чистый снег тундры. Луна над бескрайним ландшафтом – это и есть “второе солнце” ненецких оленеводов – уникальный свет из другого мира, мира Арктики, мира кочевников Севера.

Ненцы являются покорителями арктической тундры Ямала. Непосвященному человеку тундра полуострова к северу от того места, где Обь достигает Арктического побережья, кажется безжизненной и беспощадной; она отрезана от остального мира. Но ее населяет народ, сохраняющий уникальный образ жизни, несмотря на социально-экономические эксперименты 1930 – 1970-х гг. и давление индустриального мира.

Ненцы очень тонко чувствуют и знают свою землю и живут на ней полной жизнью благодаря тяжелому труду, невероятной способности к выживанию, взаимовыручке, настойчивости, терпению и неразрывной связи со своей землей. На протяжении последних столетий ненцы, предки которых продвигались с юга на север, адаптировались к “полуночной земле”, как когда-то называли Арктику русские путешественники. Они шли за северными оленями и осваивали блага цивилизации – огне-

стрельное оружие, спирт, позже вездеходы, радиостанции и т.д. Но даже сегодня ненецкая культура во многом сохраняет свой первозданный облик; порой лишь металлическая посуда, женские платки, старый радиоприемник или пара очков напоминают в тундре о социальной реальности и технических достижениях большого мира.

Экстремальные условия Ямала предъявляли особый счет адаптационным возможностям тундровиков; но они же на протяжении долгого времени защищали ненцев от опасностей внешнего мира. В 1930-е гг. радикальные социально-политические реформы в России докатились и до Ямала. В ту эпоху в результате безжалостной коллективизации была разрушена традиционная жизнь даже в самых отдаленных уголках огромного советского государства; ненецких оленей экспроприировали во имя революционного прогресса. Многие ненцы противились отлову животных для нужд Красной армии. “Зажиточных” оленеводов, владевших большими стадами, публично судили и наказывали как “врагов народа”.

В советское время в тундре создавались стационарные поселки и школы-интернаты. Ненцев собирали в трудовые бригады, которые продолжали работать по старым семейным принципам и кочевали по родовым маршрутам. Несмотря на жесткий государственный контроль, этот народ в течение XX в. сохранял свои традиции и язык. Став гражданами великой страны, превратившись в колхозников и членов компартии, выполняя план по сельхоззаготовкам, ненцы тем не менее придерживались прежнего уклада жизни. В течение последних десяти лет после распада Советского Союза и ликвидации сложившейся схемы северной экономики ненцы пережили еще одно потрясение. Но социально-экономические преобразования на рыночной основе позволили им взять инициативу в свои руки. Ненцы адаптировались к новой ситуации, не меняя при этом своего традиционного образа жизни.

Сегодня большие трудолюбивые семьи Ямала, владеющие многочисленными стадами, в шутку называют “миллионерами тундры”. Специалисты считают, что на семью из пяти человек необходимо стадо не менее чем из 300 голов оленей. Весной семьи, работая сообща, перемещаются с огромными стадами на север полуострова, чтобы за лето животные могли набрать вес, питаясь лишайниками и травами тундры. В северной части полуострова, где меньше всего хищников и гнуса, олени приносят потомство. Там кочевья подходят к самой кромке Арктического побережья. Затем кочевья поворачивают назад, направляя стада на зимовку в южные, защищенные тайгой районы. Такое путешествие длиной в сотни километров приходится совершать каждый год.

Значительная часть ненецкого населения не имеет постоянного жилья в поселках. Местом жительства и прописки ненца остается яраслинская (сеяхинская) тундра, что и зарегистрировано в паспортах многих оленеводов. Жизнь ненца связана с чумом – каркасным жилищем, покрытым *нюками* – пологами, сшитыми из нескольких десятков оленьих шкур. Мобильная конструкция чума может быть собрана и установлена менее чем за час. Когда наступает время переезжать на новую стоянку, чум быстро разбирают и упаковывают в нарты – по-прежнему главное транспортное средство тундровика. Эти устойчивые деревянные сани, которые как и в древности, вырезают вручную и собирают без единого гвоздя или металлических стяжек, выдерживают до 150 кг груза.

Во время кочевий женщины отвечают за организацию караванов. Они направляют упряжки оленей, везущие в нартах чумы, запасы еды и семейный скарб к месту следующей стоянки. Обычно караван состоит из восьми нарт. Олени в упряжке тянут до 1 200 кг груза через реки, холмы и болота, несмотря на пургу, дождь или палящее солнце. Женщины, направляя караван, сажают детей рядом с собой в женские ведущие нарты специальной конструкции (с передней, задней и боковыми стенками) и, накрывшись шалью, кормят младенцев грудью во время остановок. К тому моменту, когда ненецким детям исполняется год, они успевают проехать расстояние в сотни километров, преодолев переправы через реки и пережив бури. Это путешествие им предстоит совершать каждый год на протяжении всей жизни.

Едва ребенок появится на свет, его укутывают в олений мех. Северные олени для ненцев – это их средство передвижения, одежда и крыша над головой. Наполовину ручные, наполовину дикие животные дают людям мясо, которое обычно едят свежим и даже сырым. Теплую кровь только что убитого оленя пьют кружками прямо рядом с тушей животного. “Для нас это все равно что молоко, только красное”, – говорят они. Кровь оленя дает жизненно важный запас витаминов и питательных веществ. “Для нас олени – наше богатство. Без них мы – ничто. Мы просто не сможем выжить”, – говорит Сергей Сэротэтта, руководитель одной из оленеводческих бригад Ямала.

Ненцы зависят от животных во всем. Люди преклоняются перед ними, восхваляя своих благодетелей и гордятся своей самобытностью. Но уникальный образ жизни ненцев находится под угрозой. В последние 20 – 25 лет на севере Западной Сибири, в частности, на территории ЯНАО, был создан мощный промышленно-сырьевой комплекс. Проведение работ по освоению газовых и нефтяных запасов пре-

вратило Ямал в зону экологического бедствия. Крупнейшим проектом предусмотрены интенсивная эксплуатация группы ямальных газовых месторождений, дальнейшее их обустройство и расширение связанных с ними транспортно-коммуникационных схем (строительство железной дороги, прокладка газопровода).

Индустриализация уже нанесла непоправимый урон оленьим пастбищам и ритуальным святилищам ненецких семей. Содержание вредных веществ в Оби превысило допустимые нормы в 25 – 30 раз. Тундра захламлена техническим мусором; оставшийся от пробных скважин ржавый металл ранит копыта оленей и является причиной гибели животных. Север – очень хрупкая экосистема. След от автомобильных шин или брошенная консервная банка остаются здесь на десятилетия. Сегодня земля Ямала покрыта брошенной техникой и газодобывающим оборудованием.

Деформация природной среды полуострова может обернуться разрушительными последствиями для ненецкой культуры. Люди Ямала обязаны своей жизнью стадам северных оленей, исчезновение которых приведет к нищете и деградации целого народа. Погоня за сырьевыми богатствами тундры и энергия коммерческих начинаний новой России могут с легкостью разрушить вековой баланс между человеком и северным оленем на древней земле Севера – земле второго солнца.

Справка

Хайди Брэнднер (Heidi Brander) родилась в 1964 г. в Фэйрбэнксе (Аляска, США). Окончила Университет Аляски (Анкоридж, США) по специальностям “журналистика” и “история” (1989 г.). В 1988 – 1989 гг. работала репортером в газетах “Alaska Economic Report” и “Alaska Legislative Digest”, фотографом газеты “The Juneau Empire”. С 1989 г. – независимый фотограф и журналист. Сотрудничает с такими изданиями, как “New York Times Magazine”, “Granta”, “Geo”, “Time”, “Newsweek”, “US News & World Report”, “Stern”. Живет в Лондоне, работает в Европе, Америке, России. С 1990-х гг. постоянно работает на Чукотке, с 1998 г. – на Ямале.

Х. Брэнднер – финалист международных фотоконкурсов Фонда документальной фотографии “Fifty Crows”, конкурса гуманитарного фоторепортажа “Care” и конкурса по проблемам прав человека “Amnesty International” (проекты о ненцах и чеченской войне). Победитель конкурса Национальной Ассоциации фотографов прессы США за фоторепортаж “Крик о свободе” (1999 г.). Обладатель премии “Alexia Foundation Grant” Сиракузского университета за фотопроjekt “Сосуществование на Кавказе” (1998 г.).

Международный фонд документальной фотографии “Mother Jones” присудил ей главный приз (“Leica Medal of Excellence”) за фотопроjekt о чеченском конфликте (1997 г.). Победитель конкурсов “World Press Photo-2003” (третье место, “Повседневная жизнь”) и “Пресс-Фото России-2003” (второе место, “Повседневная жизнь”) – за фоторепортажи о ненцах Ямала.

Персональные выставки: “Забытая война. Образы Чечни 1994 – 2001” (“Freedom Forum”, Лондон, 2001), “Горько-сладкая декада” (“Moving Walls”, Институт “Открытое общество” Фонда Сороса, штаб-квартира в Нью-Йорке, 2001), “Портрет Чечни” (“Islington Arts Factory”, Лондон, 1998), “Лицо России” (фестиваль “PhotoDays”, Германия, 1997). Участник выставок “Россия в переходный период” (“Leica Gallery”, Нью-Йорк, 1999), “Люди на границах” (Красноярск, Новосибирск, Москва, 2002), “Река истории / Истории реки” (Красноярск, Москва, 2003).

Персональная выставка “Ненцы” открылась в английском городе Ньюкасле в декабре 2003; она стала основой подготовленной к изданию книги.

Хайди Брэнднер
Panos Pictures, London/ Anchorage
E-mail: brander@compuserve.com

Лиза Фактор
Фонд “Объективная реальность”
Москва
Тел: 095-924-6870
E-mail: liza@photographer.ru

Октябрьская И.В.
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: SIEM405@yandex.ru

1. Двадцатипятилетний Майко Сэротэтта по прозвищу Майкл Джексон пытается найти дорогу в пурге и собрать свое стадо.

2. Каждый день ненецкие мужчины работают в оленьем стаде. Из поголовья выбирают самых сильных, чтобы приучить их к грузовой упряжке.

3. Татьяна Сэротэтта разговаривает со своим любимым оленем Хорхо. Она выходила его маленьким олененком, потому что его мать умерла.

4. Шестимесячный мальчик Санько отправляется в свое первое кочевье. Рядом с ним молодой олень – приемыш, выращенный в семье; он чувствует запах молока.

5. Валя Сэротэтта держит на руках сына Артура. «Я хочу, – говорит она, – чтобы мой сын знал тундру, знал ее язык и знал, что такое олень. Я жила в городе – там ужасно. Мне нравится выглянуть из чума и увидеть своих оленей. Это лучше, чем смотреть телевизор».

6. Олень пытается войти в чум, когда хозяйка выходит на солнышко.

7. В праздничном угощении, которое ненцы устраивают перед отправлением в дальнюю дорогу – в тундру, участвуют и олени.

8. Татьяна Сэротэтта ест свежее сырое мясо оленя. Олень был убит специальным способом – удушением. Ненцы считают, что только благодаря свежему сырому мясу и горячей крови оленя они выживают в суровых условиях тундры.

9. Ненецкие мужчины восьмой оленеводческой бригады Ямала собрались длинным летним днем, чтобы сыграть в шашки. Чем можно заниматься в тундре летом – мужчины разгадывают кроссворды, читают газеты, играют в футбол и в шашки.

10. Восемнадцатилетняя Надя готовит обед возле летнего чума; рядом ее мама чистит рыбу. Надю приняли в Тюменский медицинский университет. Через шесть лет она станет детским доктором и вернется в тундру, чтобы работать в оленеводческих бригадах.

11. Две юные ненецкие девочки приехали к родственникам в пос. Яр-Сале. Они смотрят по телевизору старый советский фильм. Осенью детей забирают из тундры и вертолетами увозят в интернат в пос. Тар-Сале, где они живут без родителей, те кочуют с оленями.

12. Ненецкие женщины собрались, чтобы обсудить последние новости перед зданием администрации в пос. Яр-Сале. На маршруте ежегодных кочевий с юга Ямала на север – это основная остановка. В Яр-Сале ненцы закупают продукты и хлеб, сюда они посылают своих детей в школу.

13. Ненецкие нарты как будто плывут сквозь метель и пургу по ямальской тундре.

14. Ненецкий чум сделан из деревянных жердей, покрытых пологом, сшитым из оленьих шкур. Такой дом – теплый и легкий – можно разобрать и упаковать в нарты за очень короткое время.

15. Преодолевая пургу, восемнадцатилетний Максим ведет упряжку уставших оленей к семейной стоянке. В этом году он уходит в армию. Это последнее его кочевье перед отъездом.

С.В. Дробышевский¹, Д.В. Богатенков², А.В. Трусов²

¹Московский государственный университет, кафедра антропологии
Воробьевы горы, Москва, 117234, Россия

E-mail: dsv_anth@mail.ru

²Институт археологии РАН

ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия

E-mail: bogatenkov@mtu-net.ru

ЛОБНАЯ КОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ИЗ СЕЛА ДЯДЬКОВА (РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Введение

Исследование фрагментарных палеоантропологических остатков, обнаруженных в спорном геологическом и культурном контексте, всегда сталкивается с большими сложностями методического плана. Их преодолению может способствовать применение комплекса одномерных и многомерных статистических методик. Нами исследован изолированный фрагмент черепной крышки человека, обнаруженной в переотложенном состоянии у с. Дядькова (восточная окраина г. Рязани).

Геологический контекст находки

Исследованный фрагмент черепной крышки был найден совместно с остатками мамонтовой фауны. Первооткрыватель местонахождения Б.Н. Архиреев, житель с. Дядькова, передал эту находку и ряд костей ископаемых животных одному из авторов статьи, производившему в 1987 г. обследование оврага Бочаг*.

Открытию данного фаунистического комплекса способствовало возведение в верховьях старого оврага Бочаг, прорезавшего высокий коренной берег р. Оки у восточной окраины с. Дядькова, коллектора очистных сооружений. Сброс воды из коллектора по

дну оврага в Дядьковский затон (старицу р. Оки) привел к активации процесса эрозии и углублению дна оврага. Выходы грунтовых вод несколько выше уровня этого водотока, и наличие на его уровне пластичных глинистых отложений усугубило положение: по бортам оврага начались обширные оползни, что на отдельных участках вызвало появление крупных обнажений высотой до 10 м.

Основная масса фаунистических находок и фрагмент черепной крышки человека обнаружены на дне оврага на расстоянии от 100 до 450 м от его устья. Здесь происходило перемывание пород обрушающихся овражных бортов.

На одном из наиболее значительных обнажений по правому борту оврага на расстоянии около 350 м от его устья была сделана зачистка на глубину до 6 м. Высота берега здесь не менее 34 м над уровнем воды в старице р. Оки. Стратиграфия борта оврага Бочаг в месте обнаружения черепной крышки (рис. 1):

0 – дерн – 0,0 – 0,1 м;

1 – гумусовый горизонт современной почвы – до глубины 0,22 м;

2 – желто-коричневый карбонатный пористый суглинок с включением известковых стяжений. Мощность слоя до 2,30 м. В нижней части на контакте с нижележащим слоем на глубине 2,40 – 2,50 м отмечен горизонт ожелезнения в виде линз и прослоев мощностью до 0,10 м;

3 – серовато-коричневый карбонатный пористый суглинок. Мощность 0,40 – 0,50 м. Достигает глубины 3,00 – 3,20 м;

* Трусов А.В. Разведки по палеолиту в бассейне р. Оки летом 1987 года: Отчет. – Архив ИА РАН. Р-1. № 12267, 12267(а), 1987.

4 – горизонт, состоящий из линз и прослоев желтовато-серой супеси (4а), светло-желтого неслоистого песка (4б). Мощность до 0,20 м, достигает глубины 3,10 – 3,40 м;

5 – погребенная почва – темно-серый суглинок с включением мелких древесных угольков, подразделяется на две части: верхнюю, мощностью от 2 до 4 см, наиболее темную (до черного) и тяжелую по составу, и нижнюю – светлую, мощностью 5 – 15 см. Почва разбита рядом клиньев (мерзлотных?) шириной 8 – 40 см на блоки размером от 20 до 60 см. В верхней сильно гумусированной прослойке почвы обнаружены обломки зуба оленя и фрагменты костей лошади. Нахождение костных остатков в данном слое позволяет с достаточной долей уверенности говорить о возможном происхождении части или всего собранного материала из этого же слоя. Относительно небольшое количество находок объясняется незначительностью вскрываемой площади местонахождения;

6 – серо-коричневый с точечным ожелезнением легкий суглинок, мощность 1,20 – 1,30 м, достигает глубины 4,48 – 4,66 м. В этом слое на глубине 3,95 м встречен мелкий осколок трубчатой кости;

7 – желтовато-коричневый суглинок. В верхней части на глубине 4,48 – 4,80 м отмечен ряд интенсивно окрашенных черных (сажистых) прослоек с включением древесных угольков, мощностью 1 – 4 см. На уровне этих прослоек вмещающий их суглинок отличается более тяжелым составом, ниже – более опесчанен. В ризосфере наблюдается его ожелезнение. Прокопан до глубины 6,00 м от современной поверхности.

Глубже, судя по соседним обнажениям, суглинок слоя 7 переходит в иловатые отложения, ниже залегают темные до черных суглинки юрского периода с обломками сильно минерализованной древесины, белемнитами и раковинами аммонитов. Эти последние отложения выходят в данном месте практически на уровне русла ручья, которым размываются.

Собранный на дне оврага фаунистический материал был просмотрен С.П. Масловым (кафедра зоологии позвоночных МГУ) и Е.Е. Антипиной (Институт археологии РАН). По их заключению, костные остатки принадлежат следующим видам животных: мамонту (*Mammuthus primigenius*), шерстистому носорогу (*Coelodonta antiquitatus*), лошади (*Equus caballus*), первобытному бизону (*Bison priscus*), большерогому оленю (*Megaceros* sp.) или первобытному лосю (*Alces* sp.), северному оленю (*Rangifer tarandus*), пещерному медведю (*Ursus spelaeus*), пещерному льву (*Panthera spelaea*).

По трубчатой кости шерстистого носорога, происходящей из сборов на дне оврага, получена дата 12750 ± 60 л.н. (ГИН-9503).

Анализируя имеющиеся данные, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что собранные

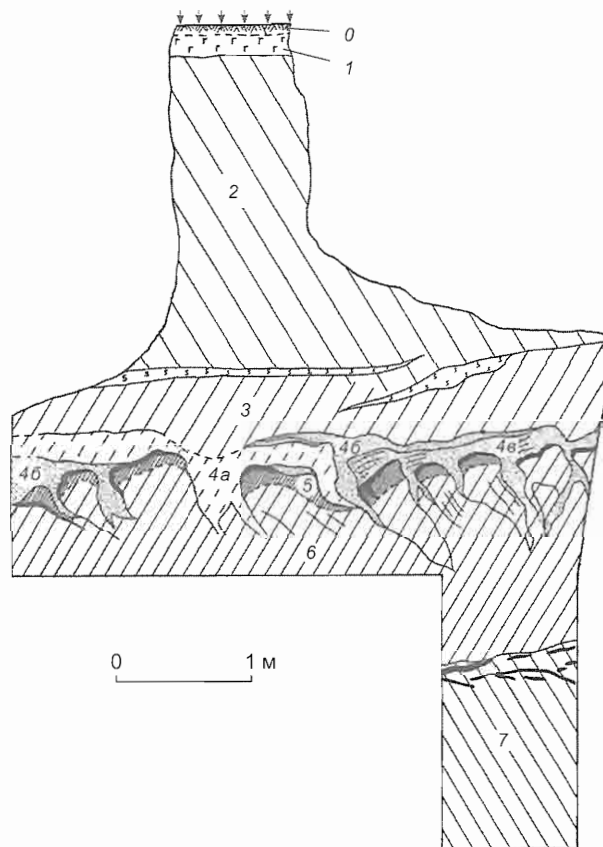

Рис. 1. Стратиграфия борта оврага Бочаг у с. Дядькова (описание разреза дано в тексте).

фаунистические материалы происходят из разрушающегося культурного слоя стоянки людей древнего каменного века. В пользу этого свидетельствуют, во-первых, приуроченность данного местонахождения к овражному мысу – излюбленной древними людьми форме рельефа при выборе места стоянки; во-вторых, расщепленность большей части костного материала, особенно трубчатых костей с характерными заломками, какие бывают при расщеплении главным образом свежих, а не ископаемых костей; в-третьих, залегание большого количества разнообразного костного материала не в русловых отложениях, где они имеют тенденцию накапливаться, а в покровных суглинках – на относительно ровном и стабильном участке берега. О стабильности говорит и развитие на данном участке погребенной почвы. Все это малообъяснимо естественными причинами, но достаточно характерно для стоянок древних людей. Можно добавить и описанный выше видовой состав животных, представляющий главным образом основные промысловые виды – объект охоты древних людей.

Тем не менее приходится признать, что на местонахождении не обнаружена такая важная категория находок, обычных для памятников каменного века,

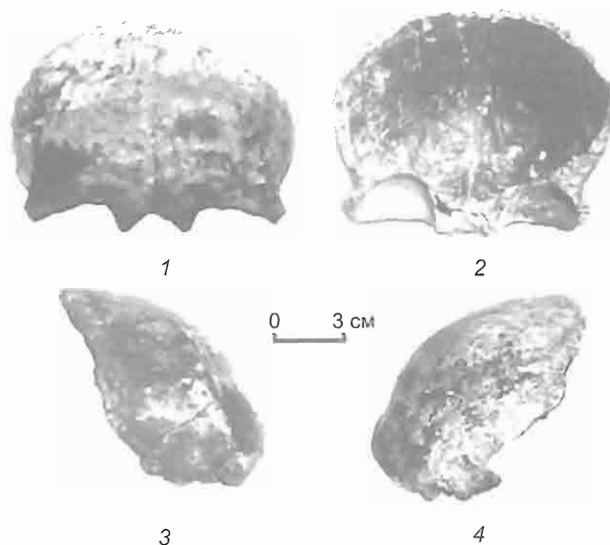

Рис. 2. Внешний вид лобной кости.
1 – спереди; 2 – сзади; 3 – справа; 4 – слева.

как каменные орудия и сопутствующие отходы их производства. Это может объясняться незначительностью вскрытой при зачистке обнажения площади поверхности обитания. Кроме того, при предполагаемой узкой специализации данной стоянки обработка камня на ней могла носить эпизодический характер, и, соответственно, каменные изделия могли быть относительно редки.

А.В. Трусову в бассейне Оки к настоящему времени известно несколько десятков местонахождений плейстоценовой фауны, многие из которых также могут быть результатом охотничьей деятельности древнего человека. Например, обследование подобного местонахождения в с. Шатрищи привело в конечном итоге к открытию Шатрищенской палеолитической стоянки, а затем и стоянки Шатрищи-2. Из открытий последнего времени интересным представляется местонахождение у д. Стерлигово Рязанской обл., где был найден фрагмент затылочной кости человека, переданный на антропологическое исследование.

Сохранность и морфология находки

Находка представляет собой достаточно полный фрагмент лобной кости темного цвета (рис. 2). Сохранность ее удовлетворительная. Небольшие участки сохранившегося верхнего слоя кости имеют более темный бурый цвет, нижележащие – серовато-коричневые; поверхность сильно потерта. Верхний слой кости сохранился главным образом в районе правого надглазничного треугольника и на надбровных дугах; в области височных линий он сильнее разрушен с правой стороны. Внутренняя поверхность кости темнее

наружной, лучшей сохранности. На ней четко прослеживаются отпечатки сосудов и неровности рельефа. Спереди фрагмент обломан в районе присоединения носовых костей, открыт вход в лобные пазухи, из которых левая шире. Глазничные поверхности: справа сохранилась верхняя часть с темным поверхностным слоем, слева – верхняя и задняя части.

Венечный шов сохранился полностью, несколько стертые зубцы прослеживаются на всей его протяженности. Район лобно-скулового шва (скуловые отростки) обломан с обеих сторон. Область птериона сохранилась только справа (частично прослеживается клиновидно-лобный шов). Височные поверхности отсутствуют. Медиальнее области левого птериона расположена изогнутая трещина, идущая поперек через височную линию. Степень зарастания венечного и носо-лобного швов оценивается как нулевая по шкале Брока (нет следов облитерации).

Метопический шов на наружной поверхности прослеживается в районе глабеллы и в брегмальной части; в области выше метопиона он почти зарос и наблюдается в виде узкой трещины. С внутренней поверхности на брегмальном отрезке и в носовой части шов имеет вид трещины, в средней части полностью зарос.

На внутренней поверхности кости лобный гребень (*crista frontalis*) сохранился полностью. Борозда верхнего продольного синуса (*sulcus sinus sagittalis superioris*) имеет хорошо выраженные края в передней части, далее прослеживается менее четко. На уровне исчезновения борозды, латеральнее, симметрично расположены пальцевидные вдавления различного размера. Очень бугристая левая глазничная поверхность сохранилась лучше; за ней на чешуе лобной кости расположена ямка. Выше и латеральнее ее, приблизительно на уровне исчезновения борозды верхнего продольного синуса наблюдается глубокое вдавление со следами разрушения кости. Еще одно углубление расположено сагиттальнее, над лобными пазухами. На правой стороне, приблизительно параллельно височной линии видна светлая полоса, окруженная ямками, по всей вероятности, образовавшаяся вследствие повреждения.

Следы артерий на внутренней поверхности кости асимметричны; с левой стороны идут скорее параллельно сагиттальной линии, с правой – перпендикулярно.

Можно отметить значительную порозность наружной поверхности надбровных дуг, сильнее выраженную в районе глабеллы. Височные линии хорошо выражены, постепенно сглаживаясь, они достигают края кости. Лобные бугры выступают незначительно. Лобный валик отсутствует. Надглазничные отверстия присутствуют с обеих сторон. Блоковая ость (*spina trochlearis*) незначительно выражена справа и отсутствует слева.

Выраженность надпереносья оценивается баллом 3 по шестибальной шкале Мартина. Надбровные дуги не слиты с надглазничным краем, сильнее развиты в медиальной части и не сливаются по средней линии – балл 1. Надглазничный треугольник выражен хорошо, он плоский и не имеет значительного утолщения. Надглазничный край притупленный; справа он несколько острее, в медиальной части может быть описан как завернутый. Верхние края глазниц имеют форму слабо изогнутых дуг. Тип глазницы, насколько можно судить по представленному фрагменту, закрытый*.

На левой наружной стороне лобной части отмечен след повреждения. Он расположен приблизительно посередине между височной линией и метопическим швом, почти параллельно венечному шву, приближаясь к последнему в медиальной части (рис. 2, 4). След тонкий, несколько изогнутый, с заостряющимися концами, длиной ок. 30 мм. Его края четко прослеживаются, слегка сглажены, не имеют признаков заживления. Примечательно наличие трещины с противоположной стороны фрагмента (рис. 2, 3). Характер сохранности костной ткани отмеченных участков не отличается от описанного выше. Мы не беремся утверждать, было ли повреждение прижизненным (травмой) или посмертным. В любом случае, оно не является результатом современного воздействия на кость.

В результате визуального осмотра сложилось впечатление, что кость достаточно массивная и толстая, несмотря на слабо выраженный надглазничный рельеф. Судя по отмеченным особенностям процессов облитерации швов дядьковского фрагмента, можно предполагать возраст индивида как *juvenis-adultus* (см.: [Алексеев, Дебец, 1964, с. 36 – 39]).

Вопрос о половой принадлежности тесно связан с таксономическим положением объекта и рассмотрен отдельно.

Таксономическое положение ископаемых остатков человека из Дядькова (опыт реконструкции)

На территории европейской части России и юга Восточной Европы известно несколько черепных крышек ископаемого человека, также имеющих не вполне ясную хронологическую и таксономическую привязку. Среди них находки из Сходни [Бадер, 1936; Гремяцкий, 1952а], Подкумка [Гремяцкий, 1922], Хвалынска [Бадер, 1952; Гремяцкий, 1952б], Северки [Кондукторова, 1952а], Днепропетровска [Кондукторова, 1952б]. Как было показано ранее [Дробышевский, 2001а, 2001б], по совокупности антропологических характеристик фрагменты из Сходни, Подкум-

ка и Хвалынска могут быть отнесены к верхнему палеолиту. В связи с наиболее полным описанием этих фрагментов подробные морфологические сопоставления лобной кости из Дядькова проводились прежде всего с ними. Для более широких сравнений использовались данные по различным группам современных и ископаемых людей. Основу выборки составили измерения черепов и муляжей из коллекций кафедры антропологии, Музея и Научно-исследовательского института антропологии МГУ, произведенные С.В. Дробышевским [2000]. Использованы также литературные данные: палеолит – [Алексеев, 1978], мезолит – энеолит – [Кондукторова, 1973; Алексеева, 1997], эпоха бронзы – [Кондукторова, 1973; Круз, 1984].

Для статистической обработки материалы были сгруппированы в следующие хронологические общности: люди среднего палеолита Европы, Африки и Ближнего Востока, в т.ч. группа Схул – Кафзех ($n = 24$); верхнепалеолитические неоантропы Европы (в т.ч. Сунгирь 1, Маркина Гора, Сходня, Хвалынск, Подкумок, Сатанай), Азии, Африки, Австралии, Америки ($n = 79$); люди эпохи мезолита Восточной Африки, Западной и Восточной Европы ($n = 13$); представители неолитического населения Кавказа, Украины и Центральной России (Сахтышские стоянки) ($n = 47$); люди эпохи бронзы Кавказа и Украины ($n = 103$); современное население ($n = 225$). Подробно состав выборок и ссылки на многочисленные источники данных описаны в работе С.В. Дробышевского [2000].

Измерение черепов произведено по стандартной методике Р. Мартина [Martin, 1928; Martin, Saller, 1964] в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964], ряд признаков описан при помощи оригинальной методики [Дробышевский, 2001б]. Сравнение по измерительным признакам представлено в табл. 1 и 2.

По признакам длины (номера 26, 26(1), 29, 29(1) и 29(2) по Мартину) лобная кость из Дядькова в абсолютном большинстве случаев приближается к представленным женским группам. Эта же ситуация характерна и для признаков надбровного рельефа (в т.ч. хорды $n - g$ и $g - on$). По признакам, описывающим ширину лобной кости (9, 10 и 43), дядьковский фрагмент ближе к мужским группам, при этом его биорбитальная ширина (43(1) по Мартину) и хорда $n - fmo$ находят соответствия в женских. Такое сочетание признаков объясняется значительной толщиной скулового отростка лобной кости из Дядькова (13 мм), сопоставимой лишь со среднегрупповыми значениями у мужчин среднего палеолита. По межглазничной ширине (50 по Мартину) дядьковская находка близка к черепам палеоантропов (в особенности мужским), в меньшей степени – к верхнепалеолитическим, и попадает в самые верхние пределы вариаций групп от мезолита до современности.

* Методику определения данных признаков см.: [Алексеев, Дебец, 1964; Герасимов, 1955; Васильев, 1999].

Таблица 2. Измерения фрагментов черепных крышек
из Дядькова, Сходни, Хвалынского и Подкумка

Размер (номер по Мартину), мм	Дядьково	Сходня	Хвалынский	Подкумок
29. Длина лобной кости n – b	104,0	125,0	116,0	110,0
29(1). Длина глабеллярной части n – op	17,0	33,0	29,0	24,0
29(2). Длина церебральной части op – b	92,5	99,0	92,0	93,0
n – g (хорда)	5,0	10,0	11,0	12,0
g – op (хорда)	12,0	26,0	21,0	15,0
n – m (хорда)	44,0	47,5	47,5	45,0
op – m (хорда)	28,0	15,0	17,0	22,0
m – b (хорда)	71,0	86,0	77,5	76,0
26(1). Дуга глабеллярной части n – op	17,0	36,0	32,0	26,0
26(2). Дуга церебральной части op – b	103,0	105,0	98,0	104,0
26. Дуга лобной кости n – b	120,0	141,0	130,0	130,0
n – m (дуга)	46,0	53,0	51,0	49,0
m – b (дуга)	74,0	88,0	79,0	81,0
Высота g над линией n – op	0,0	5,0	5,0	4,0
9. Наименьшая ширина лба ft – ft	104,5	100,0	95,0	95,0
9(1). Ширина посторбитального сужения	105,5	101,0	98,0	96,0
10. Наибольшая ширина лба co – co	128,5	114,0	116,0	119,0
10b. Наибольшая ширина лба st – st	126,0	111,0	114,0	119,0
43. Верхняя ширина лица fmt – fmt*	112,5	113,0	108,0	113,0
43(1). Биорбитальная ширина fmo – fmo*	99,0	103,0	103,0	98,0
50. Максилло-фронтальная ширина mf – mf	28,0	29,0	28,0	26,0
mf – fmo	38,0 / 36,0**	40,0 / 39,0	– / –	– / 37,0
n – fmo	53,0 / –	54,0 / 55,0	56,0 / 54,0	55,0 / 53,0
BOL***	43,5	44,0	47,0	43,0
Развитие надпереносья (баллы 1 – 6)	3	6	5	5
Слияние надбровья (баллы 1 – 3)	1	3	3	2
Длина надбровной дуги	38,0 / 36,0	47,5 / 48,0	42,0 / 43,0	46,0 / 46,0
Ширина надбровной дуги	17,0 / 15,0	22,0 / 22,5	18,0 / 19,0	18,0 / 18,0
Высота надбровной дуги в месте наибольшей ширины	3,0 / 3,0	5,0 / 6,0	4,0 / 5,0	6,0 / 6,0
Толщина надглазничного края:				
медиальная часть	3,0 / 3,0	7,5 / 7,5	7,5 / –	8,0 / 8,0
средняя »	5,0 / 5,0	6,5 / 6,5	5,5 / 7,0	9,0 / 8,0
латеральная »	5,0 / 4,0	6,5 / 6,5	6,5 / 7,5	9,0 / 9,0

* Размеры частично реконструированы.

** Здесь и далее измерения слева/справа.

*** BOL – расстояние между внутренними краями надглазничных отверстий.

Для полноты описания приводим также ряд измерений, характеризующих толщину лобных костей из Дядькова, Сходни, Подкумка, Хвалынского и современного человека (табл. 3). Эти данные свидетельствуют о достаточно большой массивности кости, что подтверждает впечатление, складывающееся при визуальном осмотре фрагмента.

Следует отметить, что по таксономически важным признакам надбровного рельефа лобная кость из Дядькова не выходит за пределы вариаций современного человека: по расчлененности и сла-

бому развитию надбровья, развитию надглазничного треугольника она соседствует не только с архаичными ископаемыми, но и с современными формами.

Таким образом, человек из Дядькова при достаточно больших абсолютных поперечных размерах лобной кости характеризуется малыми продольными, а при относительно большой массивности лобной кости – ослабленным надбровным рельефом. В целом такое сочетание не типично ни для одной из рассмотренных групп современных и ископаемых людей.

Таблица 3. Толщина лобных костей из Дядькова, Сходни, Подкумок, Хвалынска и современного человека

Толщина (мм)	Дядьково	Сходня	Подкумок	Хвалынск	Современный человек*
Глабеллярная часть	16,0	21,5	14,0	16,0	14,2 (11,0 – 19,0)
В районе брегмы	7,0	7,0	7,0	8,0	5,5 (4,0 – 7,0)
В районе лобных бугров	7,0 / 7,0**	8,5 / 6,0	7,5 / 7,0	7,0 / 7,0	5,6 (4,0 – 8,0)
Над птерионом	11,0 / 6,0	4,0 / 5,0	5,0 / 5,0	5,0 / 5,0	2,6 (2,0 – 4,0)
В месте пересечения височной дуги с краем лобной кости	13,0 / 7,0	7,0 / 7,0	5,0 / 5,0	5,0 / 5,0	5,5 (5,0 – 6,0)

* Представлено среднее значение и размах изменчивости признака (min – max) (взрослые без деления по полу); использованы данные В.В. Бунака, М.М. Герасимовой [Бунак, 1980; Бунак, Герасимова, 1984] и результаты измерений С.В. Дробышевского.

** Здесь и далее измерения справа/слева.

Для определения места человека из Дядькова среди известных форм древнего и современного человека была проведена серия многомерных анализов (факторного и канонического). Нами использовалась стандартная R-техника факторного анализа [Дерябин, 2001, с. 105 – 154]. В качестве единиц (объектов анализа) выступают индивиды, характеризующиеся различными по составу наборами метрических признаков лобной кости. Таким образом, мы рассматриваем некоторую выборку объектов, неоднородность которой в эволюционном (хронологическом, географическом и пр.) плане предполагается априорно. Целью применения метода является получение определенной “внутригрупповой” структуры объектов, отражающей одновременно несколько аспектов изменчивости, в т.ч. эволюционный. В таком случае результаты анализа (итоговый график и его описание) позволяют оценить основные тенденции изменчивости признаков как по абсолютным размерам, так и по форме, а также локализовать интересующий нас объект на фоне отмеченных тенденций.

Параллельно использовался вариант канонического анализа в редакции В.Е. Дерябина*. Данный метод позволяет оценить меру отличия индивидуальных наблюдений в масштабе изменчивости некоторой (любой) однородной серии (модельная выборка). Таким образом, на координатных осях графиков откладываются значения стандартных отклонений, приближенных к таковым модельной группы [Дерябин, 2001]. Метод безразличен к степени сходства исследуемых объектов с модельной выборкой, но зависит от степени однородности последней и достоверности полученных средних величин и стандартных отклонений, обусловленных объемом выборки. В наших расчетах для создания модельной матрицы использована краниологическая серия па-

мирских киргизов (Горан, XIII – XIV вв., $n = 122$) (подробное описание серии см.: [Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986, с. 153]).

В данном виде обе статистические процедуры не требуют априорного выделения группировок объектов по какому-либо принципу, как это происходит, например, в классическом варианте канонического дискриминантного анализа. Таким образом, конечный результат формально объективен – зависит только от структуры данных, а не от предпочтений исследователя. Оба метода существенно различаются по своим математическим основам, и получение аналогичного результата при их применении является еще одним (на этот раз косвенным) свидетельством объективности описания. Справедливости ради заметим, что из-за возможной диспропорции состава исходных данных мы в любом случае получаем достаточно грубую итоговую картину.

В первом каноническом анализе рассматривался весь набор определявшихся измерительных признаков (табл. 4, рис. 3). Первая каноническая переменная в области максимальных значений описывает вариант с массивным скуловым отростком лобной кости и значительно развитым надбровьем, вторая – вариант с длинной уплощенной лобной костью, малой шириной $f_{mt} - f_{mt}$ при значительной ширине чешуи лобной кости, достаточно массивным надбровьем и сильной верхней профилировкой.

Как можно видеть на графике (рис. 3), распределение индивидуальных значений отражает таксономическое деление поздних гоминидов, обусловленное в немалой степени хронологическими различиями групп. Среднепалеолитическое население характеризуется очень значительными отличиями от людей более поздних эпох: перекрытие облаков значений палеоантропов и неолитов невелико. Люди верхнего палеолита отличаются от более позднего населения по среднегрупповым значениям при почти полном перекрытии пределов вариабельнос-

* Авторы искренне благодарны В.Е. Дерябину за ценные консультации и предоставление программы “КАНО-КЛАС” (версия 6.9, 1998 г.) для проведения расчетов.

Таблица 4. Нагрузки измерительных признаков в каноническом и факторном анализе*

Признак	1-й канонический анализ (рис. 3)		2-й канонический анализ (рис. 4)		Факторный анализ (рис. 5)	
	С 1	С 2	С 1	С 2	Фактор 1	Фактор 2
n – g	– 0,3798	– 0,0915	–	–	–	–
g – on	0,0817	0,2166	–	–	–	–
26(1)	0,1921	0,8053	–	–	–	–
29(1)	0,8148	– 0,0046	–	–	–	–
26	– 0,2413	– 2,2516	–	–	–	–
29	– 0,5412	2,0534	0,4136	0,2213	0,2307	0,9719
29(2)	1,3584	0,2924	–	–	–	–
9	– 0,9251	0,9027	– 0,6806	0,5114	0,8727	0,1502
10	– 0,3389	0,2367	– 0,3391	– 0,3157	–	–
43	3,7085	– 2,0494	3,6264	– 0,2408	0,9276	0,2710
43(1)	– 2,5237	– 0,7431	– 2,5984	– 2,8011	0,9191	0,2467
n – fmo	– 0,1355	1,7539	– 0,2495	2,5600	–	–
50	0,5077	0,6308	0,5344	0,4610	–	–
Описанная доля изменчивости, %	25,7	13,8	40,2	19,0	63,0	27,5

* Выделены значимые нагрузки.

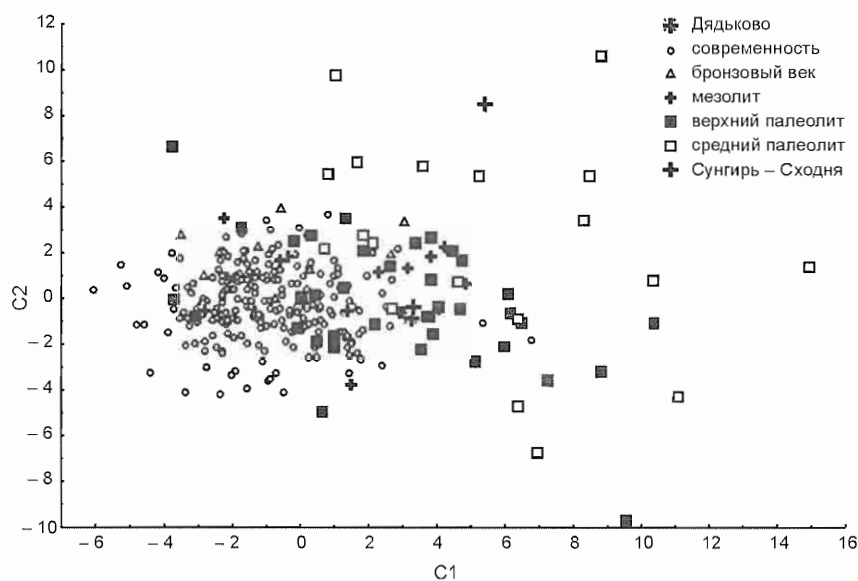

Рис. 3. Результаты канонического анализа по максимальному набору признаков (см. табл. 4).

ти верхнепалеолитических сапиенсов и современных людей. Население эпох мезолита и бронзы отличается от современного значительно меньше, проявляется лишь тенденция к уменьшению массивности. Современное население на фоне общей изменчивости оказывается сравнительно однородным, что подчеркивает ценность канонических переменных для определения крупных хронологических и таксономических групп. Комплекс признаков лобной кости из Дядькова приближается к центру

распределения верхнепалеолитической выборки, по отношению же к остальным группам данная находка может рассматриваться только как нетипичный случай.

Второй канонический анализ (табл. 4, рис. 4) проводился по меньшему набору признаков (номера по Мартину 29, 9, 10, 43, 43(1), 50 и n – fmo), что позволило расширить число сравниваемых объектов. В частности, увеличилась выборка эпохи бронзы и появилась возможность рассмотрения несколь-

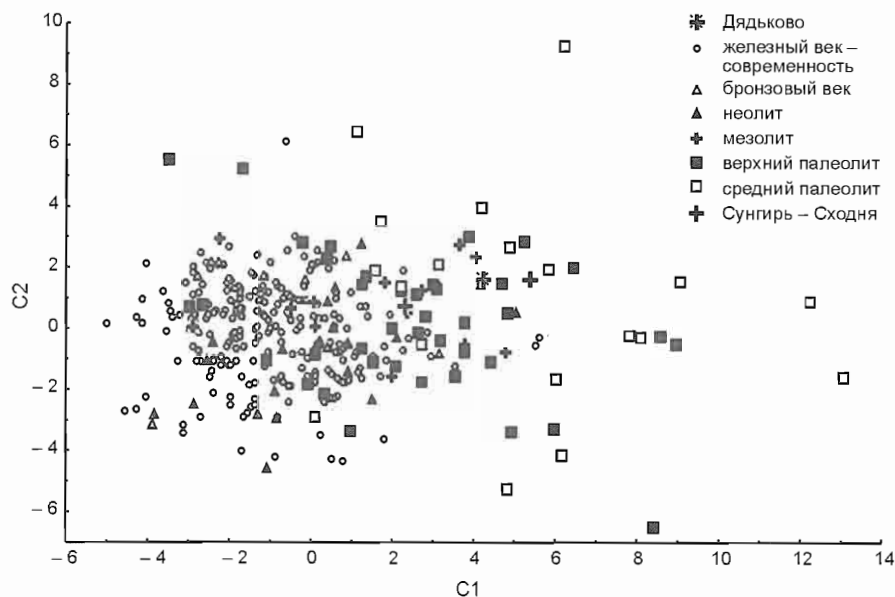

Рис. 4. Результаты канонического анализа по среднему набору признаков (см. табл. 4).

ких черепов с Сахтышских неолитических стоянок, территориально наиболее близких к Дядькову [Алексеева, 1997]. Первая каноническая переменная в области максимальных значений описывает широкую и длинную лобную кость с массивным скуловым отростком, вторая – сравнительно узкую кость с сильной верхней профилировкой. Общее расположение объектов на графике в целом повторяет результаты первого анализа. В масштабе представленной изменчивости неолитическое население практически не отличается от современного. Положение дядьковской лобной кости относительно других случаев в целом такое же, как и в первом анализе. В большей степени выявляется удаление ее комплекса признаков от центров распределения рассмотренных групп; с большей определенностью можно сказать о значительном отклонении лобной кости из Дядькова от морфологии современного человека в сторону архаичных вариантов.

На рис. 5 представлен результат факторного анализа, в котором использовались всего четыре признака (см. табл. 4): длина лобной кости (№ 29 по Мартину), наименьшая ширина лба (№ 9), верхняя ширина лица (№ 43) и биорбитальная ширина (№ 43(1)). В области положительных значений первого фактора располагаются черепа, характеризующиеся большими широтными размерами лобной кости, – морфологический вариант, наиболее типичный для эпохи среднего палеолита и большинства верхнепалеолитических индивидов. В область отрицательных значений второго фактора попадают

черепа с малой длиной лобной кости. Расположение объектов на графике в целом повторяет отмеченную ранее картину и подчеркивает нестандартность исследуемого фрагмента в сравнении с представленными морфологическими вариантами. По комплексу основных измерительных признаков лобная кость из Дядькова характеризуется сочетанием ярко выраженных архаичных и прогрессивных черт.

Близкие результаты дает применение обоих видов многомерных методик и при других вариантах наборов признаков. Таким образом, результаты многомерных анализов не позволяют классифицировать фрагмент черепной крышки из Дядькова однозначно – слишком нетипичными выглядят общие пропорции кости. Однако в исследованиях, подобных нашему, всегда приходится предполагать приближенность характеристик изучаемого объекта к интервалу средних значений той группы, из которой происходит данный объект. С учетом этого допущения значение приобретает близость комплекса размерных признаков дядьковской кости к средним объединенной верхнепалеолитической выборки. Из выявляемых многомерными методами направлений изменчивости наиболее значимым выглядит модус больших взаимообусловленных таксономических и хронологических различий в ряду: современное население – верхний палеолит – средний палеолит (см. рис. 3 – 5). С этой точки зрения морфология дядьковской лобной кости выглядит достаточно архаичной.

Половая диагностика всегда вызывает большие трудности, когда в наличии имеется столь фрагмен-

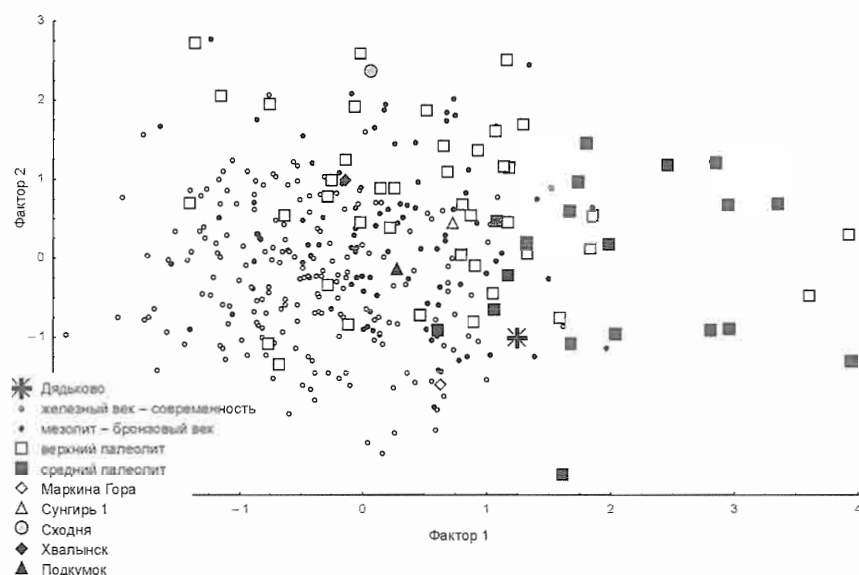

Рис. 5. Результаты факторного анализа по минимальному набору признаков (см. табл. 4).

тарный материал, и к выводам по этому вопросу в любом случае следует отнестись с большой осторожностью. Тем не менее, сопоставляя результаты измерений исследуемой лобной части с размерами мужских и женских черепов (см. табл. 1), можно попытаться уточнить сделанное ранее предположение относительно половой принадлежности человека из Дядькова [Богатенков, Дробышевский, 2001]. В сравнении с современными черепами размер лобной хорды (104 мм) дядьковского фрагмента черепной крышки попадает в категорию малых значений для современных женщин (102 – 105 мм [Алексеев, Дебец, 1964, с. 112 – 127]), а наименьшая ширина лба и верхняя ширина лица – в категорию очень больших значений как для мужчин, так и для женщин. С учетом ослабленного рельефа лобной кости из Дядькова можно с большой степенью уверенности предположить, что она принадлежала женщине.

Заключение

Применение методик многомерного анализа дает хорошие результаты для определения таксономической принадлежности спорных находок. Тщательный подбор сравнительного материала и учет неодинаковой дифференцирующей способности многомерных методов при включении в анализ групп с разной степенью различий (таксономических и хронологических) позволяют установить положение индивидуальных находок в общей системе. В данной работе применение таких методов дало возможность определить при-

надлежность изолированного фрагмента черепной крышки, обнаруженного в не вполне ясном геологическом контексте.

По особенностям морфологии лобной кости из Дядькова представляется несомненным отнесение ее к неолитам. Исходя из сочетания морфологических признаков, предполагаемого возраста индивида, геологического контекста, а также с учетом нормального протекания процессов роста и развития данного индивида, можно предположить, что дядьковский фрагмент черепной крышки принадлежал молодой женщине эпохи верхнего палеолита (возможно, его финального этапа) с ослабленным рельефом лобной кости.

Выраженность ряда архаичных признаков и их комплекса позволяет согласиться с предложенным геологическим возрастом находки. При этом, принимая во внимание наши представления о значительности индивидуальной, эпохальной, этнической изменчивости человека, следует сказать, что полученные выводы пока имеют лишь предположительный характер. Фрагментарность материала не позволяет еще более точно локализовать находку в кругу известных форм человека. Дополнительное обоснование наших выводов станет возможным после проведения ДНК-анализа и уточнения абсолютной датировки лобной кости из Дядькова.

Надеемся, что некоторые из представленных методических принципов и способов интерпретации могут быть интересны для дальнейших исследований.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. – М.: Наука, 1978.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.** Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964.
- Алексеева Т.И.** Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы (сравнительный антропологический аспект) // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок). – М.: Научный мир, 1997. – С. 18 – 41.
- Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б.** Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 223 с.
- Бадер О.Н.** Новая палеоантропологическая находка под Москвой // Антропологический журнал. – 1936. – Вып. 4. – С. 471 – 475.
- Бадер О.Н.** О древних остатках человека с острова Хорошенского под Хвалынском // Учен. зап. МГУ. – 1952. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 193 – 198.
- Богатенков Д.В., Дробышевский С.В.** Черепная крышка из Дядькова: антропологические аспекты // Материалы Междунар. конф. студентов и аспирантов по фундаментальным наукам “Ломоносов”. – 2001. – Вып. 6. – С. 11 – 12.
- Бунак В.В.** Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. – М.: Наука, 1980.
- Бунак В.В., Герасимова М.М.** Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 80 – 81.
- Васильев С.В.** Дифференциация плейстоценовых гомирид. – М.: УРАО, 1999. – 152 с.
- Герасимов М.М.** Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). – М.: Наука, 1955. – 585 с. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер.; Т. 28).
- Гремяцкий М.А.** Подкумская черепная крышка и ее морфологические особенности // Русский антропологический журнал. – 1922. – Т. 12, кн. 12. – С. 92 – 110.
- Гремяцкий М.А.** Морфологические особенности фрагмента черепной крышки со Сходни // Учен. зап. МГУ. – 1952а. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 167 – 173.
- Гремяцкий М.А.** Фрагмент хвалынской черепной крышки // Учен. зап. МГУ. – 1952б. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 199 – 206.
- Дерябин В.Е.** Многомерные биометрические методы для антропологов. – М., 2001. – Деп. в ВИНТИ 10.01.01, № 37-B2001.
- Дробышевский С.В.** Эволюция краниометрических признаков гомирид (канонический анализ). – М.; Чита: Забайкал. ин-т предпринимательства Сиб. ун-та потреб. кооп., 2000. – 139 с.
- Дробышевский С.В.** Опыт морфологического и таксономического анализа некоторых постнеандерталоидных форм Восточной Европы // Вестн. антропологии. – 2001а. – Вып. 7. – С. 37 – 63.
- Дробышевский С.В.** Черепные крышки из Сходни, Подкумка и Хвалынска – постнеандерталоидные формы Восточной Европы. – М.; Чита: Забайкал. ин-т предпринимательства Сиб. ун-та потреб. кооп., 2001б. – 133 с.
- Кондукторова Т.С.** Морфологические особенности свода черепа с реки Северки // Учен. зап. МГУ. – 1952а. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 239 – 252.
- Кондукторова Т.С.** Фрагменты черепов из района Днепрпетровска // Учен. зап. МГУ. – 1952б. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 217 – 237.
- Кондукторова Т.С.** Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 127 с.
- Круц С.И.** Палеоантропологические исследования степного Приднепровья (эпоха бронзы). – Киев: Наук. думка, 1984. – 206 с.

Материал поступил в редколлегию 20.09.03 г.

УДК 572

Т.С. Балужева, Е.В. Веселовская
Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, 117334, Россия
E-mail: recon@orc.ru

НОВЫЕ РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Метод антропологической реконструкции, разработанный М.М. Герасимовым, получил свое дальнейшее развитие в трудах его учеников и сотрудников организованной им Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН. Новые научные разработки, позволившие во многом дополнить и уточнить метод, являются весомым вкладом не только в антропологию, но и в область судебной медицины, где метод применяется в целях идентификации личности по черепу [Balueva, Lebedinskaya, Veselovskaya, 1993].

Изучение взаимозависимости между морфологическими признаками лица и их костной основой не только представляет интерес с точки зрения выявления закономерностей морфогенеза, но и важно для дальнейшей разработки метода восстановления лица по черепу. Ни анатомический, ни рентгенологический подходы не могли должным образом обеспечить исследователей достаточным количеством материала, на основании которого можно было бы судить о характере внутригрупповой и межгрупповой изменчивости признаков лица и черепа, а также выявлять общие тенденции, присущие современному человеку.

Апробация различных методических подходов, осуществляемая на протяжении многих лет сотрудниками лаборатории, позволила выработать уникальную программу исследования взаимозависимости признаков живого лица и подлежащих костных структур [Балужева, Лебединская, 1991, 1997]. К настоящему времени авторами собран банк данных, охватывающий ряд контрастных в антропологическом отношении групп населения: монголоидные (буряты, корейцы), европеоидные (литовцы, курды, русские, армяне, абхазы), смешанного происхождения (узбе-

ки, казахи, башкиры). Исследования проводились на живых людях и позволили получить большой по своей численности материал, на основании которого представилась возможность выявить взаимозависимость между отдельными физиономическими признаками и их связь с рядом морфологических признаков черепа. Изучение соотношений между внешними признаками лица и их костной основой проводилось также в сочетании с исследованием зонального распределения толщины мягких покровов лица методом ультразвукового зондирования [Веселовская, 1994, 1997] и одновременно стереофотографированием одного и того же индивидуума. Такой комплексный подход открывает новые возможности для получения более полной информации о взаимосвязях по всем этим программам [Балужева, Веселовская, 1989].

Предлагаемый подход позволяет осветить такие аспекты истории, которые невозможно обсуждать в рамках традиционных палеоантропологических, популяционно-генетических и молекулярно-биологических исследований. В основе его лежит решение фундаментальной проблемы восстановления антропологических черт человеческого лица у представителей древних популяций, где возможна непосредственная фиксация лишь краниологических признаков.

Исследования в этом направлении ведутся и некоторыми зарубежными учеными. Так, криминалисты из Латинской Америки [George, 1993] для соотнесения размерных характеристик лица и подлежащих костных структур предлагают два ряда отправных точек: первый на черепе, второй на лице. Для перехода от каждой конкретной краниологической точки к антропометрической приводится свой алгоритм. Локализация некоторых лицевых точек практически совпадает

с черепными, а для остальных вводятся коэффициенты поправок. Однако, на наш взгляд, не все предлагаемые в указанной работе соответствия можно принять. Так, основание носа на черепе маркируется точкой на затылке, но, как следует из анатомии этого отдела лица, лучшее соответствие лицевой точке будет субназале на черепе. В публикации же в область субназале проецируют середину губного желобка. Ширину наружного носа в указанной работе рассчитывают, исходя из ширины грушевидного отверстия с добавлением 3 мм с каждой стороны на мягкие ткани. Известно, что ширина грушевидного отверстия не коррелирует с шириной носа на живом лице и, следовательно, такой пересчет неверен. Ширину рта автор определяет равной ширине зубной дуги на уровне клыков или первых премоляров. Даже простое сопоставление средних значений этих параметров опровергает данную посылку. Ниже будет приведено уравнение регрессии для вычисления ширины рта по ширине зубной дуги. И этот путь нам представляется более точным.

В работе китайских ученых [Lan Yuwen, Cai Dongsheng, 1993] также приводятся варианты перехода от краниометрических параметров к живому лицу. Однако цифры по толщине мягких тканей взяты из анализа рентгенограмм. Нами ранее уже обсуждались возможности рентгенографического метода для получения такого рода стандартов [Веселовская, 1991], которые дают информацию о толщине тканей лишь по сагиттальной линии, не говоря уже о медицинских противопоказаниях. К тому же цифры получаются неточными в результате преломления лучей при применении точечного источника излучения. Нами разработана программа определения толщины мягких тканей лица с помощью ультразвукового зондирования, собран представительный материал и стандарты опубликованы [Лебединская, Веселовская, 1990; Веселовская, 1991, 1994, 1997; Balueva, Lebedinskaya, Veselovskaya, 1993].

Английские криминалисты [Wilkinson, Neave, 2001; Wilkinson, Mautner, 2003; Wilkinson, Motwani, Chiang, 2003] большое внимание уделяют поиску краниофациальных соответствий. Предлагаемые ими стандарты толщины мягких тканей основаны на исследовании трупного материала. Излишне говорить о посмертных изменениях лицевых покровов, а также о соответствии лицевых и черепных точек на анатомическом материале. Поэтому вызывают сомнения выстраиваемые авторами указанных работ закономерности соотносительной изменчивости элементов черепа и живого лица. Исходя из вышеизложенного, трудно рекомендовать предлагаемые программы перехода от размеров черепа к размерам головы, основанные как на рентгенологическом, так и на анатомическом материале.

Для разработки программы краниофациального соответствия проводилось изучение статистических закономерностей соотносительной изменчивости метрических и неметрических характеристик черепа и соответствующих элементов живого лица. Отобраны эффективно работающие признаки.

Комплекс изучаемых признаков разделен на три категории соответственно различным подходам к их прогнозированию на живом лице. Некоторые антропометрические признаки можно получить из краниометрического бланка [Martin, 1928; Алексеев, Дебец, 1964] путем простого сложения указанных в нем размеров с толщиной мягких тканей на соответствующих участках. Это касается прежде всего продольного и поперечного диаметров головы, скулового и нижнечелюстного диаметров, наименьшей ширины лба, морфологической высоты лица. Такие размеры, как высота носа, верхняя высота лица, биорбитальная ширина и некоторые другие, примерно равны соответствующим на черепе. Ряд же признаков головы не имеет прямых аналогов на черепе. К таковым относятся высота и ширина ушной раковины, ширина носа и рта, размеры глазной щели и т.п. [Бунак, 1941]. Во внешнем облике эти размеры играют далеко не последнюю роль. Хрящевая часть носа, пожалуй, наименее прогнозируемая область человеческого лица, однако наряду с глазами и губами является важнейшей характеристикой индивидуального облика. Поэтому поиск любых взаимосвязей, позволяющих уточнить реконструкцию данных отделов, весьма насущен. На основе многомерного корреляционного и регрессионного анализа антропологических групп получены уравнения регрессии, которые можно рекомендовать к использованию при восстановлении внешнего облика по черепу [Балуева, Дерябин, 1998; Веселовская, 1999]. Так, например, в отношении ширины носа получены высокие показатели связи с расстоянием между альвеолярными возвышениями клыков на уровне субзатылка. Ширина рта в значительной степени зависит от ширины зубной дуги на всех ее уровнях. Таким образом, уже в настоящее время можно считать вполне корректным вычисление ширины рта по уравнению регрессии, где в качестве независимого признака может выступать ширина дуги на уровне вторых премоляров:

ширина рта у мужчин = $21,817 + 0,700 \times \text{ширина зубной дуги на уровне } P^2 - P^2$;

ширина рта у женщин = $27,905 + 0,512 \times \text{ширина зубной дуги на уровне } P^2 - P^2$.

Итогом этих многоплановых исследований явилось построение прогностической модели перехода от краниологической характеристики к антропологическому облику, выраженному в параметрах соматологии живого лица.

В качестве основы предлагаемой программы были взяты антропологические и краниологические признаки стандартных программ, используемые российскими антропологами [Martin, 1928; Бунак, 1941; Алексеев, Дебед, 1964]. Для удобства работы в программе краниофациального соответствия измерительные признаки представлены как расстояния между краниологическими точками, а в скобках указаны номера размеров по Мартину. Для целей прогнозирования внешнего облика по черепу были предложены дополнительные точки, необходимые при антропологической реконструкции. Во избежание путаницы мы назвали их в соответствии с аналогами на живом лице с добавлением индекса (*cr*), что означает на черепе. Ниже приведен список этих точек в порядке встречаемости в программе с указанием их локализации и соответствия точкам лица.

Трихион (cr) – точка на середине линии, огибающей верхнюю границу лобных бугров. На лице примерно соответствует точке трихион, лежащей на середине границы обволосенной части лба.

Энтокантион (cr) – точка лобного отростка верхнечелюстной кости, расположенная на медиальном крае орбиты в месте его перегиба, где нижняя граница орбиты резко уплощается. На лице точка энтокантион соответствует внутреннему углу глаза и находится в 2 мм латеральнее своего аналога на черепе. Парная точка.

Эктокантион (cr) – точка на латеральном крае орбиты у глазничного бугорка. На лице точка экто-

кантион соответствует внешнему углу глаза и располагается в 5 мм медиальнее своего аналога на черепе. Парная точка.

Носочелюстная (cr) – самая нижняя точка носочелюстного шва, находится на границе грушевидного отверстия. Аналогов на лице не имеет. Парная точка.

Клыковая (cr) – точка на альвеолярном возвышении клыка на уровне субспинале. Аналогов на лице не имеет. Парная точка.

Конхале (cr) – точка на краю грушевидного отверстия в месте прикрепления нижней носовой раковины. На лице соответствует надкрыльевой (супрааляре). Парная точка.

Нижняя точка грушевидного отверстия (cr) – самая нижняя точка края грушевидного отверстия. Аналогов на лице не имеет. Парная точка.

Супраментале (cr) – точка на пересечении сагиттальной плоскости с линией, соединяющей наиболее высокие точки коронок верхних медиальных резцов. Примерно соответствует верхнегубной точке на лице.

Супраментале (cr) – точка на сагиттальной линии в наиболее глубоком месте передней поверхности нижней челюсти. На лице надподбородочная точка находится на сагиттальной линии в наиболее глубоком месте подбородочной борозды.

Ниже предлагается алгоритм данной программы краниофациального соответствия. Размах вариаций каждого количественного признака делили на три группы: малые, средние и большие величины признака. Размер средней группы соответствовал величине среднего квадратического отклонения, т.е. одной сигме.

Программа краниофациального соответствия

Морфологический признак лица	Алгоритм черепного соответствия
1	2
Форма головы в целом	
Округлая	Теменная часть анфас плавно выгнута + затылок в профиль округлый
Куполообразная	Теменная часть сильно выступает вверх + затылок в профиль уплощенный
Яйцевидная	Теменная часть анфас плавно выгнута + затылок сильно выступающий
Килевидная	Теменная часть анфас узкая, "сдавлена" с боков, "заострена" вверх, в профиль плавно выгнута или сильно выступает вверх + затылок округлый, или уплощенный, или сильно выступающий
Уплощенная	Теменная часть анфас уплощена, в профиль плоская + затылок в профиль округлый, или уплощенный, или сильно выступающий
Седловидная	Теменная часть анфас плавно выгнута или уплощена, в профиль седловидно прогнута + затылок в профиль округлый, или уплощенный, или сильно выступающий
Форма лица анфас	
Округлое	По контуру черепа. Скулы значительно выдаются. В целом контур округлый
Овальное	По контуру черепа. Очертание лица сглаженное, контур приближается к форме эллипса
Треугольное	По контуру черепа. Лобная часть широкая, нижняя челюсть узкая. Общий контур приближается к треугольнику
Квадратное	По контуру черепа. Большие широтные размеры. Общий контур приближается к квадрату

Продолжение табл.

1	2
Прямоугольное	По контуру черепа. Ширина лба и нижней челюсти примерно равны при большой высоте лица, очертания угловаты. Общий контур напоминает прямоугольник
Ромбовидное	По контуру черепа. Малая ширина лба и нижней челюсти при большом скуловом диаметре, лицо высокое. В целом контур ромбовидный
Вертикальная профилировка лица	
Средняя	Гармоничное выступание всех частей
Лобная	Выступание лобного отдела превалирует над другими
Носовая	Резкое выступание носовых костей по отношению к лицу в целом
Ротовая	Выступание вперед (прогнатизм) верхней и нижней челюстей или одной из них
Лобная и ротовая	Выступание лобного и челюстного отделов относительно носового
Ротовая и носовая	Выступание носового и челюстного отделов относительно лобного
Лобная и носовая	Выступание лобного и носового отделов относительно челюстного
Горизонтальная профилировка лица	
Сильная	Спинка носа высокая + скулы невыступающие
Слабая	Спинка носа низкая + скулы выступающие
Относительная ширина лица	
Среднее	Зигион – зигион (45) + 10 мм : супраорбитале – гнатион (47b) + 6 мм = $1,10 \pm 0,04$
Широкое	Зигион – зигион (45) + 10 мм : супраорбитале – гнатион (47b) + 6 мм > 1,14
Узкое	Зигион – зигион (45) + 10 мм : супраорбитале – гнатион (47b) + 6 мм < 1,06
Высота лба	
Средний	Трихион (сr) – супраорбитале : супраорбитале – гнатион (47b) + 6 мм = $0,45 \pm 0,03$
Высокий	Трихион (сr) – супраорбитале : супраорбитале – гнатион (47b) + 6 мм > 0,48
Низкий	Трихион (сr) – супраорбитале : супраорбитале – гнатион (47b) + 6 мм < 0,42
Ширина лба	
Средний	Правая корональная – левая корональная (10) + 10 мм : зигион – зигион (45) + 10 мм = $0,90 \pm 0,02$
Широкий	Правая корональная – левая корональная (10) + 10 мм : зигион – зигион (45) + 10 мм > 0,92
Узкий	Правая корональная – левая корональная (10) + 10 мм : зигион – зигион (45) + 10 мм < 0,88
Форма лба в профиль	
Плоский	Линия лба в профиль близка к прямой
Выпуклый	Выпуклая дугообразная линия лба
Вогнутый	Одновременное заметное развитие надбровного рельефа и лобных бугров, при котором создается впечатление вогнутости лба в средней его части
Волнистый	Сильное развитие надбровного рельефа, при котором хорошо выражена точка перегиба между надбровьем и остальной плоскостью лба
Наклон лба	
Вертикальный	Линия лба приближается к вертикали, проведенной через глабеллу перпендикулярно франкфуртской горизонтали
Отклоненный назад	Линия лба отклонена назад от вертикали
Наклоненный вперед	Линия лба отклонена вперед от вертикали
Лобные бугры	
Средние	Лобные бугры заметно выступают над поверхностью лба, но впадина между ними не просматривается
Большие	Поверхность лба делится на две части заметной впадиной между лобными буграми
Малые	Лобные бугры с трудом различимы на поверхности лба

Продолжение табл.

1	2
Надбровные дуги	
Средние	Умеренно выступают над поверхностью лба в профиль
Большие	Сильно выступают над поверхностью лба в профиль
Малые	Слабо выступают над поверхностью лба в профиль
Протяженность надбровных дуг	
Длинные	Надбровные дуги заходят за середину верхнего края глазницы
Короткие	Надбровные дуги не доходят до середины верхнего края глазницы
Контур бровей	
Прямой	Верхний край глазницы прямой + направление надбровной дуги горизонтальное
Дугообразный	Верхний край глазницы дугообразный + латеральный край надбровной дуги идет вверх
Ломаный	Верхний край глазницы извилистый + латеральный край надбровной дуги идет вверх
Выступание глазных яблок	
Впалые	Завернутость верхнего края глазницы вниз (замкнутость глазничной камеры) + высота орбиты (52) : энтокантион (cr) – эктокантион (cr) $\leq 0,81$
Выпуклые	Не выражена завернутость верхнего края глазницы вниз (замкнутость глазничной камеры) + высота орбиты (52) : энтокантион (cr) – эктокантион (cr) $> 0,81$
Положение правого глаза	
Горизонтальное	Точка эктокантион (cr) на одном уровне с точкой энтокантион (cr)
Косовнутреннее	Энтокантион (cr) ниже эктокантион (cr)
Косонаружное	Энтокантион (cr) выше эктокантион (cr)
Положение левого глаза	
Горизонтальное	Точка эктокантион (cr) на одном уровне с точкой энтокантион (cr)
Косовнутреннее	Энтокантион (cr) ниже эктокантион (cr)
Косонаружное	Энтокантион (cr) выше эктокантион (cr)
Складка верхнего века	
Средняя	Верхние края глазниц прямые или слегка округлые
Сильная	Верхние края глазниц дугообразные и заостренные
Отсутствует	Верхние края глазниц дугообразные, надглазничная вырезка резко смещена к носу
Неравномерная	Волнообразная линия верхнего края глазницы либо скошенность ее в дистальной части
Эпикантус	
Наличие	Гребешок, отходящий от верхнего медиального края орбиты, направлен к переднему гребню
Отсутствие	Гребешок, отходящий от верхнего медиального края орбиты, направлен в глубь глазницы
Длина глазной щели	
Средняя	Энтокантион (cr) – эктокантион (cr) – 7 мм : фронтотемпорале – фронтотемпорале (43) + 10 мм = $0,25 \pm 0,1$
Большая	Энтокантион (cr) – эктокантион (cr) – 7 мм : фронтотемпорале – фронтотемпорале (43) + 10 мм $> 0,26$
Малая	Энтокантион (cr) – эктокантион (cr) – 7 мм : фронтотемпорале – фронтотемпорале (43) + 10 мм $< 0,24$
Величина скул	
Средняя	Скуловые кости средней ширины, умеренно отклонены назад; зигион – зигион (45) + 10 мм : фронтотемпорале – фронтотемпорале (9) + 10 мм = $1,37 \pm 0,03$
Большая	Скуловые кости широкие, расположены фронтально; зигион – зигион (45) + 10 мм : фронтотемпорале – фронтотемпорале (9) + 10 мм $\geq 1,40$
Малая	Скуловые кости малой ширины, отклонены назад; зигион – зигион (45) + 10 мм : фронтотемпорале – фронтотемпорале (9) + 10 мм $\leq 1,34$

Продолжение табл.

1	2
Высота носа	
Средний	Супраорбитале – субспинале : трихион (cr) – гнатион + 6 мм = $0,32 \pm 0,015$
Длинный	Супраорбитале – субспинале : трихион (cr) – гнатион + 6 мм > 0,335
Короткий	Супраорбитале – субспинале : трихион (cr) – гнатион + 6 мм < 0,305
Ширина носа	
Средний	Ширина между клыковыми (cr) точками : зигион – зигион (45) + 10 мм = $0,25 \pm 0,01$
Широкий	Ширина между клыковыми (cr) точками : зигион – зигион (45) + 10 мм > 0,26
Узкий	Ширина между клыковыми (cr) точками : зигион – зигион (45) + 10 мм < 0,24
Глубина переносья	
Среднее	Точка селлион незначительно отстоит от прямой, соединяющей глабеллу и ринион
Глубокое	Точка селлион значительно заглублена по отношению к этой прямой
Мелкое	Точка селлион практически лежит на этой прямой
Ширина переносья	
Среднее	Наименьшая ширина носовых костей на уровне переносья (57) + 6 мм : ширина между носочелюстными (cr) точками + 6 мм = $0,85 \pm 0,04$
Широкое	Наименьшая ширина носовых костей на уровне переносья (57) + 6 мм : ширина между носочелюстными (cr) точками + 6 мм > 0,89
Узкое	Наименьшая ширина носовых костей на уровне переносья (57) + 6 мм : ширина между носочелюстными (cr) точками + 6 мм < 0,81
Спинка носа анфас	
Прямая	Точка ринион находится на срединной линии лица (метопион – простион)
Изогнута вправо	Точка ринион расположена справа от этой линии
Изогнута влево	Точка ринион находится слева от этой линии
Спинка носа в профиль	
Прямая	Определяется после специального построения контура общей формы спинки носа
Выпуклая	То же
Вогнутая	»
Извилистая	»
Ширина спинки носа	
Средняя	Ширина между носочелюстными (cr) точками + 6 мм : ширина между клыковыми (cr) точками = $0,38 \pm 0,03$
Большая	Ширина между носочелюстными (cr) точками + 6 мм : ширина между клыковыми (cr) точками > 0,41
Малая	Ширина между носочелюстными (cr) точками + 6 мм : ширина между клыковыми (cr) точками < 0,35
Основание носа	
Горизонтальное	Передняя носовая ость направлена горизонтально
Опущенное	Передняя носовая ость направлена вниз
Приподнятое	Передняя носовая ость направлена вверх
Кончик носа	
Округлый	Длина носовой ости равна ширине основания или меньше ее + вершина носовой ости в виде тупого угла
Заостренный	Длина носовой ости больше ширины основания + вершина носовой ости острая
Раздвоенный	Носовая ость желобовидная или раздвоенная
Направление кончика носа	
Вперед	Передняя носовая ость прямая
Вправо	Передняя носовая ость направлена вправо

Продолжение табл.

1	2
Влево	Передняя носовая ость направлена влево
Крылья носа	
Средние	Конхале (сг) – субспинале : супраорбитале – субспинале = $0,21 \pm 0,02$
Высокие	Конхале (сг) – субспинале : супраорбитале – субспинале > 0,23
Низкие	Конхале (сг) – субспинале : супраорбитале – субспинале < 0,19
Взаиморасположение крыльев носа	
На одном уровне	Левая и правая точки конхале (сг), а также левая и правая нижние точки грушевидного отверстия (сг) находятся на одном уровне
Правое выше левого	Правая конхале (сг) или правая нижняя точка грушевидного отверстия (сг) выше левой
Левое выше правого	Левая конхале (сг) или левая нижняя точка грушевидного отверстия (сг) выше правой
Ширина рта	
Средняя	Ширина рта по уравнению регрессии : гонион – гонион + 20 мм = $0,52 \pm 0,02$
Большая	Ширина рта по уравнению регрессии : гонион – гонион + 20 мм > 0,54
Малая	Ширина рта по уравнению регрессии : гонион – гонион + 20 мм < 0,50
Верхняя губа	
Средняя	Субспинале – супраментале (сг) : супраорбитале – гнатион (2) + 6 мм = $0,12 \pm 0,011$
Высокая	Субспинале – супраментале (сг) : супраорбитале – гнатион (2) + 6 мм > 0,131
Низкая	Субспинале – супраментале (сг) : супраорбитале – гнатион (2) + 6 мм < 0,109
Общее выступание губ	
Среднее	Ножницеобразный прикус
Большое	Крышевидный или карнизообразный прикус
Отсутствует	Щипцеобразный прикус
Западание	Прижизненная потеря большинства передних зубов верхней и нижней челюсти
Относительное выступание верхней и нижней губы	
Равномерное	Щипцеобразный прикус
Верхней губы	Ножницеобразный или карнизообразный прикус
Нижней губы	Ступенчатый прикус
Прикус	
Щипцеобразный	Полное смыкание встык зубов верхней и нижней челюсти
Ножницеобразный	Передние зубы верхней челюсти незначительно выступают относительно зубов нижней челюсти
Крышевидный	Передние зубы верхней челюсти резко выступают относительно зубов нижней челюсти
Карнизообразный	Сильная верхнечелюстная и зубная прогнатность
Ступенчатый	Передние зубы верхней челюсти отступают назад относительно зубов нижней челюсти
Зияющий	Искривленные несмыкающиеся передние зубы верхней и нижней челюсти
Косой	Часть зубов смыкается нормально, часть заходит друг за друга
Высота подбородка	
Средний	Супраментале (сг) – гнатион + 6 мм : супраорбитале – гнатион + 6 мм = $0,215 \pm 0,015$
Высокий	Супраментале (сг) – гнатион + 6 мм : супраорбитале – гнатион + 6 мм > 0,23
Низкий	Супраментале (сг) – гнатион + 6 мм : супраорбитале – гнатион + 6 мм < 0,20
Выступание подбородка	
Прямой	Наиболее выступающая точка подбородочного выступа слабо выступает вперед относительно этой вертикали
Выступающий	Наиболее выступающая точка подбородочного выступа значительно выступает вперед относительно этой вертикали
Скошенный назад	Наиболее выступающая точка подбородочного выступа находится на этой вертикали или отступает от нее назад

Продолжение табл.

1	2
Ширина подбородка	
Средний	Ментале – ментале : гонион – гонион + 20 мм = 0,35 ± 0,02
Широкий	Ментале – ментале : гонион – гонион + 20 мм > 0,37
Узкий	Ментале – ментале : гонион – гонион + 20 мм < 0,33
Форма подбородка анфас	
Закругленный	Контур закругленный, подбородочные бугорки не выражены
Треугольный	Контур заостренный, подбородочные бугорки сближены
Квадратный	Контур квадратный, подбородочные бугорки широко расставлены

Практическим результатом явилась разработка специального направления данной программы, адаптированного к задачам экспертных криминалистических работ. Впервые предложена и апробирована методика составления “словесного портрета” живого лица на основе черепа неопознанного индивидуума [Балуева, Веселовская, 2002]. По ряду проведенных экспертиз с применением вышеназванной методики были опознаны без вести пропавшие люди.

С разработкой программы краниофациального соответствия появилась возможность моделировать антропологическую характеристику популяции, облик которой реконструируется на базе краниологических данных ископаемой серии. В дальнейшем эта программа будет использована для выявления комплексов морфологических особенностей внешнего облика населения разных исторических эпох и территорий.

Список литературы

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новый комплекс антропологических признаков в пластической реконструкции // СЭ. – 1989. – № 3. – С. 48 – 59.

Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Антропологическая реконструкция в криминалистической практике // Материалы IV Междунар. конгр. по интегративной антропологии. – СПб.: Изд-во СПб гос. мед. ун-та, 2002. – С. 21 – 23.

Балуева Т.С., Дерябин В.Е. Изучение расовой и половой специфики внутригрупповых корреляций размеров лица, используемых при антропологической реконструкции // Вестн. антропологии. – 1998. – Вып. 5. – С. 59 – 69.

Балуева Т.С., Лебединская Г.В. Методика исследований взаимосвязей между морфологическими признаками лица и их костной основой // Антропологическая реконструкция. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1991. – С. 5 – 67.

Балуева Т.С., Лебединская Г.В. Взаимосвязь между морфологическими признаками лица и черепа // Единство и многообразие человеческого рода. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. – Ч. 1. – С. 282 – 311.

Бунак В.В. Антропометрия. – М.: Учпедгиз, 1941. – 368 с.

Веселовская Е.В. История исследований толщины мягких тканей лица // Этнические факторы в жизни общества. – М.: Ин-т этногр. АН СССР, 1991. – С. 183 – 201.

Веселовская Е.В. Исследование изменчивости признаков толщины мягких тканей лица в аспекте полового диморфизма // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1994. – С. 86 – 93.

Веселовская Е.В. Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповой дифференциации признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. – Ч. 1. – С. 312 – 335.

Веселовская Е.В. О корреляции некоторых признаков внешности у мужчин и женщин на примере популяции курдов // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1999. – Т. 2. – С. 136 – 149.

Лебединская Г.В., Веселовская Е.В. Вариации толщины мягких тканей лица у башкир в сравнении с другими группами // Сравнительная антропология башкирского народа. – Уфа: Изд-во АН СССР, Башк. фил., 1990. – С. 89 – 97.

Blueva T.S., Lebedinskaya G.V., Veselovskaya E.V. Principles of the facial reconstruction // Forensic analysis of the skull. – N.Y.: Wiley-Liss, Inc., 1993. – Chap. 14. – P. 183 – 198.

George R.M. Anatomical and artist guidelines for forensic facial reconstruction // Forensic analysis of the skull. – N.Y.: Wiley-Liss, Inc., 1993. – Chap. 16. – P. 215 – 228.

Lan Yuwen, Cai Dongsheng. Technical advances in skull-to-photo superimposition // Forensic analysis of the skull. – N.Y.: Wiley-Liss, Inc., 1993. – Chap. 10. – P. 119 – 130.

Martin R. Lehrbuch der Anthropologie. – 2-te verm. Aufl. – Jena: Verl. Gustav Fischer, 1928. – Bd. 2.

Veselovskaya E.V. Ultrasonic measurements of the thickness of soft facial tissues among the Bashkirs // Somatology and Population Genetics of Bashkirs. – Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia, 1986. – P. 91 – 95.

Wilkinson C.M., Neave R.A.H. Skull re-assembly and the implications for forensic facial reconstruction // Science and Justice. – 2001. – N 41 (3). – P. 5 – 6.

Wilkinson C.M., Mautner S.A. Measurement of eyeball protrusion and its application in facial reconstruction // Forensic Science. – 2003. – Vol. 48. – N 1. – P. 1 – 5.

Wilkinson C.M., Motwani M., Chiang E. The relationship between the soft tissues and the skeletal detail of the mouth // Forensic Science. – 2003 (in press).

Материал поступил в редколлегию 14.03.03 г.

ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ РАНОВ – ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА

16 февраля 2004 г. исполняется 80 лет со дня рождения В.А. Ранова. Всем, кто близко знает его, поверить в это трудно, т.к. его энергии, активности, живому уму, блестящему юмору, фантастической работоспособности и продуктивности могут позавидовать очень многие молодые люди. В.А. Ранов внес весомый вклад в развитие самых разных научных направлений археологии и смежных наук (четвертичная геология, палеогеография и др.). Особенно большим авторитетом в мировой науке Вадим Александрович пользуется в области изучения каменного века, которому он посвятил большую часть экспедиций (их на его счету более 80) и научных работ (у него уже более 700 публикаций). В.А. Ранов – крупнейший знаток каменного века Средней Азии. Он изучал также каменный век во многих (ок. 20) зарубежных странах: Монголии, Индии, Вьетнаме, Китае, Афганистане, Израиле, Чехии, Франции, США, Германии, Бельгии и др., причем не только по коллекциям, но и часто в полевых экспедициях. Вадим Александрович посетил почти все древнейшие памятники Старого Света (кроме Африки): Солейак (Франция), Ляньтянь (Китай), Убейдия (Израиль), гора До (Вьетнам), Вертешсолеш (Венгрия), Бельцингслебен (Германия), Пахлагам (Кашмир, Индия), Атапуерке (Испания), Изерния ла Пинета (Италия) и др. Благодаря знанию иностранных языков, веселому нраву и общительности он познакомился с такими выдающимися археологами, как Десмонд Кларк, Дерек Рой, Вахендра Мишра, Жан Клод Гарден, Аврахам Ронен, Наам Горен-Инбер, Герхард Бозински, и многими другими. Широкие научные связи позволили Вадиму Александровичу собрать в далеком от научных центров СССР Душанбе одну из лучших на территории СНГ личных научных библиотек, посвященных каменному веку. В.А. Ранов – участник более 30 международных конгрессов, симпозиумов и коллоквиумов. Он работал и читал лекции в крупнейших музеях и научных учреждениях мира: Музее палеонтологии человека (Франция), Музее Пибоди (США), Кембриджском (Англия) и Кельнском (Германия) университетах, Деккан Колледже (Индия) и многих других. В настоящее время В.А. Ранов член-корреспондент Академии наук Республики Таджи-

кистан, действительный член Российской академии естественных наук, член-корреспондент Немецкого археологического института, член Клер Колледжа (Великобритания), заслуженный деятель науки Таджикской ССР.

Взрослая жизнь В.А. Ранова началась с Великой Отечественной войны: учеником 9-го класса средней школы он поступил в артиллерийскую школу в Душанбе (1941 г.), в 1942 – 1943 гг. учился в Харьковском противотанковом артиллерийском училище, с августа 1943 г. был в действующей армии. Дважды ранен и дважды награжден боевыми орденами. После войны служил на Ляодунском полуострове в Китае и видел эту страну такой, какой ее видели А. Брейль и П. Тейяр де Шарден. После демобилизации В.А. Ранов поступил в Таджикский университет. Ему было 24 года – возраст, когда выпускники вузов обычно из молодых специалистов становятся “зрелыми”. В.А. Ранову пришлось догонять выпускников, “не нюхавших пороха”. Он не только догнал их, но и быстро перегнал многих из них. Сразу после окончания университета Вадим Александрович начал работать в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, где прошел путь от старшего лаборанта до заведующего большим отделом, главного научного сотрудника. В этом институте он трудится до сих пор, уже больше 50 лет.

С первых шагов в археологии В.А. Ранову посчастливилось работать с Б.А. Литвинским, тесная дружба с которым продолжается до сих пор, и с одним из крупнейших археологов XX в. А.П. Окладниковым. Ему довелось сотрудничать с такими интересными исследователями, как А.Н. Бернштам и М.М. Герасимов. С чувством глубокой благодарности оценивает он свою многолетнюю дружбу с П.И. Борисковским, В.П. Любиным, З.А. Абрамовой, А.П. Деревянко, В.Т. Петриным, В.Е. Ларичевым, Г.И. Медведевым, Г.И. Матюшиным и многими другими. Работа с такими учителями и коллегами способствовала быстрому росту В.А. Ранова как ученого с большой широтой мышления и скрупулезного исследователя. Результаты не заставили себя долго ждать. Уже в 1961 г. В.А. Ранов создал периодизацию памятников каменного века Средней Азии, которая совершенствуется им до сих пор. Он открыл много новых памятников. В 1972 г. им введено понятие “лессовый палеолит”, положившее начало новому научному направлению. Позже (1985 – 1991 гг.) В.А. Ранов предпринял удачные попытки скоррелировать палеолитические памятники всего лессового пояса от Тихого до Атлантического

океана. Разработанная им модель “эстафетного” типа миграции палеолитического человека нашла широкое применение не только в Средней Азии, но и далеко за ее пределами. Впечатляют результаты исследований В.А. Рановым наскальных рисунков. Так, на Памире им были открыты самые высокогорные образцы первобытного искусства в мире. Ему принадлежит и обоснование периодизации наскальных изображений Памира. В.А. Ранов был первым, кто использовал при изучении палеолита Таджикистана палинологию, палеопедологию, радиоуглеродный, термолюминесцентный и палеомагнитный методы датирования. Впрочем, эта статья – не обзор достижений юбиляра. Для такого обзора и монографии было бы мало. Мы же просто хотим поздравить В.А. Ранова с его славным юбилеем, что и делаем с большим удовольствием. Многих лет тебе, дорогой Вадим Александрович, и новых блестящих научных открытий и достижений!

*А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Е. Ларичев,
Г.И. Медведев, Н.И. Дроздов, С.А. Лаухин,
Ю.П. Холюшкин, С.В. Маркин, М.В. Шуньков*

ВАЛЕРИЙ ТРОФИМОВИЧ ПЕТРИН

4 сентября 2003 г. исполнилось бы 60 лет одному из ведущих исследователей каменного века Центральной Азии, главному научному сотруднику Института археологии и этнографии СО РАН, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору Валерию Трофимовичу Петрину.

В.Т. Петрин родился в 1943 г. в г. Далматове Курганской обл. После окончания школы и до поступления в вуз он трудился на стройке и заводе. Увлеченность историей, зародившаяся во время обучения в школе, привела Валерия Трофимовича на исторический факультет Уральского госуниверситета в г. Свердловске (Екатеринбург). В это время у него сформировался интерес к двум направлениям научной деятельности, которым он посвятит всю жизнь, — изучению палеолита и поиску палеолитической живописи в карстовых полостях на Урале. Работая в хозяйственной археологической лаборатории Уральского госуниверситета в Свердловске, В.Т. Петрин исследует палеолитические памятники Черноозерье II в Омской обл., Шикаевка в Курганской обл., гроты Безымянный и Зотинский в Свердловской обл., стоянку Могочино в Томской обл. Осенью, зимой и весной, когда полевые исследования не проводились, Валерий Трофимович занимался поиском наскальных изображений. Им были не только обследованы уже известные скалы с рисунками, но и найдены новые объекты.

С 1978 г. жизнь В.Т. Петрина связана с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР, в дальнейшем Институтом археологии и этнографии СО РАН. Здесь он поступил в аспирантуру к академику А.П. Окладникову и в 1983 г. защитил кандидатскую (“Палеолитические памятники Восточного Зауралья (Западно-Сибирская равнина)”), а в 1991 г. докторскую (“Палеолит Западной Монголии”) диссертации; прошел путь от старшего лаборанта до главного научного сотрудника.

Ярко проявились дарования В.Т. Петрина в полевой работе. Он был опытным полевым исследователем и прекрасным организатором экспедиционных работ. Под руководством и при участии В.Т. Петрина проведены многочисленные экспедиции на Урале, Алтае, в Западной и Восточной Сибири, трудно-

доступных районах Монголии, Средней Азии и Казахстана. Им исследованы десятки археологических памятников каменного века, сделаны блестящие открытия в области материальной и духовной культуры первобытного человека.

Валерий Трофимович обладал широким кругозором ученого, отличался умением охватить большой объем материалов. В сферу его основных научных интересов входили хронология и периодизация каменного века, эволюция культуры человека, среда его обитания и реакции на изменение природно-климатических параметров в плейстоцене. Объектом особого внимания В.Т. Петрина были проблемы первобытного искусства. На Урале им открыт уникальный памятник с полихромной живописью, датируемый 14 тыс. л.н., — Игнатиевская пещера. По итогам работы на этом объекте В.Т. Петриным в России и Бельгии издана монография, получившая широкую известность у археологов, искусствоведов, философов, антропологов и других специалистов. На территории Центральной Азии и Казахстана при участии Валерия Трофимовича исследовались раннепалеолитические объекты, возраст которых ок. 1 млн лет. Результаты анализа материалов этих экспедиций позволили внести уточнения в гипотезу о времени и путях проникновения человека в эти суровые в настоящее время

районы. Они показали, что природная среда и климат не являлись непреодолимым барьером для миграции древнейших популяций из южных районов Евразии. Не менее важные результаты были получены при исследовании верхнепалеолитических стоянок, изученных В.Т. Петриным на территории Алтая и Средней Азии. Еще 20 лет назад эти регионы исключались из центров формирования верхнепалеолитической культуры и становления человека современного физического типа. В настоящее время благодаря исследованиям В.Т. Петрина и его коллег учеными признано, что значительная территория Азии являлась одним из центров происхождения *Homo sapiens sapiens*. Итоги работ неоднократно докладывались Валерием Трофимовичем на отечественных конференциях и международных симпозиумах в странах Европы, Азии и Америки. Его доклады неизменно вызывали живой интерес и дискуссию среди специалистов разного профиля. За время своей научной деятельности В.Т. Петрин подготовил и опубликовал десятки монографий и сотни статей, в т.ч. в престижных российских и зарубежных изданиях.

В 1989 г. Валерий Трофимович награжден медалью “Ветеран труда”. В 1999 г. ему присвоено звание заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН, в этом же году он получил благодарность в связи с 275-летием Российской академии наук. С 1994 по 1996 г. В.Т. Петрин – почетный научный сотрудник Института предистории Чангбукского национального университета Республики Кореи. В 1997 г. Министерством просвещения Монгольской Народной

Республики (МНР) он был отмечен почетным знаком “Передовой научный деятель Монголии”. В.Т. Петрин являлся иностранным членом Академии гуманитарных наук МНР, почетным доктором Института истории Академии наук МНР, членом-корреспондентом Международного института по изучению кочевых цивилизаций (International institute for the study of nomadic civilizations IISNC).

В.Т. Петрин участвовал в подготовке археологов высшей квалификации – докторов и кандидатов наук – для зарубежных стран (Монголия, Казахстан). Им подготовлены спецкурсы по палеолиту Центральной Азии, он руководил археологической практикой студентов на памятниках палеолита в Монголии и на Алтае.

Свою научную работу В.Т. Петрин сочетал с административной деятельностью. Он был заместителем заведующего сектором, ученым секретарем совета по защите докторских диссертаций, членом Ученого совета института, членом редакционной коллегии международного журнала “Археология, этнография и антропология Евразии”.

В.Т. Петрин был широко известен среди археологов, высоко ценивших его вклад в изучение каменного века Центральной Азии и первобытного искусства.

16 сентября 2002 г., вернувшись из очередной археологической экспедиции, полный сил и творческих замыслов, Валерий Трофимович скоропостижно скончался в Новосибирске. Светлая память о В.Т. Петрине навсегда сохранится среди его учеников и коллег.

Редколлегия журнала

Дэвлет Е.Г.

Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. — М.: Научный мир, 2002. — 240 с.

Памятники наскального искусства — важная часть историко-культурного наследия. Это, несомненно, особый, достаточно своеобразный исторический источник, весьма привлекательный ввиду своей эффектности и кажущейся доступности. На самом же деле его изучение требует не только серьезной методической подготовки, необходимой при поиске и копировании изображений, но и глубоких знаний, касающихся как предмета исследования, так и археологии, этнографии, мифологии и других дисциплин, без чего едва ли возможно ввести в научный оборот (во всяком случае грамотно) этот источник.

Разумеется, литература, посвященная наскальным изображениям, анализу отдельных памятников или их концентраций, методическим приемам изучения, а также сохранения, музеефикации, огромна. Вместе с тем в отечественной, да, пожалуй, и в зарубежной историографии отсутствует специальная работа по методическим проблемам изучения, сохранения и использования дошедших до нас памятников творческой деятельности человека. Книга Е.Г. Дэвлет «Памятники наскального искусства: изучение, сохранение и использование» восполняет этот пробел.

Первое, что привлекает в данной работе уже при беглом знакомстве, — колоссальный круг источников, порой весьма труднодоступных, которыми автор оперирует в своем исследовании. Е.Г. Дэвлет подходит к постановке и решению проблем не узколокально, а глобально, что дает возможность определить общие закономерности рассматриваемых явлений, а это, кстати говоря, делает монографию весьма привлекательной не только для российского, но и для зарубежного читателя.

Вообще, книга, несомненно, будет полезна как для специалистов, занимающихся проблемами наскального искусства, так и для молодых ученых, готовящих себя к изучению этого сложнейшего источника, а также для сотрудников органов, в чьи задачи входит охрана и использование памятников наскального искусства, в т.ч. организация научного туризма. Все это позволяет, с одной стороны, поставить монографию Е.Г. Дэвлет в разряд фундаментальных, с другой — квалифицировать ее как серьезное методическое исследование, аккумулировавшее опыт изучения и сохранения данного вида источников.

Говоря об актуальности рецензируемого исследования, которая, с моей точки зрения, несомненна, хотелось бы особо отметить, что в работе Е.Г. Дэвлет значитель-

ное место уделено мультидисциплинарному подходу к изучению наскальных изображений. Это чрезвычайно важно, поскольку именно комплексный междисциплинарный подход к анализу археологических источников, в т.ч. и памятников наскального искусства, позволяет получить качественно новые результаты, способные пролить свет на такие значимые проблемы, как хронология наскальных изображений, способы их нанесения, характер красителей и т.д. По своему опыту тесного сотрудничества в рамках интеграционных исследовательских проектов с химиками, генетиками и биологами могу сказать, что выводы, получаемые при таких исследованиях, бывают столь неожиданные, что способны коренным образом изменить наши представления о предмете изучения.

В монографии рассмотрена и такая важная, по существу, для всего человечества проблема, как сохранение памятников наскального искусства, их музеефикация и реставрация, эффективное практическое использование, которую, конечно же, в полной мере можно решить только на государственном уровне. Тем не менее грамотно обозначить проблему необходимо, и очень важно, что делает это специалист, прекрасно понимающий суть вопроса в масштабе опять-таки глобальном. Сформулировав актуальность исследования, Е.Г. Дэвлет определяет цели и задачи, которые сводятся, во-первых, к формированию у читателя целостного представления о феномене наскального искусства как явления общемирового, имеющего колоссальный хронологический диапазон, от древнекаменного века до современности; во-вторых, к систематизации исследовательских процедур, применяемых при изучении наскальных изображений; в-третьих, к сохранению этого вида исторических памятников.

Особенно важно, что исследование базируется не только на литературных данных, но и на личных работах и наблюдениях, полученных Е.Г. Дэвлет при работе на памятниках в полевых условиях. Причем ей посчастливилось познакомиться с разновременными комплексами, оставленными самыми различными народами, населявшими географически и экологически разные территории Европы, Азии и Америки. Данное обстоятельство представляется в высшей степени значимым, поскольку восприятие и понимание памятника наскального искусства по публикации (даже очень высокого качества) существенно дополняется, если исследователю удалось поработать непосредственно на самом объекте (или хотя бы осмотреть его).

Благодаря настойчивости, энтузиазму, а также, конечно, и авторитету в научном сообществе Е.Г. Дэвлет по-счастливилось посетить целый ряд уникальных памятников наскального искусства, поэтому суждения Екатерины Георгиевны о них предметны и заслуживают доверия.

В первой главе монографии, названной автором “Изучение памятников наскального искусства”, рассматриваются три основных блока проблем. Начальный блок связан с анализом феномена открытия наскальных изображений. По справедливому замечанию Е.Г. Дэвлет, “это история сомнений, удивительных открытий, это рассказ о способности по новому взглянуть на эстетический потенциал и художественные навыки далеких предков...” (с. 13). Можно добавить, что эта история и сегодня изобилует и блестящими открытиями, и острейшей полемикой. К сожалению, в вопросах периодизации и хронологии, а также в расшифровке семантики древних образов мы еще по-прежнему очень далеки от совершенства.

На мой взгляд, вряд ли имеет смысл заниматься подсчетом фигур на скалах и районов в мире, где наскальные изображения имеют место, как это делает автор, следуя за проф. Э. Анати. Открытие гигантских массивов сосредоточения петроглифов происходит и сегодня. В качестве примера достаточно привести результаты работ последнего десятилетия в Западной Монголии Российско-Американско-Монгольской экспедиции, открывшей огромное количество ранее неизвестных памятников наскального искусства (см.: [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001]). Даже в такой, казалось бы, хорошо исследованной Европе в 1994 г. был открыт грот Шове, изображения в котором позволили представить пещерную живопись Франко-Кантабрийской области в новом свете (см.: [Chauvet, Deschamps, Hillaire, 1995]). Поэтому подсчитывать количество памятников наскального искусства – вряд ли занятие благодарное.

Важным в монографии является раздел, посвященный технике выполнения наскальных изображений, где обобщены сведения из различных районов мира, а также по разным историческим периодам. Особый, с моей точки зрения, интерес представляет анализ росписей, их цветовых гамм, способов нанесения, а также последовательности их появления.

Рассматриваются сведения об использовании человеком связывающих и закрепляющих составов красителей. Особенно важна для отечественного читателя информация о применении методов естественно-научных дисциплин для анализа красящих веществ. Кстати сказать, в настоящее время подобный проект по изучению красителей пазырыкской культуры успешно реализован в Сибирском отделении РАН (см., напр.: [Полосьмак, Малахов, Ткачев, 2003]).

Недостатком этого раздела, с моей точки зрения, является отсутствие специального рассмотрения памятников, где в пределах одного панно изображения нанесены как посредством выбивки и (или) гравировки, так и при помо-

щи красителей. Эти памятники (а они известны сегодня, например, на Алтае – могильник Каракол) [Кубарев, 1988] заслуживают особого внимания, хотя бы потому, что такое сочетание в древности наверняка встречалось куда более часто, чем мы фиксируем сегодня. Вспомним, например, греческую каменную скульптуру, которая дополнительно раскрашивалась (см.: [Любимов, 1971]).

Особое место в работе занимает проблема датировки петроглифов и росписей. Автор детально рассматривает применяемые сегодня методы их прямого датирования, а также анализирует другие возможности определения дат для памятников наскального искусства. Е.Г. Дэвлет приходит к правильному выводу о том, что перспективы использования естественно-научных методов предъявляют особые требования к практике копирования изображений, при котором следует избегать загрязнения оригинала.

К недостаткам данного раздела я бы отнес практически полное отсутствие анализа традиционных методов датирования, наиболее широко и зачастую успешно используемых в настоящее время археологами. Демонстрация их достоинств и недостатков, к тому же проиллюстрированных примерами из практики, несомненно, усилила бы этот, чрезвычайно важный раздел монографии.

Вторая глава посвящена проблеме копирования и документирования наскальных изображений. Автор приходит к, в общем-то, правильному выводу о том, что из современных методов выявления и документирования наскальных изображений, а также их экспонирования на первый план выступает фото- и видеофиксация, в т.ч. и с применением цифровых технологий. Справедливо и то, что “бесконтактное” копирование позволяет сохранить поверхность с рисунками для возможного применения естественно-научных методов исследования. Вместе с тем для получения исчерпывающей информации о памятнике такой способ бывает не всегда приемлем. К тому же (и это отмечает автор) перед применением даже самого современного метода фотофиксации требуется подготовка поверхности камня к съемке (расчистка от мусора, например), а значит, неминуем контакт с поверхностью. Опираясь на собственный опыт, могу сказать, что тонкий и абсолютно прозрачный полиэтилен не только не оставляет каких-либо негативных следов на камне, но и “не допускает” контакта инструмента, которым осуществляется обводка, с рисунком. В определенных случаях этот способ копирования может быть рекомендован для использования.

В этой главе было бы полезным привести в качестве позитивного примера опыт фиксации, сохранения и публикации петроглифов Северного Пакистана, осуществляемых на протяжении последних лет под руководством проф. Х. Хауптмана Гайдельбергской академией наук (см., напр.: [Bemmann, König, 1994]). В настоящее время выпущено уже четыре фундаментальных тома, где воспроизведение источника близко к идеальному.

В третьей главе Е.Г. Дэвлет рассматривает факторы разрушения и консервации памятников наскального искусства. К сожалению, приходится констатировать, что практически повсеместно наблюдается негативное воздействие окружающей среды, равно как и антропогенное, на наскальные изображения. Можно привести не так уж много примеров, когда государство заботится о сохранении того или иного объекта. В монографии актуализирован международный и российский опыт по консервации и сохранению изображений, и, конечно же, он может и должен быть использован на практике в значительно большем объеме, чем это наблюдается сегодня. Для России международный опыт в данной области чрезвычайно актуален. На нашей территории находятся замечательные образцы наскального искусства, однако музеефикации по-настоящему, насколько мне известно, подвергнута лишь Томская писаница, по существу, исключительно благодаря энергии проф. А.И. Мартынова. Даже такие редчайшие для нашей страны объекты с плейстоценовыми изображениями, как пещера Капова и Игнатьевская на Урале, не обеспечены надлежащей реставрацией, консервацией и охраной.

Совершенно справедливо Е.Г. Дэвлет ставит вопрос о неконтролируемых посещениях памятников наскального искусства, как равнинных, так и пещерных, поскольку они, к сожалению, нередко сопровождаются элементами вандализма. В работе делается в целом верный вывод о необходимости комплекса мероприятий по «управлению памятником» (по терминологии автора). Предлагаются и меры по такому управлению. В случае использования объекта в туристической деятельности, по мнению Е.Г. Дэвлет, программа менеджмента должна включать сохранение и поддержание экспозиционных свойств скальной поверхности, защиту от негативного воздействия туризма; обеспечение доступа публики к памятнику, знакомство посетителей с его природно-историческим контекстом; создание туристической инфраструктуры. Полезно было бы рассмотреть данную проблему с учетом вышедшего в 2002 г. Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)», поскольку без направленной государственной политики ее решение попросту невозможно.

«В нашей стране, — пишет Е.Г. Дэвлет, — назрела необходимость в разработке современной концепции сохранения памятников наскального искусства в их естественной среде, принимающей во внимание последние достижения, методики и программы менеджмента» (с. 130). По существу, именно этой проблеме посвящена заключительная глава монографии. Е.Г. Дэвлет дает представление о международных государственных и общественных организациях, непосредственно занимающихся проблемами наскального искусства; о списке мирового культурного наследия, составленном ЮНЕСКО; определяет основные регионы сосредоточения памят-

ников наскального искусства на планете. Особое место автор уделяет проблеме музеефикации таких памятников и их использования в туристическом бизнесе.

Рассматриваемые в монографии вопросы имеют чрезвычайно важное практическое значение не только для обеспечения сохранности уникального культурного наследия, но и для культурного образования и просвещения гражданского общества, чего особенно недостает в нашей стране.

Совершенно справедливо автор ставит вопрос о целенаправленной подготовке высококвалифицированных специалистов в области изучения наскального искусства, а также организации просветительских мероприятий для широкой публики.

В заключение наряду с подведением некоторых итогов делается правильный вывод о том, что государственные структуры, а также все научное сообщество должны проявить заинтересованность в сохранении памятников наскального искусства.

Положительным в работе является наличие довольно большого количества иллюстраций, в т.ч. цветных, правда, не всегда понятны критерии отбора тех или иных копий рисунков, а определенные посылки автора можно было бы проиллюстрировать значительно эффективнее.

Подводя итог, следует констатировать, что перед нами серьезное, оригинальное научное исследование, вносящее весомый вклад в историческую науку и имеющее несомненное практическое значение.

Список литературы

- Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)» // Рос. газета. — 2002. — № 116/117.
- Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. — Новосибирск: Наука, 1988. — 172 с.
- Любимов Л.Д. Искусство древнего мира. — М.: Просвещение, 1971. — 175 с.
- Полосьмак Н.В., Малахов В.В., Ткачев А.В. Древнейший текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая // Сибирское отделение Российской академии наук в 2002 году. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. — Т. 2: Интеграционные проекты. — С. 230. — 232.
- Bemmann M., König D. Die Felsbildstation Oshibat. — Mainz/Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1994. — 157 S. — (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans; Bd. 1).
- Chauvet J.-M., Deschamps E.B., Hillaire C. La Grotte Chauvet à Vallon-Pont — d'Arc. Seuil. — P.: Ceul, 1995. — 118 p.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. — P.: Diffusion de Boccard, 2001. — Vol. 5. — Fasc. 6: Mongolie du nord-ouest Tsagaan Salaa/Baga oigor. — 132 p., 346 taf., 399 photogr.

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск,
630090, Россия
E-mail: bronz@nus.ru

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Аношкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.; 190 ил. Резюме на англ. (33 с.) и фр. (38 с.) яз.

Информация о стоимости издания будет опубликована в следующем номере.
ISBN 5-7803-0109-3

В монографии обобщены результаты комплексных междисциплинарных исследований опорных палеолитических стоянок Горного Алтая. В научный оборот в полном объеме вводятся археологические и естественно-исторические материалы, полученные в одном из ключевых районов изучения азиатского палеолита. Впервые на территории Северной и Центральной Азии прослежено развитие палеолитических культурных традиций и эволюция природной среды в широком хронологическом диапазоне среднего и верхнего плейстоцена.

Всесторонний анализ палеолитических материалов, их геологической позиции в системе плейстоценовых отложений, данных биостратиграфии и геохронологии позволяет дать развернутую характеристику основных вариантов культурных проявлений в эпоху среднего и верхнего палеолита, определить районы их распространения, разработать региональную

периодизацию и хронологию древнейших культурно-исторических событий, выявить некоторые закономерности развития культуры первобытных сообществ и их взаимодействия с окружающей природной средой, рассмотреть процесс первоначального заселения человеком территории Горного Алтая в общем контексте палеолитической истории Северной и Центральной Азии.

На основе различных видов анализа, применяемых в геоморфологии, четвертичной геологии, палеозоологии, палинологии и других естественно-научных дисциплинах, с учетом данных радиоуглеродного, геомагнитного и термолюминесцентного датирования ископаемых остатков и горных пород проведена оценка относительного и абсолютного возраста плейстоценовых отложений, реконструированы условия рельефообразования и седиментогенеза, эволюции растительного и животного мира, процесса формирования палеоландшафтов и динамики палеоклиматов.

Корреляция археологических и естественно-научных материалов многослойных палеолитических объектов Горного Алтая послужила основой для создания наиболее подробной и наполненной содержанием хроностратиграфической схемы основных культурных и палеогеографических событий палеолита среди известных в настоящее время в сопредельных регионах Азии.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 168 с., 104 ил. (Палеолит Западно-Сибирской равнины). Резюме на фр. яз. – 1489 сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 85 руб., II – 107 руб., III – 166 руб., IV – 150 руб., V – 188 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 90 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0104-2

Монография продолжает серию публикаций, посвященных опорным палеолитическим местонахождениям Западно-Сибирской равнины. В ней отражены предварительные результаты междисциплинарных исследований многослойного геoarхеологического местонахождения Шестаково (Кемеровская обл.) в период с 1974 по 1999 г. Освещена история полевых исследований, проанализированы архивные источники начального этапа изучения стоянки, связанного с именем выдающегося историка и археолога академика А.П. Окладникова. В полном объеме представлены сведения о составе и основных характеристиках каменного и костяного инвентаря, условиях залегания фаунистических и культурных остатков. Особое

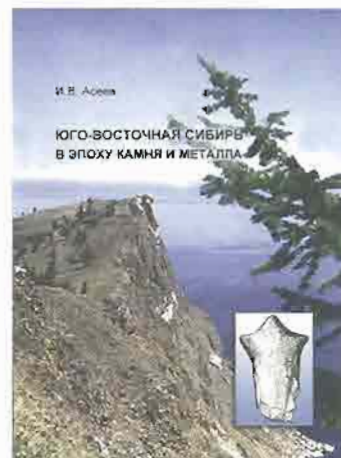
место занимают результаты комплексных геологических, геоморфологических и геохимических исследований района местонахождения. В совокупности с палинологическими, палеопедологическими и радиоуглеродными данными они позволяют реконструировать особенности палеоландшафтов и биоклиматические условия на протяжении последних 30 тыс. лет. Прослежены последовательное развитие микролитической индустрии раннесартанского (18–25 тыс. лет) возраста и ее взаимосвязь с одним из крупнейших в Западной Сибири местонахождением плейстоценовой фауны, доминирующим видом которой являлся мамонт. На основании данных по составу и морфологии костных остатков животных, тафономии, анализа взаимосвязей фаунистических и культурных материалов, результатов литологических и геохимических исследований предложена и обоснована гипотеза формирования “кладбища” животных на месте зверового палеосолонца. Основная причина образования естественного местонахождения ископаемой мегафауны заключается в длительной (не менее 5–7 тыс. лет) аккумуляции костей на специфических природных объектах – зверовых солонцах, что обусловлено особенностями экологии мамонтов и их уязвимостью при минеральном голодании. Это подтверждается анализом поведения травоядных млекопитающих в эндемичных районах Западной Сибири и на современных зверовых солонцах, свидетельствами литофагии плейстоценовых животных, геохимическим составом фагиальных пород региона, сведениями о палеогеографической ситуации и неотектонике позднего неоплейстоцена. Особенности состава остатков мамонтов в Шестакове и других западно-сибирских местонахождениях позволяют сделать вывод о том, что деятельность человека не являлась первопричиной образования “кладбища”. В практике палеолитоведения Сибири проблема литофагии рассматривается впервые, что и предопределяет ее преимущественно гипотетический характер.

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.; 116 рис.; 4 табл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 93 руб., II – 145 руб., III – 225 руб., IV – 185 руб., V – 280 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 90 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0106-9

Монография обобщает результаты многолетнего изучения памятников на территории Сибири и Монголии, относящихся к мезолиту – средневековью. Ее основанием стали археологические материалы, петроглифы, предметы прикладного искусства – древние изваяния, мелкая пластика, исследованные за последние три десятилетия автором и его предшественниками. В книге обсуждаются вопросы хозяйственного развития в названные периоды, при этом акцентируется внимание на влиянии природно-климатических условий на формирование того или иного направления в первобытной экономике. Реконструирован социально-экономический уклад древних обществ в каменном, бронзовом и железном веках, в частности, зарождение и становление производящего хозяйства. На вещественном материале мезолитической стоянки Усть-Кяхта характеризуется микропластинчатая техника расщепления камня, с которой связано появление вкладышевых орудий, например, наконечников стрел и лука, и их распространение в раннем неолите на территории Прибайкалья и Забайкалья. На основе анализа многолетних исследований материальной культуры неолитических племен региона впервые доказываются сосуществование китойской и серовской археологических культур. Этот вывод дает конкретную основу для поиска новых решений вопроса, касающегося развития неолитических и более поздних культур в Прибайкалье. Отдельный раздел монографии посвящен этнокультурным процессам в эпоху камня. Выявляются общие тенденции в изготовлении орудий на памятниках на сопредельных территориях – в Забайкалье, на среднем Амуре. На материалах изучения родоплеменных мемориалов носителей культуры плиточных могил и петроглифов прослеживается дифференциация общества в бронзовом и раннем железном веках, определившая формирование военной демократии и образование первых государственных объединений.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.; 147 рис.; 19 табл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 88 руб., II – 110 руб., III – 170 руб., IV – 152 руб., V – 192 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 90 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0097-6

Монография представляет результаты технико-технологического анализа керамических материалов поселенческого комплекса Омь-1. На основе стратиграфических особенностей памятника изучены изменения культурно-технологических традиций в изготовлении изделий из глины. Впервые получены банк данных, характеризующих 158 образцов петрографического анализа, и результаты термического анализа по керамике региона. С точки зрения технико-технологических особенностей исследованы и керамические изделия, не являющиеся столовой и кухонной посудой. Выделены традиции и различия при сравнении керамических комплексов эпохи поздней бронзы – раннего железного века. Доказано единство технологической традиции саргатской и новочекинской керамики. Такой вывод позволяет по-новому оценивать некоторые культурно-исторические процессы, протекавшие в северной лесостепи Обь-Иртышья в эпоху раннего железного века. Книга включает блок иллюстраций, таблиц, а также библиографический список.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА – Археологический альманах (Донецк)

АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики

АО – Автономный округ

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук

ДВФ СО АН СССР – Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук СССР

ИА – Институт археологии РАН

ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН

ИЭА – Институт этнологии и антропологии РАН

ИЭиОПП – Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МАЭ – Музей археологии и этнографии

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ОИИФФ – Объединенный институт истории филологии и философии СО РАН

РА – Российская археология

СА – Советская археология

СВКНИИ – Северовосточный комплексный научно-исследовательский институт

СЭ – Советская этнография

ТИЭ – Труды Института этнографии РАН

ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция

ERAUL – Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

"АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ" на 2004 год

Редакция журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" принимает подписку на 2004 год. Стоимость одного номера русскоязычной версии для подписчиков в России 70 руб., годовой подписки 280 руб. Цена подписки включает стоимость пересылки журнала по Российской Федерации. Подписку можно оформить как на весь год (номера 1, 2, 3, 4), так и на определенный номер, в том числе уже вышедший. На очередные номера журнала Вы можете своевременно оформлять подписку по каталогу Роспечати.

Предоплата подписки физическими лицами, проживающими на территории Российской Федерации, производится через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции (Форма 1)*. Просим учесть, что за проведение платежа Сбербанк взимает 3% от суммы перевода. Юридические лица оплачивают подписку банковским поручением на основании счета редакции журнала (Форма 2)*.

Внимание! После оплаты подписки не забывайте прислать почтой (электронной почтой) в редакцию сообщение об оплате и точный адрес доставки.

		(Форма 1)																			
ИЗВЕЩЕНИЕ	ИНН	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0	КПП	5	4	0	8	0	1	0	0	1
	Получатель платежа	ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)																			
	Учреждение банка	РКЦ Советский г. Новосибирск																			
	Счет получателя	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2
	БИК	0	4	5	0	0	3	0	0	0											
	Фамилия																				
Кассир	Имя											Отчество									
	Адрес																				
Вид платежа												Дата					Сумма				
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год Код 5020000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.																					
Платательщик												Всего									
КВИТАНЦИЯ	ИНН	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0	КПП	5	4	0	8	0	1	0	0	1
	Получатель платежа	ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)																			
	Учреждение банка	РКЦ Советский г. Новосибирск																			
	Счет получателя	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2
	БИК	0	4	5	0	0	3	0	0	0											
	Фамилия																				
Кассир	Имя											Отчество									
	Адрес																				
Вид платежа												Дата					Сумма				
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год Код 5020000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.																					
Платательщик												Всего									

(Форма 2)

Для оформления подписки юридическим лицам необходимо:

- перечислить сумму годовой подписки по реквизитам, указанным в счете;
- после оплаты непременно переслать в адрес редакции заполненный бланк-заказ (редакция не несет ответственности за некорректно оформленную подписку).

По поступлении денег на счет редакции и получении ею заполненного бланка-заказа номера журналов будут высылаться по мере выхода простой бандеролью на указанный Вами адрес.

Данный рекламный лист в соответствии со ст. 435 Гражданского кодекса РФ является офертой (т.е. публичным договором) и может служить основанием для оплаты подписки.

Поставщик: ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981), счет 40503810300001000062 в РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000, ОКПО 04981331, ОКОНХ 95110.

Адрес: пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. Тел.: (3832) 343366. Факс: (3832) 301191.

СЧЕТ № ААЗ-2004**от 31.12.2003**

Платательщик и его адрес:			
Предмет счета	Кол-во комп.	Стоимость компл. (руб.)	Сумма
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год (годовой комплект — номера 1, 2, 3, 4)	1	280=	280=
Всего к оплате: двести восемьдесят рублей 00 коп. (в том числе НДС 10%).			

Руководитель

м.п.

Главный бухгалтер

А.П. Деревянко

Т.В. Короткова

Бланк-заказ на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии"

Просим оформить подписку на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год. Подписка оплачена. Журнал высылать по адресу:

Организация	
Адрес	
Почтовый индекс	
Телефон	
E-mail	
Код города (МТС)	
Телефакс	
Фамилия	
Имя	
Отчество	
Должность	
Плат. поручение №	
от	
на сумму	
руб.	
М.П.	

Образец оформления банковских платежных поручений:

Сумма прописью _____

Платательщик _____

Банк плательщика _____

Получатель _____

Банк получателя _____

Счет получателя _____

Кор. счет _____

Назначение платежа _____

Код 5020000, Ист. 03. (Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.) Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год (за книги — "предоплата за научную литературу согласно заявке")

Фамилия, имя, отчество плательщика, адрес доставки _____

ОФОРМЛЕНИЕ ЗАКАЗА НА КНИГИ

ИЗВЕЩЕНИЕ

ИНН 5 4 0 8 1 2 9 4 2 0 БИК 0 4 5 0 0 3 0 0 0

Получатель платежа ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска
(ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)

Учреждение банка РКЦ Советский г. Новосибирск

Счет получателя 4 0 5 0 3 8 1 0 3 0 0 0 0 1 0 0 0 0 6 2

Коррсчет н е т

Платательщик

Адрес

Кассир

Назначение платежа (коды книг)

Сумма

За научную литературу Код 502000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.

Подпись плательщика

КВИТАНЦИЯ

ИНН 5 4 0 8 1 2 9 4 2 0 БИК 0 4 5 0 0 3 0 0 0

Получатель платежа ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска
(ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)

Учреждение банка РКЦ Советский г. Новосибирск

Счет получателя 4 0 5 0 3 8 1 0 3 0 0 0 0 1 0 0 0 0 6 2

Коррсчет н е т

Платательщик

Адрес

Кассир

Назначение платежа (коды книг)

Сумма

За научную литературу Код 502000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.

Подпись плательщика

Прошу оформить заказ на следующие книги
(указать трехзначные коды изданий). Заказ оплачен.

Коды книг

Фамилия

Имя Отчество

Организация

Адрес

Плат. пор./квитанция N от на сумму руб.

Почтовый индекс Код города (МТС)

Телефон Телефакс

E-mail

- 0 5 3 Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Аношкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая.
- 0 5 4 Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Мащенко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково.
- 0 5 5 Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла.
- 0 5 6 Мыльников Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Авторы представляют статьи на русском или английском языке объемом около 1,4 тыс. знаков. Обязательным условием является авторский перевод географических названий, а также терминов, впервые предлагаемых в статье. Следует приводить также латинские названия животных и растений.

Необходимо указать учреждение, в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты.

Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рекомендуется выделять: введение, основную часть, обсуждение результатов, выводы (заключение).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации; 1 иллюстрация форматом 190 x 270 мм равняется 1/6 авторского листа (6,7 тыс. знаков).

Объем сообщений, рецензий, заметок — до 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

ТРЕБОВАНИЯ К НАБОРУ, ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Статья (основной текст, список литературы, подписи к рисункам и таблицам) должна подаваться в виде распечатки компьютерного набора на листах формата А4 (210 x 297 мм) вместе с дискетой с набором в формате WinWord или DOS Word. Размер кегля 14 для Times New Roman, 28 строк на странице, 64 знака в строке.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сноска на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.);
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой "только для чтения";
- форматировать текст и делать принудительные переносы.

Приводимые единицы измерения должны соответствовать системе СИ.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилии авторов, год издания; в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц - для монографии, первая и последняя страницы - для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Алексеев В.П. География человеческих рас. – М.: Наука, 1974. – 777 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Археологические исследования Энской пещеры / В.В. Васин, И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С. Сидоров. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 999 с.

раздел в монографии

Иванов И.И. Палинология предходовой площадки пещеры К-ва // *Археологические исследования Энской пещеры.* - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Гл. 3. – С. 777 – 888.

статья в сборнике

Иванов П.И. Палинология стоянки Детский Сад II // *Каменный век на территории Алтая.* - М.: Артисм, 1999. – С. 77 – 99.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А.С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – 1977. – Вып. 2. – С. 66 – 77.

статья в журнале

Иванов П.И. Психология запоминания // Вопр. психологии. – 1966. – № 1. – С. 12 – 34.

автореферат

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 35 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – № 3. – С. 30 – 31. – Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 222 с.

При наличии примечаний – кратких пояснений основного текста и дополнений к нему, в тексте у того места, к которому относится примечание, необходимо поставить знак звездочки (*), а само примечание набрать следом в квадратных скобках. Например: Введение* [* Данная статья...]

На полях рукописи должны быть помечены места желательного размещения иллюстраций. Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотоотпечатки и слайды (позитивы)) следует присылать в оригинале. Ксерокопии не принимаются. Рисунки и чертежи должны быть выполнены тушью на белой бумаге или кальке и не иметь следов карандаша. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Для черно-белых фото рекомендуемый размер отпечатка 100 × 150 мм. Цветные фотографии публикуются преимущественно при наличии слайдов (позитивов), желательно размером 60 × 60 мм. Каждый слайд необходимо упаковать в индивидуальный конверт. Редакция оставляет за собой право на публикацию цветных фотографий в черно-белом варианте.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что если нет возможности выполнить электронные версии, то к картам нужно приложить абрис без надписей и обозначений, то же желательно для планов раскопов и т.п. В случае создания электронных версий рисунков (только в форматах .tif, .cdt не старше версии 9.0) обязательно прилагать их распечатки высокого качества на белой бумаге. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок.

На обороте каждой иллюстрации (или на конверте со слайдом) за полем рисунка карандашом должны быть написаны фамилия автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации, указание "верх", "низ".

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel, с обязательным приложением файлов используемых шрифтов (.tff), кегли шрифтов в надписях не должны быть менее 9. Каждая таблица печатается на отдельной странице с полем изображения не более 190 × 270 мм.

Адрес редакции:

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия .

Тел: (3832) 343366.

Fax: (3832) 301191.

E-mail: eurasia@archaeology.nsc.ru.